

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Андрей ВОРОНЦОВ
Называйте меня пророком.
Роман 19
- Александр ТАРАСОВ
На краю села.
Рассказы 149
- Юрий МАКАРОВ
Ровеньские залепухи 162

Поэзия

- о. Андрей (ЛОГВИНОВ)
Звонарь 12
- Марина СТРУКОВА
Я не прощаю и не забываю 16
- Пётр КОЗЛОВ
Я вырастил русскую душу... 133
- Владимир МОЛЧАНОВ
Пока жива моя душа... 142
- Михаил ДЬЯЧЕНКО
Пусть дни становятся легки 147
- Валерий ЧЕРКЕСОВ
За что достойно умирают 157
- Вера КОБЗАРЬ
И ничего как будто
не случилось 160
- Станислав БОНДАРЕНКО
Сторож брату моему 168
- Владимир ФИРСОВ
За радугу держась, как
за перила 170

Очерк и публицистика

- Евгений САВЧЕНКО
Дело стольпинского
масштаба 3
- Ксения МЯЛО
На обочине 190
- Лидия СЫЧЁВА
Гельман как "зеркало души"
нашей контрреволюции 198

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Кирилл ФРОЛОВ, Кирилл ЛОГИНОВ
"Третий Рим".
Суверенная модернизация 206

Руслан ЛЫНЁВ
У кого учился Гитлер 227

Николай ПИРОГОВ
Перевёртыш морализирует 231

Юрий БЕЛИКОВ
Берега Леонарда 239

Владимир КРУПИН
Душа у Вселенной
православная 247

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Колыбель России 250

Память

Борис РУЧЬЁВ
Полюс. *Отрывок из поэмы
(С комментариями
А. Штырова)* 136

Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий
отпрыск Аввакума..." 178

Критика

Станислав КУНЯЕВ
"В борьбе неравной
двух сердец" 252

Александр ВОДОЛАГИН
Феноменология
русского духа 260

Сергей СУББОТИН
"Моя королева — Русь!.." 270

Книжный развал

Владимир ПРОНСКИЙ
Построить свой корабль 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов
Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова
Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
Подписано в печать 29.03.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №1089. Тираж 10700 экз.
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО "Издательский дом "Красная звезда",
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО
*губернатор Белгородской области,
доктор экономических наук*

ДЕЛО СТОЛЫПИНСКОГО МАСШТАБА

В апреле текущего года страна отмечает знаменательную дату – 150 лет со дня рождения Великого Реформатора России – Петра Аркадьевича Столыпина.

За всю многовековую историю Российского государства реформы Столыпина были, пожалуй, самыми удачными. Отличительными особенностями столыпинских реформ было глубочайшее понимание их инициаторами и исполнителями экономического и духовно-нравственного потенциала русского народа, постановка ясных целей, опора на внутренние ресурсы и мастерство администрирования. И что особенно важно, реформы Столыпина в соответствии с замыслом реформатора сразу привели к позитивным экономическим и социальным результатам, политической стабильности, а главное, к реальному улучшению жизни простых людей – главного субъекта реформы. Вспомним для сравнения реформы Петра I, Сталина или Гайдара и их многочисленные жертвы.

Прошло более ста лет после столыпинских реформ, а Россия все еще ждет своего реформатора. Как никогда ранее, страна нуждается в реформах столыпинского типа, в столыпинских, если хотите, прорывах, способных в короткие исторические сроки, без жертв, насилия и унижения реализовать потенциал русского общества, придушенного либеральными реформами.

О каких прорывах идет речь?

Что бы предпринял Великий Реформатор, если бы ему чудесным образом вновь довелось стать у руля российских преобразований? Какие бы ответы на вызовы современного общества он предложил? Решение каких проблем и каким образом могло бы сплотить и консолидировать, по его мнению, раздираемое противоречиями российское общество?

Попробуем применить опыт столыпинских реформ к решению некоторых проблем современной России.

Первое – реформа доходов. Российскому государству, чтобы сохранить в современном мире в качестве великой страны и не стать жертвой очередной революции, нужно найти ответ на главный вызов современности – запрос общества на справедливость и, прежде всего, экономическую справедливость, ибо разрыв между богатыми и бедными зашкаливает все разумные пределы, становится главным фактором социальной апатии, с одной стороны, и политической нестабильности – с другой.

Ответ на данный вызов необходимо искать в справедливом распределении доходов в триаде участников, создающих новую стоимость — это, во-первых, капитал, представленный работодателями, во-вторых, труд, представленный наемными работниками, и, в-третьих, государство, являющееся собственником природных ресурсов.

Фактическое положение сегодня таково, что большая часть дохода присваивается собственниками капитала в виде предпринимательского дохода, дивидендов, многочисленных офшорных, теневых схем и т. д. Примерно треть доходов достается государству в виде налогов, сборов и штрафов, и совсем немного остается на долю трудящихся, наемных работников — фактически чуть более 20%.

Это несправедливо. Соотношение доходов между собственниками-работодателями и наемными работниками необходимо существенно изменить в пользу последних, ибо труд как экономическая категория в современной экономике стоит выше капитала.

Все призывы к социальной ответственности бизнеса в лучшем случае заканчиваются благотворительными акциями, спонсорской помощью и прочими подачками, которые зачастую вызывают еще большее раздражение в обществе, поскольку достаются лишь небольшой части населения.

Кроме того, непропорциональность в доходах работодателями и наемными работниками ведет к потере престижа труда, нежеланию получать рабочую квалификацию, и более того, к перераспределению доходов между людьми незаконным (взятки, коррупция) и даже преступным путем (воровство, грабежи, мошенничество и т. д.) и, как следствие, к росту социального напряжения в обществе, потере авторитета власти.

Для снятия этого взрывоопасного напряжения необходимо принять ряд законодательных актов, закрепляющих нормативное увеличение доходов трудовых коллективов до уровня, соответствующего понятию справедливости.

Среди таких мер было бы разумным закрепление одной третьей части собственности (активов) любого коммерческого предприятия, независимо от формы собственности, за трудовым коллективом — основным участником создания новой стоимости — со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями: и по участию в управлении предприятием, и распределению прибыли или доходов от продажи всего предприятия или его части другому собственнику и т. д. К каким последствиям приведет принятие данных мер (как на добровольной основе по решению самих собственников, так и вынужденно, по закону)?

— Во-первых, увеличится доля трудового коллектива в доходах предприятий не только за счет зарплаты, но и дивидендов.

— Во-вторых, экономическая и финансовая деятельность предприятий станет прозрачной, ибо никто не будет утаивать информацию о работе предприятия от собственника, владеющего одной третью предприятия.

— В-третьих, факт распределения одной трети капитала среди работников приведет к капитализации не только всего трудового коллектива, но и каждого его члена. Причем распределение капитала среди членов трудового коллектива произойдет не равномерно, а в зависимости от вклада каждого в общие итоги работы предприятия, при котором будут учитываться стаж работы, квалификация, должность и многое другое, что, в свою очередь, явится мощным стимулом:

а) повышения трудовой и технологической дисциплины;

б) карьерного роста и повышения квалификации работников;

в) общей, всего коллектива и каждого его члена заинтересованности в повышении эффективности и конкурентоспособности предприятия;

— в-четвертых, повысится престиж рабочих профессий, закрепление их на конкретном предприятии, появление семейных династий;

— в-пятых, и это самое важное, существенно снизится градус напряжения между трудовым коллективом и работодателями на конкретном предприятии и в обществе в целом.

О преимуществах введения данных мер можно говорить и дальше, но и перечисленных достаточно, чтобы понять, что, реализовав их, мы фактически переходим на новую экономическую модель развития, которая, во-первых, даст ответ на главный вызов современного общества — необходимость справедливого распределения дохода между теми, кто его создает и аккумулирует.

ет, во-вторых, снимет главное противоречие рыночной экономики – противоречие между трудом и капиталом.

С принятием этих исторических решений перед обществом раскрывается новая, практически бесконфликтная перспектива социально-политического развития.

Второе. Сдерживающим фактором развития экономики России является инфраструктурная отсталость. За 100 лет протяженность железных дорог практически не изменилась, автомобильные как были рассчитаны на ширину двух конных повозок, такими, за редким исключением, и остались.

Эксперты подсчитали, что Россия ежегодно теряет 6% ВВП из-за плохого качества автомобильных дорог, что составляет почти три триллиона рублей. Плюс один триллион мы теряем из-за гибели 35–40 тыс. человек в год в ДТП и нескольких сотен тысяч человек, которые становятся инвалидами. Общие потери от российского бездорожья, таким образом, оцениваются в 4 трлн рублей в год.

Чтобы соединить все областные и районные центры Российской Федерации современными, высокоскоростными, как минимум, 4-полосными автомагистралями, требуется построить около 100 тыс. км дорог. При стоимости одного километра такой дороги, равной 150 млн рублей (что, кстати, почти в 2 раза дороже, чем в Китае), потребуется 15 триллионов рублей.

Для финансирования столь масштабного дорожного строительства необходимо внести следующие изменения в налоговый кодекс: снизить на 8% налог на добавленную стоимость (с 18% до 10%) и одновременно ввести налог с оборота, равный 3%.

Поскольку по своей нагрузке на бизнес 1% налога с оборота равен 2% НДС, то субъекты бизнеса дополнительного налогового давления не почувствуют, а даже наоборот, оно станет чуть слабее.

Все средства от налога с оборота, которые составят не менее 2,5 трлн рублей, необходимо направлять в региональные дорожные фонды, не исключая при этом консолидации небольшой части средств в федеральном дорожном фонде.

Потери федерального бюджета от снижения ставки НДС на 8 пунктов, как показывает анализ, составят немногим более 500 млрд рублей, что объясняется низкой собираемостью налога на добавленную стоимость из-за его высокой криминализации и коррупциогенности.

Таким образом, до 2020 года в России представляется возможным построить сеть современных, безопасных дорог. Легко также подсчитать, что затраты на строительство автобанов окупятся к концу срока строительства за счёт дополнительного получения ВВП, а также за счёт уменьшения в разы жертв в ДТП. А морально-психологическое состояние жителей страны от дорожной обустроенности России вообще трудно переоценить.

Третье – решение жилищной проблемы, которое следует совместить с решением крайне запущенных, десятилетиями не решаемых в стране градостроительных, расселенческих и демографических проблем, и в первую очередь проблемы проблем – вымирания коренного русского народа (темпы убыли русского этноса катастрофические – около 1 млн человек в год).

Механизм реализации данного проекта видится следующим образом. Всем гражданам России, кто желает строить и жить в собственном индивидуальном доме, предоставляется государственным фондом кредит до 5 млн рублей на срок до 25 лет, земельный участок до 1 гектара с обустроенной инженерной инфраструктурой, включая дорогу.

Размеры кредита, сроки его предоставления, величина процентной ставки, а также размер и условия предоставления земельного участка, дифференцируются в зависимости от региона, а в регионе – в зависимости от района. Например, на востоке страны – Сибири, Дальнем Востоке, в северных регионах, откуда идет отток населения, условия кредита могут быть самыми льготными, а земля предоставляется бесплатно и размером по желанию до 1 гектара, а в Московской агломерации, южных регионах, где наблюдается перенаселение, можно вообще не предоставлять кредитов, стимулируя таким образом отток населения в другие регионы.

С другой стороны, в традиционно русских и других регионах, где наблюдается вымирание коренного населения, Реформатор наверняка бы ввел сти-

мулирующие меры по рождаемости. Например, при рождении третьего и каждого последующего ребенка в семье размер кредита, подлежащий возврату, уменьшается на 1/3. Таким образом, семья, имеющая 5 и более детей, вообще освобождается от обязательств по возврату кредита.

Каким видится масштаб жилищного индивидуального строительства? Не менее 500 тыс. усадебных домов в год общей площадью около 100 млн м². Источником финансирования могли бы стать займы ЦБ России – примерно по 1,5 трлн рублей в год. В течение 20 лет около 50 млн россиян переселились бы в собственные усадебные дома, прекратилась бы депопуляция народа, и прежде всего славянского этноса, укрепилось бы физическое и нравственное состояние общества. И все это в совокупности с дорожным строительством привело бы к колоссальному экономическому подъему страны, духовному сплочению нации, раскрепощению творческого потенциала народа, а это и есть главная задача модернизации.

Человеческая жизнь, безусловно, бесценна, но у нее есть и экономическое измерение. Прагматичные американцы подсчитали стоимость жизни среднестатистического американца. Она равна 3 млн долларов. Подсчет прост: 75 лет – средняя продолжительность жизни – умножается на среднегодовое душевое производство ВВП – 40 тыс. \$. Аналогичный подсчет по России показывает, что одна человеческая жизнь стоит 20 млн рублей, а семья из 5 человек, соответственно, 100 млн рублей. Именно во столько оценивается вклад среднестатистической российской семьи в ВВП страны в условиях нынешней микроэкономической ситуации в течение своей жизни. А для того, чтобы такая семья состоялась, нужно сегодня государству вложить всего 5 млн рублей. Сравните: 5 млн и 100 млн рублей.

Вот куда нужно сегодня вкладывать нефтяные деньги – наше тленное богатство, и тогда они превратятся в нетленное богатство народа – миллионы усадебных домов россиян и десятки миллионов дополнительных человеческих жизней.

Безусловно, это должны понимать государственные деятели масштаба Петра Аркадьевича Столыпина.

Четвертое. Сельское хозяйство и экология.

Потенциал российского АПК огромен. На территории России можно производить столько зерна, мяса, молока и других продуктов, чтобы прокормить 500 млн чел.

В денежном выражении экспортный потенциал российского сельхозсырья и продуктов его переработки оценивается примерно в 150 млрд долларов США и вполне может быть сопоставим со стоимостью экспорта углеводородов.

Сделать российское продовольствие на внутреннем и внешних рынках абсолютно конкурентоспособным позволит перевод земледелия на биологическую основу, которая подразумевает разработку и внедрение соответствующих экологических стандартов, технологических регламентов, сертификатов качества и т. п.

В общем виде биологизация земледелия предусматривает:

- а) широкое внедрение травосеяния – до 25% пашни;
- б) массовое освоение бинарных посевов, сидеральных культур;
- в) сохранение пожнивных остатков на полях, внесение на поля всех органических удобрений;
- г) отказ от глубокой обработки почвы и освоение нулевой, в крайнем случае, минимальной;
- д) минимизация применения минеральных удобрений и пестицидов.

За счет реализации этих мероприятий представится возможным получать положительный баланс сухого вещества в почве при выращивании сельскохозяйственных культур, что является главным фактором сохранения и умножения плодородия почвы, а следовательно, и перевода сельского хозяйства на новые экологические стандарты.

Такого массового производства экологически чистой продукции сельского хозяйства не может позволить себе ни одна страна в мире, за исключением России.

Однако только сельским хозяйством экологизация российской территории не должна ограничиваться. Чрезвычайно важным является состояние пойменных земель больших и малых рек, овражно-балочной сети, то, что мы привык-

ли называть естественными сенокосами и пастбищами. Их десятки миллионов гектаров. Они наряду с лесами, болотами играют исключительно важную экологическую роль, в частности, переводят атмосферные осадки, поверхностные воды в подземные, грунтовые воды, которые питают родники, ручьи, реки, водозаборные скважины и выполняют роль экологических резервуаров.

Но по причине деградации сельхозугодий, лесов, болот из-за беспорядочного хозяйственного использования, ежегодного пала сухих растительных остатков, лесов с ролью экологического резервуара они уже не справляются. Отсюда повсеместное понижение грунтовых вод, паводки, наводнения, заиливания русел рек, их обмеление и исчезновение.

Чтобы справиться с последствиями, по сути, уже наступившей экологической катастрофы, нужно немедленно объявить эти земли экологическими заповедниками, запретить сжигание растительных остатков, ограничить хозяйственную деятельность, заняться облесением и дать возможность восстановить их естественное состояние. И тогда по прошествии 20–25 лет мы будем жить в совершенно здоровой экологической среде.

Расчеты показывают, что если на европейской части России создать условия, при которых ежегодно, как и прежде, четвертая часть выпадающих осадков будет переходить в подземные горизонты, то это составит более 300 кубических километров воды, что превышает суммарный объем стоков всех протекающих на этой территории рек. А это значит, что уровень грунтовых вод со временем начнет повышаться. Восстановятся родники, ручьи, реки и т. д.

Важнейшей проблемой для России является утилизация отходов жизнедеятельности, а это не только отходы сельского хозяйства, но и перерабатывающей, деревообрабатывающей промышленности, бытовые отходы, канализационные стоки и т. п. Общий объем их составляет около 1 млрд тонн. Если их переработать на биогаз, то можно получить свыше 30 млрд м³ газа, из которого можно произвести электроэнергию и тепла, достаточных для обеспечения 50 млн человек. Кроме того, получается высококачественное органическое удобрение.

Для стимулирования переработки органических отходов в биотопливо необходимо принять на законодательном уровне так называемые “зеленые” тарифы на электроэнергию, что сделано уже во многих странах.

Таким образом, будущее России в глобальном мире представляется как огромный экологический резервуар, в существенной мере стабилизирующий с каждым годом обостряющуюся продовольственную и экологическую ситуацию на земном шаре.

Пятое. Реформа профессионального образования.

Сложившаяся в стране система профессионального образования разбалансирована. У всех её участников – студентов, учащихся образовательных учреждений, государства, общества, работодателей интересы разобщены или не сформированы вовсе. К сожалению, профессиональное образование так и не стало объектом стратегического планирования.

Государством как самым ответственным субъектом системы профессионального образования не сформирована конечная цель, а задачи не конкретны и очень размыты. По существу, образование как отрасль развивается сама в себе, выстраивая правила игры в собственных интересах. Коммерциализация образования практически исключила из процесса принятия решений двух ключевых игроков: государство и работодателя. Система профессионального образования упростилась до примитивизма, где взаимодействуют между собой два субъекта – с одной стороны учебное заведение, с другой учащийся, студент, чьи родители, в большинстве своём, оплачивают так называемые образовательные услуги. Учебное заведение заинтересовано в оплате учёбы, а студент в получении диплома. И в результате мы имеем низкое качество подготовки выпускников, отсутствие ориентации на рынок труда, невостребованность многих выпускников по специальности.

Верхом расточительства существующей системы образования является выезд наиболее активной и одарённой молодёжи за рубеж или, в лучшем случае, трудоустройство в иностранных компаниях на территории страны.

Продолжение существующей ситуации приведёт в ближайшие годы к полной дискредитации профессионального образования и, как следствие, к дальнейшей деградации экономики страны.

Выход из ситуации видится в существенной перестройке взаимоотношений между всеми участниками системы образования. Другими словами, в рыночной экономике образование призвано стать равноправным субъектом рынка, а действия государства должны быть направлены на:

а) обеспечение доступа всех желающих учиться для получения профессии, независимо от их материального положения и статуса;

б) создание конкуренции среди учебных заведений за качество образовательных услуг;

в) выработку алгоритма взаимоотношений между выпускниками, учебными учреждениями и работодателями, направленного на достижение единой цели – обеспечение экономики, бюджетной сферы прочих государственных структур высокопрофессиональными кадрами.

Для решения этих задач необходимо:

1. Освободить учащихся, студентов от оплаты за услуги образования. Нести расходы на образование должны государственный бюджет и заказчики, т. е. работодатели. Соотношение между государственным финансированием и заказчиками – работодателями, а также величина оплаты должны устанавливаться расчётным путём в зависимости от профессии, вида образовательного учреждения и других факторов. Оно должно быть близким к паритету 50х50. Причём работодатель должен свою долю заплатить не сразу после принятия выпускника на работу, а через некоторое время, скажем, через год после того, как убедится в качественной подготовке выпускника.

2. Представляется целесообразным через год работы вручать и диплом выпускнику. После совместной оценки его работы на предприятии специальной комиссией, состоящей из представителей учебного заведения, которое он окончил, предприятия и органов власти.

3. Региональные и федеральные органы власти должны сформировать перед учебными заведениями всех форм собственности долгосрочный (на 7–10 лет) заказ на подготовку специалистов и гарантировать их трудоустройство. Заказ готовится на основе, прежде всего, заявок работодателей, а также на основе прогноза и тенденций развития экономики, общества и государства.

Что произойдёт на рынке образовательных услуг с принятием данных решений?

Во-первых, поднимается ответственность за качество образования со стороны учебного учреждения, ибо оно может не получить оплату от работодателя за плохо подготовленного специалиста.

Во-вторых, выпускники учебного заведения будут намного серьёзнее относиться к учёбе, ибо они могут не получить диплом через год после работы на предприятии.

В-третьих, вся сфера профессионального образования будет готовить специалистов ровно столько, сколько нужно, и только тех, кто нужен. Очевидно, что многие учебные заведения в этой ситуации окажутся просто невостребованными. Но это куда меньшее зло, чем наводнение рынка труда ненужными специалистами.

В-четвёртых, работодатели, включая и государственных заказчиков, будут ответственно относиться к формированию заказа на подготовку специалистов.

В-пятых, все выпускники вузов и других учебных заведений будут гарантированно обеспечены работой.

Безусловно, данные предложения носят общий характер и не дают ответы на массу вопросов, которые возникнут после их принятия, но важно понимать, что они носят второстепенный характер и обязательно найдут правильное, сбалансированное решение после принятия основополагающих решений.

Однако в этой схеме есть одно слабое звено: многие работодатели какое-то время могут экономить на заказе выпускников учебных заведений, рассчитывая на приём готовых специалистов на рынке труда или переманивание их с других предприятий.

Для того чтобы решить эту проблему, необходимо законодательно закрепить количество принимаемых на работу на том или ином предприятии, учреждении выпускников ВУЗов, ССУЗов, ПТУ – например, не менее 3% от численности работающих.

Шестое. Реформа здравоохранения.

Существующая система здравоохранения, несмотря на значительное в последние годы улучшение финансирования, остается неэффективной, за-

тратной, громоздкой и коррупционноёмкой. Страховые компании практически не повлияли на качество медицинских услуг. Главная причина сложившейся ситуации заключается в отсутствии внутренней мотивации лечебных учреждений в предоставлении качественных услуг, а пациентов – в нежелании заниматься профилактикой заболеваний и вести здоровый образ жизни, ввиду того, что, по их мнению, медицина у нас бесплатная, так как сами они не платят за медицинские услуги.

Государство из всех источников финансирования на здравоохранение расходует в расчете на одного жителя примерно 15 тыс. руб. в год, а всего почти 2,5 трлн рублей.

Для решения вышеназванных проблем предлагается изменить порядок финансирования медицинских услуг, для чего необходимо на специальный лицевой счет каждого гражданина РФ перечислять в начале года по 15 тыс. руб. (Сумму можно дифференцировать в зависимости от возраста.)

Любой пациент, обращаясь в медицинское учреждение и получая качественную услугу, рассчитывается средствами на специальном лицевом счёте. В случае несогласия пациента с объемом и качеством услуг он обращается в специально организованные инспекции по оценке качества медицинских услуг, которые за фиксированную плату (например, 2% от стоимости услуги с пациента и 10% от подтвержденной переплаты с медицинского учреждения) делают проверку полученной услуги на соответствие её объему и качеству.

В том случае, если стоимость медицинской услуги превышает наличие средств на специальном лицевом счете пациента, за него могут рассчитаться родные и близкие со своих специальных счетов или за счет личных средств.

На другие цели, кроме медицинских услуг, тратить деньги с данных счетов запрещено. Однако по истечении календарного года неиспользованные средства на счете могут быть использованы на оплату мероприятий, связанных с укреплением здоровья по определенному перечню (например, санаторное лечение, оплату фитнес-клубов, спортивных кружков и т. д.), или будут зачтены для оказания медицинских услуг в следующем году.

Что касается редких заболеваний с высокой стоимостью лечения, то по ним государство может принять решение о консолидации части средств для их оплаты напрямую медучреждению, минуя пациента.

Что даст данная реформа в здравоохранении?

1. Появится реальная конкуренция среди лечебных учреждений независимо от формы собственности, ибо все они будут работать по единым утвержденным рыночным ценам.

2. Число медучреждений и медперсонала уменьшится. Оставшиеся будут за хороший труд получать достойную оплату, т. е. появится и реальная конкуренция среди персонала.

3. У населения появится реальная мотивация следить за своим здоровьем, ибо дальше лечиться за счет здоровых не получится, а если и получится, то только с их согласия. Со стороны семьи, родственников усилятся контроль и спрос за соблюдением здоровья отдельных членов, нарушающих здоровый образ жизни (курение, пьянство и т. д.), что приведет в целом к укреплению института семьи.

4. В целях сохранения здоровья люди начнут больше уделять внимания профилактике заболеваний и самостоятельно объединяться по месту жительства вокруг участкового врача, педиатра. В случае плохой работы будут инициировать их замену.

Ежегодно средства, зачисляемые на лицевые счета населения должны индексироваться на величину инфляции.

Седьмое. Развитие инноваций.

Во всем мире более половины научных исследований финансируется корпорациями, а в развитых странах 60–70 и более процентов. В этом и заключается причина их успеха.

В России наука, НИОКР финансируются за счет бюджета, возможности которого в этой сфере сопоставимы с бюджетом одного крупного американского университета.

Для того чтобы исправить ситуацию, необходимо законодательно закрепить норму, в соответствии с которой направлять не менее 5% чистой прибыли предприятий на финансирование инновационных исследований по само-

стоятельным программам или в кооперации с научными учреждениями, вузами, с другими предприятиями.

По предварительным расчётам, ежегодный объем финансирования корпоративных НИР составит не менее 500 млрд руб., что в несколько раз превышает существующий бюджетный уровень финансирования.

При этом произойдут и другие позитивные качественные изменения.

Во-первых, будут востребовано множество молодых талантливых людей, в том числе и те, которые успел выехать за границу. Расчеты показывают, что численность занятых в стране инноваторов может возрасти на 250–300 тыс. человек.

Во-вторых, возрастут конкурентность и капитализация российского бизнеса за счёт отражения на их балансах нематериальных активов.

В-третьих, в стране будет формироваться спрос на инновационную отечественную продукцию, отсутствие которого сегодня является сдерживающим фактором в развитии инновационной экономики.

В-четвертых, возрастет конкуренция между вузами за получение и формирование корпоративных инновационных заказов, что обеспечит развитие вузовской науки.

Восьмое. Жилищно-коммунальная реформа.

Главные проблемы ЖКХ заключаются, прежде всего, в высокой энергоёмкости городского многоэтажного жилья, его ветхости и неприглядности в связи с отсутствием средств на проведение капитального ремонта. Именно на решение этих задач и был сориентирован созданный несколько лет назад Фонд реформирования ЖКХ. За годы его работы, удалось, пожалуй, только вскрыть масштаб проблемы, решив при этом ее не более чем на 10%.

Главным сдерживающим фактором является отсутствие стабильного источника финансирования. Что здесь следует предпринять?

Во-первых, надо заморозить рост цен для населения на услуги ЖКХ, для чего не поднимать цены на электроэнергию, газ, воду для предприятий, оказывающих эти услуги;

во-вторых, на весь жилой фонд установить единый инвестиционный сбор из расчета 5 руб. на 1 м общей площади дома или квартиры в месяц.

Расчеты показывают, что ежегодный сбор составит более 150 млрд рублей. Все средства через Фонд реформирования ЖКХ должны направляться на ремонт многоэтажного жилья, благоустройство придомовых территорий и выполнение мероприятий по энергосбережению. Ежегодно капитально ремонтироваться и благоустраиваться будут 25–30 млн м² многоэтажного жилого фонда, в которых проживают около 1,5 млн человек.

Что касается сноса ветхого жилья, то данную проблему можно решить во взаимодействии с вышеназванной программой по обеспечению россиян индивидуальным жильем. В соответствие с данным проектом примерно 300 тыс. семей, или 1 млн человек, будут переселяться из городского многоэтажного жилья в индивидуальное, освобождая при этом 15–20 млн м² жилья в многоэтажных домах. Спрос на это жилье будет небольшим, и цены на него резко упадут. Можно ввести на данное жилье и другие ограничения. Например, в нем можно поселить только близкого родственника или продать только государству. Таким образом, регионы будут иметь возможность приобретать данное жилье по низким ценам и предоставлять на условиях Фонда тем, кто проживает в ветхом и аварийном жилье. Это и будет вклад регионов в софинансирование данной программы. За 15 лет при ежегодном софинансировании регионов 70 млрд рублей будет выкуплено около 100 млн м², в которые можно переселить всех граждан, проживающих в ветхом и аварийном жилье.

Одновременно регионы будут иметь возможность сносить ветхое и выработавшее свой ресурс многоэтажное (панельное) жилье для реализации новых градостроительных решений.

Со временем у регионов появится огромный ресурс собственного жилья, которое они могут сдавать в аренду всем желающим по доступным ценам, регулируя таким образом, с одной стороны, плату за съём квартир на рынке арендного жилья, а с другой стороны, стимулируя мобильность населения, особенно трудовую.

И в заключение несколько слов **о революции**.

Да, в нашем обществе назрела революция, но только в сфере духовно-нравственных отношений, их оздоровлении. Моральная деградация общества за последние годы зашла так далеко, что ставит под угрозу само существование государства.

Движущими силами духовно-нравственной революции в России должны стать власть, традиционные религии и интеллигенция.

Дорожная карта нравственного оздоровления общества должна включать следующие мероприятия:

1. Повышение роли традиционных религиозных конфессий, и в первую очередь Русской Православной Церкви в воспитании подрастающего поколения (делегируют эту функцию можно по специальному соглашению).

В этой связи представляется целесообразным направить часть подоходного налога на финансовую поддержку традиционных религиозных конфессий (как это делается в некоторых европейских странах).

2. Закрепление в общественном сознании всех народов, населяющих Россию, понимания роли русского этноса как государствообразующего и государствоудерживающего.

3. Организация общественного контроля за средствами массовой информации и интернетом.

4. Широкое развитие и поддержка общественных форм местного самоуправления (земства, ТОСы, общины, религиозные приходы и т. д.)

5. Организация единого образовательного пространства с переводом финансирования сферы школьного образования на федеральный бюджет. Рост престижа учителя, денежное довольствие учителя должно в 2 раза превышать зарплату в экономике.

6. Укрепление института семьи, разрешение аборт только по медицинским показаниям.

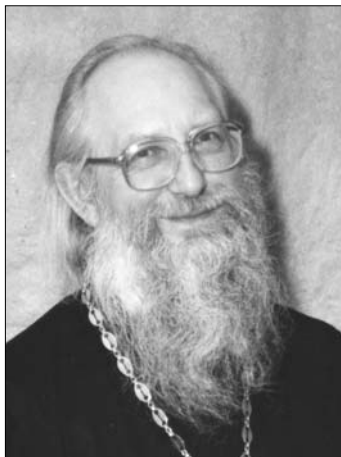
7. Усиление административных мер наказания за нарушение этических норм поведения, национальную нетерпимость, сквернословие и т. д.

На этом можно и завершить, хотя предложенными идеями далеко не исчерпывается перечень повестки дня по обустройству России.

При всем том, что у власти всегда много текущих и стратегических задач, однако государственные мужи всех уровней никогда не должны забывать о Миссии власти, которая заключается в том, чтобы раскрывать духовный, нравственный, интеллектуальный, творческий, созидательный потенциал народа. А для этого постоянно нужны свежие, хорошо продуманные, объединяющие людей идеи и, главное, эффективные действия по их реализации.

Душа российского народа истосковалась по большому общему делу столыпинского масштаба.

о. АНДРЕЙ (ЛОГВИНОВ)

ЗВОНАРЬ

НАД ГОРОДОМ НОЧНЫМ

Над городом ночным в полночной черноте,
лишь снег весною стает,
гусей летящих крик несётся в высоте
и за сердце хватает.

Без компаса и карт куда ведёт вожак,
как им с пути не сбиться?
Им друг — полночный мрак и целый мир, как враг,
полёт — что небылица.

Их крик — как будто дверь, что сорвана с петель,
гость из другого мира...
Вдруг парусом встаёт привычная постель,
и кораблём — квартира...

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич (о. Андрей) родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

* * *

Снегопад, снегопад!
В марте даже невпопад,
да такой — ни рук не хватит
и ни дворницких лопат.

Сыплет сутки подряд —
то-то радость для ребят:
по сугробам лезли в школу, —
не долезли, — говорят.

До чего всё бело!
Стало на душе светло,
застарелые печали
свежим снегом занесло.

Без затрат, без оград —
светлый Вечности парад.
Снегопад, что Ангел с неба,
обелить все души рад!..

ДНИ МОИ

Дни мои сосулькой растаяли,
Годы мои канули вешние.
Господи, не оставь меня,
Приими в раскаянье грешного.

Весь я и в корысти, и в гнилости.
Стать бы чистым к сроку нездешнему!
Я не служил Твоей милости.
Милостивым буди мне, грешному.

Прямо как зима в людях лютая —
Князь приходит мира кромешного.
...Господи, я люблю Тебя!
Господи, помилуй мя грешного!..

* * *

Садовник проходит по саду.
Зима, и кусты не цветут.
Он думает, что ему надо
Подладить вон там и вот тут.

Он думает об урожае,
Которым венчается год.
Он знает, земля не рождает
Без тысячи разных забот.

Здесь надо поправить ограду,
Здесь — колышки нехороши..
Проходит Садовник по саду,
Где сад — образ нашей души.

* * *

Кроют золотом купола.
Снова в блеске иконостас —
чтоб душа в небеса взошла,
чтоб она расцвела у нас.

Но бывает, что пестрота
и сусальный золота блеск
затмевают для нас Христа,
душу гонят, как волка в лес...

Я зашёл как-то в нищий храм —
кирпича торчало ребро —
а — любовь ощущалась там
и дышало, как печь, добро...

Мне по сердцу та простота,
где, не взятая под арест,
есть живая Любовь Христа
и Его спасающий Крест.

ОТПЕВАНИЯ

Я живу, как автомат:
хороню да отпеваю.
Я и сам уже не рад,
что другой страны не знаю.
И себя не узнаю —
вспомню, как крестить, едва ли.
Отдохну — как отпою
тех, кто в гроб страну вогнали.

ЗВОНАРЬ

Я — по Божьей милости — звонарь.
Этим дети баловались встарь.

Жаль, что нынче им до фонаря
Звоны-перезвоны звонаря.

С колокольни — кругозор какой! —
До звезды дотянешься рукой.

Праздничная радость в небесах
Звоном отражается в лесах.

А бывает тихий перезвон —
Это день печали, похорон.

Белой колокольни высота —
Прямо до Господнего Креста.

Но сегодня грянул я в набат —
Видно с колокольни: рядом ад,

Гарью тянет от родной земли.
Там деревню вороги сожгли,

Там вползает мерзость в города,
Что и не видали никогда.

Будто и не слышит мой народ,
Беззаботно спит себе и пьёт.

Но когда проснётся русский люд,
Даже если звонаря убьют, —

Будет перед Господом не зря
Кровь и крик набатный звонаря!..

МАРИНА СТРУКОВА

Я НЕ ПРОЩАЮ И НЕ ЗАБЫВАЮ

* * *

Россия — бесполезная страна.
А русский — нищелюб с последней бомбой.
Отдай Сибирь! Она другим нужна.
Отдай Кавказ! И похороним с помпой.
Отдай Карелу! Это не твоё.
Отдай Калининград! Отдай Поволжье!..
Слетелось мировое вороньё.
Осталось уповать на волю Божью.
За братушек-славян вели борьбу,
за всю Европу — русской крови море.
Могли иные вылететь в трубу,
не вылетели, нынче — в общем хоре.
Злом — на Добро. Империю — в клочки.
Любая тварь клеймит, порочит, ранит.
Воскресни, Гитлер, двинь на них полки!
Россия останавливать не станет.

СТРУКОВА Марина Васильевна родом из Тамбовской области. Окончила Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России с 1996 года. В нашем журнале печатается с 1992 года. Живёт и работает в Москве.

* * *

Революции быть комфортной?
Буржуазной? Да что за бред —
с либеральной крысиной мордой
всенародных искать побед.

Рвутся флаги из потных ручек.
Притязаний набор не нов
у циничных рублёвских сучек
и прозападных болтунов.

Отхватить у державы область,
зарубежный освоить грант —
вот иных диссидентов доблесть,
и новаторство, и талант.

Мы — бездомны. Вам — терем тесен.
Не родня, говоря всерьёз,
революция ваших песен
революции наших слёз.

Вам бы — мирно, без перестрелок.
Нам — уже никого не жаль.
На Рублёвке был жемчуг мелок.
На Руси закалялась сталь.

* * *

На всякий случай нужен карабин.
Всего семь тысяч. Десятизарядный.
Уверенности даст запас изрядный
тому, кто против подлости один.

Когда тебя живьём готовы съесть,
за край игры, как пешку, взмахом скинуть,
настолько хуже претерпеть и сгнуть,
насколько легче пристрелить и сесть.

* * *

Нам лгут: “Казачьей нации основа
от беглых крепостных”, но способ стар
узнать, кто тут потомок крепостного —
тот и сегодня раб кремлёвских бар.

Таких не объявляют вне закона —
привыкли пресмыкаться и страдать,
покуда не приходит рыцарь с Дона
и кличет: “Я пришёл вам волю дать!”

Но чтобы власти править без опаски,
она направит силу ратных душ
на шествия, концерты песни-пляски
и прочую торжественную чушь.

Горчит вино гнилой державной лести —
и у шута кафтан порой парчов,
но в этом нет ни доблести, ни чести.
Чечь наша — Разин. Доблечь — Пугачёв.

* * *

Я не прощаю и не забываю.
Круговращенье прошлого — в крови.
Порой глаза на правду закрываю,
смолкаю ради дружбы и любви,
хотя бы братской. Есть такие братья...
Но истинную суть не раздарю.
Прервутся поцелуи и объятия,
глаза открою и заговорю.

* * *

*Всякий, кто прошел
по этой земле четыре амы,
может быть уверен,
что войдет в будущий мир.*
(Ктубот, 111а)

Четыре шага по Земле Святой
тебе удел оплатят в жизни той,
где вознесён, судьбой неодолим,
неразрушимый Иерусалим.
Так почему же ты ещё не здесь?
Рассеян, как искрящаяся взвесь,
по свету род святых и бунтарей.
С чужих просторов, от чужих дверей
хмельных, больных, погромных городов
ступай, народ, в евреи из жидов,
туда, где ты не гость, а господин,
с уделом ослепительным един.
Между тобой и Господом Завет
неотменим, как вечер и рассвет,
непобедим, как праведная власть,
неумолим, как истинная страсть.
...Избрав удел шутов и торгашей,
ты ждёшь, пока не выгонят взащей.
Но за тебя — тебе мой дар простой —
четыре шага по Земле Святой.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ПРОРОКОМ

РОМАН

Часть первая

1

Не знаю ничего хуже пустынных улиц. Это как жизнь, ушедшая из тела. Ты ходишь по мертвому телу города, по улицам-венам, из которых выточили кровь. Пустота. Светофоры. Собаки. Ты встречаешь людей, но они словно призраки. В неживом свете фонарей кажется, что они только что вышли из морга. Здравствуйте, морлоки! Наступил наш час.

Ночной город — это разоблачение города дневного. Ночью видишь, что это всё обман — дневная суета, деловитость, жизнелюбие, болтовня по мобильным телефонам. Это спектакль, придуманный чубайсами. Все знают, что нас ждет гибель. Вы стряхиваете с себя энергичность, заимствованную из рекламных роликов, как только хлопываете за собой железные, весом не меньше центнера, двери. Посмотрите на себя в зеркало, когда вы приходите домой. Вы увидите лица покойников. Каждый новый день в стране победившего капитализма накладывает на ваши лица жестокие и неизгладимые черты, как у портрета Дориана Грея. Вы не верите никому и ни во что. Ва-

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмосковье. Окончил медицинское училище, работал фельдшером на “Скорой помощи”, одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”. Член Союза писателей России.

Журнальный вариант. Полная версия романа выйдет в московском издательстве “Вече”.

ша национальность неопределима. Вы говорите на русском языке, но это русский язык для лексикона автоответчика. У вас славянские лица, но неславянская пустота в глазах. Вы знаете, что вы живые мертвецы, но врете себе и другим, называя свое корпение в мерзких офисах, при виде которых меркнут фантазии Замятина и Оруэлла, жизнью. Иногда вы позволяете себе шутить, говоря, что вы, дескать, офисный планктон. Не надейтесь! Планктон живет, а вы мертвы. Вы мертвые рыбы в отравленной реке жизни.

Я иду по городу, от светофора к светофору. Ночью всё — насмешка, даже их мигание. Улица пуста, ни одной машины, но я стою на красный свет, жду, когда электронный указатель отсчитает секунды и мне будет позволено пройти по “зебре”. Всё — обман, и настолько явный, что даже нет смысла его нарушать. Ну, пройду я по “зебре”, не дождавшись “зеленого” на электронном секундомере. Это что — свобода? Это — свобода? — молча кричу я промчавшемуся мимо с грохотом черному байкеру. Твои гонки по пустым улицам ничем не отличаются от моего бессмысленного стояния на красный свет. Несколько часов назад ты, как и другие, вышел из поганого офиса, сбросил пропотевший под мышками пиджак, напялил на себя черную кожу, надел шлем-горшок и завел свой урод-мотоцикл, грохотом которого ты хочешь отсечь от себя позор очередного бездарного дня. Слуги развлекаются в отсутствие господ!

В темных домах загораются окна, но я не верю в их свет. Я не верю в домашнее тепло, уют за этими окнами. Там такая же имитация жизни, как в городе днем. Вы ужинаете, пьете чай, смотрите телевизор, ложитесь в постель, не забыв прихватить контрацептивы. Вы — люди-контрацептивы, говорю я вам. А я жажду встретить человека. Но я даже не вижу глаз редких прохожих, потому что они их прячут от меня.

* * *

При этом Енисеев попытался взглянуть в глаза сидящих напротив проституток и ничего не увидел из-за густой туши на их ресницах.

— Наверное, они думают, что вы маньяк, — сказала одна из девушек.

Другая девушка, с детской челкой, налезавшей на глаза, но с таким обильным пирсингом на бровях, что колечки звенели, когда она брови поднимала, прыснула, но тут же с некоторым испугом закрыла ладошкой рот. Ага, стало быть, она не исключает, что я и впрямь маньяк, отметил Енисеев. Впрочем, ему к этому было не привыкать.

Они сидели в ночном кафе, в котором кроме Енисеева, девушек-проституток, бармена, официантки и человека в футболке с портретом Че Гевары и лицом президента Франции Саркози, никого не было. Саркози-Че Гевара был пьян уже, наверное, год или два без перерыва, поэтому не обращал на слова Енисеева абсолютно никакого внимания. Он всё смотрел куда-то в угол рядом со стойкой, где, вероятно, находился его персональный черт. Девушки же сидели за соседним столиком и, неопределенно ухмыляясь, слушали, пока одна из них, плоскогрудая, но с полными ножками, не позволила себе прервать Енисеева. Официантка дремала, а бармен смотрел футбол по спутниковому телевидению. Енисеев уже не помнил, завершал ли он свой монолог, зайдя в это кафе, или же, напротив, здесь его и начал. Представителей офисного планктона, наиболее часто упоминавшихся в его монологе, в заведении не было. Но Енисеева это не очень смущало, потому что импровизация только в сочинениях Пушкина и Достоевского доходит до прямого адреса. А ты, если захочешь привести в пример проституток, никогда не найдешь, хоть ты тресни, в качестве слушательниц этих самых проституток, а захочешь сказать о мертвецах из офисов, то нипочем не привлечешь внимания этих мертвецов.

Девушка с пирсингом, которая в глубине души не исключала, что Енисеев — маньяк, сказала, однако, подруге:

— Ну что ты, зая? Он же интеллигентный человек!

Енисеев в сердцах крикнул, достал сигареты и закурил. Интеллигентный

человек! Клеймо на всю жизнь! Но разве хоть один из знаменитых пророков или проповедников был так называемым “интеллигентным человеком”?

— Далась вам эта интеллигенция! — сказал он девушке с челкой. — Вы что — часто встречаете интеллигентов?

За нее ответила плоскогрудая:

— Да нет, нечасто. У них денег нет. Они хотят провести время с девушкой на халяву. Типа поговорить красиво, как вы, поиграть в любовь-морковь и слинять.

— Да вы что думаете: я вам понравиться хочу?

— Вряд ли. Вам, наверное, идти некуда, как этому, — она кивнула в сторону Саркози-Че Гевары.

Мармеладов! Мармеладов во веки веков! С Че Геварой или без! Идти им, видите ли, некуда! При этом куда идти они и не пытаются. Однако этим маньяком она меня сбила. Юмор — вот враг истины. Он убивает любое откровение. Проповедь должна быть совершенно лишена слабых мест, чтобы нельзя было ее разрушить остротой.

— Ну, а что вы можете сказать по поводу людей-мертвецов? — помолчав, спросил он.

— Я запомнила насчет людей-презервативов, — ответила проститутка. — А вы что: ходите по ночам, тренируетесь?

— Вроде того.

— А зачем?

Енисеев махнул рукой. “Зачем”, “зачем”! Как будто они сами знают, зачем сидят здесь! У них что — есть в жизни цель? Скажем, стать профессиональными проститутками? А туда же: зачем, зачем?

— Он и есть маньяк, — сказал вдруг Саркози-Че Гевара, по-прежнему не сводящий глаз со своего черта.

В глазах девушки с челкой снова пробежал испуг. Енисеев подмигнул ей, подошел к стойке и заказал сто граммов водки и стакан томатного соку. “Ну а что же пророки? Они всё время попадали в такие ситуации. Сказано, что они проповедовали некому “народу”. Что же: этот народ толпами сбегался к ним, когда они приходили в город? Да ничего подобного. Они сами шли туда, где собирался этот народ — на рынки, в харчевни. А там было хоть отбавляй таких же зубоскалящих блудниц и отморожков, как и здесь. Хорошо, если на сто слушателей попадался один понимающий. Правда, были еще храмы, синагоги. Но едва ли и там публика проявляла дружелюбие к чужакам, бичующим пороки. Как это у поэта? “В меня все ближние мои Бросали бешено камня”.

— Причем маньяк опасный, — снова заговорил Саркози-Че Гевара.

— А кто такой, по-вашему, Че Гевара, изображенный на вашей футболке? — обратился к нему Енисеев.

— Опасный... маньяк, — на тот же лад проскрипел забулдыга, не отвоя взгляда от своего угла, но из-за замедленности его реакции было непонятно, кого он имеет в виду, Че Гевару или Енисеева.

— А вы тоже маньяк?

Саркози-Че Гевара молчал: может быть, осмысливал вопрос.

— Он — неопасный, — ответила за него плоскогрудая проститутка.

Звякнул колокольчик над дверью; в кафе вошли два мента.

— А, сектант, — сказал один из них, узнав Енисеева.

— Сколько раз вам говорить, — с досадой отозвался тот, — что я не сектант и ни в какой секте — ни в тоталитарной, ни в нетоталитарной — не состою.

— А чего ты тогда волнуешься? Ну, не состоишь — и хорошо.

— Не называйте меня сектантом. Вы представители закона и должны употреблять точные формулировки.

— Как же тебя называть?

— Он маньяк, — хихикнула плоскогрудая.

Менту почему-то ее вмешательство не понравилось.

— Тебе кто давал слово? Ты видишь: люди разговаривают? А ну-ка, покажи свою регистрацию!

— Щас, разбежалась! У Зульфии Исмаиловны спросишь, она тебе платит.

— Что-что? На “субботник” захотела?

— Че Гевара — не маньяк, — запоздало бормотал из своего угла забулдыга. — Он настоящий мачо.

— Называйте меня пророком, — сказал Енисеев.

2

Давным-давно, в детстве, солнечным зимним днем маленький Илюша Енисеев бежал вокруг избушки во дворе детского сада, то ли убегая от кого-то, то ли, напротив, догоняя. Звонко разносились детские крики, визжали полозья санок, над головой кружилось солнце, перед глазами мелькали бревенчатые венцы домика, шибко скрипел свежеутоптаннный снег. И был ли тому виной пьянящий запах снега, или сверкающее по всей его зернистой белизне солнце, или закружилась голова от однообразного мелькания бревен, но Енисеев вдруг остановился, не обращая внимания на толчки и снежки, разбивающиеся о его грудь и спину, и произнес раздельно и медленно: “СОЛНЦЕ. СНЕГ. ДОМ. ПТИЦЫ”.

Он произносил слова и впервые отчетливо понимал, что непостижимым образом его язык, губы, дыхание порождают не просто звуки, а вполне определенные названия. Дыхание, столкнувшись с движением языка, разбивалось о небо, и в облачке морозного пара вылетал изо рта звук, другой, третий, они соединялись, и получалось: “ЧЕ-ЛО-ВЕК”. Если бы Енисеев захотел сказать, что он сейчас делает, то без труда бы получилось: “Я стою и говорю”. Но как такое могло быть? Он не только мог назвать солнце солнцем, а снег снегом, он мог подумать о солнце и снеге и тут же сказать, что думает о них. А мог думать и одновременно говорить, о чем думал. Мысль возникала в голове, беззвучная, и тут же озвучивалась дыханием, движением языка и губ. Каким образом она переходила именно в те звуки, какие нужно, он не понимал. А как можно думать и знать, что ты думаешь, и сказать: “Я думаю”? И почему это “думаю” появляется в голове в виде слова “думаю”, а не как-нибудь иначе? Что же, выходит, если бы он не знал этого слова, то и не знал бы, что думает?

Это было второе открытие после того, как Енисеев понял, что он говорит то, что думает, и думает то, что говорит. Но он думал именно словами, и не был уверен, смог ли бы думать вообще, если бы не было слов. Он видел небо, мог подумать, что это небо, и сказать: “Небо”. Однако слово, как и само небо, существовало прежде мысли и звука. Думая о небе, говоря “небо”, он имел дело с тем, что видел, и что называлось другими людьми небом еще до его рождения. Не он с помощью дыхания, языка, рта сделал звук словом, а увиденное глазами небо пришло ему в голову словом, стало мыслью и зазвучало с помощью языка, дыхания, рта. Слово связывало его, Илью Енисеева, с миром, потому что всё в мире имело название: солнце, небо, снег, деревья, дома, птицы, люди. Только подумаешь: “солнце” — видишь солнце, подумаешь: “небо” — видишь небо...

Прежде он делил мир на “свое” и “чужое”; в своем, ближнем мире жили папа, мама, дедушки, бабушки, дядя, тетки, подальше — соседи, и уж совсем далеко — люди из другого дома. Своим был двор возле их дома, собаки и кошки во дворе, а люди, собаки и кошки в другом дворе были уже чужими. Мир как бы расходился от Енисеева кругами, словно круги от брошенного в воду камня. Был ближний круг, и были круги дальние. Сейчас же он почувствовал примерно то, что испытывал, когда бежал вокруг избушки, а вокруг него кружилось небо, солнце, птицы, деревья, сверкающие сугробы, дети, дома... Енисеев стоял в центре мира, который уже не убегал от него кругами, а накатывался на него, достаточно было дать жизнь одному из слов. Расстояние не имело значения, он легко преодолевал его, говоря: “солнце”, “облака”, “самолет”, “небо”, “птицы”, “дома”, “березы”, “сугробы”, “дети”, “я”. Мир был цепочкой, зажатой в его руке и заканчивающейся неведомо где, а звеньями цепочки были слова.

Енисеев вздохнул, и мир пришел в движение, устремился вместе с морозным, пахнущим арбузом воздухом в его легкие, как густой кисель из стакана, когда стягиваешь его в рот губами, с присвистом. На секунду, между двумя ударами сердца, он стал с миром одним целым, он ощущал его как продолжение своего тела. Казалось, шевельни Енисеев пальцем, и мир отзовется далеко за теми пределами, что были доступны его глазам. Мир сдержанно гудел, как огромная, бесконечная, никогда не останавливающаяся машина. Всё, что видел и слышал Енисеев: солнечные блики, гул самолета в вышине, воробьиное чириканье, детские крики, нежно опущенные снегом деревья, бриллиантовый блеск над сугробами, жамкающий снежный скрип, запах арбуза, скрежет саночных полозьев, автомобильные гудки с улицы, тончайший, микроскопический узор снежинки, превратившейся в капельку на ладони, — всё это было результатом работы невидимой, ежесекундно творящейся по всему миру. Он не видел, как стучит его сердце, но слышал, как оно стучало, — так и невидимый им мир пульсировал — то ли от биения его собственного сердца, то ли от биения сердца, общего для всего мира. Но не было никаких сомнений, что оба этих сердца — енисеевское и сердце мира — были неразрывно связаны и бились в унисон.

И тут, словно отозвавшись на эту мысль, его сердце ударило сильнее и раньше, чем положено, а ответного удара мирового сердца он не услышал. Связь между Енисеевым и миром внезапно порвалась, оставив в груди томительное ощущение. Что-то было не так. Мир вокруг него был таким же, как и прежде, но что-то в нем нарушилось. В сладком морозном воздухе вдруг грозно пахло железом, маслом, дымком солярки — так пахли танки на параде 7 ноября. Неизвестно откуда родилось грозное слово “ВОЙНА” и вместе с ним непоколебимая уверенность, что война эта началась.

— Война началась, — тихо сказал он подошедшей к нему воспитательнице.

— Нет, солнышко, закончилась! — весело возразила она. — Марш в группу! Обедать и тихий час!

— Взрослая война началась!

— Какая война? Бог с тобой! — воскликнула она. — Ты хоть знаешь, что это такое? Как мы в детстве голодали-то во время этой войны? Нет, партия и правительство не допустят!

Однако непонятная уверенность в том, что война началась, Енисеева не оставляла. Поэтому он и дома сказал о войне папе.

— Не болтай, — отмахнулся отец. — С кем война? Ты знаешь, сколько у нас атомного оружия? Нас сама Америка боится! К тому же в Америке скоро зимняя Олимпиада! Потом летняя — у нас! А во время Олимпиад не воюют.

Но в девять вечера, когда Илью уже отправили спать, по телевизору в программе “Время” сообщили, что по просьбе нового руководства Демократической Республики Афганистан в страну введен ограниченный контингент советских войск.

Илья, впрочем, этого сообщения из своей комнаты не слышал, да и едва ли бы понял, если бы и услышал, потому что в нем слово “война” не звучало, а вот родители его переглянулись и одновременно покосились в сторону двери сына.

— Наверное, по радио в саду услышал, — пробормотал отец. — Да и разве это война? Сказано: по просьбе руководства Афганистана... Помогать будут их армии. В Чехословакию тоже войска вводили — но войны же не было.

* * *

Илья учился в пятом классе, когда к родителям приехали в гости мамыны братья из Винницы — Станислав и Виктор. Они втащили в прихожую огромные мешки с грецкими орехами и две канистры, в которых, как впоследствии выяснилось, был чистейший этиловый спирт. Мешок с орехами по-

меньше и несколько бутылок спирта, разлитых из канистры с помощью воронки, достались в подарок Енисеевым; остальное же предназначалось для продажи на рынке.

Маленький Енисеев был потрясен. Старшего дядьку, Станислава, он помнил в солидной синей форме железнодорожника с молоточками в петлицах, а младшего, Виктора, в парадной солдатской форме с блестящими пуговицами, — он служил в Подмоскovie и приезжал к ним в увольнение. Это были советские люди — один машинист огромного локомотива, водивший поезда дальнего следования, другой — защитник Родины, воин Советской Армии. А сейчас они, дыша винным перегаром, заявили в тулупах, капелюхах, с мешками этими и канистрами, словно пресловутые Никулин, Вицин и Моргунов из фильма “Операция “Б1”.

Эстетические чувства Енисеева, а равно и этические, были оскорблены. От дядьев откровенно пахло презренным словом “спекуляция”. Он даже не пытался представить их стоящими на рынке с горой грецких орехов на прилавке и канистрами спирта под прилавком, — его начинало подташнивать. К удивлению Енисеева, и мать его, и отец отнеслись к отвратительной метаморфозе, произошедшей с винницким дядьями, как к чему-то само собой разумеющемуся. Но ведь он отлично знал, что родители не любили людей, торговавших на рынках, и частенько поругивали их за алчность и недобросовестность. Почему же теперь они даже не удивились (во всяком случае, внешне) появлению Станислава и Виктора в образе торгашей?

Енисеев уже в ту пору не мог что-то долго держать в себе и прямо спросил дядьев:

— Вы что — спекулянты?

Станислав и Виктор переглянулись. Вопрос им не понравился. Задай его какой-нибудь другой хлопец, они дали бы ему подзатыльник, и дело с концом, но они слышали, что их племянник — хлопец не совсем обычный и даже предсказал войну в Афганистане.

— А ты знаешь, кто такие спекулянты? — после некоторой паузы осведомился Станислав.

Енисеев был начитанным и любознательным мальчиком. Он без запинки ответил:

— Спекулянты — это люди, наживающиеся на недостатке продуктов.

Молодой Виктор отвернулся, а старшего Станислава, судя по лицу, такая постановка вопроса еще больше покорибила.

— Вот видишь! “Наживающиеся”! — воскликнул он. — А какая же с нашей стороны нажива? В наших краях, знаешь, сколько этих орехов? На деревьях вдоль дорог растут! Бесхозные! Что же им, гнить? А в ваших краях их нет! И у государства не дошли руки их довести. Пойди, найди грецких орехов в магазинах! А они очень полезны для здоровья. Что же плохого в том, что мы помогли государству привезти их из наших краев в ваши? — Про спирт Станислав благоразумно не упомянул.

— Но вы продаете их за деньги.

— А как же? Я же свои деньги потратил, чтобы купить их гуртом! А перевоз их сюда, по-твоему, ничего не стоит? — Здесь Станислав Васильевич снова слукавил, потому что приехал на казенный счет и за багаж тоже денег не платил. Но он недооценивал маленького Енисеева.

— Я читал, что наше государство, — звонко заявил тот, глядя прямо в глаза Станиславу Васильевичу, — выпускает столько продуктов, сколько нужно человеку. Не больше и не меньше. Потому что наше государство — социалистическое, и у него плановая экономика. Оно не выращивает лишних грецких орехов. Те, что растут вдоль дороги — не бесхозные, а народные, они тоже кому-то предназначены. Может быть, их должны были привезти в наши магазины. Но их нет, потому что какие-то люди забрали их себе, продали вам, а вы их привезли продавать на рынке.

— Да я это к слову насчет “вдоль дороги”! — спохватился Станислав Васильевич. — У нас в садах эти орехи растут! А то, что в садах — личная собственность! Советское государство разрешает продавать на рынке продукты с собственного огорода!

— А спирт тоже с собственного огорода?

— Да что ты знаешь за спирт? Спирт... — Но дядька осекся и эту чувствительную тему развивать не стал. Побагровев, он уставился, как бык, на племянника и выпалил: — Да ты что: решил, что мы враги советской власти?!

Енисеев не отвел глаза.

— Да, вы враги советской власти, — тихо ответил он и добавил вдруг: — Потому что губите ее и гибнете сами.

Еще секунду назад он не предполагал, что скажет так резко, и уж совсем не думал пророчествовать. Это получилось как-то само собой. И удивительное дело: дядьки вместо того, чтобы поставить зарвавшегося племянника на место, почему-то отвели глаза в сторону, и лица их приняли какое-то невеселое выражение. Первым встряхнулся Виктор.

— А очереди — это как?

— А что — очереди?

— Ну, если человек имеет кое-какие деньги и готов заплатить на рынке побольше, чтобы не стоять в очередях? Некогда ему, допустим? Кто-то же должен ему предоставить такую возможность?

— Да! — обрадовался поддержке брата Станислав. — Очереди! Партия сказала, что очереди со временем исчезнут, но сразу, как видишь, это не получается. Значит, и мы зачем-то нужны?

— Нет, не нужны. Если партия сказала, что не будет очередей, то сказала неправду.

Станислав Васильевич словно поперхнулся. К такой постановке вопроса он был не готов, хотя в глубине души, наверное, был согласен с племянником.

— Как так — неправда? Ты же сам говорил! Про социализм и прочее.

— При социализме цены низкие, — значит, всегда будут очереди. Государство рассчитывает, что человеку нужно, скажем, две пары ботинок в год, а кто-то пойдет и купит три или четыре. А кто-то, может быть, возьмет десять и повезет продавать в другие края, как вы грецкие орехи. А это значит, что где-то будет не хватать ботинок, и за ними люди встанут в очередь.

— И при коммунизме будут стоять? — поинтересовался Виктор.

— Конечно. Если существуют очереди, когда товары продаются за деньги, то тем более будут, когда их станут выдавать бесплатно. Ну и что? Людей на земле становится всё больше, невозможно им дать всё сразу и без очередей.

Енисеев не помнил, чем кончился тот разговор (кажется, в комнату вошли родители), и не знал, действительно ли дядьки были среди тех, кто губил советскую власть. Но он знал, что Виктор через несколько лет спился, работая охранником товарных поездов с “бормотухой”, и умер вскоре после развала СССР. Станислав, выйдя на пенсию в “незалежной” Украине (а пенсию украинское государство назначило ему в 54 гривны), ни сил, ни здоровья заниматься негодиями уже не имел и умер от рака. Неизвестно, непроорочил ли им их судьбу Енисеев, но мелкий бизнес при социализме им точно счастья в жизни не принес.

Позднее Енисеев относился к очередям не столь спокойно, как в детстве, когда он в них почти не стоял. Но в целом, надо сказать, очередей на его долю выпало немного, поскольку во взрослую жизнь он вступил уже при капитализме. И вот однажды суждено ему было вернуться в социализм. Он зашел в большой супермаркет купить какую-то мелочь. Найдя то, что ему нужно, Енисеев пошел к кассе и наткнулся на длиннющую очередь. Так бывало и при капитализме, если другие кассы почему-либо не работали, но, поглядев по сторонам, Енисеев с удивлением убедился, что все шесть касс супермаркета работали и ко всем стояли такие же огромные очереди — преимущественно из пожилых людей. Вяло размышляя, уйти ли ему или продолжать стоять, он вдруг услышал такую знакомую по “перестроечным” временам, но совершенно невозможную в рыночные времена фразу: “Отпускаем только по две в руки!”. По очереди волной прокатился недовольный ропот. Енисеев тоже с неудовольствием поймал себя на давно забытом желании со-

ветского человека взять чего-нибудь больше, чем “по две в руки”. Он поглядел в корзины и тележки стоявших перед ним людей и увидел в них... пачки обыкновенного рафинаду. У Енисеева возникло ощущение, что он попал в провал во времени. Он недоуменно спросил стоявшую впереди бабу:

— В чем дело? Разве сахар исчез из продажи?

— Да не исчез! — ответила та раздраженно, не зная, видимо, что делать с лишними четырьмя пачками рафинаду, что лежали у нее в тележке. — Сахар просроченный, они продают его по двенадцать рублей вместо двадцати четырех! Послушайте! — вдруг сказала она, бросив взгляд в корзину Енисеева. — Вы сахару не берете, возьмите для меня две пачки! Вот деньги!

Но Енисеев уже не глядел на нее. Его детские представления о политэкономии социализма подтвердились! Снижение цен мгновенно вызвало очередь. Он сразу припомнил свой давний спор с дядьями и неожиданно для самого себя (как это часто у него бывало) сказал на весь зал:

— А может, это не советская власть была виновата в очередях, а вы? Смотрю я на вас, господа-товарищи пенсионеры, и вижу, что вы в очередях словно родились. Вы продали Советский Союз за колбасу, а сами стоите за просроченным сахаром. Где логика? И сервелат этот, о котором грезили при социализме, вы не покупаете. Вот же он, без всякой очереди! Берите! Нет, вы давитесь в “Пятерочках” за дешевой колбасой из сои и крахмала, которую так ругали при советской власти. Своим шипением насчет дефицита и очередей вы отвращали нас от социализма. А сами по-прежнему готовы стоять в очередях и день и ночь. Это, оказывается, ваша жизнь. Так чем же вам не нравился социализм? Чему вы учили нас? И чему сейчас учите своих внуков? Скажите им правду, что голосовали за власть, от которой сами вымираете по миллиону человек в год!

Енисеев не получил ни от кого ответа. Народ, как в “Борисе Годунове” у Пушкина, безмолвствовал и на бичующего его витию старательно не глядел. Только стоявшая впереди Енисеева бабка спросила:

— Уважаемый, так вы возьмете мне две пачки сахару или нет?

3

Дело не в том, сбываются или нет предсказания, а в том, могут ли люди ими воспользоваться. Пока еще это никому не удавалось. Предсказаниям либо верили, либо не верили, но ничего не предпринимали, чтобы изменить судьбу, и убеждались в справедливости пророчества, когда оно становилось необратимым фактом. Те же, кто верил и пытался не допустить предначертания, делали это так, что лишь приближали его свершение. Так повелось со времен царя Эдипа. Борясь против рока, он лишь быстрее способствовал его наступлению. Что из того, что Нострадамус умел предвидеть будущее? Оно наступило, и никто не смог помешать этому.

Стало быть, не имеет никакого значения, предсказано будущее или нет? Но мы отлично знаем, что люди не потеряли интерес к прорицаниям. Им почему-то важно не только то, что напророчено о будущем, но и то, что было напророчено в прошлом. Вероятно, если судьба человека предопределена, то сообщение об этом говорит о некоей доступности предопределения, а стало быть, о возможности его корректировки. Страшна неумолимость, полнейшая закрытость предначертания. Кто-то свыше знает о твоём жизненном пути всё, а ты не знаешь ничего. Невыносимо!

Итак, люди по-прежнему нуждаются в прорицателях, чем активно пользуются жулики, называющие себя астрологами, хиромантами и предсказателями судьбы. Это паразиты, дискредитирующие сам феномен пророчества. Нам пытаются доказать, что он связан со сверхъестественными способностями человека, а они здесь вовсе ни при чем. Ничего сверхъестественного просто так, за здорово живешь, не бывает. Пророчества без морали — цирк, не более того. Пророчества — это действенная сторона морали. Иеремии иудеи били не за пророчества как таковые, а за заложенную в них мораль. Он не мог изменить ход событий, но он довел до сведения людей причину их несчастий.

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.*

Судьба человека темна и трагична, если он не слышит голоса совести. Если же он слышит его, то она может быть трагична, но вовсе не темна. Предопределение есть форма судьбы, но не ее содержание. Содержание людям помогают узнать пророки, и они же помогают людям связать их отдельные судьбы в общую судьбу — племени, народа, государства. Осмеянная не раз тяга обывателей к прорицаниям — не предрассудок, а неосознанное стремление обрести снова ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, а его, в свою очередь, направляет Бог на небесах.

— Сколько занимаюсь гаданием по руке, не припомню, чтобы людей интересовали моральные проблемы, — сказал уличный хиромант, подле которого размышлял вслух Енисеев. — Их интересует только личное будущее.

— Будущее — чушь. На бытовом уровне люди умеет предвидеть это самое будущее. Но они в подавляющем большинстве не знают смысла и цели жизни и не видят связи между моралью и судьбой. Поэтому они нуждаются в пророках, а за неимением таковых обращаются к жуликам-предсказателям.

Хиромант оскорбился или сделал вид, что чувствует себя оскорбленным. Это был худой смуглый мужчина средних лет, похожий на грека или грузина, но говоривший по-русски довольно чисто.

— Если предсказать будущее так просто, как вы говорите, то предскажите мое, — предложил он. — Хотя бы ближайшее.

— И мое, — сказал краснолицый мужчина с банкой пива в руке, стоявший у столика уличного предсказателя и слушавший разговор Енисеева и хироманта.

— А, вы мне предлагаете роль Воланда, — оживился Енисеев. — Хорошо. Вы, мужчина, в ближайшем будущем допьете свое пиво, и не исключено, что возьмете еще баночку. А вас, господин хиромант, ожидают неприятности с милицией, коей, видимо, вы не заплатили положенную мзду.

И тут же, как по заказу, за спиной хироманта вырос милиционер.

— Гражданин! Ваши документики!

Потрясенный хиромант разинул рот.

— Ничего сверхъестественного, — снисходительно объяснил Енисеев. — Я видел, как он подходит к вам сзади. На какие-то секунды Господь позволил мне узнать больше о вашем ближайшем будущем, чем это знаете вы, предсказатель судьбы. Но я в данном случае сыграл ту же роль шарлатана, какую играете вы.

— А, пророк! — узнал его мент. — Ты что — устраняешь конкурентов? Учти, будешь пророчествовать за деньги, я тебя тоже оштрафую. Гражданин, следуйте за мной, — приказал он хироманту.

Тот покорно сложил свой столик и поплелся за ментом.

— Может, по пиву? — предложил ослабившийся краснолицый.

— Нет, пиво пейте один, как предсказано, — отказался Енисеев. — Не стоит играть с судьбой.

* * *

Енисеев сидел в приемной заместителя председателя Государственной думы. Он вышел к Енисееву сразу, как тот пришел, но сказал:

— Ко мне приехали две делегации — с Урала и Украины, и я должен их принять. Не думаю, что это будет долго. Вам придется немного подождать. Как только мы закончим, я — полностью в вашем распоряжении.

Гостей вице-спикер принимал часа три. Енисеев от нечего делать смотрел трансляцию пленарного заседания Думы. Кресло вице-спикера в президиуме пустовало. Когда объявили перерыв, он выглянул в дверь и сказал секретарше:

— Заберите, пожалуйста, из зала заседаний папку с моими бумагами.

Заместитель председателя Госдумы был нестарым, цветущим человеком с вкрадчивой улыбкой. Он возглавлял политическую партию и готовился к выборам. Газета, в которой сотрудничал не знавший, куда приткнуться со своим филологическим образованием Енисеев, послала его взять у вице-спикера интервью. Это был оплаченный из избирательного фонда материал, поэтому, видимо, политик не боялся, что Енисееву надоест ждать.

Наконец он позвал его в кабинет. Но на плечах Енисеева вошел какой-то партийный активист и объявил вице-спикеру, что два человека, включенных в их избирательный список, подали заявление о выходе из него. Политик думал недолго.

— Передайте им, что это не они выходят из списка, а я их изгоняю — с позором, — тоном цезаря объявил он.

Вице-спикер был популярен — прежде всего в оппозиционной патриотической среде, и мог себе позволить не переживать из-за каких-то двух ренегатов. Активист, неопределенно усмехнувшись, исчез, и дальше дело пошло быстро. Политик неглупо, уверенно, аргументированно отвечал на вопросы Енисеева, говоря, главным образом, о первых шагах своей партии в случае успеха на выборах. В самом же успехе он насколько не сомневался. Вице-спикер славился красноречием, остротой постановки вопросов и политической непопотопляемостью. В его карьере наступил период, когда ему стало тесно в рамках избирательных объединений и блоков, и он решил идти со своей партией на выборы самостоятельно. Поскольку лично политик еще не проиграл ни одних выборов и был фигурой, как говорят, харизматической, то считалось, что он, по примеру Жириновского, послужит для своей партии хорошим локомотивом и вытянет ее в Думу.

Енисеев в принципе думал так же, но кое-что насторожило его еще до того, как он начал разговаривать с вице-спикером. Дело было даже не в двух ренегатах, в последний момент покинувших корабль партии вице-спикера, — такое происходило сплошь и рядом даже в больших думских партиях, если невысокое место в списке не гарантировало кандидатам попадания в Думу. Еще уславливаясь о встрече с политиком, Енисеев попросил, чтобы его помощники подготовили необходимые материалы — программу, фотографии, эмблему партии. Утром, зайдя в секретариат вице-спикера, Енисеев ничего этого не получил. Худой очкастый глава секретариата, похожий на молодого Сулова, лишь беспомощно рылся в гигантской, доходившей почти до потолка стопке бумаг на подоконнике. Вероятно, Шерлок Холмс смог бы определить возраст этих бумаг по цвету их слоев: внизу они были грязновато-желтые, а по мере возрастания стопы постепенно светлели. Но и без Шерлока Холмса было ясно, что такой плавный переход из одного оттенка желтого в другой мог быть достигнут лишь в том случае, если бумагами на подоконнике никогда не пользовались. Енисеев понял, что искать здесь что-либо бесполезно. Поэтому он попросил вице-спикера дать своему секретариату прямое указание найти материалы, пока он дожидается приема.

Кидая не интервьюера не очень дружелюбные взгляды, помощники политика, тем не менее, довольно быстро, не прибегая к помощи стопы на подоконнике, нашли фотоальбом и программу. Заминка вышла за малым: не могли, как ни странно, обнаружить эмблемы. А она, между тем, в пропагандистском смысле значила больше фотографий вице-спикера и его соратников, потому что воспроизводилась на избирательных бюллетенях. Сказав об этом функционерам, Енисеев направился было назад в приемную. Но тут один из помощников воскликнул:

— Вспомнил! Есть! — Это прозвучало, как знаменитое “Эврика!”.

Он полез в шкаф, где размещались неперенные в думских кабинетах кубки, грамоты и вымпелы, и вытащил оттуда немаленькое блюдо с позолотой.

— Вот!

— Что — вот? — не понял Енисеев.

— Логотип! На блюде!

Енисеев взглянул: на блюде, очевидно, подарочном, действительно красовался логотип партии вице-спикера.

— Так, — несколько растерянно пробормотал он, — а что мне с ним прикажете делать? Фотоаппарата я не взял. Я могу его отнести в газету и отсканировать, если оно поместится в сканер.

Не без сожаления посмотрев на блюдо, помощники согласились, взяв с Енисеева обещание вернуть раритет. Сейчас партийное блюдо лежало в его сумке. Именно оно и было, скорее всего, источником сомнений Енисеева. В Думу проходили те партии, эмблемы которых красовались на пригородных заборах, а не на подарочных блюдах. Ренегаты, кладбище партийных документов на подоконнике, не очень радивые помощники, выдвижение вице-председателем своей кандидатуры одновременно по одномандатному округу — всё это само по себе не столь уж много и значило, потому что могло происходить в любой партии, но вот блюдо с логотипом придавало этим явлениям некую последовательность и законченность.

Енисеев задавал вице-спикеру свои вопросы и записывал на диктофон ответы, а роковое блюдо не выходило у него из головы. Оно, казалось, обесмысливало всё, что говорил его собеседник. Под конец Енисеев всё же не выдержал:

— Позвольте задать личный вопрос, что называется, не для протокола?

— Пожалуйста, — благосклонно кивнул политик.

— Вы и вправду верите, что ваша партия сможет пройти семипроцентный барьер?

На лице заместителя председателя Думы мелькнуло выражение, какое бывает у человека, застигнутого врасплох в не самый подходящий момент. Но оно омрачилось, если Енисееву это не показалось, лишь на долю секунды. Вице-спикер снисходительно улыбнулся, обнаружив вдруг странное сходство с котом.

— Я в политике не первый год. Неужели вы думаете, что я это всё затеял бы, если бы твердо не верил в победу?

Енисееву полагалось из вежливости согласиться с ним и распрощаться, но он издевательски четким голосом сказал:

— Вы побеждали на выборах, когда на вас надевали наручники и записывали в “воронок”. А теперь хотите их выиграть из кабинета. Вы рассчитываете на своих помощников, которые тоже сидят в кабинетах. Но реальная партия, особенно новая, — это сообщество чокнутых на какой-нибудь идее людей, а не кабинетных бюрократов. Лично я вашей программе сочувствую, но помяните мое слово: ваша партия не получит и одного процента. Однако сами вы по одномандатному округу в Думу пройдете.

Откуда, как возник этот “один процент”? Задав свой вопрос о семипроцентном барьере, Енисеев в этих пределах шансы партии вице-премьера и оценивал, и вдруг... Улыбка с лица политика исчезла.

— Посмотрим, — сухо сказал он и кивнул, не подавая руки.

Перед уходом из Думы Енисеев зашел в секретариат вице-спикера позвонить по телефону. Когда он повесил трубку, в дверях вдруг появился сам заместитель председателя со здоровенным букетом роз в руках.

— Уезжаю в театр, — бросил он помощникам. — Надо поздравить юбиляра. — На Енисеева взгляд его задержался лишь на мгновение, как на постороннем предмете, и скользнул дальше.

Блюдо с логотипом поместилось в сканер. Но Енисеев так и не вернул его в секретариат, потому что на первой же редакционной пьянке блюдо использовали по прямому назначению — то есть для колбасы и сала. А помощники вице-спикера о нем не напоминали: видимо, больше логотип партии никому не потребовался.

На парламентских выборах партия заместителя председателя Думы получила 0,9 процента голосов — точно по прогнозу Енисеева. Сам политик, опять же по прогнозу, прошел в Думу, но заместителем председателя, конечно, уже не стал.

С бывшим вице-спикером Енисеев повстречался снова где-то через год, на открытии Московского кинофестиваля. Они столкнулись в проходе. В руках у политика был букет роз. Он явно опять намеревался поздравлять кого-то. Енисеев поздоровался с ним. В глазах отставного вице-председателя он

прочитал желание не узнать интервьюера-пророка. Но он справился с секундной слабостью и, нейтрально улыbnувшись, подал Енисееву руку. У того чесался язык напомнить о том, кто же на самом деле оказался прав, но он не сделал этого. Поданная политиком рука и была косвенным признанием правоты Енисеева.

4

А еще Енисеев предсказал политическое будущее Владимира Путина и Юлии Тимошенко.

В ту пору, когда Путин был назначен Ельциным премьер-министром вместо нерешительного Степашина, не сумевшего организовать отпор отрядам Басаева, вторгшимся в Дагестан, Енисеев читал книгу Светония “Жизнь двенадцати цезарей”. В ней была фотография бюста Юлия Цезаря из Британского музея. Глядя на нее, Енисеев вдруг поймал себя на мысли, что видит лицо Путина, только постаревшего лет на пять.

Надо сказать, что тогда, несмотря на высокое назначение, преемником Ельцина Путина никто не видел. Енисеев убедился в этом, полистав интернет. Егор Гайдар в августе девяносто девятого говорил о возможном президентстве Путина: “Пока это трудно себе представить”. Соратник Гайдара Сергей Юшенков: “Нет, ведь слова президента о преемнике можно понимать как стремление политически уничтожить Путина”. Георгий Сатаров, бывший помощник Ельцина: “Назначение Путина преемником сыграет на руку остальным кандидатам, прежде всего Примакову”. Олег Морозов, лужковско-примаковское “Отечество — вся Россия”: “Нет, и думаю, что и сам Владимир Владимирович этого не видит. Но он вынужден принять правила игры”. Алексей Митрофанов, тогдашний сподвижник Жириновского: “С какой стати?” Екатерина Лахова, движение “Женщины России”: “Путин практически неизбираем”. Игорь Бунин, политолог: “Такая любезность Ельцина может испортить карьеру любому политику”.

Этот согласный хор отрицания настораживал сам по себе, ибо безволие предшественников на посту премьера выгодно подчеркивало волевые поступки Путина, от которых народ уже отвык (решительное наступление в Дагестане, обещание “замочить” басаевцев хоть в сортире). Кроме того, глядя на портреты Путина и Цезаря, Енисеев всё больше находил сходство неслучайным, хотя Путину раньше никогда не симпатизировал как соратнику презираемого им Собчака.

Поразмыслив над всем этим, Енисеев написал для журнала, в котором тогда был обозревателем, полушуточную статью под названием “Пришел, увидел, победил” и подзаголовком “До свидания, куклы!”:

“Во внезапном возвышении Путина есть некая совершенно обескураживающая, а потому и неназываемая политологами правда. Это — полная беспомощность, несамостоятельность и некомпетентность той “политической элиты”, что существовала до назначения Путина председателем правительства. Она таращит глаза на Путина, как будто на политическом небосклоне появился НЛО, затмивший враз померкшие полусветила. Надо же! Такие “бабки” получать и так обмишуриться... Как не стыдно!

И телешоу “Куклы” на НТВ сразу как-то поблекло — вы заметили? Полагаю, нас ждет постепенное отмирание этих “Кукол”, — во всяком случае, в прежнем качестве. Ельцинский балаганчик закрывается. До свидания, куклы! Первый симптом краха балаганчика — в том, что кукла Путина не очень-то вписывается в ряд привычных персонажей шоу Пичула—Шендеровича. Ведь какова его концепция? Все куклы делятся на две части — Ельцин и остальные. И это, в принципе, верно: ведь личностью среди них, пусть и с отрицательным знаком, являлся только Ельцин. Когда ввели Лукашенко — тоже, безусловно, личность, — его пришлось сильно окарикатурить, чтобы не “перетягивал”. А вот “концепция Путина”, кроме вариаций на тему “мочить в сортире”, кукловоды с НТВ не нашли — потому и не “вписался” он.

Вы видите здесь два портрета — Юлия Цезаря и Владимира Путина. Удивительно: разделенные двумя тысячами лет, они всматриваются друг

в друга, как в свое зеркальное отражение. Казалось бы, кто такой Цезарь, а кто такой бывший подполковник КГБ Путин? Но вспомним Аристотеля, одного из основателей науки “физиогномики”, которая учит, что между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности существует нерасторжимая связь. Сравнивая портреты Цезаря и Путина, попытаемся составить некий интеллектуальный и психологический фоторобот.

Итак, прически у Цезаря и Путина одинаковые, только Цезарь, в отличие от Путина, зачесывал волосы на лоб, сзади наперед. Волос немного, но и то правда, что при длинных волосах ум бывает короток. Цезарь охотно соглашался, когда ему советовали прикрывать часть “волосистой поляны” лавровым венком. Лбы, как у Цезаря, так и у Путина, всеми специалистами-френологами оцениваются по высшей шкале. Высокий, ровный лоб говорит о бесспорной одаренности.

Теперь посмотрим на уши обоих властителей. Если ухо расположено выше уровня бровей, то это свидетельство высокого интеллекта, а если ниже — то можно претендовать только на мандат депутата городской думы. Так вот, у Путина этот показатель, пожалуй, лучше, чем у Цезаря.

Без крупного, длинного носа в политике вообще делать нечего (пример — Лужков). Он — признак стратегического склада ума и характера. Древние шутили, что человек с длинным носом влезет туда, куда другие не дотянутся и руками. Выраженная “носатость” — это внешнее проявление такого весьма ценного качества, как упреждающая реакция на ход событий. Таких людей ценят среди охотников и диверсантов.

Обратите внимание на желобок, идущий у Цезаря и Путина от носовой перегородки к верхней губе. Чем глубже и четче он вырезан, тем решительнее и напористее является его хозяин. Такие люди охотно берутся за новое дело, не без основания считая, что только так и можно подняться над серостью и обыденностью. Наш Путин этим желобком ничем не уступит ихнему Цезарю.

Челюстной аппарат — это механизм захвата и удержания добычи. Плебеи стараются развить его непрерывным жеванием чунгама, а есть люди, которым он достается от рождения. Крепкие, почти квадратные челюсти Цезаря и Путина говорят о том, что эти своего не уступят.

Не надо пытаться заглядывать в глаза людям типа Цезаря и Путина: это связано с риском для вашего благополучия. Их постоянно суженные зрачки отражают ежеминутную готовность к активным действиям. Это о них говорят, что они смотрят, как сквозь прицел. Не надо добровольно становиться мишенью!

Всё вышесказанное дает основание считать, что Путина выберут президентом, и его президентство будет более успешным, чем предыдущее ельцинское. С большой долей вероятности можно сказать, что к своим противникам Путин будет так же милостив, как и Цезарь, про которого рассказывали, что, когда он попал в плен к пиратам, то в ответ на их издевательства обещал им смерть на кресте. Когда через некоторое время пираты попали в плен к самому Цезарю, он сжалился над ними и велел заколоть их кинжалами, и только потом приказал прибить к крестам.

Надеемся, что сходство героя античности и героя нашего времени не заставит Путина разделить судьбу Цезаря, который погиб от двадцати трех ударов кинжала, нанесенных его ближайшими друзьями. Напомним слова римского историка Гая Светония Транквилла: “Из его убийц никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и погибли по-разному... А некоторые поразили себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря”.

Енисеев отнес статью с фотографиями главному редактору журнала. Она была лучшей из всех когда-либо написанных Енисеевым, не стремившимся к успеху в этом жанре, поскольку тяготился им. Но у лучшего, как известно, в российской прессе незавидная судьба. Редактор прочел, почесал затылок и вычеркнул фамилию Енисеева под материалом, написав: “Аналитическое агентство”. Зачем он так сделал, один Бог знает: вероятно, считал, что

не Енисееву заниматься иронической физиогномикой Путина и предсказывать исход президентских выборов.

На статью тогда не обратили особого внимания, но потом, после 26 марта 2000 года, когда Путин победил на президентских выборах, завоевал снова Чечню, сокрушил Гусинского, Березовского и Ходорковского, о нем стали писать то же самое, только всерьез и не упоминая Цезаря.

29 декабря 2002 года прекратила свое существование программа “Куклы”.

* * *

С Тимошенко же дело было так. Накануне украинских выборов 2009 года Енисеев с женой отдыхал в Крыму. По всему полуострову висели белые, лишенные признаков партийной символики билборды и растяжки:

“Вони відпочивають (отдыхают),

ВОНА — працює (работает)”;

“Вони грабують,

ВОНА працює”;

“Вони зраждують (предают),

ВОНА — працює”, — и т. п.

Совершенно очевидно, что авторы “ВОНЫ” действовали в полном соответствии с учебником коммерческой рекламы, предписывающим в течение достаточно долгого периода времени вбивать в сознание потребителей непонятное интригующее слово, а перед распродажей разъяснить, наконец, какой именно продукт оно означает. Исходя из этой логики, полагал Енисеев, “ВОНА” непосредственно перед выборами должна была превратиться в Тимошенко. Он ошибся ненамного, упростив схему данного “пиара” на одно звено. На самом же деле планировалась не одна, а еще две смены слоганов: сначала “ВОНА — це Україна”, а потом, где-то за месяц до выборов — “Україна — це Тимошенко”. Последнего, кстати, так и не произошло.

Енисеев еще был в Крыму, когда туда пожаловала Тимошенко. Она провела встречи с избирателями, а потом дала пресс-конференцию. Енисееву позвонили из одной газеты и попросили аккредитоваться и сделать материал. Лишние деньги ему бы не помешали, а под такой материал уверенно можно было просить аванс. Его тут же прислали, и Енисеев поехал с Южного берега в Симферополь. По дороге, помимо пресловутой “ВОНЫ”, он неоднократно встречал другой проект пиар-шарлатанов: из грязных зеленовато-коричневых пятен на билборде проступало лицо бывшего председателя Верховной Рады Украины Арсения Яценюка и слоган: “АРСЕНИЙ. СПАС-ТИ СТРАНУ”. Один Бог ведал, почему этот похожий на кролика длинный лысый юрист предстал в камуфляжных цветах. Смех смехом, а халтурные билборды и растяжки в духе наглядной агитации Остапа Бендера стоили немалых денег, поскольку висели на главной крымской трассе, ведущей к Южному берегу.

На пресс-конференции Тимошенко выступала, как на митинге, с воздетым вверх правым пальчиком, к которому часто добавляла левый, словно показывала, какую рыбу поймала. Дали задать вопрос и Енисееву, хотя он к этому не очень стремился. Он спросил первое, что пришло в голову:

— Что вы будете делать в случае проигрыша на выборах?

— А кто вам сказав, що я програю? — отпарировала Тимошенко. Ее риторический вопрос не подразумевал ответа: здесь по законам жанра полагалось рассмеяться, и всё. Во всяком случае, так сделали украинские журналисты. Но Енисеев тут же воспользовался опрометчиво данной ему Тимошенко возможностью и ответил:

— Как минимум две вещи говорят об этом. Во-первых, ваша наглядная агитация, которая осуществляется по законам коммерческой, а не политической рекламы. Ведь если внедряемый в сознание с помощью незнакомого слова товар конкурентам трудно высмеять, то “ВОНА” легко уязвима с этой точки зрения, потому что о ней, по крайней мере, известно, что она женско-

го рода и имеет отношение к Тимошенко. Во-вторых, вы приехали в русскоговорящий Крым и говорите только по-украински. Ваши сторонники на западе Украины легко простили бы вам, если бы вы говорили в Крыму по-русски, оставаясь на их позициях. А вот вашим русскоязычным сторонникам в Крыму важно, чтобы вы говорили именно по-русски. Вы же делаете реверанс в сторону Львова, в данном случае ему не очень важный, и теряете Крым. Заметьте, при этом я не упоминаю ни о Черноморском флоте, ни о НАТО: здесь голоса между вами и Януковичем разделятся традиционно, и не факт, что в вашу пользу. В итоге вам не хватит именно тех голосов, которые будут поданы в Крыму за Януковича, и вы проиграете выборы. — Незаметно для себя начав пророчествовать, Енисеев остановиться уже не мог и предрек Тимошенко: — После этого вы никогда уже не вернетесь к власти. Вас затаскают по судам.

В зале повисла тишина. На миг Юлия Владимировна опустила глазки, а когда снова их подняла, они абсолютно ничего не выражали, словно Тимошенко успела надеть на них какие-то защитные линзы. Столь же нейтральной была и улыбка ее длинных пухлых губ. Не выставляя пальчика, Тимошенко сказала (снова по-украински), что не боится быть смешной, потому что известно, кто хорошо смеется; затем, всё же выставив пальчик, заявила, что говорить в Крыму на “державной мове” Украины честнее, чем говорить по-русски и обещать сделать русский язык вторым государственным, как Янукович, но не делать этого. На предстоящих выборах будут решаться более важные, насущные проблемы для граждан Украины, чем проблема второго государственного языка. Например, борьба с коррупцией. Судами же ее не удивить. Что же касается результатов выборов, то она верит не в пустые прогнозы, а в здравый смысл украинского народа. Украинцы ей похлопали.

“ВОНА” накрылась месяца через два. Сначала народ повеселила никому не известная женщина по фамилии Вуна, зарегистрировавшаяся кандидатом в президенты Украины, а потом пропагандисты Януковича нанесли второй удар, окончательно разрушивший кропотливо возводимое здание “долгоиграющей” “ВОНЫ”. Они использовали то, что уже носилось в воздухе, щекотало кончики языков людей, но еще не родилось как слово. Пирарщики “Партии регионов” сняли и запустили по ТВ видеоролик, в котором демонстрировались тимошенковские баннеры на фоне разрушающихся украинских заводов, бомжей, беспризорных, проституток, наркоманов, а под конец дали свой вариант слогана: “Коли ВОНА так працює, нехай ВОНА відпочіває”. Это было, что называется, простенько и со вкусом. Народ заржал — и миллионы тимошенковских долларов, потраченных на “ВОНУ”, вылетели в трубу. Оттого и не дошло дело до заключительной части “ВОНЫ” — “Україна — це Тимошенко”.

Во втором туре выборов Тимошенко уступила Януковичу 887 909 голосов. В Крыму за Януковича проголосовали 821 244 человека.
5 августа 2011 года Тимошенко арестовали в зале суда.

5

Мы знаем много пророков в человеческой истории, но мы не знаем, как ими становились. Происходило ли это так, как в стихотворении Пушкина?

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Или пророки развивали свой дар так, как развивал его косноязычный Демосфен, учившийся дикции, набив камнями рот?

Мне дана некая возможность предвидения, но я не знаю, зачем. Я умею заставить людей слушать себя, но не умею зажечь их сердца. Что это — отблески случайного дара, которым не суждено развиваться в подлинный дар, как не суждено поэту-импровизатору, сочиняющему стихи на ходу, писать стихи гениальные? Или, напротив, я обладаю начатками тайного божественного знания, которые требуется неустанно возвращать? Но как? Я должен личным примером доказать свое право быть пророком? Как у Лермонтова?

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.*

Стало быть, надо ходить в рубище, питаться акридами, просить подаяние, показывая гноящиеся язвы? Однако времена почтения к юродивым на Руси прошли, и сегодня прорицателя в рубище безоговорочно сочли бы жуликом, не считая при этом за жуликов респектабельных шарлатанов, камлающих в окружении пентаграмм, семисвечников и зеркал.

Мои “демосфеновы камни” — что это?

Может быть, я обращаюсь не к тем людям и не тогда, когда это действительно необходимо? Но как найти нужных людей и выбрать правильный момент? Если бы имел возможность пророчествовать по телевидению или радио, нужные люди сами бы нашлись, но электронные СМИ для того и существуют, чтобы не вернуться на Землю эра пророков. Есть еще интернет. Можно открыть свой блог и пророчествовать сколько угодно. Но это точно такое же занятие, как писать статьи и книги, а я не писатель. Я и журналист-то никакой. То, что мне нравится писать, печатают крайне редко, а то, что нравится издателям, вызывает во мне отвращение. Даже лучшие мои статьи и очерки лишены того запала, который появляется у меня, когда я вдруг начинаю резать правду-матку совершенно случайным людям. А потом, писательство — это ведь низший вид творчества по сравнению с пророчеством; во всяком случае, так считали люди, знавшие в писательстве толк — Пушкин, Лермонтов, Гумилев... Писательство, в сущности, — такая же замена древнего искусства пророчества, как гадание по руке и по картам — замена искусства прорицания. Мы знаем пророков, ставших писателями (в том смысле, что записывали свои откровения), но не знаем писателей, ставших подлинными пророками. Какой же смысл постигать секреты мастерства, являющегося эрзацем более высшего мастерства?

А может быть, я никакой не пророк, а просто так называемый аналитик, не нашедший применения своим способностям? Но откуда, из какого анализа родились эти цифры: меньше одного процента голосов у партии вице-спикера или число голосов избирателей Крыма, которых недосчиталась Тимошенко? Да никакой анализ и не смог бы позволить уверенно сделать эти выводы.

А какому анализу обязано мое детское предсказание о войне в Афганистане и пророчество дядькам, что они губят страну и гибнут сами?

Эти и другие предсказания, как бы невзначай сделанные мной, говорят, что я не лишен некоего наития. Но что это — искра Божья или игры со мной в кошки-мышки лукавого? Мне нужен знак, который, как луч фонаря, осветил бы мой путь, но знака нет. Или я его не вижу. Я блуждаю впотьмах и не знаю, когда смогу выйти на свет.

— А в спиритических сеансах вы участвовали? — спросил священник, к которому пришел за советом Енисеев.

— Было дело, но к так называемым медиумам не отношусь. Когда я сам пытался повторить эти сеансы с друзьями, у меня ничего не получалось. Впрочем, всё это было очень давно — в отрочестве.

— Что ж, какие-то способности и впрямь у вас есть, — задумчиво промолвил священник. — Ведь, спрашивая про спиритические сеансы, я на самом деле именно медиумические способности и имел в виду. И вы сразу разгадали суть вопроса.

— Это всего лишь логика, не имеющая отношения к тому, что мучит меня, — уныло сказал Енисеев. — А то, что доводилось мне предсказывать, выходит за рамки логики.

— Скажу честно, кроме нескольких старцев, никогда не встречал людей, которых можно отнести, что называется, к пророкам. Экстрасенсов, астрологов, несостоявшихся спасителей Отечества доводилось встречать и даже исповедовать, а вот пророков никогда. Да и как бы это произошло? Это мы, грешные, должны исповедоваться пророкам, а не пророки нам. Сказано: “Бога человеком невозможно видеть, на Него же не смеют чины Ангельстии взирати”, а с библейскими пророками разговаривал Господь и даже являлся им в каком-нибудь образе. Что же я могу сказать вам о даре пророчества? Вы, как я понял, верующий человек?

— Я хотел бы верить.

— А что вам мешает?

— Ничего. В данном случае это местоимение. Моей вере нужна опора, а я барахтаюсь в этом Ничего, не зная, то ли я пророк, то ли страдаю магией величия.

— М-м-м... А какой образ жизни вы ведете?

— В смысле? — не понял Енисеев.

— Библейские пророки были праведниками. Вы праведник?

— Во всем, что не относится к моим попыткам пророчествовать, я обыкновенный обыватель.

— Но обыватели не становятся пророками.

— Я знаю. Я и пришел вас спросить: кто ими становится? Вы, как я понял, мне ответили: нужно быть праведником. Так?

— Полагаю, это необходимое условие.

— Однако, судя по вашим словам, вы даже среди праведных людей, если не считать старцев, пророков не встречали.

— Да.

— Стало быть, я должен поставить себе цель стать праведным человеком, а не пророком.

— Вам кажется это слишком большой жертвой? Ведите праведную жизнь и положитесь на Господа, и Он рано или поздно даст вам знать, пророк вы или нет. Со старцами, во всяком случае, так и происходит.

— Мне кажется, это было бы с моей стороны не очень нравственно.

— Отчего же?

— Ну, получается, что праведная жизнь, с моей стороны, есть лишь средство для достижения цели — стать пророком. А праведная жизнь, наверное, должна быть самоцелью. Что же это: я буду год за годом вести праведную жизнь и думать: когда же, наконец, я стану пророком?

— К чему вы клоните?

— К тому, что развить свой дар одной лишь праведной жизнью мне не удастся. Для этого, наверное, нужна какая-то сверхправедная жизнь. Но какая?

— Я не являюсь вашим духовным отцом и не могу вам советовать вести какую-то сверхправедную жизнь. Я не знаю, насколько вы к ней готовы.

— Я готов. Но не готов мучиться сознанием, что она не помогает мне развить свой дар. Как мне быть?

Священник задумчиво глядел на Енисеева.

— Знаете, что? — наконец, сказал он. — Давайте, чтобы хоть как-то решить этот вопрос, подключим ваши способности. Что я, по-вашему, сейчас вам скажу?

— Ну, это просто. Вы мне скажете примерно следующее: если вне Церкви нет спасения, то тем более никакого дара свыше вне Церкви развить невозможно. Но меня-то интересует, что мне дальше делать, уже завтра: искать ли тихого безмолвного жития или пытаться пророчествовать?

Батюшка был удивлен, но опытом, кажется, остался доволен.

— Да, вы необычный человек, — откашлявшись, признал он. — Я думаю, вам не пришло еще время спасаться. Пророчествуйте.

— Но кому, батюшка, кому? Я же с этого и начал, что некому!

— Не вы с этого начали. С этого начал испытывать Вас Господь, если Он действительно одарил вас способностью к пророчеству. Не ищите тех, кто захочет вас слушать. Идите к тем, кто вас слушать не хочет.

— Стало быть, тот путь, которым я сейчас иду впотьмах, правильный?

— Откуда вы знаете, что идете впотьмах? Может быть, вы идете с закрытыми глазами?

6

Ночь. Пустота. Фонари. Светофоры. Всё неподвижно — на земле и на небе. И только далеко вверху, как живая звезда, мерцал огоньками самолет. Где-то в ночи на одном из таких самолетов летела его жена. Она была стюардессой. Енисеев не знал, любила ли она его, не знал даже, верна ли она ему, но всегда в ее отсутствие, видя в ночном небе мигающую звездочку самолета, думал: “Это — Надя”.

Однажды он летел в командировку в Иркутск. Тогда еще в самолетах курили, в специально отведенных местах. Обычно они располагались возле туалетов. После взлета Енисеев поглядывал в ту сторону, но курящих не видел. В то же время с другой стороны, из-за занавески, разделяющей салоны, слабо доносился запах табака. Он решил заглянуть туда. Там, в маленьком “предбанничке” возле кухни, курила в кресле у окошка молоденькая стюардесса. Енисеев обратил на нее внимание, когда она еще разносила воду. Светлоликая, тонкая, с ладной фигуркой, она очень точными, выверенными движениями подавала стакан. При этом рука у нее ни разу не дрогнула, и Енисеев тогда подумал, что нипочем бы не выучился такому искусству.

— А мне нельзя покурить возле вас? — спросил он.

— Курите, — легко согласилась она и улыбнулась.

Енисеев зажег сигарету и подумал, что хорошо еще что-нибудь спросить у такой красивой приветливой девушки, чтобы снова увидеть ее улыбку, но ничего такого не пришло ему в голову. Не скажешь же ей, что она очень изящно подает стаканы? Енисеев, высокий шатен с падающей на глаза спутанной челкой и резким профилем, в котором было что-то гофманское, нравился женщинам, но не умел непринужденно начинать с ними разговор. Чаще всего это делали сами женщины. Между тем стюардесса затушила сигарету, встала и так же легко, как разрешила ему курить, предложила:

— Присаживайтесь, если хотите.

— Нет, что вы, что вы, — прижав руку с сигаретой к сердцу, отказался смущенный Енисеев и так энергично помотал головой, словно она предложила ему пакетик героина.

Улыбнувшись желанной светлой улыбкой, девушка ушла в подсобку. Енисеев докурил и вернулся на свое место. Через некоторое время ему показалось, что в самолете что-то изменилось. Ровный шум двигателей стал тише. Прислушавшись, он понял, что гудение стихло только с левой стороны. Енисеев повернулся к своему соседу, подполковнику авиации. Тот тоже сидел, наставив ухо в сторону левого крыла. Сходу прочитав в глазах Енисеева направление его мысли, подполковник шепнул:

— Идем на правых двигателях. Только прошу вас, молчите, не создавайте панику. Мы можем лететь и на одном двигателе.

Енисеев кивнул, вспомнив, однако, что у большинства разбившихся самолетов, о которых он слышал, тоже продолжали работать один или даже два двигателя. Он снова испытал желание покурить, на этот раз острое. Енисеев встал и пошел за ширмочку, ответив на предупреждающий взгляд соседа:

— Молчу.

Улыбчивая девушка сидела в своем креслице с белым, как снег, лицом. Напротив нее, с закрытыми глазами, сидела другая стюардесса и, кажется, молилась. Вид у них был несчастный и смертельно уставший. Енисеев, забыв о сигарете, вдруг сказал им:

— Не бойтесь. Через двадцать минут заработают все двигатели. Наш самолет сядет нормально, в штатном режиме. Вы прекрасно отдохнете неделю в Иркутске, пока его будут проверять и ремонтировать.

Стюардессы уставились на него, как на привидение, а потом вторая сдавленно пробормотала:

— Пассажир, пройдите в салон на свое место.

Енисеев, как соннамбула, послушно пошел назад. По пути он глянул на часы. Двадцать минут! Что это? Опять накатило его скрытое призвание? Ну, ладно, ему хочется верить, что левые двигатели заработают. Но откуда взялись эти двадцать минут? И, что интересно, когда он шел курить, то испытывал страх, а теперь ни малейшего. Даже и курить расхотелось. Енисеев поудобней устроился в кресле, закрыл глаза. Ему было хорошо и покойно. О неработающих двигателях он не думал. Он даже задремал, как сквозь дрему в его сознание проникло знакомое гудение с левой стороны. Енисеев взглянул на часы. Прошло ровно двадцать минут.

Самолет сел точно по расписанию.

— Ну, что я вам говорил? — сказал Енисееву сосед, лоб которого, однако, был покрыт испариной.

— Да я ведь и не спорил.

Никто из пассажиров, кроме них, остановки левых моторов, похоже, не заметил. На выходе Енисеев поймал на себе пристальный и несколько растерянный взгляд светленькой стюардессы и улыбнулся ей в ответ:

— Вы обратили внимание? Прошло ровно двадцать минут.

Она ему серьезно кивнула. “Эх, спросить бы у нее телефончик!” Но сзади напирала толпа пассажиров, в тамбуре стояли другие стюардессы. Причем вторая, черненькая, которая прогнала Енисеева, увидев его, старательно отвела взгляд. Подобная реакция на сбывшееся предсказание была знакома Енисееву, а вот с уважением, промелькнувшим в глазах светленькой, он столкнулся, пожалуй, впервые. Это был, что называется, успех.

Вечером судьба приготовила Енисееву подарок: он узнал, что поселился в одной гостинице с экипажем самолета. В холле он буквально нос к носу столкнулся со светленькой, одетой цивильно — в джинсах и маечке, что лишало ее той недоступности, которую придает стюардессам форма. Узнав Енисеева, девушка всплеснула руками и без всяких предисловий выпалила:

— Самолет действительно поставили на ремонт, и мы будем здесь жить около недели!

Об этом предсказании Енисеев вообще не задумывался и не мог бы определить его генезис, даже если бы умел: никакого дела до того, сколько экипаж пробудет в Иркутске, ему не было, в отличие, скажем, от желания, чтобы двигатели через двадцать минут заработали. Может быть, в данном случае сказалось тайное желание Енисеева снова встретиться со светленькой? Но откуда он мог знать, что окажется в одной с ней гостинице? Никогда прежде ему не доводилось видеть в гостиницах летчиков и стюардесс гражданской авиации. Думалось, они живут в каких-то специальных отелях при аэропортах, как, наверное, и было во времена безраздельного царствования “Аэрофлота”.

Однако Енисеев постарался не дать отразиться на лице пронесшимся в его голове сомнениям и скромно сказал:

— Я рад, что всё так получилось.

— Но как... как вы это смогли узнать?

— Вам интересно?

— Очень, — призналась девушка. — Меня подобные вещи вообще интересуют. Но лично я с ними никогда не сталкивалась. Это первый раз. А знаете, что думает моя подруга? Что вам это всё сказал ваш сосед, военный летчик.

— Отдаю должное ее наблюдательности и логике. Я действительно говорил с ним о заглохших двигателях, но он мне сказал только то, что мы можем лететь и на одном моторе. Присядем? — Енисеев указал на кресла в холле, возле бара.

— Давайте, — тут же согласилась девушка.

Вот он — первый искренне заинтересованный, неввраждебно настроенный слушатель! Так, может быть, и поведать ей всё — с самого начала? Енисеев уже физически страдал от невозможности высказать людям всё, что чувствовал он и не чувствовали они. И тут он впервые, пожалуй, понял весь

ужас своего положения. А что рассказывать? О напророченной им в детстве войне в Афганистане, которая началась, когда девушка и на свет-то, небось, еще не появилась? Его предсказание в самолете было самым эффектным и приятным для тех, кто его слышал. Другие пророчества — особенно политические — были и непонятны ввиду их сложной предыстории, и неэффектны, и малоприятны. Исключение составляло предсказание о Путине, но оно без фотографии бюста Цезаря выглядело бы не очень убедительным. Лично для Енисеева политические пророчества были ценны тем, что были связаны с его нравственными обличениями окружающего мира, но эта связь была еще ни для кого не очевидна, кроме него самого. Да и сам он скорее предполагал наличие связи между своими обличениями и предсказаниями, чем наблюдал их воочию. В этом, в сущности, и была его главная проблема. О чем же он мог поведать этой ждущей необычных объяснений девушке? О тайной его мечте, что он и такие люди, как он, в существование которых он верил, помогут человечеству снова обрести ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, направляемый Самим Богом? Тогда она подумает, что связалась с каким-то сектантом, как, например, решили выслушавшие его как-то в участке милиционеры.

Енисеев приуныл. Он, ссутулившись, сидел за столиком, глядел на пельяницу, а девушка глядела на него. Пауза затянулась.

— Чай, кофе? — встрепенулся Енисеев.

— Чай... или кофе, неважно. Вы обещали рассказать мне...

— Да, то есть нет. Я ничего не обещал. Мне бы хотелось, конечно, удивить, поразить вас, привлечь ваше внимание, но...

— Не понимаю, о чем вы. Расскажите, как вам удалось узнать про двадцать минут и неделю? Вы разбираетесь в авиации?

— Совершенно не разбираюсь, — рассмеялся Енисеев и, подумав, признался: — Я пророк.

— Как? Пророк? Типа Глобы?

— Глоба — астролог. А я пророк или думаю, что пророк. Если вылагаете, что я знаю, как предсказал насчет двадцати минут и недели, то вы ошибаетесь. Лично я объясняю это просто: вы мне, наверное, понравились.

Однако девушка совершенно не была настроена на игривый лад.

— Но как это связано с работой двигателей? — допытывалась она.

— Стало быть, как-то связано. Вы удивитесь, но всё в этом мире связано. Даже человеческая приязнь и работа авиационных двигателей. Надо лишь уметь видеть узелки. Но это дано не каждому.

— А вам дано?

— Увы, не дано. И это меня мучит. Я вас просто с подружкой успокаивал, видя ваши несчастные лица. Но всё вышло именно так, как я сказал. Такое уже со мной бывало, но, правда, это никогда не имело отношения к избавлению от какой-то опасности. Тем не менее, я должен вам сказать, что, напророчив вам в самолете хороший конец, я и сам тут же преисполнился уверенности, что так всё и будет. Ну, если не считать недели в Иркутске: я это брякнул и забыл. Приятно было увидеть, что напророчил правильно.

— Так вы никогда этим специально не занимались?

— Специально — никогда. То есть мои пророчества были, конечно, связаны с тем, что я делал, но меня о них никто не просил, и сам я еще за секунду до предсказания ни о чем подобном не думал.

— Здорово... — девушка задумалась, от чего ее изогнутые тонкие брови забавно превратились в треугольники. — Так, может быть, ваше предсказание оттого и сбылось, что вы нас с подружкой пожалели?

— А, вы намекаете, что для меня необходимым импульсом могут являться добрые чувства. Должен вас разочаровать: предыдущие удачные пророчества вызывались чувствами совсем не добрыми. Хотя отчасти вы, наверное, правы: последний опыт показал, что и добрые чувства способствуют предвидению.

— Как жаль, что это у вас всё получается случайно! — воскликнула девушка. — Слушайте, а может быть, вам стоит поучаствовать в “Битве экстрасенсов”?

— Нет, не стоит. Это же шоу.

— То есть вы думаете, что там всё ненастоящее?

— Насчет всего не знаю, но вижу, что участники появляются и в других телешоу, причем идущих в тот же день. А потом, я ведь не экстрасенс и не собираюсь развивать свои скромные способности для того, чтобы разгадывать загадки и раскрывать преступления. Я хотел бы стать пророком, если мне, конечно, это суждено, но меня совсем не прельщает карьера колдуна или бытового предсказателя.

— А в чем разница? Чем занимаются пророки?

— Занимаются — не то слово. Пророки живут, но мир ощущают по-другому, нежели остальные люди, с полным проникновением в суть всего, происходящего в мире. *Всего*, понимаете? В том числе и того, что другие люди не видят и не слышат. Помните, у Пушкина в стихотворении, которое вы, наверное, учили в школе?

*“Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье”.*

Мне довелось испытать нечто подобное лишь в детстве, перед тем как я предсказал войну в Афганистане...

— Наконец-то я поняла, о чем в этих стихах идет речь! — призналась девушка. — А то меня всегда сбивали эти гады морские...

Енисеев и Надя, как звали стюардессу, подружились. Судьба неожиданно подарила им недельный отпуск, лучше которого Енисеев не проводил за всю свою жизнь. Летнее кафе на берегу Ангары, чувство беззаботности и свободы, солнце, играющее в водах мощной реки, опрокинутое в них высокое чистое небо с перистыми облаками... Причудливые каменные купеческие дома на широких улицах, дивные цветники, такие неожиданные в сибирском городе... Легкая грациозная фигурка Нади, взбирающейся на гранитную кручу возле Кругобайкальской железной дороги... Необозримая синяя гладь Байкала, на которой внезапно появлялись усатые морды и маслянистые спины нерп...

И полдень в номере с задернутыми шторами, разбросанная по комнате одежда; светлое лицо Нади на подушке, изгибы ее гладкого тела, от прикосновения к которым перехватывало дыхание у Енисеева, быстрый, как у птицы, стук ее сердца, неожиданная сила ее тонких рук, задрожавших и обмякших, когда она тихо застонала, но вскоре сомкнувшихся на его спине с новой силой; короткие провалы в сон и внезапные, с ударом сердца, пробуждения, после которых, еще не открыв глаз, они снова, как капельки ртути, льнули друг к другу, гибко сплетаясь руками и ногами, словно не желая оставлять и малейшего зазора между собой.

День мелькнул и пропал. Тихо дыша, Надя спала на груди у Енисеева. Ночью она вдруг вскочила с постели.

— Сколько времени? Где часы? Где мобильник? Сумочка?

Не открывая глаз, Енисеев зашарил рукой по тумбочке, ища ночник. Вспыхнул свет. Нагая Надя, гибко наклоняясь, поднимала и бросала в беспорядке разлетевшиеся по всей комнате вещи. При взгляде на нее у Енисеева снова перехватило дыхание.

— Первый час! Я же не пришла ночевать! Что подумает моя соседка? — Она в спешке, теряя равновесие, путалась в паутинке трусиков.

Енисеев схватил ее за руку.

— Не уходи.

— Как так “не уходи”? Если не приду, не сокру ей чего-нибудь, завтра обо всем командир узнает. Нет, надо идти!

— Давай, чтобы ты не врала, я тебе предскажу кое-что.
— Да ну тебя! Илюша, пусти, мне, правда, надо идти.
— Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж. И не надо будет никому ничего объяснять.

Девушка замерла, подняла брови. Несколько секунд она глядела в глаза Енисееву, потом лицо ее осветилось улыбкой:

— Вот как? А когда же ты сделаешь мне предложение? В Москве? Или ты его делаешь сейчас?

— Ну, конечно, сейчас.

— И это не предсказание?

— Почему — предсказание. Но только от тебя зависит, сбудется ли оно. Надя подбоченилась, покачала тонкими бедрами.

— Тогда я подумаю.

Но у Енисеева не осталась.

Она пришла утром со стаканчиком кофе и, отдав его Енисееву с той же точной грацией, как это делала в самолете, сказала: “Да”. Надя не раз потом повторила это “Да”: в постели, когда торопила сладкую муку, обнимая его с не женской силой, и когда слабела у вершины любовных трудов, и руки ее начинали дрожать.

Никогда больше им не было так хорошо, как в эту неделю. Вернее, было еще хорошо, но не так. Жизнь постепенно разводила Енисеева и Надю по разным углам. У них не было, в сущности, общей жизни, кроме интимной. Да и та выдалась странная, урывками: они не видели друг друга половину дней в году, поскольку из стюардесс Надя не ушла. Поначалу Енисеев настаивал на этом, но Надежда спросила, сколько он зарабатывает в месяц, и, когда узнала, что в иные месяцы нисколько, сказала: “Вот видишь”, и отправилась в очередной рейс. Енисеев не успевал к ней толком привыкнуть, когда она возвращалась из рейса, а Надежда уже уходила от него — в точности, как после первой их близости в иркутской гостинице.

Курьезным в этой ситуации с семейным заработком являлось то, что общие деньги им были почти не нужны: из-за встреч урывками они не имели возможности их вместе тратить. Это касалось даже еды и питья, потому что холодильник был забит “невостребованными” пассажирскими пайками и маленькими бутылочками спиртного, которые привозила из рейсов Надя. Одежду она покупала на дешевых распродажах во время зарубежных рейсов, а стирать ее относила в автопрачечную при авиакомпании. Прочим домашним хозяйством “по умолчанию” занимался Енисеев, а “хозяйства” того оставалась уборка да плата по счетам. Идеальная жизнь для тех, кто плачет, что их “заедает быт”! Но Енисеев с удивлением обнаружил, что этот самый презренный быт цементирует семейную жизнь, а без быта она похожа на состояние незакрепленных предметов в условиях невесомости.

Жили они в квартирке Енисеева, которой им вполне хватало, но Надя копила на большую, для будущих детей. Это уже являлось элементом семейной жизни, однако от разговора о том, чтобы родить ребенка уже сейчас, Надя уходила, отговариваясь общепринятым “надо встать на ноги”. Хотя, что это за “ноги” и откуда они растут, было не очень понятно, ибо Енисеев карьеры никакой не делал, а карьера стюардесс — понятие весьма относительное. Надя не заставляла его предохраняться, но сама из месяца в месяц с бухгалтерской пунктуальностью принимала противозачаточные таблетки. Енисеев боялся у нее спрашивать, пила ли она их с тем же постоянством прежде, до встречи с ним, потому что это означало бы, что она вела регулярную половую жизнь до него, но с кем? Молва говорила, что стюардессы живут с пилотами, и, видимо, молва не всегда была не права, потому что в ночь после свадьбы Надя призналась, что в ее жизни был летчик, которого она “из своей жизни давно вычеркнула”. Ну, этого вычеркнула, а летчиков еще много. Работа у пилотов и стюардесс тяжелая, а жизнь в чужих городах, в перерывах между рейсами не слишком веселая и разнообразная, и самый верный способ расслабиться — секс. Енисеев не был слишком ревнив, он не рисовал в своем воображении картин Надиных измен, но от одной мысли о том, что какой-то летчик делит с ним дрожь ее тонких рук, ему

делалось нехорошо. Как бы в шутку он однажды спросил у жены, не изменяет ли она ему между рейсами с пилотами, а она в той же тональности отвечала, что не смеет, потому что живет с пророком, которому сразу всё станет известно.

Но шутки шутками, а способности Енисеева не помогали ему узнать, верна ему его жена или нет. Он и так-то не знал, как ему их применять, эти способности, если они вообще были, а тут откровенно терялся. Та светлая Надя, с которой он познакомился когда-то в самолете, не могла ему изменять, но та молодая красивая женщина, которая ровным деловым голосом отвечала ему по мобильному из другого города, могла себе позволить всё, что угодно, если считала это необходимым и удобным. Так Енисеев думал, но выводов никаких не делал, потому что ничто не подсказывало ему этих выводов, как это бывало во время его внезапных пророчеств.

В глубине души Енисеев понимал, что сомнения его связаны с некоторыми несбывшимися ожиданиями — как с его, так и Надиной стороны. Она вышла замуж за необычного человека — во всяком случае, таким Енисеев ей тогда казался, но более необычным, чем тогда, в Иркутске, Енисеев за несколько лет совместной жизни не стал. Он был всё тем же непризнанным и несостоявшимся пророком. Но он не состоялся и на других поприщах — и как педагог, и как филолог, и как журналист. Его призвание или то, что он считал таковым, мешало ему реализоваться в обычной жизни, а работа мешала призванию. Он всё более и более ощущал себя в роли вечного студента из чеховского “Вишневого сада”. Всего этого не могла не ощущать и Надежда — пусть и на свой, женский лад. Это только так говорится, что женщины любят в нас лишь успех: женщины любят в мужчине и устремленность к чему-либо без видимого успеха, если он идет к своей цели, не сворачивая. Они это считают настоящим мужским качеством и готовы простить мужчине отсутствие результатов на этом пути, но не могут простить ему бездействия, даже если он им докажет, как дважды два, что действовать в этой ситуации невыгодно и неразумно.

Енисеев понимал, что он не похож на человека, настойчиво преследующего какую-то цель. Дело даже было не в участии в “Битве экстрасенсов” или какой-нибудь другой телепрограмме. Он не был одержим своим даром, не впадал в транс, не метался с горящими глазами, не вещал трубным голосом — короче, не вел себя так, как, по общему мнению, должны вести себя прорицатели. Он просто задумывался на некоторое время, а потом неожиданно начинал говорить. Надя стала свидетелем еще нескольких его предсказаний, эффект которых, впрочем, был ослаблен тем, что они свершались не так быстро, как это произошло в самолете. Как ни удивительно было каждое пророчество само по себе, оно было ничем не лучше предыдущего, и это придавало им некую обыденность. Енисеев чувствовал, что его странные способности стали для Нади привычными, и она не ждет от него большего. А помимо этих способностей в нем не было, на его взгляд, ничего оригинального, ничего такого, за что женщина могла его любить. Всё чаще Енисеева посещала мысль, что молодая красивая жена живет с ним по некой инерции, и едва ли он ей кажется столь же привлекательным, как те же бравые летчики и пассажиры бизнес-класса. Он так привык к этой мысли, что перестал спрашивать Надю, что она делает в других городах между рейсами: боялся, что она, отвечая, чем-нибудь выдаст ложь, и это станет искрой, от которой в нем вспыхнет ревность. Стоило Наде заговорить о работе, как Енисеев сразу отворачивался или под каким-нибудь предлогом выходил из комнаты. И, как следствие, между ними повисла недоговоренность, от которой в отношениях стали исчезать простота и легкость. В незабываемую иркутскую неделю они стали настоящими друзьями, а сейчас, после нескольких лет супружеской жизни, были больше похожи на приятелей.

Но они по-прежнему неподдельно радовались друг другу, когда Надя возвращалась из рейса, и Енисеев никогда не забывал, что она была первой, кто поверил ему, и всегда думал о ней с теплотой, глядя на огоньки пролетающих в ночи самолетов.

Низкий свист авиационных двигателей донесся со стороны летного поля, стекла тонко задребезжали. Енисеев с фотографом поднялись с банкетки, распрямили затекшие члены и, позевывая, пошли к барьерчикам, ограждающим от публики маленький зал прилетов. Не выспавшийся солдат из оцепления, завидев их, выставил обе руки вперед. Они показали ему аккредитационные карточки.

— Ладно, — кивнул он, — только стойте здесь, дальше не ходите.

Фотограф занялся аппаратурой, а Енисеев, облокотившись о барьерчик, глядел сквозь мутное стекло на затянутое лениво колыхающимся туманом летное поле, над которым занимался хмурый рассвет. Он не видел ни самолета, ни пассажиров. Минут через пятнадцать из клубов тумана наконец появились люди. Как ни странно, впереди шли не охрана и не первые лица делегации, а тележурналисты со снимающей техникой. Такое бывало, когда телевизионщики забегали вперед для съемки, но эти ничего не снимали и даже не расчехляли аппаратуры. Гомоня, они ввалились в аэропорт. Судя по шипящим и жужжащим звукам их речи, это были поляки. За телевизионщиками, наконец, показалось несколько “вип-персон”, то есть людей с холеными лицами и в дорогих костюмах, но коротышки Леха Качиньского с супругой среди них не было. Шествие замыкала журналистская сошка помельче, вроде Енисеева и фотографа. А где же Качиньский?

Недоумевающий Енисеев ждал, когда прибывшие пассажиры пройдут паспортный и таможенный контроль. На выходе из турникета он поймал за рукав одного поляка — носатого светловолосого парня в ветровке.

— Слушай, пан! А где ваш президент? Где правительственная делегация? Польске керовництво?

— Летят за нами, — на чистом русском языке с едва уловимым акцентом ответил парень. — По инсайдерской информации. — Он подмигнул. — Через полчаса или час будут здесь. Так что ждите.

— Через полчаса или час? — удивился Енисеев. — Но туман сгущается, видимость метров двести! Вы-то, наверное, с трудом сели, а они?

— Не беспокойся. Их самолет набит электроникой. Они сядут и с завязанными глазами. Слушай, а где здесь бар?

— Нигде. Это же военный аэродром.

— А “дьюти фри”?

— Тоже нет.

Белобрысый заметно расстроился.

— С меня причитается. За “инсайдерскую информацию”. — Енисеев вынул из кармана куртки маленькую бутылочку “Ред Лэйбл” из Надиных запасов и протянул поляку.

От радости тот перешел на польский:

— О-о! Дзенькую! Дзенькую! Спасибо! Вчера перед вылетом сильно выпили, а в самолете сухой закон! Вот так вы, русские, поляков покупаєте!

— И неполяков тоже, — уточнил Енисеев.

Белобрысый загоготал, мигом открутил голову бутылочке и отхлебнул половину.

— А ты будешь?

— Пей, у меня еще есть. — Енисеев достал другую бутылочку, “Джек Дэниэлс”, и тоже отхлебнул.

— Да у тебя полные карманы виски! — с завистью воскликнул поляк. — А еще говорят, что русские непрактичны! Я вот не додумался взять с собой!

— Всё же, я думаю, они не прилетят... — сказал Енисеев, щурясь на туман, уже вплотную подступивший к окнам аэропорта. — Разве можно рисковать в таком тумане, даже если самолет набит электроникой? Они, наверное, уйдут на запасной аэродром.

— Да ты что? Какой запасной аэродром? Только Смоленск! Церемония назначена на утро! Там, в Катъини, уже люди собрались!

Енисеева как будто что-то толкнуло в спину. Знакомо, с томительной тяжестью, ударило сердце. Он еще и не думал ничего говорить, как услышал, словно со стороны, свой голос:

— Самолет Качиньского через сорок минут разобьется при посадке. Все люди на борту погибнут.

Поляк остолбенел, а потом ослабил:

— А, понимаю, шутка, черный юмор! Или, как у вас говорят... прикол! — Он погрозил пальцем: — Не любите вы Леха Качиньского! Ох, не любите! Или ты стрингер и хочешь сенсации? Но сенсации приходят, когда их не ждешь. Ладно, пойду к своим. Спасибо за виски!

Он ушел, а Енисеев невидящими глазами смотрел ему вслед. Потом глянул на часы: 10:01.

— Ты чего его пугаешь? — недоуменно спросил фотограф. — Это же не шутка — самолет с людьми! Ну, допустим, Качиньский — сволочь, а другие-то здесь при чем? Стюардессы, например? У тебя же жена — стюардесса! Она, случайно, не в полете? Готов спорить, что сейчас этот журналюга будет своим рассказывать, какие русские папарацци кровожадные.

Енисеев ничего ему не ответил и отошел в сторонку. Ему было страшно. Никогда он еще ничего не предсказывал о гибели людей и не желал ничьей гибели. Не хотел же он гибели своим дядьям, когда сказал им в детстве, что они гибнут! Если речь шла о жизни людей, для него не имело абсолютно никакого значения, сволочь или не сволочь Качиньский, русофоб или не русофоб, и так ли уж невинны люди, летящие с ним. Не он им давал жизнь, не ему отнимать ее. Енисеев читал о колдунах и экстрасенсах, потаенные злые желания которых материализовались помимо их воли. Но ни по пути в Смоленск, ни во время ожидания на этом убогом аэродроме он не испытывал и тени желания, чтобы самолет Качиньского разбился. Он даже ни о чем подобном и не думал, и сама эта тема возникла всего несколько минут назад в связи со сгустившимся туманом. Енисеев закрыл глаза, представил разбившийся лайнер, разлетевшиеся на несколько десятков метров окровавленные кресла и вещи, искромсанные человеческие останки... На спине его выступил холодный пот.

Впервые за историю своих предсказаний Енисеев стоял перед необходимостью что-то делать. От него совершенно не зависело, начнется война в Афганистане или нет, заработают или нет остановившиеся моторы во время памятного иркутского рейса. Он лишь сказал, что война начнется и что через двадцать минут двигатели заработают. Он не мог ничего изменить в будущем Путина, независимо от того, пойдет тот путем Юлия Цезаря или нет. Он лишь написал, что Путин из того же, что и Цезарь, типа людей и политические клоуны — ему не конкуренты. Но самолет Качиньского, если верить польскому журналисту, был еще в воздухе, и будет еще не меньше получаса. Пророчество гласило, что он разобьется при посадке, — стало быть, пока он в воздухе, еще можно что-то изменить. И, хотя история человеческих пророчеств ясно говорила о том, что все попытки не допустить предсказанного лишь способствовали его свершению, он не мог просто так сидеть и ждать. Хотя бы из-за того, что Надя тоже могла быть в воздухе, как верно сказал фотограф. Ничего не предпринимать сейчас было бы предательством по отношению к ней. Или, во всяком случае, дурным предзнаменованием того, что могло случиться и с ней. Ведь они познакомились, когда он предсказал нечто прямо противоположное тому, что предсказал сейчас.

Но куда идти? К руководителю полетов? К диспетчерам? Он потратит драгоценные полчаса только на то, чтобы пробиться к ним, а если пробьется, время для принятия решений уйдет на выяснение, не сумасшедший ли он. Енисеев дрожащими руками вынул из кармана бутылочку виски и отхлебнул. Время таяло неумолимо. Он встал и пошел к полякам.

Белобрысый парень, завидев его, взмахнул руками:

— О! К нам пожаловал ходячий склад виски! Не нужна ли еще какая-нибудь эксклюзивная информация в обмен на бутылочку?

— Отойдём в сторонку, — предложил Енисеев.

— Добже, одеждем в бок! — с готовностью отозвался поляк, которого, видимо, не оставляла мысль о дармовой выпивке. — Но если ты насчет самолета Качиньского, то он еще не упал, — сострил он.

— Я именно насчет самолета, — понизив голос, сказал Енисеев. — Понимаешь... ведь я не пошутил. Я вообще предпочитаю не шутить, когда дело касается чьей-нибудь смерти. Просто я иногда, ни с того ни с сего, говорю вещи, которые... сбываются. Понимаешь?

— Ты предсказываешь будущее? Как Нострадамус?

Енисеев вложил ему в руку “мерзавчик” с виски.

— Выпей еще, но послушай меня внимательно и серьезно. У нас мало времени. Я не Нострадамус и не предсказываю специально будущего, но иногда это у меня получается. Я познакомился со своей женой в самолете, и тут внезапно отказали два двигателя. Я сказал, и сам не знаю, почему, что они заработают через двадцать минут. И ровно через двадцать минут они заработали. Не исключено, что это случайность, но они заработали! Я сказал Юлии Тимошенко, и тоже не знаю зачем, сколько голосов она не доберет для победы. И именно столько она не набрала. И вот теперь, когда я точно таким же образом вдруг предрек гибель самолета, я спрашиваю себя: что будет дальше? Я сказал, что он разобьется при посадке, стало быть, еще есть время предотвратить крушение. Но его с каждой секундой остается всё меньше.

Белобрысый, слушая Енисеева, даже забыл о виски.

— А чего ты хочешь от меня? — пролепетал он.

— Как чего? У вас наверняка есть какая-то связь с людьми в президентском самолете! Надо убедить пилотов, чтобы уходили на запасной аэродром. Надо сказать, что здесь на расстоянии вытянутой руки ничего не видно, да что угодно соврать, лишь бы они не сажались! Тем более, что это почти правда, посмотри в окно.

Поляк молчал, в нерешительности теребя молнию своей ветровки.

— Ну! Это же ваш президент! Ваше руководство!

— Но что я скажу? Кто поверит в твое предсказание? Про туман и так все знают. И вообще, такого рода информацию передают диспетчеры. Почему бы тебе не пойти к ним?

— А почему я пошел к тебе? Ты, журналист, еще мне можешь поверить, а военные диспетчеры пошлют меня на “три”! Время уйдет, и изменить что-либо будет уже невозможно!

Белобрысый задумался и с неохотой согласился:

— Хорошо... Есть тут у нас один куратор... из “дефензивы”. Поговорю с ним.

— Только побыстрее!

Поляк ушел, и через несколько минут вернулся с круглолицым седоватым плотным человеком с внимательными глазами.

— Хочу спросить вас, пан, — сказал он Енисееву, обнаружив, как и белобрысый, хорошее знание русского языка, — а вы не посмотрелись, случайно, американских фильмов о предсказателях авиакатастроф?

— Мне самому доводилось предсказывать избавление от катастрофы. И поэтому я встревожен, впервые предсказав ее. Тем более, что для этого есть реальные основания. Разве вы не видите, какой туман? Сейчас еще можно что-либо изменить, а потом будет поздно. Подумайте об этом.

— Я думаю о том, не угодно ли русским сорвать церемонию в Катини, убедив пилотов президентского самолета сесть на запасной аэродром?

— А церемония состоится, если самолет разобьется?

“Куратор” сдержанно рассмеялся.

— И всё же: откуда мне знать, что пан не работает в КГБ?

— Потому что КГБ давно уже нет! А ФСБ, наверное, без меня нашло бы способ посадить президентский борт на запасной аэродром. Они просто закрыли бы этот аэропорт, и всё.

Поляк поглядел прямо в глаза Енисееву. Енисеев ответил ему столь же прямым взглядом.

— Ну что ж, — кивнув каким-то своим мыслям, промолвил “куратор”, — допустим, вы не похожи на провокатора. А туман и впрямь сильный. Русский “Ил-76” минут сорок назад не стал здесь садиться. Правда, это большой транспортный самолет. В общем, независимо от того, что вы тут предсказали, есть повод поговорить с пилотами нашего “Як-40”. Они могут связаться с президентским бортом.

— Только помните, что осталось уже не сорок, а двадцать две минуты.

— Я это учту, — слегка улыбнулся “куратор” и ушел.

Енисеев остался с белобрысым журналистом. Тот вспомнил про бутылочку виски в руке и в несколько приемов осушил ее. Потом он с опаской и любопытством посмотрел на Енисеева.

— Слушай, — сказал он, — я не знаю, как предсказывают будущее, но если ты увидел, как самолет упадет, не можешь ли ты сделать, чтобы он не падал?

— Нет, не могу, — ответил Енисеев. Его знобило, кровь стучала в висках. — Я не маг. Я и сам не понимаю, как получаются предсказания. На меня неожиданно накатывает что-то, а потом исчезает. В детстве я так предрек афганскую войну. А однажды я смотрел на портрет Юлия Цезаря и увидел лицо Путина. Через несколько месяцев он стал президентом. Но я предсказал нечто, существующее помимо меня. Управлять этим я не умею.

— А ты попробайся. Может быть, получится.

— Не получится. Это не зависит от моих желаний. Мне не дано влиять на ход событий. Я еще могу обличать на манер пророка, но не могу, как пророк Илия, засушить источники вод.

Енисеев снова посмотрел на часы. 10:26. Осталось пятнадцать минут. Значит, самолет уже снизается. Где этот чертов “куратор”? Один разговор, другой, третий — так и пролетят бездарно все сорок минут... А может быть, надо было просто молиться о спасении людей? И настоящие пророки — потому пророки, что молятся? И пророчества их исполняются по молитве? А я не умею молиться и иду с закрытыми глазами, как сказал батюшка.

Енисеев попытался молиться. Ничего, кроме “Господи, спаси их!”, в голову не шло. “Господи, уведи их на запасной аэродром!” Он вспомнил, что есть молитва “Живый в помощи”, 90-й псалом, но наизусть его целиком не знал. А ведь его написал пророк! Как там сказано? “Не убоишия от страха нощнаго, от стрелы, летящая во дни...”

В этот момент появился поляк-“куратор”.

— Мы стучимся в открытую дверь, панове, — объявил он. — Буквально несколько минут назад пилоты президентского борта сами связались с нашими пилотами, и те сообщили им всё о здешних плохих погодных условиях. Командир президентского лайнера не исключил, что уйдет на запасной аэродром. Решение он будет принимать при заходе на посадку.

— Но ведь он, наверное, уже заходит на посадку! Скажите ему, чтобы немедленно поворачивал!

— Друг мой, — недовольно пожевав губами, сказал “куратор”, — вы забываете, что изменить направление полета может только командир корабля. Между прочим, в самолете находитесь и командующий польскими ВВС. Наверное, эти люди понимают в своем деле больше нас. Так что оставим решение за профессионалами. Тем более, что, как выяснилось, они имеют объективную информацию о погодных условиях. А вам от лица нашей делегации хочу выразить благодарность за проявленную тревогу о польском руководстве, что весьма необычно при нынешнем состоянии польско-российских отношений. Вы благородный человек!

Енисеев вяло пожал полякам руки и отошел. Никакого облегчения от того, что сообщил пожилой поляк, он не испытал. Что изменилось с тех пор, как полчаса назад он предрек гибель самолета? Да ничего. Правда, пилоты президентского борта уже знают про сильный туман, но они ничего не знают о предсказании. А ведь он не из-за тумана пошел к полякам! Главное было то, что устами Енисеева неведомая сила напроначала катастрофу, а пилотам по-прежнему было известно только о тумане и том, что “Як-40” всё же в этом тумане сел. И последнее могло для них быть важнее первого. Наверняка они чувствовали себя большими профессионалами, чем пилоты “Яка”. Склонить к решению уйти на запасной аэродром их может нечто более весомое, чем та информация, которую они имеют. Но именно эта информация до них так и не доведена!

Оставалось восемь минут. Он хотел встать и пойти снова к полякам, но ощутил внутри себя бессилие, природа которого не зависела от него само-

го. Это было бессилие перед судьбой. Впервые он почувствовал ее как нечто почти материальное, сковавшее его движения. Несмотря на все его пророчества или полупророчества, понятие неумолимости судьбы было до сих пор для Енисеева не более чем образом, а теперь на примере бесплодных по сути разговоров с поляками он увидел, сколь тщетны попытки противостоять судьбе. Дело было, очевидно, не в том, что это в принципе невозможно, а в том, что предсказание, будучи непостижимым по сути своей, развивается в пределах естественных, постижимых, привычных. Чтобы поломать предначертанное, требуется немедленно выйти за эти пределы, а мы неохотно покидаем всё привычное. Побороть судьбу — это значит решительно, без оглядки повернуть в другую сторону, как это должны сделать пилоты самолета Качиньского. Но они тоже подчинены инерции привычного и зависят от решений других людей, в том числе и тех, что предупреждены, как собеседники Енисеева. А они предупреждению не вняли. Видимо, чтобы вовремя поверить предсказанию, необходимо верить в предопределение вообще, а современные люди полагают, что пророчества — это удел немногих избранных вроде Ванги.

Мысли его смешались, хаотично бежали куда-то. Он не мог ни на чем сосредоточиться, не пытался уже молиться. Енисеев смотрел на людей, болтающих, слоняющихся, дремлющих внутри маленького аэропорта, на приблудившуюся собаку, чешущую за ухом в углу, на липнувший к окнам туман, на циферблат электронных часов и видел в них, внешне мало чем связанных, работу огромного, отлаженного механизма судьбы. Все они — и люди, и предметы, и явления — были винтиками судьбы, неотвратимо свершающейся в свой срок.

Свершающейся ли? Ответа осталось ждать недолго. Последние минуты Енисеев не сводил глаз со стрелок своих часов. Две минуты... одна... Ему казалось, что он уже слышит приближающийся шум самолетных двигателей, но наверняка сказать было нельзя — туман, как вата, гасил звуки снаружи. Когда секундная стрелка обошла последний круг, а минутная неотвратимо скакнула к отметке 41, ничего не произошло. Но еще через пару секунд сжавшийся в комок Енисеев услышал отдаленный глухой удар и скрежет, как будто тяжелая лодка толкнулась в причал, и заскрипели в ржавых уключинах весла. Стекла слегка задрожали. Он с трудом оторвал взгляд от циферблата. Ничего не изменилось. Туман за окнами был так же неподвижен, как и прежде. Енисеев пытался уловить еще какие-то звуки, но их больше не было. Туман, тишина. Те же слоняющиеся, дремлющие люди. Только собака в углу вскочила на ноги, поджав хвост, ее тусклые глаза блеснули, уши встали торчком. И тут, разорвав пелену тумана, раздался страшный вой пожарных сирен и загрохотали сапоги бегущих к выходу солдат.

Енисеев не помнил, как он оказался на летном поле. Он и другие люди шли как призраки в мерцающем тумане. Их силуэты были едва различимы, они словно парили над землей. Призраки перекликались, как грибки в лесу. На самом же деле они вовсе не перекликались, а наперебой кричали в мобильные телефоны, торопясь сообщить сенсацию в свои далекие, призрачные редакции. Эхо безразлично разносило их восклицания по тонущему в молочной белизне полю. В руке у Енисеева тоже был мобильник, но он позвонил только Наде, удостоверился, что она жива-здорова. О разбившемся польском самолете он не сказал ей ни слова. Когда Енисеев обернулся назад, он не увидел аэропорта. Не видел он ничего и впереди, и по бокам, просто шел за другими призраками. К дегтярному запаху тумана всё отчетливей примешивался страшный запах гари. Они шли по этому запаху, пока туман не перечеркнула косая линия, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении ржавым крылом транспортного самолета "Ил-76". Его огромные моторы напоминали подвешенные к крыльям атомные бомбы. Обойдя облупленную громадину лайнера, они наткнулись на еще один такой же "Ил". Это было кладбище транспортных самолетов. Их тяжелые, смахивающие на дирижабли фюзеляжи грозно и мрачно выплывали из тумана. Они понуру стояли вдоль поля, как почетный караул на похоронах советской авиации. Когда идущие в тумане миновали последний "Ил", путь им преградила цепь растерянных солдат. Они тонко, по-мальчишески ругались матом.

Енисеев вернулся в туман, к огромным ржавым “Илам”, обогнул их с другой стороны и пошел куда-то уже в полном одиночестве. Он двигался словно в облаке, не видя никого и ничего, наедине со своей судьбой. Где-то позади остались другие люди, тоже наедине со своей судьбой, и никто не мог ей противостоять. Человечество было толпой одиноких людей, идущей в тумане навстречу своей смерти.

Только бетонные плиты под ногами говорили, что Енисеев всё еще находится на летном поле. Он шел, запах гари и керосина всё усиливался. Сквозь туман проглянуло бледное солнце, подул ветер. Енисеев почувствовал, что идет по мягкой земле, увидел силуэты голых берез.

И тут, в какие-то секунды, необъяснимым образом всё прояснилось, туман исчез, как будто его и не бывало, и ужасная картина открылась глазам Енисеева. Он стоял в двухстах метрах от дымящихся обломков разбившегося самолета.

...Через несколько часов, когда продрогший, едва переставлявший ноги Енисеев вернулся в аэропорт, он снова встретил белобрысого поляка. Тот, похоже, ждал его.

— Прости, — сказал он, взяв Енисеева за руку. — Я не поверил сразу тебе, шутил...

— Но ты сделал всё, что мог. Тебе не в чем упрекать себя.

— Я просто пересказал тому пану то, что услышал от тебя. Я ни в чем его не убеждал. А мог бы. Ты веришь, что самолет бы не разбился, если бы летчики узнали о твоём предсказании?

— Для этого им тоже надо было бы поверить в него. А кто я такой, чтобы мне верить? Извини, мне надо идти.

— Можно я напишу о твоём предсказании?

— Пиши. Напечатать тебе это не дадут, потому что ваши, по старой привычке, будут обвинять в случившемся наших. А мое предсказание будет этой версии противоречить.

— Ты можешь дать мне свой телефон?

Енисеев сунул ему отсыревшую визитку и ушел.

* * *

Енисеев не знал, написал ли что-нибудь белобрысый журналист о его пророчестве, но в неослабевающем потоке сообщений в интернете о гибели польского “Ту-154” ему ничего похожего не встречалось. Видимо, он был прав, говоря, что такая информация полякам будет невыгодна. А в том, что будет молчать, как рыба, “куратор из дефензивы”, Енисеев не сомневался изначально.

Фотограф, конечно, рассказал в редакции о его предсказании, но он не слышал переговоров Енисеева с поляками, а потому история в его изложении не была столь драматична, как на самом деле. Ну, напророчил беду человек, за странным Енисеевым и раньше что-то подобное водилось, но в таком тумане предсказать катастрофу мог кто угодно. Наши диспетчеры тоже серьезно предупреждали польских пилотов. Сам Енисеев не написал о своем пророчестве ни слова и не собирался этого делать. Случившееся открыло ему новую, неведомую прежде сторону его увлечения.

— Помнишь, — говорил он Наде, — ты сказала, что только после знакомства со мной поняла, о чем идет речь в стихах Пушкина:

*“Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье”.*

А ведь я сам до конца не понимал их! Что это за “шум и звон”? Что значит: “внял я неба содроганье”? А это значит, что пророк не выборочно

видит будущее, как я, а всё без исключения! Он слышит *любой* “шум и звон”, *любое* “неба содроганье”! Он знал бы не только о катастрофе польского самолета, а обо всех катастрофах в этот день и даже час! От этого можно сойти с ума! А главное, ничего, абсолютно ничего нельзя сделать, чтобы помочь людям, потому что слишком много несчастий и горя открывается тебе. Куда идти? За что хвататься? Кого именно спасать? Кому помогать?

— Надо спасать ближних, — серьезно сказала Надя.

— А если этого более достойны дальние? И призван ли вообще пророк спасать кого-то, как я безуспешно пытался под Смоленском? Ведь дальше у Пушкина сказано:

*“И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул”.*

Только трепетное сердце способно кого-то любить, а кого-то ненавидеть, делить мир на ближних и дальних. И только трепетное сердце может желать изменить судьбу. Но ангел вынул его, понимаешь? Он заменил его на уголь, пылающий огнем, и этот огонь горит одинаково для всех. Одинаково бестрепетно. А я так не хочу.

Больше ни с кем Енисеев падение самолета Качиньского не обсуждал, словно на эту тему было наложено табу. Но белобрысый журналист, видимо, всё же не молчал, потому что вскоре после майских праздников Енисееву позвонил человек, назвавшийся сотрудником польского МИДа Цехановичем, и настоятельно попросил о встрече.

Они встретились в небольшом ресторанчике в центре Москвы. Цеханович был франтоватым лысым худым человеком с холодными руками. Говорил он по-русски так же хорошо, как белобрысый журналист и его “куратор”. Цеханович не стал ходить вокруг да около. Предложив выпить по рюмке водки за знакомство, он сказал:

— От источника, вам, конечно, известного, до меня дошли сведения о вашем предсказании относительно гибели самолета с польскими руководителями. Тот же источник сообщил, что вы предсказали победу Путина на президентских выборах и недавнее поражение Тимошенко. Мы просмотрели прессу за эти годы и нашли анонимную статью “Пришел, увидел, победил”, написанную, очевидно, вами, и статью за вашей подписью “ВОНА начинает, но не выигрывает”. Они убедили нас, что вы говорите правду. Сожалею, пан Енисеев, что к вашим советам в аэропорту “Северный” плохо прислушались.

— Вы думаете, если бы прислушались как следует, то помогло бы?

— А разве нет?

— Вы, наверное, слышали о знаменитой Ходынской катастрофе. Так вот, московские власти, оказывается, были о ней предупреждены. Алексей Суворин писал в дневнике за 1896 год, что одна дама, направлявшаяся на коронацию в Москву, слышала в вагоне поезда разговор двух мужчин по-английски, что во время народного праздника в Москве будет много убитых. Она сказала тогда же об этом полковнику Иванову, служащему при градоначальнике, а потом телеграфировала великому князю Сергею Александровичу. И что же? Ничего. На Ходынском поле не оказалось и сотни полицейских.

— Неужели? Не предполагал, что в этой истории могли быть замешаны англичане. Пан Енисеев, может быть, вы согласились бы помочь нам еще раз? Разумеется, не безвозмездно.

— Я ничего не предсказываю специально.

— Этого и не требуется. Мы полагаем, что, если вы предвидели крушение самолета с точностью до минуты, то знаете или можете узнать его истинные причины.

— Вам недостаточно официального расследования?

— Мы имеем основания сомневаться в объективности российского расследования. А ваше поведение в аэропорту доказало, что вы порядочный человек, свободный от политических симпатий или антипатий. Мы бы хотели

узнать ваше непредвзятое мнение и даже довести его до сведения широкой польской общественности.

— Нет, этого не будет.

— Почему?

— По той же причине, почему широкая польская общественность ничего не знает о моем предсказании. Прошу не понимать это в том смысле, что я мечтаю о популярности в Польше. Но вы хотите откровенности, так будем же откровенны. Мне отлично известны причины, почему история в аэропорту в Польше замалчивается. И вам известны. Отчего же вы уверены, что не будут замалчиваться подлинные причины катастрофы, которые я сообщу вам?

— Значит, вы их всё-таки знаете?

— Мне кажется, знаю. Я пришел к выводу, что истинное пророчество есть реакция высших сил на нарушение людьми морального закона. Так что причины катастрофы — исключительно нравственные.

Цеханович пристально взглянул своими бесцветными глазами в глаза Енисеева, взял тонкими пальцами за талию рюмку, как берут шахматную фигуру, повертел ее вокруг оси и сделал диагональный ход слоном, поставив рюмку рядом с рюмкой Енисеева. Маячивший в углу официант приблизился, чтобы налить им водки, но поляк движением руки отослал его обратно и налил сам.

— Прошу вас не скрывать их от нас, — сказал он.

— Вы действительно готовы их услышать?

— Да, — кивнул Цеханович.

— Извольте — это возмездие за Катынь.

Кресло под Цехановичем скрипнуло. Он поставил рюмку и выпрямился. Глаза его заledenели.

— Как вы изволили сказать? Возмездие за Катынь? Но в Катыни убивали поляков!

— Да. Но вы говорите, что их убивали исключительно русские.

— Мы так не говорим. Среди палачей НКВД могли быть люди и других национальностей.

— Ну, допустим, вы говорите только о русских, но я не об этом. Вам отлично известно, что на этом же месте их убивали немцы.

— Ничего подобного нам не известно!

— Вы просто не хотите этого знать. Это типичный пример коллективно-го самовнушения. Наличие в могилах немецких пуль, гильз и пуговиц от немецкого обмундирования, впервые отмеченное в дневниках Геббельсом, несомненный факт, подтвержденный всеми экспертами. Откуда они там взялись?

— Их подбросило НКВД!

— С какой целью? Не полагаете же вы всерьез, что НКВД уже в сороковом году допускало взятие немцами Смоленска? Это означало бы историческую сенсацию, что руководство НКВД находилось в сговоре с немцами. Иного объяснения нет, но и оно абсурдно: зачем тогда стрелять из немецкого оружия и бросать в могилы немецкие пуговицы? Немцам и их агентам влияния в НКВД, чтобы дискредитировать Сталина, нужны были бы только советские пули и советские пуговицы.

— А вы не допускаете, что всё проще, и что коммунисты и фашисты, сдружившиеся в тридцать девятом году, вместе казнили поляков, каждае из своего оружия?

— А, стало быть, у чекистов не хватило сил и опыта для массовой казни и они с западной границы, через всю Белоруссию, привезли немецкую карательную команду?

— При чем здесь силы и опыт? Предположим, немцев беспокоило, что интернированные польские офицеры в будущем могут быть использованы в войне против них, а Советы не хотели их держать у себя в тылу. Ликвидировать польских офицеров было выгодно и тем, и другим.

— А как вы себе представляете это сотрудничество? Немцы предложили Сталину уничтожить интернированных поляков как опасную для обеих сторон силу, а Сталин сказал: хорошо, но мы не обязаны делать всю грязную работу сами, приезжайте и тоже стреляйте?

— Может быть, и так.

— Тогда получается, что круг замкнулся. Мы вернулись к тому, с чего я начал. Факты и непредвзятые выводы из них говорят, что польских офицеров в Катыни убивали и чекисты, и немцы. Только вы считаете, что они это делали вместе, а я считаю, что часть поляков, в основном старшие офицеры, была расстреляна чекистами в сороковом году, а другая часть — в сорок первом году немцами при захвате Катыньского лагеря. Но в любом случае немцы тоже убивали, причем, по вашей версии, именно они это и предложили! Но вы молчите о немцах и, как всегда, всю вину возлагаете на русских.

— Не только мы. Вы тоже признали свою вину.

— Не обольщайтесь! С точки зрения правды это признание мало чего стоит, будучи лишь частью навязанной вами неправды. Наши политики, ища популярности на Западе, много чего признали с конца восьмидесятых годов. А следствие, между тем, не подтверждает даже факта гибели в Катыни, Старобельске и Осташкове тысяч людей. Людей в президентском самолете убил не туман, а Катынь. Качиньский и его окружение шли навстречу своему року с того самого дня, как русофобия в Польше стала государственной идеологией. Никакое предсказание, даже сделанное за год, не спасло бы самолет и ничто не заставило бы пилотов повернуть. Спасти могло только одно: внешнее просветление Качиньского, осознание пагубы русофобии в ее катыньском варианте. Но шансов на это, как вы сами понимаете, почти не было.

Цеханович внимательно слушал, изредка мигая. Потом, вытянув губы, маленькими глоточками осушил рюмку, съел ложечку жюльена. Лицо его было непроницаемо. Он поправил галстук-бабочку, смахнул невидимую пылинку с лацкана дорогого пиджака и сказал:

— Спрашивая вас о причинах, я имел в виду несколько другое. Я полагаю, что, применив ваши способности, вы мне можете узнать о роли диспетчеров в катастрофе, о готовности других служб аэропорта, о технической исправности самолета, отремонтированного в России. Хотелось бы также знать... если это возможно... — Цеханович несколько замялся, — о роли ФСБ в этой истории.

Енисеев засмеялся.

— Что здесь смешного? — удивился поляк.

— Вы ничего не поняли из того, что я говорил. В этой трагедии всё было судьбой — и туман, и мое предсказание, и работа диспетчеров, и других служб аэропорта, и техническая исправность самолета, и неизвестная мне роль ФСБ, и поведение пилотов. Я уже не говорю о поведении Качиньского. Здесь всё подчинялось системе мира, в центре которой — Катынь как символ страданий польского народа от русских злодеев. У Качиньского даже фамилия была созвучна Катыни! Он почти Катыньский! И вот — вашему народу был дан знак свыше.

— Какой же?

— Полагаю: прекратить катыньскую истерику.

— Никто не давал вам права оскорблять наш народ, — тихо сказал Цеханович.

— Мне и предсказывать гибель самолета никто не давал права. И я его не просил. Так получилось. Что же касается причин: вы спросили — я ответил. Я и не ставил себе целью понравиться вам или вашему народу.

Цеханович отвел глаза. Некоторое время они молчали.

— Я вижу, что вы разочарованы, — усмехнулся Енисеев. — А чего вы ждали? Что я скажу, будто диспетчеры неправильно посадили самолет? Или что он был взорван ФСБ?

Цеханович снова наполнил рюмки.

— Можно еще один вопрос? — осведомился он.

— Валийте, только я, как видите, не способен дать нужные вам ответы. Вам, очевидно, нужна Катынь номер два или, точнее, вечная Катынь. А я вам могу дать только Бермудский треугольник для поляков под Смоленском.

— Кто будет следующим президентом Польши?

— А-а! — погрозил ему пальцем Енисеев. — Вижу, вижу, что вы из команды Ярослава Качиньского!

— Как же вы это видите? — несколько оторопело, но с любопытством спросил поляк.

— Мои скромные пророческие способности здесь ни при чем. Если бы вы были центристом или даже левым, то спорили бы со мной о Катыни до хрипоты. А вы лишь сдержанно возражали мне. Стало быть, вы из правых, которым отлично известно, что всё именно так, как я говорю, потому что вы и есть творцы Катыньского мифа об исключительной вине русских. Но вы искренне считаете, что Катынь — одна из польских основ, от которой ни в коем случае не следует отказываться.

— Вы не знаете всех наших основ, пан Енисеев, хоть и прорицатель. Между прочим, покойный Лех Качиньский всегда открыто предьявлял претензии Германии за шесть миллионов уничтоженных нацистами поляков. Так кто же станет будущим президентом Польши, пан Енисеев?

— Ярослав Качиньский не станет.

— Почему?

— Из-за апрельской катастрофы в том числе. Время Качиньских прошло. Но вы свою работу не потеряете. И Сикорский останется министром иностранных дел. Он ведь американская креатура.

Цеханович убрал с колен салфетку, встал, opravил пиджак.

— Что ж, благодарю вас, пан Енисеев. Сколько я вам должен?

— Нисколько. Не подумайте, что я бессребреник, просто мистическое чутье подсказывает мне, что деньги, полученные за так называемые предсказания в этой кровавой истории, мне на пользу не пойдут. Да и вы явно не услышали от меня того, что хотели.

— Отчего же? То, что вы сказали обо мне и пане Сикорском, стоит горара. Не стесняйтесь, пожалуйста.

— Мне не нравится ваш пан Сикорский, да и от вас я не в восторге. Вот вы, бьюсь об заклад, заготовили для меня толстый конверт, а сейчас хотите заплатить из него только за благоприятные предсказания о вас и Сикорском. Вы, очевидно, из тех, кто признает только хорошие пророчества. Считайте, что вы расплатились со мной водкой и закуской.

— Что ж, не смею настаивать. — Цеханович улыбался, но по лисьему лицу его было видно, что слова о конверте не пришлись ему по вкусу. — Могли ли вы передать ваше предсказание пану Сикорскому?

— И Сикорскому можете передать, и Ярославу Качиньскому.

— В случае с Ярославом Качиньским мы всё же попытаемся изменить судьбу, — усмехнулся Цеханович.

— Вы еще не поняли, что это такое, на примере моего предсказания? Дело ваше, пробуйте. Только пусть не летает больше в Смоленск.

— Это тоже предсказание?

— Это пожелание. И тоже совершенно бесплатно.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, как в свое время Польша и Россия.

8

Чтобы попасть к знаменитому старцу, Енисеев полдня отстоял в очереди у его скита. Батюшка в прошлом был доктором физико-математических наук. Прикрыв веками глаза, он выслушал Енисеева, а потом, прямо и ясно глядя ему в лицо, сказал:

— Дар пророчества — удел немногих. Из миллионов людей Господь выбирает единицы праведников, обладающих зорким духовным зрением, и их устами вещает нам о будущем. Нам не дано знать, зачем Он делает это, но, по человеческому скудному размышлению, можно предположить, что знание о будущем, явленное нам в пророческом слове, не имеет того практического смысла, какое имеют, скажем, объявления о том, что нельзя курить у бензозаправки или переходить железнодорожные пути в неустановленном месте. Христианин призван жить не только в рамках отпущенного ему земного времени, но и в вечности — в “жизни будущего века”, как сказано в Символе Веры. Сама суть нашей веры такова, что мы живем будто в малой реально-

сти, перерастающей в большую — сверхчувственный мир, где обитает Сам Господь с сонмом небесных сил бесплотных. Наше тело есть олицетворение мира конечного, а душа — мира бесконечного. Наше существование гармонично и правильно только тогда, когда мир нашей души не вступает в противоречие с миром нашего тела. Если же плотские заботы начинают в человеке преобладать, то неизбежно сужается его способность обращаться душой к высшему, горнему миру. Есть известное домашнее животное, никогда не поднимающее глаз к небу; оно делает это не потому, что небо ему неприятно, а потому, что оно постоянно озабочено поисками пищи на земле. Этому животному неведомо, что откармливают его только для того, чтобы к холодам заколоть. При этом оно вовсе не лишено того, что мы называем интуицией, и обыкновенно чувствует, когда его приходят убивать. Иногда даже чувствует, когда приходит убивать хрюка-соседа. Не так ли и мы, люди, с нашей заботой о хлебе насущном и бедной верой в экстрасенсов и магов? Мы печемся о своей жизни, о своем теле, о недалеком будущем, не смея помыслить о жизни вечной, хотя вроде бы должны понимать, что слишком ревностная забота о своем теле мало отличается от постоянной заботы упомянутого животного о пропитании, обреченного на заклание. Оно, напротив, имеет шанс отсрочить казнь, если будет кушать мало и не наберет к осени нужного веса. Вроде бы всё так просто и ясно, но иногда понять это погрязшему в плотских заботах человеку так же трудно, как и свинье поднять глаза к небу. Есть такие люди и среди христиан — они соблюдают все обряды, регулярно посещают церковь, исповедуются и причащаются, но делают это точно так же, как язычники, озабоченные благосклонностью богов. Они не веруют не душой, а телом. И может быть, именно для того, чтобы побудить их вспомнить о бессмертной душе, о жизни вечной, и приходят в мир пророки, как пришел к ветхозаветным иудеям, забывшим разницу между Соломоновым храмом и языческим капищем, пророк Иеремия? Преподобный отец Лаврентий Черниговский неоднократно повторял, что в ад души идут, как люди из храма в праздник, а в рай — как люди в храм в будний день. Он сидел и плакал: жалел людей, которые погибают. “Сколько же людей набито в пекле, словно в бочке селедки”, — говорил преподобный. Чада его утешали, а он отвечал сквозь слезы: “Вы не видите. А если бы видели, то как жалко! А в последнее время ад наполнится юношами”.

Старец замолчал и задумался, склонив голову набок.

— А тебе, пророче, доводилось видеть ад? — спросил он вдруг у Енисея.

Тот растерялся, а потом сказал:

— Только на земле. Мне приходилось по работе бывать в местах заключения, так там тоже теперь всё набито юношами и девушками.

— Нет, милый, это еще не ад. В миру и не найти того, что можно сравнить со адом. Не зря его еще называют — пекло. Как ты думаешь: стал бы лукавый показывать преподобному Лаврентию это пекло?

— Да нет, не стал бы пугать, наверное.

— Вот и я так думаю. Выходит, Лаврентий был не оракул лукавого, а пророк Божий. А вот ты чей пророк, я еще не знаю. Но ведь и то правда, — неожиданно улыбнулся монах, — что без Божиего произволения ничто не обходится.

— Батюшка, простите мое невежество: а кто такой Лаврентий Черниговский? — робко спросил Енисеев.

— Не знаешь? Отче, — повернулся старец к стоящему в углу монаху-келейнику, — принеси ему книжку о преподобном Лаврентии. Это хорошо, что я о нем вспомнил. Мне силы пророчествовать Господь не дал. Не могу я тебе сказать: “не пророчествуй”, и не могу сказать: “пророчествуй”, как тот батюшка, к которому ты ходил. Я ведь не знаю, к чему ведут твои пророчества.

— К смерти людей иногда ведут, батюшка! — вырвалось у Енисеева.

— Я не об этом — мы все умрем. Есть пророчества, которые устрашают человека, уводят его от истинной веры, а есть те, которые веру в нем укрепляют. Какие твои, если ты сам не знаешь, веруешь ли ты? Должен ли ты

удалиться от людей, зажечь аскетической жизнью, чтобы обрести право пророчествовать? Тоже не знаю. Сказано, что антихрист тоже до поры до времени будет жить в сокровенном уединении, изображать из себя праведника. Если священник, с которым ты разговаривал, прав, и Господь тебя испытывает, то доверься Господу. Господь и Пречистая Богородица изначально вели преподобного Лаврентия, еще до того, как он стал монахом и пустынником. Больше ста лет назад жил Лаврентий, тогда еще крестьянский сын Лука Проскура, тихо и безмятежно послушником Николо-Рыхловского монастыря, служил регентом, ибо имел хороший слух и голос. Но пришел указ епископа Черниговского Антония о переводе Луки регентом в Черниговский Троице-Ильинский монастырь. Тяжело было Луке оставлять место своего спасения, где он в тиши и благодати учился живому молитвенному общению с Господом. Но вот снится ему сон: храм, а на паперти храма — лик Царицы Небесной, Которая его благословляет. Проснулся Лука, душа его умирилась, и поутру, не медля, он отправился в Троицкий монастырь. Добрался до города и — сразу к владыке Антонию: “Владыка святой, я приехал”. “Хорошо, — ответил епископ Антоний, — будешь обучать пению мальчиков-семинаристов”. Когда же Лука вошел в храм, узнал на иконе лик Владычицы нашей Богородицы, явленный ему во сне. Вот так-то, брат, Лаврентий-пророк кроток был. Кротки наследуют землю. А ты кроток ли?

— Да нет, совсем не кроток, хотя на людей не бросаюсь. А ветхозаветные пророки были кроткими?

— Кротость еще в мир не пришла, когда они жили. А ты неужто с ветхозаветными пророками себя сравниваешь? Ты что, на стогнах городов проповедуешь?

— Ну, иногда бывает... на людях... не попад... Священник сказал мне: иди к тем, кто тебя слушать не хочет. Ну, сходил я к полякам — и что?

— Ты почитай, почитай преподобного Лаврентия Черниговского. Он еще не так давно умер, — я как раз родился в то время. Он, считай, современный пророк, а отличается ли чем от старых? Пророки во все времена одинаковы. Ничего нового в мире нет. Как и встарь, есть либо пророки во Христе, либо чернокнижники, либо обманщики. Ты, я вижу, не чернокнижник, не обманщик, но еще не пророк. Ведь и то домашнее животное, о котором я говорил, предчувствует, что его зарежут. Однако нам не приходит в голову считать его пророком. Предсказания о смерти мало чего стоят. Что с того, если я умру не сегодня, как мне напророчат, а завтра? Я ведь всё равно умру. Нам надо думать о жизни вечной, а не о том, что наступит в недалеком будущем. А самолеты всегда разбиваются. Не этот разобьется, так другой. Всё, что быстро летает, время от времени быстро падает. Но и то верно, что ни один самолет, не будь на то Божьей воли, не упадет. И я не исключаю, что Господь, по неизреченной милости Своей, в тот день выбрал тебя, чтобы дать возможность полякам избежать гибели. Ты предупредил их, а они не вняли. Значит, такая их судьба. Не думай о них. Думай о себе. Если Господь сделал тебя свидетелем Своего Промысла, то зачем?

— Я думал узнать у вас.

Старец вдруг широко улыбнулся, отчего седая борода его разошлась веером.

— У меня? А сам я зачем здесь спасаюсь, по-твоему?

* * *

“Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великольном храме с участием духовенства и Патриарха, — читал Енисеев пророчества преподобного Лаврентия Черниговского. — Будет свободный въезд в Иерусалим и выезд для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано для того, чтоб прельстить.”

Антихрист будет происходить от блудной девы-еврейки двенадцатого колена “блудодеяния”. Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет 12-ти, гуляя с мате-

рю по саду, встретится с сатаной, который, выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: “Не бойся, я буду помогать тебе”. Из этого отрока созреет в образе человеческого антихрист. При его короновании, когда будет читаться “Символ Веры”, он не даст его правильно прочесть, где будут слова об Иисусе Христе как Сыне Божиим, он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист, и за это будет умерщвлен. При короновании антихрист будет в перчатках. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а когти, и это послужит к большему уверению, что это антихрист. Сойдут с неба пророки Енох и Илия, которые также будут всем людям разъяснять и восклицать: “Это антихрист, не верьте ему”. И он умертвит их, но они воскреснут и полетят на небо.

Антихрист будет обучен всем сатанинским хитростям и будет давать знамения ложные... Не в церкви, а в каждом доме, в углу, где стоят и висят сейчас святые иконы, будут стоять обольстительные прилады для прельщения людей. Многие скажут: “Нам нужно смотреть и слушать новости”. Вот в новостях-то и явится антихрист... Он своих людей будет “штамповать” печатями. Будет ненавидеть христиан...

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, и признают Христа...

Начнутся последние гонения на душу христианскую, которая откажется от печати сатаны... Печати будут такие, что сразу видно будет, или принял человек, или нет. Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину...

Но не унывайте: Господь своих чад не оставит... Слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с ним. И пока не восполнится спасающимися число свидетелей Божиих, разоренное отпадением части Ангелов, Господь не придет судить”.

Так предсказывал Лаврентий Черниговский в 1949 году, “сидя на хорах” монастырского храма.

Старец прав, думал Енисеев, вот — настоящий пророк, причем пророк в гоголевском духе. Этот рассказ о встрече будущего антихриста с сатаной в саду... А предсказание о телевидении! “Вот в новостях-то и явится антихрист...”! Уж “обольстительных прилад”-телевизоров в углу Лаврентий точно ни разу в жизни не видел! Такие пророчества — это тебе не мои проценты, недополученные Тимошенко на выборах!

Но что имел в виду старец, говоря о важности для Енисеева этой книги? Ничего, что бы он не знал о таких пророках, как Лаврентий Черниговский, в ней не было. Какие-то его предсказания уже исполнились, а какие-то, слава Богу, еще нет, особенно об антихристовых временах. Что еще? Лаврентий — был человек исполинской веры, настоящий христианский подвижник, жил при советской власти в пещерах, Енисеев ему не ровня. Читай, не читай, а таким, как преподобный Лаврентий, всё равно не станешь. То есть можно, собрав в кулак всю волю, повторить его образ жизни, но это не дает особых оснований надеяться обрести такой же пророческий дар. Потому что Лаврентий просто стал пророком, даже не желая этого, а ты еще не стал, но уже этого желаешь.

А может быть, дело даже не в этом, а в том, на что употреблял Лаврентий свой поразительный дар? Он не только об антихристе и лжепатриархах предсказывал, а не гнушался помогать простым людям, к чему ты никакой склонности не имеешь, полагая, что призван глаголом жечь сердца людей.

“Как-то старец сидел за столом с двенадцатью сестрами монастыря и ел похлебку из глиняного горшка. Внезапно он поднял голову. “Сходи, посмо-

три: кто-то пришел, пусть зайдет сюда”, — сказал он келейнице, подававшей на стол. Та вышла и увидела женщину; она плакала. Монахиня сказала: “Батюшка покусает, и тогда придете, а сейчас он вас не примет”. Вернувшись, она сообщила, что во дворе никого нет. Отец Лаврентий несколько раз окунул свою деревянную ложку в горшок... “Кто-то пришел, позови”. — “Кушайте спокойно, никого нет”. — “Да нет же, там женщина плачет, приведите ее!” — он поднялся с места. Вошла женщина, вся в слезах. Старец увел ее в келию, и через десять минут она вышла, причем от печали ее не осталось и следа. Отец Лаврентий вернулся за стол и тихо сказал келейнице: “И ты могла есть, когда видела, что человек плачет?”

Что ж, может быть, это и есть тайна преподобного Лаврентия? Прежде чем увидеть сквозь стены плачущую женщину на дворе, он сердцем почувствовал, что она плачет. А ты, видя на улице плачущих людей, пытался ли увидеть, что у них за беда, пытался ли помочь? В груди святого Лаврентия было трепетное сердце, а не уголь, пылающий огнем! У всех христианских пророков было трепетное сердце! Благодаря ему они и стали пророками. А ты искал способа превратить свое сердце в пылающий уголь и лишь после того, как увидел обломки самолета, забрызганные кровью, усомнился, нужно ли это тебе. Всё равно твои глаголы никого не жгут. Они как искры от костра, от которых люди легко уворачиваются. Ну, прожжешь им дырочки в одежде, вызвав лишь легкую досаду. Ничьих сердец ты еще не зажгешь.

Раздался телефонный звонок. Енисеев снял трубку.

— От души поздравляю, — сказал мужской голос. — Ярослав Качинский, как вы и предсказывали, не стал президентом Польши. А Радослав Сикорский остался министром иностранных дел.

— Это пан Цеханович? — спросил Енисеев, хотя голос явно был не Цехановича.

— Нет, но о ваших предсказаниях ему наслышан. И о других тоже. Нам необходимо встретиться.

— Зачем?

— Лучше поговорить об этом при встрече. Это в наших обоюдных интересах.

— А кто вы?

— Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо, как сказал поэт. Шучу. А вы не можете с помощью своих удивительных способностей угадать, кто я?

— Да дурак какой-то.

На том конце провода крикнули:

— Это от души. Один-ноль в вашу пользу. Я — Ступар. Слышали?

— Ну, слышал, если снова не шутите. Ступор — это состояние обездвиженности с отсутствием реакций на внешние раздражители. Чем же я могу вам помочь?

— Хе-хе! Хе-хе! Вы — щетинистый человек! Ступар — это моя фамилия, пишется через “а”. Вы, правда, ничего не слышали обо мне?

— Что-то слышал, а что — Бог знает.

— Я президент АВПП, Агентства всеобщего и политического прогнозирования.

— А-а... Я не занимаюсь политическими прогнозами.

— Не скромничайте. Еще как занимаетесь! Большинство ваших предсказаний связано именно с политикой — мы проследили. Но не в этом дело. Точнее, не только в этом. Есть потребность кое-что обсудить с вами. Вы не очень загружены работой, как мы выяснили. Не уделите ли нам час своего внимания? Уверяю, вам это будет интересно.

Енисеев хотел было отказаться, но вспомнил, что встреча с Цехановичем, на которого ссылался Ступар, тоже была интересной и во многом показательной, несмотря на весьма неприятной осадок от нее. К тому же, после Нади и Цехановича Ступар был третьим человеком в мире, который за многие годы проявил к нему интерес как к прорицателю. Поэтому он сказал:

— Ладно, давайте.

Агентство Ступара было обыкновенным офисом с компьютерами. Отличался лишь отделанный “под готику” кабинет самого Ступара — с панелями из мореного дуба или его заменителя, резными стульями, здоровенным камином, едва ли действующим, так как в его вычищенном нутре не имелось следов угля или золы, книжными шкафами во всю стену, в которых тускло поблескивали золотыми корешками старинные тома, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся популярным в подобных кабинетах Брокгаузом и Ефроном, переплетенными приложениями к журналу “Нива”, “Историей” Геродота, “Полом и характером” Вейнингера и почему-то Бремом. Стены украшали смутно знакомые Енисееву небольшие картины, изображавшие одетых по моде девятнадцатого века людей, у коих вместо носов были птичьи клювы, хоботы, воронки и прочая дрянь.

— Подлинный Шемякин, — похвастался Ступар.

Это был рыжий мужчина с пухлыми плечами, веснушками на идущей ото лба лысине и длинным извилистым носом, что, вероятно, объясняло его любовь к Шемякину. Он усадил Енисеева на кожаный диван в углу, а сам пристроился в кресле напротив. Сложив руки на животе и склонив голову набок, некоторое время Ступар изучал Енисеева, шевеля при этом кончиком носа.

— Как это у вас получается? — наконец осведомился он.

Енисеев, в свою очередь, хотел спросить, как у него получается так шевелить носом, не задействовав при этом губ и щек, но он сдержался.

— Что вы имеете в виду? Предсказание насчет Ярослава Качиньского, Сикорского и Цехановича? Я вас разочарую: это никакое не предсказание. Это было лишь мое предположение, высказанное в императивной форме.

— Ну, мы такими предположениями и занимаемся. А как насчет крушения самолета Леха Качиньского?

— Насчет самолета мне уже говорить надоело. Не обессудьте. Но это, конечно, было не предположение. Это было предвидение, от меня едва ли зависящее. Во всяком случае, я так думаю.

— А вот у поляков сложилось впечатление, что это было осознанное предсказание, да еще с морально-историческим подтекстом. Причем, по их мнению, полонофобским.

— Плевать мне на их впечатления. Не они, а я, “полонофоб”, пытался спасти президентский самолет. Если они такие впечатлительные, то надо было спасать своего президента и его команду, пока была такая возможность, а не думать о том, как бы не сорвать Катиньскую церемонию.

— Знаете, я тоже не верю, что ваши предсказания от вас не зависят. То есть вы так считаете, но на самом деле при желании можете давать и осознанные предсказания. Ну не было же спонтанным ваше пророчество о Тимошенко! Вы же были на ее пресс-конференции, думали о ней.

— Совершенно верно. Но я вдруг назвал цифры, о которых вовсе не думал.

— Так на то вы и прорицатель! И тем отличаетесь от обычных людей. Я клоню к тому, что, вы, на мой взгляд, можете рационально подвести себя к состоянию, когда начинаете действовать иррационально — то есть предсказывать будущее.

— Может, и могу, — пожал плечами Енисеев. — Но специально я этим не занимался.

— Так, может быть, пора? Вы что же, всю жизнь собираетесь играть в любительской лиге?

— А профессиональная — это какая? Где платят деньги?

— Естественно. Любой труд должен быть оплачен. Особенно тот, что требует столько душевных и психических сил, как предсказание.

— Оплаченные предсказания имеют одну характерную особенность: в них содержится только та информация, которую хотелось бы услышать клиенту. Это не по мне.

— Вы действительно ничего не знаете об АВПП, Илья Петрович. Во-первых, мы занимаемся не только политическими прогнозами, а любими. Во-

вторых, наша “фишка” как раз в том, что мы даем правдивые прогнозы, независимо от того, что хочет клиент. Он платит только за правду и получает правду, пусть она ему и не нравится. А гарантированный “возвышающий обман” он может получить в другом месте. Мы сразу предупреждаем об этом клиентов. Наш девиз: “Правда, и ничего, кроме правды”. Другого такого агентства прогнозов вы нигде не найдете. Даже влиятельные мониторинговые компании проводят опросы так, как нужно клиенту. Первый вопрос у них: “Вам как посчитать?” До сих пор мы занимались чистой аналитикой и не привлекали к своей работе известных астрологов и предсказателей, но не исключали такой возможности. На рынке прогнозирования есть своя конъюнктура, и в последнее время популярность мистики возрастает. Не знаю, какая причина этого: может быть, увлечение нуворишей каббалой, а может быть, просто футбольные пророчества какого-нибудь осьминога Пауля. Мы сделали подсчеты, какой процент предсказаний отечественных нострадамусов сбывается, и получилось примерно пятьдесят на пятьдесят, чего может добиться и обыкновенный человек с улицы. У осьминога Пауля процент куда выше. Он выше и у финалистов “Битв экстрасенсов”, но они, как правило, “плавают” в важных для нас вопросах политики, бизнеса и юриспруденции. Здесь необходима точность, которой экстрасенсы не обладают. Вы же, помимо прочего, оказались сильны и точны в политике. Поэтому мы подумали, что если нам обращаться к оракулам, то лучше, чем вы, кандидатуры пока не сыскать.

— Не думаю, что это так. Профессиональные предсказатели и экстрасенсы хорошо всем известны, а я неизвестен никому. К вам пойдут клиенты благодаря их именам, а уж сколько там их прорицаний сбудется — дело десятое. Главное, чтобы клиенты шли и платили деньги, правильно?

— Не совсем. Популярность известных предсказателей и магов — это ресурс, который они сами давно уже эксплуатируют. Используя его, мы стали бы пиарить именно их, а не себя. Причем успех предсказаний работал бы, прежде всего, на их имидж, а вот неудача ударяла бы по имиджу нашего агентства. Ведь они могут позволить себе ошибаться, а мы нет. Наш пиар — это рекомендации наших клиентов, которым мы дали правильный прогноз. Нам вовсе не нужно, чтобы сюда валом валил народ с вопросами типа: “Куда посоветуете вкладывать деньги?” Вы видели офис: мы просто не готовы принимать большое количество людей. Нам важно не количество клиентов, а их качество. Их платежеспособность в том числе. По мелочам много не соберешь, скорее, потеряешь. А солидный клиент не придет, увидев нашу рекламу где-нибудь в “МК” или “ТВ-3”. Он придет, когда ему конфиденциально посоветует обратиться к нам такой же солидный человек. Для нас главное — репутация, а не чьи-то имена.

— Ну, в таком случае, я вам совершенно не подхожу. Если я не знаю, смогу ли вообще предсказывать специально, то как я могу дать гарантию, что буду предсказывать правильно?

— От вас этого не потребуется. Клиент будет получать, если, конечно, пожелает, как аналитический прогноз, так и оракульский. Если они будут отличаться, то тем лучше: какой-нибудь да сбудется! Но для этого нам нужен именно неизвестный предсказатель, потому что предсказание известного всегда будет выглядеть предпочтительнее аналитики. Так уж устроен человек с его склонностью к суевериям. Если же прогноз аналитиков совпадет с предсказанием разрекламированного прорицателя, клиент будет думать: зачем я платил дважды? И следующий клиент попросит, чтобы с ним работал только доморощенный Нострадамус. Другое дело, когда клиенту неизвестно ни имя аналитика, ни имя предсказателя агентства, а известна только репутация АВПП. Тогда, с большой степенью вероятности, он прибегнет к услугам и предсказателя, и аналитика.

— Хитро. Однако вы не очень деликатны, акцентируя мою безвестность. Ну, а представьте, что я, придя к вам безвестным, обрету здесь популярность как предсказатель и брошу вас к черту? Или вы подсунете мне на подпись какой-нибудь кабальный договорчик?

— Конечно, подсуну. Только не кабальный. В рабочее время — работаете на меня, в свободное — на себя, если пожелаете. Какая же здесь каба-

ла? Обычные условия. Захотите уйти, уйдете. Только на вольных хлебах вы с ног собьетесь, разыскивая клиентов. Популярность нуждается в постоянной рекламной подпитке, а у вас есть деньги на серьезную рекламу?

— А вы что же, копейки мне собираетесь платить?

— Нет, не копейки. Но хорошая реклама стоит десятки тысяч долларов, а вам всё же будут платить тысячи. Разоритесь.

— Ну, что ж, — сказал Енисеев, откинувшись на спинку дивана, — я услышал от вас много интересного о рынке предсказаний и прогнозов. Что же касается вашего предложения, то и в начале разговора, и теперь оно мне кажется совершенно диким. Вам нужен кто-то другой. Я себя абсолютно не представляю в этой роли.

— Но почему? Послушайте, хотите вы этого или нет, но вы всё равно занимаетесь прорицательством. Вы, может быть, и не хотели бы пророчествовать, а пророчествуете, подталкиваемые неведомой силой. Однако ваши успехи, судя по всему, носят бессистемный и случайный характер. Вы не знаете толком своих возможностей, потому что не развиваете свой дар. У вас просто нет для этого постоянных поводов. И если бы кто-нибудь вам такие поводы давал, вы должны были бы быть ему благодарны, поскольку самому вам их найти нелегко. Я же предлагаю вам не только поводы, но и готов платить деньги за работу. Что же дикого в моем предложении? Заметьте: речь идет о честной работе, без малейшей примеси шарлатанства. То, что вы предскажете, то и будет сообщено клиенту. Надоест работать — уйдете, но получите столь необходимый, на мой взгляд, для вас опыт. Вы здесь ничего не потеряете, а приобретете многое, в том числе и деньги.

— Не хочу. Не лежит душа. Я сейчас свободный человек. А вы меня запряжете в штатные кассандры. Любое увлечение, становящееся обязанностью, превращается в муку.

— Я вовсе не настаиваю, чтобы вы работали в штате. Сидите дома, работайте по вызову. Отнеситесь к тому, что я вам предлагаю, как к необходимой вам тренировке.

— Ладно, я подумаю, — пообещал, чтобы отвязаться, Енисеев. Но он недооценил Ступара.

— Я предлагаю вам сегодня попробовать свои силы, — предложил тот. — Прямо сейчас.

— Чего?

— А что такого? Ну, неужели вам самому не интересно попытаться сделать это по своей инициативе? Без подготовки, с чистого листа? А решение по поводу работы у нас потом примете какое угодно. Я думаю, такая проба сил даже поможет вам определиться.

— Ну, хорошо, — сказал Енисеев. — Попробуем ради смеха. Всё какое-то развлечение. Может быть, мое фиаско убедит вас в том, сколь зряшны ваши планы относительно меня. Что я должен делать?

Ступар посмотрел на часы.

— Сейчас придет одна женщина. Думаю, она уже сидит в приемной. Она сама вам всё скажет.

* * *

Широким шагом в кабинет вошла дородная крашенная блондинка со стрижкой “под мальчика”, в свободных дорогих одеждах, призванных, очевидно, скрыть дородность. Лицо у нее было как маска, — не из-за обилия косметики, а из-за того, что над ним основательно потрудились пластические хирурги, и теперь хозяйка лица боялась ослабить упругость новой кожи лишней мимикой. Ступар проворно встал ей навстречу, облобызал ручку. Над ее гладкими, как у манекена, руками тоже, очевидно, поработали косметологи.

— А вот, Ксения Аркадьевна, Илья Петрович, наш, так сказать, оркул, — широким жестом представил он Енисеева, — очень, очень “продвинутый”. Аналитики уже работают над вашей проблемой, но специфика ее такова, что хорошо бы послушать не только того, кто оперирует логикой

и информацией, но и того, кто обладает даром видеть поверх логики и информации. Или, как еще говорят, сквозь стены.

Енисеев приподнялся и кивнул.

— Вы мне льстите, — пробормотал он.

— Очень приятно, — низким голосом сказала дама, усаживаясь. Кожаное кресло обреченно вздохнуло под ее тяжестью. — Я ни в какие предсказания не верю, но о вас отзывались как о серьезном агентстве, и вы, наверное, знаете, что делаете.

— Я тоже абсолютно практический человек, — заверил ее Ступар, — но именно как практический человек знаю, что предвидение — не выдумка. Просто мы еще не знаем его механизма. Но ведь это не мешает нам использовать его в работе наряду с аналитикой, не так ли? А вы уж потом решите, чему отдать предпочтение — аналитике или предвидению. Ну, а если аналитика и предсказание совпадут, то тем больше вероятности, что они правильны.

— Пусть будет по-вашему, — кивнула Ксения Аркадьевна.

— Превосходно. Чай, кофе?

— Минеральной воды “Перье”. Есть?

— Обижаете, Ксения Аркадьевна! А вам, Илья Петрович?

— Кофе.

Ступар позвонил, чтобы принесли “Перье” и кофе, и пересел за письменный стол, чтобы, очевидно, не мешать “сеансу”.

— Илья Петрович еще ничего не знает о вашей проблеме, поэтому не откажите в любезности рассказать ему.

Дама, не поворачивая лица-маски к Енисееву, стала рассказывать:

— Моего мужа засыпали письмами о моих якобы изменах ему. Они приходят по почте, “эсмэсками” и по интернету — причем не только на его рабочую электронную почту, но и размещаются в его контактах в “Фейсбуке”. Там они становятся известны широкому кругу людей, с которыми общается муж.

— А отследить IP-адрес отправителя, конечно, не удастся? — спросил Енисеев — скорее у Ступара, чем у Ксении Аркадьевны.

— Ну, разумеется, — сказал он. — Отправляется с чужих “заграничных” серверов — интернет-кафе и тому подобное.

— Об этом уже начали говорить все вокруг, что негативно сказывается на нашем общем с мужем бизнесе, — продолжала дама. — Партнеры начинают сомневаться, стоит ли связываться с нами, если из-за нашего возможного разрыва фирма на грани развала.

— Простите, а у автора писем есть хоть малейшие основания сомневаться в вашей верности мужу? — тоном Эркюля Пуаро поинтересовался Енисеев.

— Ни малейших, — отрезала Ксения Аркадьевна. — Я не даю для этого никаких поводов, — более того, уволила молодого водителя и молодого охранника на даче, как только эти письма появились.

— А почитать их можно?

— Конечно, — ответил Ступар. — Копии их здесь, в офисе. Принести?

— Да, но не сейчас. А что, ваш муж верит этим письмам?

— Не думаю. Но мой муж... моложе меня, и, хотя мы любим друг друга, он не может не ощущать на людях некоторого дискомфорта из-за нашей разницы в возрасте. Сейчас же, знаете как: если ты бизнесмен, то должен иметь в женах молодую эффектную шлюху с ногами, растущими из подмышек. А он не только не имеет такой жены, но еще и получает письма об изменах немолодой уже, будем называть вещи своими именами, жены. Он нервничает, замкнулся в себе. Ему, да и мне кажется, что все наши знакомые, разговаривая с нами, всё время прячут усмешку и отводят глаза. Это продолжается уже два месяца.

— Вот вы сказали, что муж моложе вас. А его брак с вами — первый?

— Нет, не первый.

— Так, может быть, это его бывшая жена или любовница в отместку пишет?

— Мой муж приехал из Адлера. Бывшая жена его держит там палатку на рынке. Она не то что интернетом, даже компьютером не пользовалась.

Если же она вдруг начала ими пользоваться, то письма всё равно отправлены не ею, потому что они, как помог мне выяснить Лев Данилович, — она кивнула на Ступара, — посланы с московских серверов. А те, что отпечатаны на принтере, брошены в московские почтовые ящики.

— А вы раньше были замужем?

— Да.

— Ваш бывший муж не может писать эти письма?

— Он умер.

— Простите. Итак, вы хотели бы знать, кто и с какой целью посылает эти письма?

— Конечно. Но поскольку Лев Данилович сказал, что это не совсем по вашему профилю, ведь вы не детективное агентство, я хотела бы для начала узнать, что мне самой в этой ситуации делать.

— А в милицию вы обращались?

— Куда? — спросила Ксения Аркадьевна с таким выражением на мало-выразительном из-за страха потерять упругость кожи лице, что Енисеев сразу понял: она не из тех, кто по таким поводам обращается в милицию.

— Ну, а в детективное агентство, о котором вы упомянули?

— Туда обратилась, — коротко ответила дама.

— И что?

— Пока ничего. Выяснили, что на письмах и конвертах, пришедших по почте, нет отпечатков пальцев, но распечатаны они на двух принтерах одной системы — “Эйч Пи”. Потом сыщики отметили точками на карте Москвы почтовые ящики и интернет-кафе, через которые приходили письма, и нарисовали круг. В центре этого круга, по их мнению, и надо искать похожие принтеры, бумагу, конверты и их хозяев.

— Нда, это долго. Напоминает известный способ ловли льва в пустыне. А ваш собственный офис попал в этот круг?

— Да.

Енисеев откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Сделал он это не для того, чтобы сосредоточиться и “поймать состояние”, предшествовавшее обычно его пророчествам, а потому что не знал, что же ему еще делать. Никаких соображений по поводу рассказа Ксении Аркадьевны у него не было и не могло быть, ведь он не знал ни ее, ни тем более ее невидимых врагов. Увидеть же какие-то знаки будущего на изнанке собственных век Енисеев и не пытался, да и дело в истории о письмах, скорее, касалось прошлого, нежели будущего. “Вот, скажем, — размышлял Енисеев, — решился бы я загадать, кто же писал Пушкину анонимные пасквили на Наталью Николаевну. Информации об этом побольше, чем о пасквилях на Ксению Аркадьевну, да и заниматься Пушкиным и Натальей Николаевной интересней, чем Ксенией Аркадьевной. И что же бы у меня вышло? Ничего. В общем, попал я в глупейшую ситуацию, послушавшись этого Ступара. Надо сказать что-то ей для приличия и свалить, а что? Что можно посоветовать женщине, которую видишь первый раз в жизни, и ее мужу, которого вообще не видел никогда?”

— У вас есть фотография мужа? — спросил он.

Женщина удивленно подняла брови, тотчас же вернула их на место, вспомнив о режиме ограничения мимики, неохотно полезла в сумочку за портмоне, достала оттуда фотографию и протянула Енисееву.

На этой фотографии мужу Ксении Аркадьевны было немногим больше тридцати. Лицо типичное для выходца с Кубани: крупноватый нос с резко вырезанными ноздрями, взгляд небольших глаз исподлобья, подбородок с ямочкой, торчащие уши, темные редущие курчавые волосы, зачесанные назад. Енисеев вспомнил сделанную им в шутку сравнительную “физиогномику” Цезаря и Путина и усмехнулся про себя. Что ж, кое-какой опыт есть, и не самый неудачный. Итак. Нельзя сказать, чтобы мужчина с фотографии был красавчик, но женщинам, особенно в возрасте Ксении Андреевны, такие нравятся. Не мозгляк какой-нибудь, широкие плечи, и хоть нижний обрез фото шел чуть ниже шеи, крепкая дебелая шея эта в расстегнутом вороте рубахи

говорила о таком же крепком телосложении. “Нет, точно, какая-то “бывшая” его пишет, — решил Енисеев. — Или — нынешняя. Ну, видно ведь — ходо! Глаза такие масляные, с поволокой... Переносица крупная, нос с раздвоенным кончиком... Губы пухлые, сжатые. Кубанский бычок! А тут — рыхловатая Ксения Аркадьевна, которая даже целоваться не подпустит, чтобы не испортить пластику. Нет, есть у этого парня любовница на стороне! Он, естественно, жениться на ней не хочет, чтобы оставаться поближе к деньжатам нынешней супружницы, вот девчонка и пишет эти письма, чтобы спровоцировать разрыв между ним и Ксенией Аркадьевной. Глядишь, они рассорятся из-за писем и разведутся, бычок отсудит половину имущества и бизнеса у старухи и женится на ней. Интересно, а как он вообще сошелся с Ксенией Аркадьевной?” Спросить об этом прямо было неудобно, поэтому Енисеев “зашел сбоку”:

— А чем ваш муж занимался в Адлере?

— Работал милиционером.

— Милиционером? — удивился он. — И он не попытался выяснить, кто бы мог писать эти письма?

— Он же не следователем работал, а в ГИБДД.

— А-а... Как же вы познакомились? Вы — московская бизнес-леди, он — адлерский гаишник... На трассе, что ли?

— На трассе, — коротко ответила Ксения Аркадьевна. — Он остановил меня за превышение скорости. Пожурил, но штрафа не выписал. Оказался соседом. У меня дом под Адлером. Познакомились. А какое всё это имеет значение?

— Прямое. Такие письма пишут люди, знающие вас и мужа, не так ли? Но это не ваши конкуренты по бизнесу, они придумали бы что-нибудь позитивней. Здесь явно замешан интимный интерес, хотя и по принципу действия от противного... Понятно, что не вы изменяете мужу, но кто-то кого-то за ширмами этих писем предает. Мне должна быть ясна скрытая от других сторона вашей жизни. А то я не знаю толком ничего ни о вас, ни о вашем муже. Получается, что я вам и предскажу ровно столько, сколько знаю о вас. Я не психоаналитик и не получаю никакого удовольствия от таких вопросов, даже напротив, но я должен знать: как часто вы бываете близки с вашим мужем?

Кресло под безмолвствующим Ступаром скрипнуло, кончик носа завертелся. Гладкое, как скорлупа яичка, лицо Ксении Аркадьевны побагровело, она метнула на Енисеева прожигающий насквозь взгляд. Грудь ее высоко поднялась, ноздри раздулись, но она взяла себя в руки и сдавленно ответила:

— Наверное... раз в месяц. — Однако по глазам ее было видно, что еще реже. — Эти письма... не способствовали... вы понимаете...

— Понимаю. А раньше, в Адлере?

Женщина отвела взгляд, улыбнулась одной стороной рта.

— В Адлере бывало — по несколько раз на день.

— Ага... А как вы думаете: раз в месяц для вашего цветущего супруга, — Енисеев указал на фотографию, — это достаточно, даже если учитывать возможный стресс от писем?

Лицо Ксении Аркадьевны снова налилось темной кровью.

— На что вы намекаете? На то, что это мой муж мне изменяет?

— Именно. И не уверяйте меня, что вы сами об этом не думали. В начале совместной жизни вы бывали близки по несколько раз в день, а теперь — раз в месяц! Не слишком ли резкий переход? Объясняется ли он только дурацкими письмами?

— Кто же их пишет?

— Скажем, любовница вашего мужа.

— А зачем?

— Ну, это просто. Но, прежде чем объяснить вам это, я хочу спросить: у вас есть с мужем брачный контракт?

— Нет.

— А чем в вашем бизнесе владеет муж?

Плечи женщины, согнувшиеся под ударом неприятных вопросов, выпрямились.

— Ничем, — усмехнулась она. — Всё записано на меня. И бизнес, и имущество. Муж получает только зарплату генерального директора, правда, большую.

— Ага, — только и сказал Енисеев. — И его устраивает такое положение?

— Раньше мы никогда не обсуждали это, но теперь, под влиянием этих писем, он стал всё чаще говорить, что я ставлю его в неловкое положение, не давая распоряжаться финансами... что люди всё больше начинают верить содержанию писем, видя, что он как гендиректор совершенно бесправен... что это мешает делу, поскольку клиенты стремятся договориться со мной, а не с ним, а я нечасто бываю в офисе... что он лишен возможности оперативно решать вопросы... что страдает его авторитет...

— Так. А что же вы на это отвечаете?

— Раньше бы я просто на корню пресекла эти разговоры, зная, что в наше время ничего нельзя выпускать из своих рук, но теперь... из-за этой клеветы... — Ксения Аркадьевна замолчала.

— То есть — вы не говорите ни да, ни нет?

Она кивнула.

— А ваш муж не намекал, что сомневается в вашей верности?

Женщина ответила не сразу.

— Смотри что называть намеком... Однажды он сказал: “Неужели ты не понимаешь, что, не пуская меня в дело как партнера, ты даешь повод людям, да и мне тоже, думать, что ты действительно имеешь любовника, которого хочешь сделать своим мужем и партнером?”

— И что вы ответили?

— Я сказала, что я его понимаю... но хочу, чтобы и он меня понял... я уже немолода... мне страшно терять то, что я не дала уничтожить двум кризисам... ведь заново я уже не смогу ничего начать... но что я подумаю...

— Ксения Аркадьевна! — воскликнул Енисеев. — Вас ведь главным образом именно это заботило, когда вы шли сюда?

— Не знаю... может быть...

— И вы заставили буквально вытягивать это из себя! Как трудно с людьми из мира бизнеса, особенно с женщинами! Ну, что вам от наших дурацких прогнозов, если мы не знали главного?

Страдальческое выражение на кукольном лице Ксении Аркадьевны вдруг исчезло, она снова улыбнулась одним углом рта.

— Я полагала, что если вы серьезное агентство, то найдете возможность докопаться до истины. Прийти и раздеться перед вами — это слишком просто.

— Лев Данилыч, — повернулся Енисеев к Ступару, — вы эту позицию клиента учтите при определении величины гонорара.

— Всенепременно! — осклабился Ступар. — Договоримся!

— Договоримся-то договоримся, но мы еще не закончили нашего дела. К чему мы, собственно, пришли?

— Вы сказали, что письма пишет любовница моего мужа, — напомнила женщина.

— Я беру свои слова обратно. Я сказал это от недостатка информации. Ваш муж сам пишет и посылает эти письма.

— Как? — вздрогнула Ксения Аркадьевна.

— А так. Может быть, любовница ему и помогает, я не знаю, но инициатива явно исходит от него. Я несколько не сомневаюсь в этом после того, что вы по поводу его претензий на финансовые права рассказали. У него просто не было другой возможности поднять этот вопрос, не наткнувшись на ваш категорический отказ. Любовница, я думаю, у него молодая, она не знает таких психологических нюансов. Кстати, есть ли основания подозревать кого-нибудь из девушек в вашем офисе? А то вы, может быть, всё знаете, а нам опять не говорите?

— Нет, — твердо сказала Ксения Аркадьевна. — Красивых девушек, с тех пор, как мы женаты, в офисе нет.

— Эх, начать бы вам свой рассказ с этого! А вы: моего мужа затерроризировали письмами... Бедный муж, в одном помещении с которым вы не рискуете оставлять красивых девушек! Ну-с, хорошо. Ксения Аркадьевна, есть два варианта развития событий. Первый: люди из детективного агентства проверяют принтеры в вашем офисе, а может быть, и у вас дома. Но коль скоро ваш осторожнейший супруг не оставил отпечатков пальцев на письмах и конвертах, то не исключено, что он не пользовался этими принтерами, а просил распечатывать любовницу. Значит, надо установить за ним слежку, чтобы зафиксировать его встречу с ней. Затем, если эта девушка где-нибудь служит, нужно проверить принтеры на ее работе или у нее дома, что сложнее. На это уйдет определенное время, может быть, и немалое. Есть и другой вариант, не исключаящий, впрочем, и первого. Он более быстрый. Вы говорите мужу, что вам всё известно о его роли в истории с письмами и что вы немедленно разводитесь с ним. Он непременно должен почувствовать неотвратимость вашего решения. Не принимайте никаких его объяснений, оправданий, вообще пресекайте попытки продолжить разговор на эту тему. Это ослабит эффект ваших слов. Сказали, как отрезали — и ушли, заперлись, отключили мобильник. У вас, судя по вам, это должно получиться. А еще лучше: уехать на сутки в такое место, о котором он не знает. Но при разговоре с мужем хорошо бы иметь неподалеку охранника, чтобы он мог прибежать на ваш голос. Береженого Бог бережет. Еще неизвестно, какую реакцию вызовет у мужа ваше сообщение.

Ксении Аркадьевне предложение Енисеева не очень понравилось.

— А что это даст? — пожала плечами она.

— Это — проверка. Я не могу ручаться на все сто процентов, что мое предположение правильно. Но его можно проверить. Если ваш муж в задуманном им спектакле с письмами изображает перспективу развода как угрозу самому себе, стало быть, подсознательно он развода больше всего и боится. На данном этапе, во всяком случае, пока он не стал вашим партнером в деле и не получил допуска к финансам. Сейчас для него развод будет означать крушение всего. Когда вы через сутки снова появитесь дома или в офисе, он, если виновен, упадет перед вами на колени и признается во всем. У него два пути: либо этот, в надежде получить прощение, либо убить вас.

— Хорошенькие вы даете советы! — воскликнула женщина.

— Ничего страшного. Скажите мужу, еще при первом разговоре, что написали новое завещание, по которому в случае вашей насильственной или неожиданной смерти ему не достается ни копейки. Ему сразу расхочется убивать вас.

— А если он всё-таки невиновен?

— А если он невиновен, то и не раскается. Будет стоять на своем даже под угрозой неминуемого развода, лишь бы не оправдываться в том, чего не делал. Разве вы станете возводить на себя напраслину в целях поправить финансовое положение? В случае положительного исхода вы удостоверитесь в верности мужа, что для вас, я полагаю, не менее важно, чем найти автора писем. Думаю даже, тогда вам расхочется делать это. А когда вам расхочется, то подметные письма, по некому неизвестному закону жанра, перестанут приходить.

Ксения Аркадьевна задумалась. Потом встряхнула короткой стрижкой и поднялась с кресла.

— Хорошо, я сделаю так, как вы посоветовали. О результате сообщу. Спасибо, — повернулась она к Енисееву, — мне понравилась ваша работа. Резковато... но, может быть, так и надо. Буду рекомендовать вас своим знакомым. Можете присылать мне счет.

— А как же заказанный вами прогноз аналитиков? — с некоторым беспокойством спросил Ступар.

— Включите его в счет. Они же работали. Но мне уже и так всё ясно. До свидания.

Она удалилась, шагая столь же твердо, как и вошла, а может быть, еще тверже, потому что стекла в книжных шкафах задребезжали.

— Не завидую я ее мужу, — пробормотал Ступар, — даже если он писал эти письма.

— Ей я тоже не завидую, — сказал Енисеев. — Ад какой-то, а не жизнь. Уверен, всё она знала о своем муже. И даже насчет писем в глубине души догадывалась. А сюда пришла, чтобы получить подтверждение своим смутным догадкам.

— Но я присоединяюсь к ее словам о вашей работе! Наблюдал с восхищением! Это подлинный класс! Сегодня вы заработали не менее трех тысяч долларов!

— Да? Но я ничего не предсказывал, а отбивал хлеб у ваших аналитиков. Я не испытал даже и близко ничего похожего на состояние, которое испытываю при предсказании. А ведь вы меня хотели использовать как предсказателя.

— Не скажите, не скажите! Со стороны-то виднее! Вы ничем не отличались от наших аналитиков, пока не взяли в руки снимок. Тут вас словно осенило что-то, и вы пошли к истине, как танк, никуда не сворачивая. Что-то подобное делают лишь хорошие экстрасенсы в “Битве”, когда им дают фотографии. Просто предсказание по фото для вас, очевидно, мелочь, не сравнимая с тем состоянием, что вы испытываете, читая будущее. Но для обычных людей ваша работа с портретом выглядит весьма впечатляюще. Мои парни видели фото этого жиголо — не это, так другое. Ну и что? Я сразу понял, что с этой скрытной бабой должен работать кто-нибудь вроде вас. И вы ее моментально раскрутили. Вы и впрямь не знаете всех своих возможностей. Вам обязательно надо поработать здесь, чтобы научиться их раскрывать.

— Не исключено, что вы правы. В общем, это было даже интересно. Давайте договоримся так. Я буду работать по вызову. Соответственно, зарплату мне платить не надо, достаточно будет процента от гонорара, который платит клиент. Какой, кстати, это процент?

— Немаленький. Шестидесят.

— Это вам получается немаленький! Сорок — а за что? За регистрацию клиента? Или, так сказать, за мое “крышевание”? Но не буду спорить. Более того: я отказываюсь и от этих шестидесяти процентов, если напропорочу клиенту несчастье, связанное с угрозой жизни или здоровью. Но отказываюсь не в вашу пользу. Вы тоже не должны их брать. Это мои условия.

— Вот как? Нравственный императив, да? Впрочем, по проблемам жизни и здоровья люди обычно обращаются в другие места, так что мы немного потеряем. Согласен. — Ступар дернул носом, потер руки. — Готовим договорчик и начинаем работать?

— Готовим, но подпишем и начнем работать, когда узнаем о результате разговора Ксении Аркадьевны с мужем. Если я ошибся, то мне нечего здесь делать. Зачем вводить людей в заблуждение?

— Не ошиблись, поверьте моему опыту. Наоборот, теперь, после того, как вы выяснили, кто автор писем, любое другое предположение кажется маловероятным.

— И, тем не менее, подождем.

10

Муж Ксении Аркадьевны во всем признался. Самое интересное, что у него не было никакой молодой любовницы, — во всяком случае, любовницы, замешанной в афере с письмами. Этот человек вовсе не разлюбил свою бывшую жену, имевшую палатку на рынке в Адлере. Напротив, он хотел вытащить ее в Москву, получив после развода с Ксенией Аркадьевной свою долю в ее бизнесе и имуществе. Причем адлерская жена сознательно отпустила мужа на сексуальные заработки к богатой Ксении Аркадьевне, как героиня одного рассказа Зоценко. В итоге вышло не совсем так, как у Зоценко, но столь же плачевно для первой жены.

Впрочем, Ксения Аркадьевна не посчитала нужным сообщить Ступару и Енисееву, простила она мужа или нет. Ступар, выплачивая Енисееву гонорар, спросил с улыбкой:

— Ну, вам-то уж, наверное, известно, что она решила насчет своего гаишника? Поверила в его раскаяние? Выгнала?

— Нет, не известно. Но я могу попытаться сосредоточиться и узнать. Это будет вам стоить еще три тысячи долларов.

— Вы, я вижу, быстро становитесь на деловую ногу! — захохотал Ступар. — А вы еще опасались! А в итоге и деньги получили, и добродетель восторжествовала! Такое, знаете ли, редко бывает!

— А я не уверен, что добродетель восторжествовала. По-хорошему, так этой Ксении прощать своего мышинного жеребчика не надо. Представьте их жизнь, если они останутся вместе. Это будет похуже, чем в последние два месяца. Жуть и лицемерие.

— Да уж! Гаишнику, чтобы хоть частично реабилитироваться, придется, как в Адлере, отрабатывать по несколько раз в день! Ну, а разве неправильно будет, если она его выгонит?

— Правильно, если он вернется к первой жене в Адлер. Но он вряд ли вернется после того, как побывал гендиректором крупной фирмы в Москве. Будет заниматься здесь аферами помельче. Но адлерскую подругу сюда не выпишет, да она и сама не поедет от своей палатки в неизвестность. Одно дело быть женой богатого бизнесмена, а другое дело мотаться здесь с мужем, мелким аферистом, по съемным квартирам. В Адлере она хозяйка, а в Москве кто? В этой истории нет добродетельных людей, включая Ксению Аркадьевну, которая свела гаишника, как бычка, со двора у соседки-торговки, и негде торжествовать добродетели. Фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивная жизнь... Не люди, а грубо раскрашенные куклы. Не вижу серьезных оснований полагать, что раскрытая афера с письмами послужит им нравственным уроком.

— И всё-таки, согласитесь, было бы гораздо хуже, если бы вы эту аферу не раскрыли. Тут ведь могло дойти и до убийства. Представьте, что гаишник своими подложными письмами так и не добился бы от Ксении равных прав на бизнес. Тогда бы ему пришла голову мысль просто убить ее, чтобы стать наследником по закону.

— Это не исключено.

— Вот видите, а вы говорите, что добродетель не восторжествовала.

— Убийство невозможно исключить и в том случае, если Ксения Аркадьевна всё-таки останется со своим гаишником. Но вы правы в том, что в ближайшее время он на это едва ли решится. Так что Ксения заплатила деньги не напрасно.

Они обсуждали это дело за рюмкой коньяку, как шахматисты обсуждают сыгранную партию, анализируя варианты, и Енисеев поневоле ощущал себя профессионалом в незнакомой доселе области “всеобщего и политического прогнозирования”, и ему это даже нравилось. Это можно было бы сравнить с тем, как начинающий писатель попал в круг писателей признанных, и они на равных беседуют с ним о литературе. Что ни говори, а профессионалами в своем деле нам позволяет осознавать себя полученный за труды гонорар, и такой гонорар, несравнимый с теми грошами, что Енисеев получал за предсказания, замаскированные им под газетные статьи, лежал у него в кармане. Мало ли что доводилось предсказывать Енисееву, в том числе с точностью до минут, как с иркутским и польским самолетами, но это был лишь его внутренний голос, которому поначалу никто не верил, а тут за его голос были готовы платить. И пусть на самом деле это был не внутренний голос и не внешний, а доводы рассудка, позволившие ему считать с фотографии мужа Ксении Аркадьевны его нехороший замысел, но как-то хотелось верить Ступару, что необычные особенности Енисеева тоже сыграли свою роль. Было ли то тщеславие, или результат долгой неуверенности в своих силах, он не знал, но в амплуа вольного предсказателя с гонораром, не отягченного никакими другими обязательствами, он чувствовал себя довольно комфортно. К пророчеству это не имело никакого отношения, да и нельзя комфортно чувствовать себя пророком, но ведь и Ступар прав, когда говорит о бессистемном и случайном характере его успехов.

Так думал Енисеев, начиная свою работу в агентстве Ступара.

Следующий клиент, к которому Лев Данилович позвал Енисеева, появился в агентстве с двумя габаритными охранниками, один из которых занял позицию у входной двери, сложив руки на гениталиях, а второй — в приемной, предварительно внимательно осмотрев кабинет Ступара.

Клиента звали Борис Михайлович. Это был краснолицый толстощекий мужчина лет пятидесяти пяти, с беспокойными хитрыми глазками и вкрадчивыми жестами. Губы его были сложены сердечком, словно он ждал поцелуя в уста или готовился дуть на горячее. Эта иллюзия разрушалась, когда клиент начинал говорить, не изменяя положения губ, так что теперь уже наминал караса. Ступар вел себя с Борисом Михайловичем довольно угожливо, сам подал ему чашку зеленого чая, принесенную секретаршей, осведомился, не хочет ли тот говорить с Енисеевым наедине.

— Мне сказали, что вы человек, которому можно доверять, — покровительственно ответил клиент. — Да и проблему мою вы уже знаете. Так что не вижу разницы, останетесь вы или уйдете.

— Тогда я, с вашего позволения, останусь, — сказал Ступар, которому очень хотелось еще раз понаблюдать работу Енисеева. Однако поначалу он стал свидетелем енисеевского конфуза.

Борис Михайлович минуты две без стеснения изучал представленного ему Енисеева, словно он был экспонатом музея, а потом промолвил:

— Лев Данилыч рекомендовал мне вас как настоящего предсказателя. Но чтобы понять, с кем я имею дело, я хотел бы, например, узнать ваше отношение... — он сделал паузу, — к проблеме “двенадцать-двенадцать”.

— К проблеме чего? — не понял Енисеев.

Ступар поморщился от досады, задергал носом.

— Апокалипсиса, предсказанного календарем индейцев майя, — быстро пояснил он за клиента.

Это тоже ничего Енисееву не говорило. Ему бы сделать вид, что он понял, о чем идет речь, а он вместо этого с иронией переспросил:

— У индейцев майя тоже есть свой Апокалипсис?

Ступар, с краской в лице, скороговоркой рассказал:

— В 1960 году, во время прокладки автомагистрали на юге Мексики, рабочие обнаружили каменную таблицу с частично стертым текстом. Расшифрованные надписи оказались календарем майя, заканчивающимся по воле Болона Октэ, одного из богов майя, 21 декабря 2012 года. Оттого и говорят: проблема “двенадцать-двенадцать”, подразумевая год и месяц катастрофы. Многие ученые и предсказатели считают, что в этот день жизнь на Земле погибнет от прямых лучей солнца, проникающих через озоновую дыру в атмосфере. Неужели не слышали?

— Что-то припоминаю... — пробормотал Енисеев, до которого, наконец, дошло, что как предсказатель он попал впросак, не зная о самом обсуждаемом в последнее время предсказании.

— Это серьезно, как вы полагаете? — поинтересовался Борис Михайлович, с сомнением поглядывая то на Енисеева, то на Ступара.

— Как может быть серьезным календарь с частично стертым текстом? Потом, откуда мы знаем, почему он заканчивается 21 декабря 2012 года? Может быть, потому, что на камне не было уже свободного места?

— Вы шутите?

— Конечно, шучу. А вы хотите, чтобы я говорил серьезно? Приходите с одним вопросом, но заодно желаете узнать, когда наступит конец света. Давайте определимся, по какой проблеме мы работаем.

Клиент переглянулся с шевелящим носом Ступаром.

— Похоже, вы человек с характером, — заметил он. — Я, конечно, не сомневаюсь в том, что сказал о ваших способностях Лев Данилыч, но мне хотелось, прежде чем довериться вам, убедиться в них.

— А, так это проверка. Но вы ее производите по собственной инициативе, ведь господин Ступар меня уже проверял. Что ж, я не возражаю. Но за ваш счет. Это значит, что мой гонорар должен измениться в сторону увели-

чения. А то вы, богачи, любите почему-то получать несколько услуг по цене одной. Хобби у вас такое или жадность, не знаю. Согласны?

Ступар крикнул, а клиент скривил надутые губки и махнул ладошкой:

— Давайте.

— Лев Данилыч, зафиксируйте в своем кондуите. Итак, отвечаю: что бы ни случилось 21 декабря 2012 года, Россия от этого мало пострадает.

— Почему?

— Потому что в Мексике, может быть, всё и сгорит от гибели атмосферы. Там воды мало, особенно пресной, а у нас ее хоть залейся, плюс еще снег и лед в конце декабря. Вода будет испаряться в условиях повышенной активности Солнца и выделять кислород. А это значит, что атмосфера будет восстанавливаться. Как в фильме “Вспомнить всё” со Шварцнеггером. Сплошная озоновая дыра над Россией невозможна.

Енисеев говорил, не особенно задумываясь над своими словами, понимая, что проверить их можно будет лишь 21 декабря 2012 года. Но на привередливого клиента они, похоже, произвели впечатление. Борис Михайлович покивал щекастой головой и спросил:

— А может ли 21 декабря 2012 года Земля погибнуть не из-за озоновой дыры и повышенной активности Солнца, а по другой причине?

— По другой причине Земля может погибнуть хоть завтра. Я не гадалка. Вы спрашивали о конце света из-за гибели атмосферы — я ответил.

— Гм... Вы говорили убедительно, но мне кажется, это не предвидение, а обыкновенная логика.

— А что вы знаете о предвидении?

— Да, в общем, ничего.

— И я — ничего. Что же мы будем говорить о том, чего не знаем?

Предвидение либо есть, либо его нет.

— Значит, вы не уверены, что оно к вам придет, когда вы будете отвечать на мои вопросы?

— Конечно. Человек, управляющий предвидением, — шарлатан.

— Но ведь я вам плачу именно за предвидение, если вернуться к теме гонорара.

— Вы ошибаетесь. Вы платите за предсказание. С предвидением или без. Вот вы, наверное, любите говорить, что ваше время стоит дорого. А почему дешево должно стоить мое?

— Вы меня не так поняли...

— Я вас понял правильно, — остановил его Енисеев. — Ваши вопросы вызваны тем, что вы уязвлены моими словами о вашей жадности. Они произвели на вас даже большее впечатление, чем ответ на вопрос о конце света. Но ведь это чистейшая правда, не так ли? А вы что — не хотите слышать правду? Зачем же вы сюда пришли? Я считаю, что проверка состоялась. Если вы считаете иначе, позвольте откланяться.

— Илья Петрович, — забормотал Ступар, — у нас так не принято... мы стараемся устанавливать доверительные отношения с клиентами...

— Я тоже стараюсь. Но Борис Михайлович — человек богатый и скупой. И отлично знает об этом. Что же, я должен говорить, что он бедный и щедрый?

— Всё в порядке, Лев Данилович, — успокоил Ступара Борис Михайлович. — Если человек не знает цену копейке, он никогда не станет обладателем больших денег. Илья Петрович не ошибся, просто высказал свою мысль, э-э-э... несколько в некорректной форме.

— Все прочие будут высказаны в такой же. Ступар вас что, не предупредил? — Енисеев повернулся к Льву Даниловичу. — А как же “Правда, и ничего кроме правды”?

— Хорошо, — выставил вперед пухлые ладошки Борис Михайлович, — оставим это и перейдем к делу. Итак, меня интересуют два вопроса. Первый. Мой бизнес тесно связан с политикой, причем с политикой “Единой России”. Но ее единство, как вам, наверное, известно, вызывает большие сомнения. Вокруг президента Медведева и премьера Путина образовались группировки, борющиеся за власть. Они уже выходят на бизнес, ища финансовой под-

держки. Но при этом не сообщают планы своих хозяев: идут ли они вместе на президентские выборы или один уступает дорогу другому. Это дезориентирует бизнес. Политические ошибки в нашей стране, пожалуй, единственные, которые не прощаются. Ходорковский мог бы жить до сих пор припеваючи, если бы не вздумал поддержать антипутинские силы. Здесь ставки выше, чем на бирже. Погорев на бирже, еще можно подняться, а погорев в российской политике — нет. Поэтому я бы хотел знать: кто будет президентом в 2012 году? Здесь я рассчитываю не только на вашу помощь, но и на помощь аналитиков Льва Данилыча. А вот получить ответ на второй вопрос я больше рассчитываю от вас. — Борис Михайлович замолчал, как бы собиравшись с мыслями. Глаза его, и без того, беспокойные, забегали. Он откашлялся и продолжал, не глядя на Енисеева: — Мне поступают угрозы убийства. Несколько дней назад моя охрана обнаружила за мной слежку. Можете ли вы предсказать, насколько серьезны эти угрозы?

— А они как-то связаны с вашей первой проблемой? — поинтересовался Енисеев.

— Напрямую нет. Но жизнь сейчас такова, что исключить ничего нельзя.

— Вы знаете, от кого исходят угрозы?

— Догадываюсь.

— Ну, естественно: ведь за угрозами стоит какое-то конкретное требование. Просто так, без цели, не угрожают. А вы пробовали договориться с этим человеком?

— Он отвечает мне, что не имеет никакого отношения к этим угрозам. Внешне у нас прекрасные отношения. Недавно он сделал мне предложение, от которого я отказался, но разошлись миром, я не заметил в нем даже раздражения. Потом еще несколько раз встречались, обнимались, даже мирно беседовали. О своем предложении он больше не напоминал. Но я знаю: ему нужно не просто, чтобы это произошло, а произошло быстро. Он несколько раз с улыбочкой сказал, когда нам не удалось договориться: “Ну, что ж, не сегодня, так завтра”.

— Ага. А после появления угроз он снова не предлагал договориться?

— Нет.

— А вы?

— На его условиях я договариваться не могу: это переход моего бизнеса в его руки. А мои условия ему не интересны.

— А люди, которые вам угрожают, так прямо и говорят, что вы должны выполнить его условия?

— Нет, конечно. Они же звонят по телефону, я могу это записать. Они говорят: “Вы знаете, что нужно делать”.

— В общем, изображают из себя гангстеров. Насмотрелись боевиков. Но что же, Борис Михайлович, вас некому защитить? Я понимаю, что милиция служит тому, кто больше заплатит, но ведь у вас есть, чем платить. Или вы снова скупились? Помните: копейка и впрямь рубль бережет, но не жизнь. Безопасность богатых людей стоит дорого. Поднимите шумиху в СМИ, что он хочет вас убить, и он едва ли осмелится.

— Видите ли... шумиха... СМИ... милиция — всё это мне невыгодно. Он меня убьет тогда без выстрела. Дело в том, что мы когда-то были партнерами... и он знает обо мне нечто такое, что я не хотел бы предавать огласке. Знаете... девятые годы... Когда мы начинали бизнес, старые законы уже не действовали, а новые еще не начали действовать. Работали не по законам, а по понятиям. Ельцин нас терпел... и нынешние, в принципе, терпят, с одной лишь разницей, что они нас держат на коротком поводке компромата. И мы откупаемся — деньгами или услугами. Только на меня компромат не у властей, а у бывшего партнера.

— Вот как... Здесь еще и шантаж примешивается... Почему же ваш бывший партнер угрожает убийством, а не компроматом?

— Он ничего не получит, если пустит его в ход. Этот компромат на меня — одновременно компромат на него, правда, в меньшей степени. Лично ему ничего не грозит, но моего бизнеса он не получит. Начнется проверка,

и счета, ценные бумаги, операции будут заблокированы. Он может лишь защититься этим компроматом от меня, если я во всеуслышание обвиню его в вымогательстве под угрозой убийства. Дескать: видите, с кем мы имеем дело, разве можно этому человеку верить?

— Всё равно не понимаю. А что он получит, если убьет вас?

— Блокирующий пакет акций как минимум. Он ведь акционер моей фирмы, и без меня сумеет поднять под себя правление и других акционеров.

— Положеньице... Скажите, а на защиту своей охраны вы не надеетесь?

— Охрана усилена. Но ведь могут убить и так, что охрана никакая не понадобится. Вы слышали, как завалили Маневича? Снайперский выстрел с чердака — и всё. А я человек публичный — не могу взять и запереться в четырех бетонированных стенах. Тогда лучше, действительно, отдать бизнес.

— А насколько вероятно, что он может вас убить?

— Но ведь именно это я и пришел у вас узнать!

— Ах, да, — спохватился Енисеев и потер лоб. — Я вот что имею в виду... вы ведь знаете этого человека... к чему он больше склонен — к реальным угрозам или блефу?

— Я бы сказал, что к блефу. Он по натуре игрок. Но в этой игре ставки слишком высоки. Поэтому мне и потребовалась ваша помощь.

— Будем думать.

Енисеев принял удачно опробованную на предыдущем сеансе позу — откинулся на спинку кресла с закрытыми глазами. Однако, как и в первый раз, никаких мыслей в голову пока не приходило. Это, конечно, не касалось вопроса о президентских выборах: будучи автором статьи "Пришел, увидел, победил", он нисколько не сомневался, что Путин снова будет президентом России. И совершенно другое дело — угроза убийства. Откуда ему знать, когда в бизнес-разборках угрожают убить, а когда действительно убивают? Но тут не подметные письма, не адюльтер, не афера, здесь и впрямь, похоже, речь идет о жизни человека. Пусть несимпатичного, толстосума, скопидома, с рыльцем в пушку, как он сам признался, но всё же человека.

Енисеев прислушался к себе: не шевельнулось ли внутри что-нибудь похожее на предвидение. Нет, всё как обычно. Может быть, начать с того же, что и с Ксений Аркадьевной?

— Мне надо посмотреть фотографию этого человека, — сказал он Борису Михайловичу.

— Ммм... видите ли... — замялся тот, — мне не хотелось бы заранее... ведь если мои подозрения не подтвердятся, то...

Енисеев собрался было ему возразить, что если они подтвердятся, может оказаться слишком поздно, как ощутил какой-то нездешний, пробирающий до костей холод. Он сначала подумал о сквозняке и взглянул на окно. Но оно было закрыто. Холод исходил от сидящего напротив клиента. Казалось, за его спиной распахнули дверь в сырой, промозглый подвал. Енисеев услышал даже запах этого подвала. Это был запах могилы. Со знакомым гулким ударом сердца, отозвавшимся в ребрах, как в своде колокола, он ясно понял, что Борис Михайлович умрет сегодня, сейчас. Енисеев вскочил на ноги.

— Спасайтесь! Ваша жизнь в опасности! — закричал он.

Краснолицый клиент побелел, словно его окунули в хлорку, открыл карасиный рот.

На крик Енисеева в кабинет, выдергивая пистолет из подмышечной кобуры, ворвался стоявший за дверями охранник.

— Где?! Что?! О чем вы?! — в страхе возопил Борис Михайлович, озираясь.

— Не знаю! Но я почувствовал, что вы скоро умрете! Так было и перед тем, как разбился польский самолет! Вы же сами сказали, что вас собираются убить!

— Все ко мне! Быстро! — заорал в рацию охранник. В другой руке он держал пистолет и нацеливал его то на Енисеева, то на Стулара. Потом он бросил рацию на стол, схватил за руку хозяина и оттащил его в угол, подальше от окон.

Енисеев тоже отошел от окна и поманил к себе Льва Даниловича. Но разинувший рот Ступар, похоже, пребывал в ступоре. В кабинет ворвались еще двое охранников с пистолетами — тот, что стоял у входной двери и другой, видимо, водитель. Они принесли бронежилет и стали его напяливать поверх пиджака на Бориса Михайловича.

— Что же мне делать?! — хватая рыбим ртом воздух, спросил он у Енисеева.

— Вы куда сейчас хотели ехать?

— Как всегда — в офис!

— Значит, и убийцы так думают. Не езжайте в офис! Не садитесь в ту машину, на которой приехали! Не делайте того, что собирались сегодня делать! Уезжайте на дачу, а еще лучше в то место, о котором, кроме вас, никто не знает, и спрячьтесь там с охраной. В четырех бетонированных стенах без окон, как сами говорили.

Старший охранник снова схватил рацию.

— База! Вторую машину сюда! Подкрепление! С помповиками и светосумовыми гранатами!

— А дальше? — допытывался задыхающийся в бронежилете Борис Михайлович. — Что мне делать дальше? Так и жить в четырех стенах?

— Спросите у Бога! Я не Бог! Молитесь!

Бизнесмен мелко закрестился и даже поискал глазами на стенах икону, как, очевидно, подсказала ему родовая память предков, но там были только носатые уродцы Шемакина. Енисееву хотелось истерически смеяться.

— Отдайте свой бизнес! Только не своему гаду-партнеру, а государству! Раздайте деньги бедным! Верните их тому, кого обманули или обокрали! Уйдите в монастырь! Спасайтесь!

— Вы шутите? — вскричал возмущенный клиент. — Все крали! Все обманывали! А расплачиваться должен я?!

— Делайте, как хотите, — отвернулся Енисеев.

Лицо Бориса Михайловича снова побагровело, в углах рта появилась пена.

— Мне душно. Хочу на воздух, — распуская узел галстука, прохрипел он и побрел к двери.

Но начальник охраны преградил ему путь.

— Нельзя, шеф. Вторая машина еще не подъехала. На улице могут быть снайпера.

Охранники окружили хозяина и снова оттеснили его в угол. Борис Михайлович с тоской озирался вокруг себя.

— Тогда откройте окна!

— Нельзя, — снова покачал головой старшой. — Могут кинуть гранату.

Клиент обмяк на руках у охранников, стал валиться набок.

— Сейчас, сейчас! Кондиционер! — Ступар, наконец, вышел из ступора, схватил со стола пульт и нацелился в панель кондиционера.

Охранники оттащили Бориса Михайловича к дивану и уложили.

— Сердце!.. — пожаловался он. — Нитроглицерину! Помогите! Отдаю деньги бедным!

— Он что — сердечник? — похолодев, спросил Енисеев у охранников.

Один из них кивнул.

— Где у него нитроглицерин?

— Обычно — в нагрудном кармане.

— Так дайте же ему!

Однако, как назло, достать нитроглицерин из кармашка пиджака не позволял бронежилет. Толкая друг друга, охранники стали расстегивать его. Но Борис Михайлович вдруг изогнулся дугой и забился в судорогах. Из рта его хлопьями полетела пена.

Ступар дрожащими руками схватил телефонную трубку.

— “Скорая”, “скорая”!..

Но “скорая” не понадобилась. Судороги прекратились так же внезапно, как начались. Борис Михайлович обмяк, запрокинул голову, из груди его вырвалось что-то похожее на “ххаа!”. Это “ххаа!” было его жизнью. Или, мо-

жет быть, душой. Борис Михайлович затих, удивленно открыв свой сдавленный с боков, как у карася, рот. Остекленевшие глаза его были неподвижны. Он так и не успел отдать деньги бедным.

Часть вторая

1

Суд приговорил Енисеева к двум годам тюрьмы условно. Он мог бы оказаться и в тюрьме, если бы Ступар и охрана не подтвердили, что опасения умереть от рук наемных убийц у Бориса Михайловича действительно были. Но суд не нашел, да и не мог найти никаких доказательств того, что клиенту грозила смерть от рук киллеров именно в этот день. И, напротив, посчитал, что “так называемое предсказание” Енисеева могло спровоцировать ее. Подавленный случившимся Енисеев, кстати, с этим и не спорил. В сущности, обвинение было право: Борис Михайлович умер напрогноченной им смертью. А может, и в результате этого пророчества. Енисеев стал орудием судьбы и орудием отнюдь не пассивным: ведь он считал привлекательным для себя сотрудничество со Ступаром. У Енисеева было одно оправдание: он не лгал Борису Михайловичу, говорил то, что думал.

Само собой, в провидческие способности Енисеева судья не поверил, а прокурор даже хотел обвинить его в том, что он напрогночил смерть клиенту небескорыстно, с целью получить с него побольше денег. Енисеева спас договор с АВПП, в который по его настоянию был внесен пункт об отказе от гонорара, если прогноз сулит угрозу жизни и здоровью клиенту. Но сам договор свидетельствовал, скорее, против Енисеева. В нем не было слов “пророчество”, “предсказание”: осторожный Ступар избегал их, предпочитая “прогноз”, “консультацию”. Суд посчитал, что Енисеев вышел за рамки договора об оказании услуг аналитического характера, предлагая клиенту принять на веру возможность близкой смерти. По мнению обвинителя, Енисеев вообще не имел права заниматься прорицаниями, поскольку не получал лицензии на подобного рода деятельность.

Рассказ Ступара о том, как Енисеев предсказал гибель самолета Леха Качиньского и поражение на президентских выборах его брата, не вызвал доверия суда ввиду отсутствия свидетелей с польской стороны. Ксения Аркадьевна на просьбу Льва Даниловича выступить свидетелем защиты ответила категорическим отказом и запретила вообще упоминать о своих визитах в агентство: она простила гаишника и не собиралась делать свою личную жизнь достоянием общечеловечности. Правда, в суд хотела пойти Надя с рассказом о предсказании Енисеева в самолете Москва–Иркутск, но он ей не разрешил. Кто поверит показаниям жены обвиняемого? Суд, однако, принял как доказательства представленные Ступаром статьи Енисеева “Пришел, увидел, победил” и “ВОНА начинает, но не выигрывает”, — но как доказательства его аналитических способностей, а не оракульских.

Этот суд, наверное, был вторым после процесса Грабового, обещавшего воскрешать покойников за тысячу долларов, в котором на скамье подсудимых оказался человек, прибегавший в своей деятельности к сверхъестественным силам, или, как еще говорили, применявший “ненаучные практики”. Поэтому маленький зальчик судебных заседаний был переполнен журналистами, в том числе с телевидения. Пребывавший дотоле безвестным Енисеев быстро стал известен. Но он дорого бы дал, чтобы избежать этой известности. Журналисты ждали от процесса по делу о смерти Бориса Михайловича либо сенсационных подтверждений способностей Енисеева, либо разоблачения его как шарлатана и самозванца. Поскольку сенсационных подтверждений на суде не прозвучало, пишущая и снимающая братия выбрала разоблачение. Как говорится, — бизнес, ничего личного. Енисеев увидел себя на экране телевизора в программах новостей, на страницах газет в сопровождении самых ехидных комментариев. Например, одна из заметок о Енисееве называлась

“Консультант без копыта”. А поскольку внешность у него была запоминающаяся, “гофманская”, его узнавали на улицах. Вот тогда Енисеев, у которого трехдневное пребывание в СИЗО после смерти Бориса Михайловича оставило самые неприятные впечатления, даже пожалел, что его не засадили на всё время следствия и суда. Между тем журналисты, когда он буквально убегал от них после судебных заседаний, искренне удивлялись: они считали, что делают Енисееву хорошую рекламу независимо от того, что пишут о нем. Характерно, что так примерно считал и Ступар, надеявшийся вернуть Енисеева к работе в агентстве, когда “всё уляжется”. Он даже поздравил его с “удачным приговором”, в котором сам был заинтересован, ибо трагедия произошла в стенах его заведения.

Сам же Енисеев чувствовал себя примерно так же, как Макбет, узнавший, что Бирнамский лес пошел на Дунсинан. Ему был преподан урок, показавший его истинную роль в многоходовой игре, называемой судьбой. Ступар ли, или вдруг проснувшаяся в нем самонадеянность убедили его в том, что он игрок, а он на самом деле был лишь фигурой на теряющейся в бесконечности доске судьбы. Может быть, не простой фигурой, — скажем, не пешкой, а слоном. Но не ферзем. Скорее так: он был проходной пешкой, метившей в ферзи. И вот лишь один ход, одна клеточка отделяли его от того, чтобы стать ферзем. Будь он игроком, а не фигурой, то заметил бы, что клеточка эта находится под ударом затаившегося по диагонали вражеского слона, но он, игралище чужой воли, не видел поля битвы вокруг заветной клеточки, как не видел дальше пяти метров в тумане на аэродроме “Северный”. Все шли куда-то, и он шел. Точнее, он думал, что идет, а на самом деле кто-то невидимый двигал его в ферзи, а другой кто-то, тоже невидимый, готовил ему ловушку. Он был ферзем всего секунду, до ответного хода противника, убравшего его с доски. Два удара по шахматным часам судьбы — и его нет. Кто из противников по разные стороны этой доски размером со звездное небо был Богом, а кто дьяволом, он не знал. Может, и вообще не было противников. Может, это дьявол играл в человеческие шахматы сам с собой. Бог не устраивает ловушек. Он Вседержитель, а не игрок.

Не об этой ли дьявольской игре говорил Банко в “Макбете”: “Но духи лжи, готовя нашу гибель, Сперва подобьем правды манят нас, Чтоб уничтожить тяжестью последствий”? Дьявол посмеялся над Енисеевым. Борису Михайловичу суждено было умереть в конторе Ступара после предсказания Енисеева о его смерти. Он был одновременно и ее провозвестником, и причиной. Он-то метил лишь в провозвестники, а дьявол определил его в палачи. Правда состояла в том, что Борису Михайловичу был страшен вовсе не наемный убийца, а Енисеев с его предсказанием. Енисеев же знал о своей роли только подобье правды, но не знал ее последствий. И не просто последствий, как, не затрудняясь, перевел слова Банко Пастернак, а — “ужасающих последствий”. Пытаясь спасти Бориса Михайловича, Енисеев лишь приблизил его кончину. Не было ли это запоздалым указанием на то, что все его пророческие потуги, с самого их первого появления, являлись искушением на погибель другим людям? И ему самому?

Как он теперь напоминал себе безумца из тютчевского стихотворения, который

*То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.*

*И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!*

После суда вокруг Енисеева образовалась пустота. У него и раньше-то не было друзей — лишь несколько приятелей в журналистской среде, а теперь

и они его избегали. Репортажи с процесса породили мнение, что он в целях наживы в агентстве Ступара выдавал свои журналистские навыки, в частности, аналитические, за провидческий дар, нарушив тем самым профессиональную этику. Но бывшие приятели опускали глаза при встрече с Енисеевым даже не по этой причине, поскольку сами всегда были готовы заработать ради нарушить эту самую этику, только помани. Почему-то считалось, что Енисеев использовал для прогнозов в агентстве Ступара услышанную в редакциях конфиденциальную информацию, поэтому главные редакторы строго-настрого запретили своим сотрудникам болтать с ним. Все газеты и журналы, для которых в разное время работал Енисеев, закрыли свои двери для него. Никому не было интересно, что в АВПП Енисеев занимался предсказаниями лишь дважды, при этом деньги получил всего один раз, от Ксении Аркадьевны, да и то вернул их Ступару еще до суда. Завораживала и, наверное, вызывала зависть сама сумма вознаграждения за сеанс — три тысячи долларов. Это же было в три раза больше, чем брал Грабовой за воскрешение мертвых!

Ступар предлагал Енисееву трудиться у него консультантом негласно, за “черный нал”, но он отказался. От одного воспоминания о ступарском кабинете с шемякинскими уродцами по стенам, на которых крестился несчастный Борис Михайлович, его мутило.

Ошельмованный, всеми отвергнутый, Енисеев сидел дома, выходил на улицу только ночью, почти не разговаривал с Надей. Он мог с полным основанием сказать о себе словами лермонтовского “Пророка”:

*Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*“Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!”*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!”*

Хуже всего было то, что Енисеев, в отличие от лермонтовского Пророка, даже и не пытался или почти не пытался провозглашать “любви и правды чистые ученья”, а жил по законам мира злобы и порока.

* * *

Енисеев сидел в знакомом ночном кафе. Бармен, как всегда, смотрел футбол по висящему над стойкой телевизору. Он покосился на Енисеева, доставшего из кармана плаща “мерзавчик” виски, и сказал:

— Со своим спиртным запрещается.

— А с чужим? — захохотал Енисеев, опустошивший за день уже не один “мерзавчик”. — Кто тебе сказал, что оно мое? Это не выпили “випперсоны”, а я допиваю.

— Вы должны заказывать спиртное здесь.

— На какие шиши? Я покупаю у тебя спиртное, когда просто выпиваю, а когда я пью, то, извини, пью свое. У меня еще, думаешь, есть деньги на виски? Вон оно сколько у тебя стучит. А мне еще всю ночь пить. — Он позвенел бутылочками в кармане. — Слышишь? Это моя Надечка приносит. Скоро запасу конец. Хочешь? Небось, не твое, не паленое.

— У нас — не паленое. — Бармен был явно раздражен, что Енисеев не

давал ему смотреть футбол. — Получается, что вы приходите сюда, как к себе домой, и распиваете. А какая заведению от этого выгода?

— Здравьте! Это ты мне, постоянному клиенту, говоришь? Мало я у тебя денег оставил? Ну, возьми меня, выгони, я уйду и больше не приду.

— Толян, не гони, — сказала плоскогрудая проститутка с полными ножками, подразумевая, что бармен говорит чепуху, а не гонит Енисеева в прямом смысле слова. — Какая тебе разница? Пусть сидит. Это же наш Пророк, его даже по телевизору показывали. Не видел, что ли?

— Да видел, — отмахнулся Толян. — Он по три тыщи баксов за сеанс заколачивал, а теперь говорит, что ему полсотки виски заказать не на что. Ты же не сидишь здесь просто так: кофе, колу берешь. Пусть и он себе хоть закусь закажет.

— Решено! — вскричал Енисеев. — Всем по хот-догу! Гулять так гулять! И тебе, Анатолий, хот-дог, чтобы не обидно было! Не хочешь моего виски, ешь свой хот-дог!

— Хот-догов я не ем, — отказался бармен, — а виски можно.

— Вот! А то как-то не по-русски получается: “Со своим нельзя!”. А почему? Лъзя! Не ищи, Анатолий, во всем выгоды, — назидательно говорил Енисеев, протягивая ему бутылочку, — я вот искал и получил два года условно. А теперь я безработный. Я теперь, как этот... Саркози. Кстати, где он? — спросил Енисеев у проституток. Те переглянулись.

— А угадайте, — предложила проститутка с пирсингом. — Вы же пророк.

— Чего тут угадывать, — горестно сказал Енисеев и отхлебнул из бутылочки. — Что-то мне подсказывает, что Саркози, он же Че Гевара, ушел от нас в мир иной.

— Точно! — изумилась девушка. — Причем умер здесь. Скажите честно, вы знали?

— Знал, не знал, какая разница? — пробормотал он, покосившись на столик, за которым сиживал “Саркози”. — “И в том строю есть промежуток малый — Быть может, это место для меня!” Он умер, и теперь место его свободно. Вопрос: для кого? — Енисеев обвел взглядом проституток. Их было трое; третью, чернявую, он видел впервые.

— Всё у вас наладится, — сказала плоскогрудая. — Подумаешь: два года условно.

— А клеймо обманщика и шарлатана? Это — условно? В чем и кого я обманул? Я сказал человеку, что он умрет, — и он умер. И если он даже умер от моего предсказания, разве предсказание не верно?

— Вы только нам ничего такого не предсказывайте, — попросила девушка с пирсингом.

Енисеев махнул рукой, снова взялся за бутылочку. Бармен вышел из-за стойки и поставил перед ним бокал и бумажную тарелочку с хот-догом, прямо из микроволновки.

— О! Спасибо! Весь день ничего не ел!

— А что же: ваша Надечка вас только виски поит? — поинтересовалась плоскогрудая.

— Моя Надечка... — задумчиво сказал Енисеев, откусив хот-дог. — Моя Надечка — далеко...

— Вы, значит, без женской ласки? А хотите, я вас приласкаю? Недорого.

— Нет, девочка, это будет дорого, — покачал головой Енисеев. — Не в смысле денег. Надечка — это единственное, что у меня осталось.

— Значит, вы жене не изменяете?

— Нет, не изменяю. И никогда не изменял.

— А она вам? Жены изменяют пьющим мужьям.

Енисеев тяжело устался на нее. И эта туда же!

— Разве он пьющий? — усомнилась девушка с пирсингом. — Первый раз его вижу таким. Обычно возьмет сто грамм — и всё.

У кафе, полоснув по окнам светом фар, остановилась черная “субару”. Чмокнула дверь, выпустив из салона залп долбящей музыки.

— Ну, всё! — воскликнула плоскогрудая. — Сейчас начнет мозги компостировать!

В кафе вошел Владик — длинный, вертлявый тип с интеллигентской бородкой.

— Опять сидим, дамы? — приветствовал он девушек. — Ждем у моря погоды? А из мужиков здесь один Пророк, которому вы на хер не нужны? А не хотите ли вы, девушки, прогуляться?

— Мы уже днем гуляли, — хмуро ответила плоскогрудая. — А сейчас опасно, “черные” везде шастают.

— Ты это брось! “Черные” что — не клиенты?

— Клиенты, но ты же знаешь — они прибабахнутые или обкуренные, любят на халяву потрахаться. Да еще навалятся на тебя всей компанией, так что потом полдня ходить не можешь, не то что работать. Нам это надо, даже если они заплатят? Контрацептивов не признают. А чуть что не так — бьют или ножик достают.

— Ты это Зульфие Исмаиловне скажи! Она расизма не любит. Нет, дамы, так не пойдет. Работать или не работать! Не нравится — устраивайтесь по вызову, там с вас за эскорт процентики будут драть. На улице больше перепадает, но есть свои риски. Вы это знаете лучше меня. А про тех, кто не платит и ножки достает, вы мне сразу по телефончику сообщайте. Их свои же “авторитеты” как миленьких заставят бабки отдать. У нас уговор.

Всё это Владик говорил, нисколько не стесняясь наголо бритой девушки с небольшой косицей на шее, сидящей в углу за ноутбуком (Енисеев ее пару раз здесь раньше видел). Проститутки поднялись и, вызываяюще покачивая бедрами, направились к выходу. Владик проводил их взглядом, потом повернулся к Енисееву.

— Здорово, Пророк! Поздравляю, хорошо отделался! А скажи честно, ты специально того богатея завалил? Ты же не любишь богатеев.

Пьяный Енисеев прищурился.

— А хочешь, я тебя завалю? Одним взглядом? Прожгу твоё поганое утро.

— Нет-нет, — неподдельно испугался Владик, — не надо. Я не богатый. У этой скупердяйки Исмаиловны много не заработаешь. Девки молотят задками, а она всё гребет себе, гребет... Понимаю, тебе не резон признаваться, что ты его завалил. Но всё равно, скажу тебе, — классно! Сначала предсказал, что он коньки отбросит, а потом завалил! Не подкопаешься! Так им и надо, богатеям! И всего два года условно получил. Сидишь тут теперь, вискарником освежаешься, а он — в деревянном макинтоше лежит. Чистая работа!

— Ну, всё, подручный бандерши! Прощайся с жизнью!

— Пророк, ты офигел? Я же за тебя! Всё о-кей! Ухожу, ухожу. — Владик повернулся было к двери, но поймал на себе взгляд смотрящей исподлобья лысой девушки и развинченной походкой кривонногого человека направился к ней.

— Девушка! Я смотрю, вы тут работаете одна по ночам. Не хотите ли познакомиться с интересным мужчиной?

— А кто этот интересный мужчина — вы, что ли? — низким голосом поинтересовалась девушка.

— Ну, я.

— Вы — не интересный.

— Неужели? Тогда могу предложить поинтересней.

— Иди, куда шел, — вмешался Енисеев. — Мало тебе своих шалашовок?

— Слушай, Пророк, я на работе, чего ты цепляешься? Может быть, девушке деньги нужны и она хочет подработать?

Девушка покраснела, как говорят, до корней волос, если бы они у нее были. А так — у нее вслед за лицом покраснели уши и вся обритая голова.

— Дурак, — сказала она и отвернулась.

Владик пожал плечами и вышел, поигрывая ключами от “субару”.

Енисеев аккуратно налил себе виски в бокал, выпил, с надеждой посмотрел на бармена Анатолия — не хочет ли он поговорить. Но тот уткнулся в свой телевизор.

- Понравилось виски?
- Хорошее. Спасибо.
- А кто играет?
- “Милан” с “Ювентусом”.
- А-а. “Милан” проиграет один — два.

Бармен от досады сплюнул.

— Ну, кто вас просил говорить?

— Эх, — прокряхтел Енисеев. — Никому-то мои предсказания не нужны.

— А чего вы не идете со своими предсказаниями в тотализатор? Денег заработаете. Сами же говорили, что безработный.

— Хорошая мысль! А то я к Стунару, дурак, пошел. Только теперь уже поздно. Упустил я свое счастье! Мою личность показали по телевизору, и теперь двери всех тотализаторов, казино, игровых автоматов передо мной хлопнутся. Финиш!

Тут телекомментатор заорал:

— Мохаммед выходит один на один! Промахивается по мячу! Отдает мяч назад Дель Пьеро! Удар! Го-ол!!! Алессандро Дель Пьеро! Шестьдесят пятая минута! Два — ноль, впереди “Юве”!

Анатолий немного поблудел и опасно покосился на Енисеева.

— Ну, что я тебе говорил? — осклабился тот. — Правда, “Милан” забьет один, но всё равно проиграет.

— Может быть, вы знаете, и кто забьет у “Милана”?

— Не вопрос. Ибрагимович, — назвал, не задумываясь, Енисеев самого известного ему игрока “Милана”. Ему, конечно, было совершенно безразлично, кто на самом деле выиграет этот матч и кто в нем еще забьет, но хотелось подразнить этого надутого Анатолия.

Бармен попался на уловку. Глаза у него забегали. Он подумал, воровато оглянулся на бритоголовую девушку и тихо сказал:

— Пройдет пара месяцев, и все забудут, что там о вас показывали по телевизору. Никто вас уже не узнает. Так что можно будет спокойно играть в тотализаторе. С казино, игровыми автоматами сейчас сложно. А букмекерские конторы спокойно работают. Хотите, войду в долю? Введу в курс дела, объясню, что и как.

— За всё потом придется платить, Анатолий! — сказал Енисеев и выпил. — За каждый выигранный рублик! Поверь, лучше не надо. Ни тебе, ни мне. Особенно — мне.

— Что-то никто из круглых не платит, — усомнился Анатолий. — Воруют и живут себе припеваючи.

— Почти то же самое сказал бизнесмен, которому я напроорочил смерть. Через несколько минут он умер.

Бармен уныло повернулся к телевизору. Ему только и осталось, что проверять правильность енисеевского прогноза. Енисеев перевел взгляд на лысую девушку. Она ела заказанный им хот-дог. Девушка была ничего себе — с пухлой нижней губкой, длинным правильным носиком, бровями вразлет. Губкой этой, ну и, конечно, наголо обритой головой она напоминала певицу Шинед О’Коннор.

Девушка поймала его взгляд и отложила недоеденный хот-дог.

— Да вы ешьте, ешьте!

— Не люблю, когда смотрят, как я ем. Кстати, спасибо за хот-дог.

— А глоточек виски?

— Я понимаю, что вам выпить не с кем, но я не пью. Точнее, пью с удовольствием, но у меня и от граммочки спиртного крышу сносит.

— Вот как? И во избежание неприятностей вы постриглись наголо?

— Шутка не очень, — заметила девушка.

— Да, не очень, — согласился Енисеев. — Я и сам не очень. Мне для выпивки компания не нужна. Особенно дамская. Мне поговорить не с кем, это точно. А вы чего здесь торчите с ноутбуком по ночам? Это не самое веселое место. Вам работать негде?

— Негде. У нас в общежитии еще днем можно работать, а ночью — пьянки, мужики. А здесь тихо, народу мало.

— Над чем же вы работаете?

— Я писатель.

— О! — Енисеев взял бутылочку и пересел к ней. — Вы позволите? Можно прочитать кусочек?

— Нет, — девушка покраснела и отодвинула от него ноутбук.

— Стесняетесь?

— Нет, мои тексты есть в интернете в свободном доступе. Но читать кусочек прозы — это всё равно, что смотреть кусочек картины.

— Читать уже необязательно, — заявил Енисеев. — Вашего удачного сравнения достаточно. Похоже, вы и впрямь писатель. Не знаю, хороший или плохой, но — писатель.

Девушка опустила глаза. Видно, комплимент ей был приятен.

Монотонное бормотание футбольного комментатора снова сменилось воплем.

— Антониони навешивает в штрафную! Ибрагимович бьет головой! Го-ол!!! “Милан” сокращает разрыв в счете! Восемьдесят первая минута! Златан Ибрагимович!

— Ну вот, — повернулся Енисеев к вправшему в оторопь бармену, — сбывается очередное дурацкое предсказание Пророка.

— Может, это в записи игру показывают? А вы уже знаете счет? — с кислейшей гримасой на лице предположил Анатолий, которого, видимо, одолевали назойливые мысли о баснословных выигрышах в тотализаторе.

— А что у тебя там в углу экрана написано? Не “прямой эфир”?

— Да, “прямой”... Но мало ли... Написали: “прямой”, а сами запись показывают.

— Ты тут сидишь вечера и ночи напролет, смотришь специальный футбольный канал и не знаешь, когда начинаются матчи в итальянской лиге?

— Ну, в двадцать два сорок пять по Москве.

— А сейчас сколько?

— Двадцать одна минута первого, — пробормотал бармен и пододвинул к себе калькулятор. — Два тайма по сорок пять плюс перерыв пятнадцать минут... час сорок пять... прибавляем к двадцати двум сорока пяти... отнимаем девять минут... Точно, двадцать четыре двадцать одна!

— Теперь еще кто-нибудь сказал бы мне, зачем я продолжаю играть в эти игры, — с тоской сказал лысой девушке Енисеев. — Что это — мелкое тщеславие? Мало меня высекли? Зачем-то издеваюсь над Анатолием, соблазнил его мечтой о выигрышах в тотализаторе... Посмотрите на него! А ведь я знать не знал и ведать не ведал, кто там у них выиграет, “Ювентус” или “Милан”. И не знаю, кстати, потому что они еще играют.

— Вы предсказываете результаты футбольных матчей, и поэтому вас называют Пророком? — спросила девушка.

— Ну, нет, футбольный результат я предсказал второй раз в жизни. Первый раз — в детстве, в “Спортпрогнозе”.

— Что же вы предсказываете?

— Да, в сущности, что попало. А вы телевизор не смотрите? На всех программах в новостях показывали, как меня судили.

— У меня нет телевизора. За что же вас судили?

— Мне тяжело рассказывать о том, как я стал читать в очках людей странные злости и порока. А тем более о том, как решил брать за это деньги. Если вам интересно, выйдите в интернет, наберите в поисковике “Илья Енисеев”. Там обо мне много гадостей написано. “Консультант без копыта”! А я пока выпью. — Он достал новую бутылочку.

— Илья Енисеев, говорите? — Девушка склонилась к ноутбуку.

— Звучит финальный свисток судьи! — объявил по телевизору футбольный комментатор. — “Милан” проиграл у себя дома на “Сан-Сиро” “Ювентусу” один — два!

— Всё точно, поздравляю, — выдал из себя бармен, на лбу которого выступили капли пота. — Значит, вы сказали девушке неправду. Вы всё-таки знали, как закончится матч. И Ибрагимович забил.

— Да, да... — пробормотал Енисеев. — “Но духи лжи, готова нашу ги-

бель, Сперва подобьем правды манят нас, Чтоб уничтожить тяжестью последствий”...

Но Анатолий, похоже, не понял этой фразы. Он вышел из-за стойки, подошел к Енисееву и сказал ему на ухо с каким-то мрачным огнем в глазах:

— Вы всё-таки подумайте насчет тотализатора. Дело выгодное.

— А как же! Всю ночь теперь буду думать. Анатолий, когда нас разоблачат за предсказания на тотализаторе, то дадут гораздо больше, чем дали мне, и не условно. Уж букмекеры об этом позаботятся. Не парся, вышей лучше.

— Теперь я угощаю. — Бармен взял с полки бутылку “Чивас Ригл” и наполнил бокалы.

— О! Это от души! Выпьем и твоего.

— Хотелось бы с вами поговорить на трезвую голову и наедине. Не дадите телефончик?

— Не дам. Не думай о глупостях, Анатолий. Стриги денежки со своего кафе и наслаждайся жизнью.

— Какие деньги? С кого? — он обвел рукой помещение. — Едва хватает аренду платить. Пока не грянули холода, все сидят с бутылками на скамейках. Кризис! За ночь придет пара пидоров, да, может быть, девчонки клиентов на консумацию расколот. Разве это жизнь? Вы всё же зайдите, скажем, завтра, если не хотите дать телефон.

Енисеев сделал неопределенный жест рукой.

— А куда мне еще ходить? Забудь только о тотализаторе.

Бармен отошел, криво улыбаясь.

— Так, ясно... — сказала девушка, подняв голову от ноутбука. — Точнее, ничего не ясно. Так вы предвидели смерть этого человека или, действительно, хотели создать у него психологическую зависимость от ваших предсказаний?

— Да на кой ляд мне эта зависимость? Я почувствовал, что он труп, понимаете? И всё!

— А как вы думаете: он умер бы, если бы вы ему это не предсказали?

— Он умер, потому что в этот день должен был умереть. А мне, к сожалению, выпала малоприятная роль сказать ему об этом. Может быть, и приблизить смерть. Какая разница?

— Ну, если вы пьете бутылочку за бутылочкой, значит, есть разница. А то, что умер этот, как его... Саркози? Как вы узнали?

Енисеев оглянулся на столик, за которым сживал “Саркози”.

— Из этого угла холодом тянет. Когда вы думаете о живых, то ощущаете некое тепло. Но когда дело касается мертвых, то чувствуете пустоту и холод. Попробуйте.

— А вы можете сказать, когда я умру?

— Могу. Но вы имейте в виду, что меня редко посещают озарения в виде пророчества, чаще всего я просто говорю первое, что в голову придет. И оно, представьте, нередко сбывается. Так было с результатом матча, который смотрел Анатолий. Но ваша жизнь — не футбольный матч. Я думаю, лучше не пробовать. Предсказание пьяного пророка — это рулетка.

— Если кому-то нужно в метро, то оно скоро закрывается, — объявил бармен. Он знал, что Енисеев живет где-то рядом, и хотел, видимо, выпроводить девушку, чтобы без помех склонить Енисеева к игре на тотализаторе.

— Мне не нужно, я на Добролюбова живу, здесь не очень далеко, но всё равно пойду, потому что уже поздно, — сказала она.

— Я вас провожу, — вызвался Енисеев к досаде Анатолия.

— Как хотите, — улыбнулась девушка. — Но только прошу вас... без приставаний.

— Какие приставания? Я женат.

Девушка закрыла ноутбук. Енисеев допил “Чивас Ригл” от бармена, встал, его качнуло.

— Боюсь, это мне вас придется провожать, — оценивающе глядя на него, предположила девушка.

— Не волнуйтесь, это всего лишь сила земного тяготения. Она на пьяных действует несколько иначе, чем на обычных людей. Знаете, как на ко-

рабле во время качки? Матроса бросает во все стороны, но он идет. Техника пешего хода не пропивается. Нужно только умело сохранять баланс. Прошу.

Звякнув колокольчиком, они вышли на улицу. Девушка была небольшого роста, миниатюрной и стройной, чего не могла скрыть даже ее мешковидная джинсовая куртка до колен. Накрапывал мелкий дождик. Ночь, постылый мир Енисеева. Пустота. Фонари. Вымершая платформа “Тимирязевская”. Над ней, в аспидной черноте ночи, висел колыхающийся пузырь желтого электрического света. Желтые снопы фар с шипением проносились по антрацитовому Дмитровскому шоссе. От черных луж поднимался желтый пар. В лужах съезжились мокрые желтые листья и желтые банановые корки. Черное и желтое — цвета московской ночи.

Енисеев и девушка уходили из желтого в черное вдоль пустых торговых рядов на пристанционной площади. Эхо разносило звуки их шагов. Влажный воздух приятно охлаждал разгоряченные спиртным щеки Енисеева. Выпитое виски ровно гудело в крови. Будущее отступило. Прошлого не существовало. Похмелье будет завтра.

Девушка вынула из кармана шерстяную шапочку и надела на голову.

— А зачем вы голову обрили? — спросил Енисеев. — Эта мода вроде бы у девушек прошла.

— В знак протеста.

— Против чего?

— Против парикмахерских. Вы когда-нибудь задумывались над тем, сколько времени женщина тратит на прически?

— Я перестал задумываться. У меня нет будущего.

— А вот у Глобы есть. У него, в отличие от вас, сейчас самая горячая пора. На сайте Глобы написано, что двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года погибнет две трети человечества. Поэтому он рекомендует всем немедленно запастись его гороскопами, чтобы знать, кто попадет в ту треть, которая не погибнет.

— Это понятно. И каждый, получивший его гороскоп, узнает, что попал в заветную треть. Это как-то успокаивает насчет последствий катастрофы “двенадцать-двенадцать”.

Они вышли на улицу Яблочкова и двинулись в сторону улицы Гончарова. Девушка вдруг остановилась и взяла Енисеева за рукав.

— Всё, что я сегодня прочитала и услышала о вас, было очень интересно. Я даже подумала, что было бы неплохо написать про пьющего пророка, получившего условный срок. Как вы к этому относитесь?

— И вы туда же, — отмахнулся Енисеев. — Вы напишите лучше про непьющего пророка, получившего весь мир. Чего вы всё пишете про неудачников?

— Кто — я? Про неудачников? Ну, в общем, да... А откуда вы знаете, вы же ничего не читали? Только не отвечайте мне фразой из Булгакова, это очень обидно. Потому что я сама похожа на неудачницу?

— Вы похожи на юную писательницу, обриту наголо, и больше ни на кого. Просто все русские писатели, даже самые удачливые, пишут про неудачников. Может быть, они таким образом заклинают неудачу?

— Не знаю: я, как и все люди, хотела бы быть счастливой и удачливой, но не хочу писать о счастливых. Счастье, наверное, не нуждается в описании. А может быть, всё дело в том, что абсолютно счастливых людей нет. Пророк, получивший весь мир, — он счастлив?

— Я не об этом. Что для пророка счастье? Счастлив, наверное, только пророк Илия, взятый живым на небо. Кстати, вот проза! Я имею в виду место в Библии, где описано чудо с Илией. “...Колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более”. Вот это понимаю! “Колесница Израиля и конница его”! Что там наше земное счастье или несчастье? Елисей после чуда вознесения Илии уверовал в силу пророческого слова безоговорочно, бесповоротно. Желая, чтобы перед ним, как и перед Илией, тоже расступились воды Иордана, он говорит: “где Господь, Бог Илии, — Он Самый?”. Пред-

сказатель-неудачник, вечно терзаемый сомнениями, так не воскликнет. Елисей не просит: “Дай, Господь!”, он спрашивает: “Где Господь?”, ни на миг не сомневаясь, что Он где-то рядом. И воды снова расступились. Вот вам пророк, получивший весь мир. Он всегда может рассчитывать на помощь Бога. Помните, у Гумилева?

*“В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города”.*

А мы, говоря словами того же Гумилева, Слову “поставили пределом скудные пределы естества”. Поэтому и пишем только о неудачниках.

— Всё это здорово звучит... но я не очень религиозна... да и пророков себе представляла иначе, чем вы рассказали. Одно дело — Нострадамус, Ванга, другое — Илия и Елисей. Да и вы на них непохожи. Вы похожи на Гофмана. Как я могу писать о пророке, получившем весь мир, если не знаю, что это за мир? А мир, в котором вас осудили на два года условно, мне более-менее знаком.

— Да, я не Илия и не Елисей, — с горечью сказал он, — а всего лишь Илья Енисеев. Простите за дрянной каламбур! Но я же родился на Илию Пророка, второго августа, и родители назвали меня, по совету верующей бабушки, Ильей! Что-нибудь это да значит? Хотя один старец послушал этот мой лепет и сказал: “Это значит всего лишь то, что пророк Илия — твой небесный покровитель. И больше ничего”. На самом деле я, со своим непонятным даром, такой же, как вы. Чтобы изобразить меня, вам лучше просто писать о себе.

— Может быть, для вас просто, а я не поняла. Объясните.

— Ваш дар, как и мой, можно использовать по-разному. Словом можно останавливать солнце, разрушать города, а можно поставить ему пределом скудные пределы естества и зарабатывать с его помощью деньги. Писатели сегодня — те же астрологи и лжепророки. Глоба предлагает человечеству спасительные гороскопы, а писатели — забвение. Посмотрите на меня, и вы увидите вариант своего будущего, которого я вам не желаю и не предсказываю. Я не состоялся ни как пророк, ни как шарлатан-лжепророк, что самое унижительное. Я, со своими способностями, подлинными или мнимыми, оказался у разбитого корыта. Вот вам правда обо мне в мире, в котором нет правды. Говорить ли вам, что многих способных писателей ждет та же судьба? Что писатели делятся не только на настоящих художников и преуспевающих халтурщиков, а еще и на тех, кто оказался у разбитого корыта? И что этих, третьих, больше всего? Так зачем же вам писать о пьющем пророке, получившем условный срок?

Они дошли до перекрестка и свернули на улицу Гончарова, под державную сень насупившихся сталинских домов. Девушка шла молча, может быть, размышляя над тем, что сказал Енисеев.

— Интересно, в какой же категории окажусь я, — наконец сказала она. — Вы можете это предсказать?

— Я вашего имени даже не знаю, а вы меня второй раз просите предсказать будущее!

— Ой, простите! — как-то по-детски улыбнулась писательница. — Елена.

— Очень приятно. Елена, тут и предсказывать нечего. Вы уходите из общезжития, чтобы писать в кафе, а халтурщик пишет где угодно, даже если у него над ухом кричат десять человек. Знаю по журналистской работе. Стало быть, вы не халтурщица, и попадете в первую или третью категорию.

— Довольно оттекаемо... Я и сама так могу пророчествовать.

— Конечно, можете! А я о чем? Ведь всё зависит от вас! Главное — не попасть во вторую категорию. А от третьей до первой расстояние не такое большое, как кажется. Правда, пройти его удастся далеко не всем.

— Понятно. Вы довольно деликатно намекаете, что я окажусь у разбитого корыта.

— Нет, мне просто кажется, что третьей категории вам не миновать. Неужели вы и сами не знаете этого? В ней лишь важно не застрять, как безнадежно застрял я.

С Гончарова свернули на Добролюбова. Елена вдруг остановилась.

— Давайте постоим. Не хочется к себе идти. Там все гении, а поговорить не с кем.

— Давайте, мне-то всё равно, меня дома никто не ждет. И бутылочка виски еще есть.

— Вы сказали в кафе, что ваша жена далеко... А где это — далеко?

— На небе.

— Ой! — девушка прижала руки ко рту. — Простите!

— Нет, вы меня не так поняли, — усмехнулся Енисеев и суеверно перекрестился. — Она стюардесса.

— Фу-у... а я-то испугалась... ведь вы говорили о ней в кафе, как о живой, и вдруг — “на небе”!

— Мне следовало сказать: “в небе”, но я уже чуть-чуть утратил контроль над правильной речью. Надо освежиться. За здоровье Наденьки, успешный полет и возвращение! — он достал “мерзавчик” и сделал глоток.

— А знаете, что: дайте и мне, — вдруг попросила Елена.

— Нет возражений! А как же “крыша”?

— Общежитие рядом, уже не так страшно.

Енисеев обтер горлышко рукавом плаща и протянул ей бутылочку. Она отпила и задохнулась, замахав перед ртом ладошкой.

— Ух-х... ужас! Я пила раньше только разбавленное... с тоником или со льдом. Как вы его тянете его из горлышка без закуски?

— После литра это уже всё равно. Обжигает только изнутри.

— Вы выпили литр виски?!

— К сожалению, больше. Правда, за целый день.

— Но от этого же можно умереть!

— Как пророк я не вижу себя умершим от виски. А потом, я же не изнеженный европеец, японец или американец.

— Тепло стало, хорошо! Дайте еще.

— Вот! Так эти литры и выпиваются: глоточек за глоточком. Видите — оно вас уже не обжигает. Так вы со мной сопьетесь, и к пьющему пророку добавится еще пьющая писательница. Не увлекайтесь!

— Нет. Я попросила виски для храбрости.

— А чего вы боитесь? — Енисеев оглянулся по сторонам; на темной улице Добролюбова не было ни души. — Меня, что ли?

Она улыбнулась.

— Как раз наоборот. Вы, наверное, очень порядочный человек, сколько бы ни выпили... Я предупредила вас насчет приставаний, и вы не сделали ни единой попытки... хотя мне было бы интересно посмотреть, как это у вас получается. А я чувствую... в общем... я вдруг подумала... не знаю, как сказать... Короче, если бы вы хотели остаться сейчас со мной, то я бы не стала возражать. Вот. — Она, как школьница, спрятала руки за спину и неуверенно улыбнулась.

Енисеев заглянул ей в глаза; Елена не отвела взгляда.

— Вы серьезно?

— Ну, если девушка согласна остаться с мужчиной, это достаточно серьезно. Надеюсь, вы поняли, что я вам предлагаю не то, что дамы в кафе.

— Ну, естественно!

— Только пойдете к вам, в общежитии неудобно. Можно, но лучше не надо.

Енисеев сразу как-то протрезвел.

— Леночка, объясните... Я вам понравился, что ли?

— А я вам?

Он положил ей руки на плечи.

— Очень! Но я не стал бы к вам приставать и без предупреждений с вашей стороны.

Девушка опустила глаза; он почувствовал, что ее тонкие плечи под его ладонями напряглись.

— Потому что не изменяете и никогда не изменяли своей жене? — прошептала она. — Это правда?

— Это правда. Причем, скажу вам честно, я вовсе не уверен, что она мне не изменяет. Но дело в том... в общем, когда мы познакомились, у самолета, в котором мы летели, отказали два двигателя. Она выглядела очень испуганной и несчастной. И тогда я предсказал, что через двадцать минут моторы заработают.

— И они заработали?

— Да, ровно через двадцать минут. Мы потом оказались в одной гостинице, познакомились... В том, что она меня полюбила тогда, мое предсказание в самолете имело большое значение. С тех пор немало изменилось, мы несколько отделились друг от друга... Но с моей стороны не изменилось главное: когда она в воздухе, я не то что ей не изменяю, а даже не подступаю к другим женщинам. Слово предсказав тогда, в иркутском рейсе, избавление от катастрофы, я взял на себе здесь ответственность за ее жизнь в воздухе. У меня такое ощущение, что если я изменю ей, то оставлю без защиты, предам.

— Вы очень любите ее?

— Да. Наверное, той любви, что прежде, между нами уже нет, но мне довольно того, что есть. Я не представляю себе жизни без нее.

— Повезло человеку!

— Кому именно?

— Да вашей Наде, конечно. Без особых хлопот, как я поняла, ей достался умный, тонкий, порядочный человек с необычайными способностями, хранящий верность во время всех ее отлучек. И это при том, что сами вы сомневаетесь в ее верности.

Енисеев, в жизни не слышавший столько комплиментов в свой адрес, растерянно глядел на Елену. Как ни был пьян, он понял, что означала горечь в ее словах: она тяжело переживает унижение женщины, первой предложившей себя мужчине и нарвавшейся на отказ.

— Леночка, я знаю, как вы сейчас уязвлены... — пробормотал он.

Девушка отвела взгляд, губы ее задрожали.

— Да уж, это непростое для моего самолюбия, — сдавленно сказала она, справляясь с собой. — Пытаться затащить в постель податого женатика и услышать “нет”... такое с женщинами, особенно с интересными женщинами, бывает в одном случае из ста. Или, может быть, в одном из тысячи. И надо же: этот случай оказался мой. — Елена попыталась улыбнуться, но на глаза ее навернулись слезы.

— Это не случай, Леночка, это судьба — моя тяжелая, неподъемная ни для кого, кроме меня самого и, может быть, Нади, судьба. Пусть то, что я думаю о своей мистической роли на земле, пока Надя в воздухе, — бред, предрассудки, но это бред и предрассудки человека, предчувствия которого часто сбываются. И я просто не имею права ими пренебрегать.

— Да, да, я понимаю... Вы правы.

— Ты. Давай на “ты”. Мы пили из одной бутылочки.

— Это был единственный интим, который между нами случился, — невесело усмехнулась она. — Хорошо: ты прав. Что дальше? Только не говори: “давай останемся друзьями”.

— Почему? У меня нет друзей.

— У меня тоже. И вечные проблемы с мужиками. Хорошие все заняты, а те, которым нравлюсь я, не нравятся мне. Особенно сверстники.

— Мужчина, нужный тебе, тебя найдет. Проблем с мужиками только у шлюх нет. Но мужчины любят не шлюх, а женщин, приносящих волнение неутоленной страсти. Это властное томление женской плоти по мужской есть та наполненная до краев чаша, которую должен испить мужчина, чтобы полюбить. Чувственно полюбить, по крайней мере. А, пригубивая со дна других чаш, он лишь утоляет свою похоть, не более того. То, что ты называешь проблемами с мужиками, и есть полная чаша, которую ты несешь своему муж-

чине. Ты его еще пока не видишь, но он-то тебя увидит, будь спокойна. Просто это происходит не сразу. Терпение — единственное, что тебе необходимо.

— Это томление женской плоти по мужской может изобразить любая шлюха.

— Да, может. Она лишь не может подарить мужчине неповторимое ощущение, что он выпил из полной до краев чаши. Это, как ни стони, как ни извивайся, не получится, если чаша почти пуста.

— Ты меня заводишь впустую этими разговорами, а не успокаиваешь. Я пойду, а то тебе придется испить полную чашу прямо здесь. Я же тебе говорила, что у меня крыша едет, когда я немного выпью.

— Дурочка, я же тебе будущее предсказал, как ты просила.

— Спасибо. Но я тебя не это будущее просила предсказать. А про твою полную чашу любая женщина знает. Только она наполняется непросто. Представь девушку, не девственницу, но разборчивую в отношениях с парнями: она не просто терпит, неся какому-то дураку свою чашу, она еще и физически страдает от женского одиночества, пока вы всю пригубляете из других чаш.

— Не все и пригубливают. Это женский предрассудок — думать, что все настоящие мужики — сластолюбцы. А настоящие — это парни с неутоленной страстью, стесняющиеся взглянуть женщинам в глаза. Они тоже страдают. Но если уж дорвутся до вас...

— Прощай. — Она повернулась и пошла к своему общежитию, находившемуся на углу Добролюбова и Руставели.

Енисеев допил бутылочку, швырнул ее в урну и побрел за Еленой, дабы убедиться, что к ней не пристанет по пути какой-нибудь ночной гуляка. Она шла, не оглядываясь, размахивая сумкой с ноутбуком, но, видимо, чувствовала его присутствие за его спиной, потому что у дверей общежития обернулась и сказала:

— Ладно, будем друзьями. Увидимся у Анатолия?

— У Анатолия или в другом месте. Где-то у меня была последняя визитка... Вот, возьми. Позвони, и твой телефончик у меня отразится.

Елена взяла мятую визитку, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Привет Наде! — И исчезла за дверями.

Енисеев постоял, закурил, а когда двинулся в путь, вдруг понял, что идти не может, как это часто бывает с пьяными, которые неплохо держатся на людях, но совершенно “разваливаются” в одиночестве. До дому же было не менее двадцати минут ходу. Он стоял, держась за дерево, пока не услышал шум автомобиля. Покачиваясь, Енисеев выбежал к проезжей части и, ослепленный светом фар, замахал рукой, но тут же пожалел об этом. Это был милицейский патруль.

Машина затормозила, в окошко выглянул мент.

— Что случилось? А, Пророк! Загулял в условном заключении? А хорошо ты тому олигарху предсказал! Ты чего?

— Мужики, не подбросите домой? Чего-то идти не могу.

— Ну, еще бы, от тебя такой выхлоп, что я сам запьянел! Может, в вытрезвитель?

— Не, ну какой вытрезвитель? У меня же условный срок. Домой! Я заплачу.

— Ладно, залезай.

2

— Что за Елена тебе прислала эсмэску с телефоном? — Надя стояла в головах у Енисеева с его мобильником в руках.

Енисеев с трудом открыл глаза и с еще большим трудом оторвал голову от подушки. Он спал одетый, — спасибо, что без ботинок. В комнате — полумрак. Что это: утро, день, вечер? Шторы задернуты — Бог его знает. Наверное, день: Надя планировала вернуться из рейса после полудня.

— Который час? — пролепетал он высохшим языком.

— Кто такая Елена? — повторила свой вопрос Надя.

— Елена? Не знаю.

— А почему она шлет тебе эсмэски? И откуда знает твой телефон?

Это были тяжелые, жестокие вопросы с похмелья. Какая Елена? Какие эсмэски? Тут он вспомнил.

— А, Елена? Это писательница. Живет на Добролюбова, в общежитии.

— Ты был у нее в общежитии?

Енисеев задумался. У общежития он был. Да, был. И там она... Память возвращалась к нему постепенно, в шахматном порядке.

— Нет, ни в каком общежитии я не был, — уверенно сказал он. — И вообще, если ты думаешь... ну, в том смысле, что об этом обычно думают... то ничего не было. То есть вообще ничего.

— А почему ты дал ей свой телефон?

— Ну, мы поговорили с ней... В ночном кафе на “Тимирязевской”. Она хотела написать обо мне... Я сказал, что не надо...

— И поэтому дал ей телефон?

Енисеев сел на постели, от чего у него в голове качнулась какая-то гиря и перед глазами мелькнули огненные шары, и уставился на Надю. Подобный допрос она ему устраивала впервые. И в мобильник его заглядывала впервые, — а если и заглядывала, то ему об этом не говорила.

— Надюша, ты чего? Я же не проверяю твой телефон. Ну, дал и дал. Что тут такого? Мало ли кому я даю свой номер? Она писатель, с ней есть о чем поговорить...

Надя сунула ему мобильник в руки и села в кресло напротив.

— Эсмэска пришла несколько минут назад, когда ты спал. Я услышала сигнал и взяла посмотреть: вдруг что-то важное? Не хотела тебя будить. И увидела еще звонок с того же номера, на который ты не ответил. В начале третьего ночи. Видимо, вы очень интересно поговорили, раз она решила позвонить тебе в такое время.

— Да не в этом дело! Она позвонила, чтобы ее телефон у меня отразился, как мы договорились.

— Ага, значит, это ты первый дал ей телефон. Но она, видишь, волнуется, что ее номер у тебя не отразился, и поэтому послала еще эсмэску. Вы хотите снова встретиться и еще поговорить?

— Так, погоди, — выставил вперед ладони Енисеев. — Я не так быстро соображаю, как ты задаешь вопросы. Голова не работает. Надо поправиться. Извини.

Он, качнувшись, встал, подошел к бару, стараясь держаться ровно, что ему не очень удалось, взял “мерзавчик” виски и отправился на кухню, чтобы не похмельяться на глазах у Нади. Там Енисеев дрожащей рукой вылил виски в стакан, проглотил, передернувшись, и запил водопроводной водой. В голове немного прояснилось. Он закурил сигарету. В комнате, между тем, раздавался немелодичный перезвон бутылочек. “Бьет она их, что ли?” Енисеев полез в холодильник, где еще оставалась пара “мерзавчиков”, и переложил их к себе в карман, чтобы иметь запас на всякий случай. После этого он вернулся в комнату.

Шторы были отдернуты, в окна лился тусклый осенний свет. Злая, оттого еще больше красивая Надя сгребала из бара в полиэтиленовый пакет бутылочки с виски, джином, текилой, коньяком, водкой.

— Ликвидация? — не без сожаления поинтересовался Енисеев.

— Да, ликвидация. Рано или поздно это должно было кончиться плохо. Ну, спрашивается: зачем я вслед за другими девчонками таскаю эти бутылочки? Ведь мне они не нужны. Все таскают, и я таскаю. А ты теперь спишь этим ворованным виски. Да еще, наверное, писательницу Елену угощаешь. Всё, хватит. Будет мне наука. Пей, если хочешь, но я тебе помогать спиваться не буду. — Она взяла тяжелый погромыхивающий мешок и отнесла его в прихожую.

— На мусорку? То-то божкам будет счастье!

— Пусть хоть им будет счастье.

Енисеев присел. Виски заиграло в крови, изгоняя из тела похмельную тяжесть и тоску. Продолжать разговор, затеянный Надей, не хотелось, хоте-

лось сидеть с сигаретой у окна, вкушая горьковатый мед похмелья, но и не продолжать было нельзя. Он прочистил горло и сказал:

— Ты спрашиваешь, хотим ли мы снова встретиться и поговорить? А почему нет? Надо же мне с кем-то говорить! Знакомые по прежней жизни меня теперь за версту обходят.

По светлому личику Нади пробежала тень. Она подошла к Енисееву, глядя в глаза.

— А со мной? А со мной тебе не о чем поговорить? Ты же со мной теперь почти не разговариваешь! Тебе не интересно? Ну, еще бы: я же не писательница!

— Я думаю, что тебе не интересно.

— Почему ты так решил? Потому что я простая стюардесса?

— Нет, потому что ты и так обо мне всё знаешь.

— Так ли уж всё? Я не знала, например, что тебя интересуют молодые писательницы. Она же молодая?

— Молодая. И лысая. То есть бритая наголо.

— Отлично. Тебя на остренькое потянуло, Енисеев?

— Надя, я когда-нибудь тебя обманывал? Я же сказал: ничего не было. И быть не могло.

— А я не говорила, что было. Но я не верю, что быть не могло. Если мужчина подолгу разговаривает с молодой женщиной ночами, то кому-то из них кое-чего хочется. Вопрос только в том, кому — тебе или ей. Или хотелось вам обоим, но ты до поры до времени сдержался?

Енисеев облизал пересохшие губы. Надя попала в точку, но рассказать ей о том, чего вдруг захотела минувшей ночью Елена, он не мог, потому что в таком случае намерение и дальше встречаться с ней выглядело, действительно, двусмысленно. Он всё же обманывал Надю, точнее, не говорил ей всей правды, и признаться в этом себе было неприятно. Но почему именно она заставляет его отчитываться — она, которая по полгода не ночует дома?

— Надя, я был, вообще-то, пьян. Не слегка пьян, а сильно, так что никаких женщин мне не хотелось. А чего хотелось ей, меня не касается. Мы разговорились, а поскольку я давно ни с кем не разговаривал, то как-то втянулся. А ты, когда тебе доводится бодрствовать в аэропортах ночами, совсем ни с кем не разговариваешь?

— Разговариваю. И могу рассказать, с кем и о чем. Но тебе же это не интересно. Когда-то ты меня спрашивал, как прошел полет, что я делала после полета в другом городе, а сейчас вообще ничего не спрашиваешь. Раньше мы хотя бы разговаривали на другие темы, а после смерти твоего клиента из тебя слова не вытянешь. Я поняла это так, что теперь тебе вообще не хочется разговаривать с людьми, и решила терпеть, но оказалось, что с некоторыми людьми, причем женского пола, ты не прочь подолгу общаться ночами.

— А если бы я общался днем, тебя бы это тоже волновало?

— Волновало бы. До того, как мы стали близки, мы разговаривали, и много разговаривали. Для тебя это имеет значение, я знаю. Если же ты молчишь со мной, я понимаю это так, что ты ко мне охладел. Ты разлюбил меня? Ответь, пожалуйста, мне это важно. Мне нет еще тридцати. Я живу со странным человеком, от которого многое готова была терпеть, но при условии, что он меня любит. Если же этот человек меня не любит, не разговаривает со мной, пьет, не работает, но при этом охотно заводит женские знакомства на стороне, то мне кажется правильным дать ему свободу. И подумать, наконец, о себе.

Енисеев, как всякий похмельный человек, в начале этого разговора испытывал чувство вины и склонен был почти во всем соглашаться с Надей, но постепенно его стало одолевать раздражение. Она живет со странным человеком? Когда он женился на ней, ему было плевать на то, что она стюардесса. А между тем замужняя стюардесса — это редкость, на них предпочитают не жениться, и не только из-за их работы, мало совместимой с супружеской жизнью, но оттого, что стюардесс считают не слишком разборчивыми в отношениях с мужчинами. Да им, наверное, и трудно быть слишком разборчивыми из-за кочевого образа их жизни. Енисеев плюнул на все эти обы-

вательские соображения и, не задумываясь, женился на Наде. И она вышла за него замуж, взяв на размышления всего ночь, хотя практически с самого начала их знакомства знала, что он весьма странный человек. Теперь же Надя не то чтобы ставит ему это в вину, но подчеркивает некую жертвенность того, что она, вся такая нормальная, вышла замуж за не очень нормального человека, возомнившего себя пророком. Да, Надя, наверное, вправе упрекать его в том, что он не работает, в то время как она не вылезает из полетов и копит деньги на будущую жизнь. Но ведь он соблазнился предложением Ступара отчасти и потому, чтобы приносить домой больше денег. И Надя поначалу — он видел — была рада такому решению. Если бы не трагическое фиаско у Ступара, он бы, как прежде, зарабатывал себе понемногу в газетах и журналах, — не столько, конечно, сколько зарабатывала Надя, но ведь на хлебном он у нее не был, оплачивал квартиру и прочее, потому что большую часть своей зарплаты она клала в банк под проценты. А теперь к газетам и журналам Енисеева на пушечный выстрел не подпускают, и он, в дополнение к тому, что человек странный и с недавнего времени пьющий, получил еще упрек в том, что он безработный. По форме это было справедливо, а по сути не очень. И Надя могла оказаться безработной, но он бы и не думал упрекать ее в этом, зная, сколь несладок был ее хлеб. Жили бы на его журналистские заработки победнее, но не нищенствовали бы.

А еще царапнуло Енисеева то, что он не позволял себе выказывать свою ревность, когда в прежние времена Надя рассказывала что-либо о мужчинах из своего экипажа, особенно о том, как им случалось проводить вместе время между полетами, а Надя это сделала весьма активно при первом подвнувшемся случае! Да, Енисееву тоже казалось сомнительным, что ее общение с пилотами в других городах ограничивается походами в магазины или кафе — прежде всего потому, что это едва ли интересно пилотам. Но он загонял свои сомнения внутрь, не давая им разрастаться, потому что ревность, отпущенная на волю, быстро душит или подчиняет себе все другие чувства.

Надя же и не подумала проявлять дипломатию относительно кафешного знакомства Енисеева и сразу стала ставить вопросы ребром. Конечно, в истории с Еленой не так всё было просто, и, если бы не Надя, он бы, конечно, переспал с ней, независимо от того, сколько выпил. Но он с Еленой не только не спал, но и не предпринял никаких попыток для этого и поступал так всегда, когда открывались некие возможности во время отсутствия Нади. Потому что всё, что он говорил Елене об ощущаемой им мистической ответственности за жизнь Нади, было правдой. Потому что было правдой то, что он ее любил. Теперь же почему-то требовалось доказывать Наде правдивость того, что он делал без всякого принуждения. Уязвляла и легкость, с которой Надя была готова поверить обратному. Ей кажется правильным подумать, наконец, о себе, в то время как он, получая порой вполне определенные сигналы от других женщин, думал только о ней.

Енисеев молчал, несколько удивленная Надя тоже.

Проще всего было бы сказать в ответ на вопросы Нади, что он любит ее. Однако ему казалось унизительным делать это сейчас, когда она поставила ему, безработному, вставшему в меланхолию и запившему, некие условия. То, что Енисеев почти не разговаривал с Надей, совершенно не значило, что он в ней не нуждался, — напротив, теперь нуждался в ней больше, чем когда-либо. А зависимые люди, особенно люди похмельные, весьма болезненно относятся к предъявляемым им требованиям, когда слабы.

— Ты свободна, — проронил, наконец, тусклым голосом Енисеев. — Я не вижу в своей жизни никакого просвета. Почему ты должна мучиться со мной? Женский век короток. Я съеду к родителям.

Надя разгладила юбку на коленях. Она казалась спокойной, хотя лицо ее осунулось.

— То есть для тебя встречи с этой Еленой важнее, чем наша жизнь?

— При чем здесь Елена? Мне нет до нее никакого дела. Я познакомился с ней вчера, пьяный. Что я Елене? Что мне Елена? Ни Елена, ни любая другая женщина, узнав меня, жить со мной не захочет. Ты терпела меня, спасибо. Хватит тебе терпеть.

— Я не просила для себя свободы. Я сказала, что ты можешь быть свободным, если хочешь.

— Это одно и то же. На фиг тебе моя свобода? Всех волнует только своя свобода. Ты, действительно, еще можешь выйти замуж, родить детей. А что со мной? Это всё равно, что жить с сумасшедшим.

— Ты не ответил на мой вопрос: ты больше не любишь меня?

— Я понимаю, женщинам важен этот вопрос. Это как необходимая юридическая формальность или отпущение грехов. Приняв решение расстаться с мужчиной, женщина должна для очистки совести решить вопрос с любовью. Люблю ли я тебя? Да какая тебе разница, если ты меня не любишь?

— Я этого не говорила.

— А что ты говорила? “Я живу со странным человеком, которого готова терпеть при условии, что он меня любит”? Где тут твоя любовь? Ты готова терпеть меня, если я тебя люблю, но одной любви, очевидно, тебе недостаточно, и поэтому ты предъявила мне дополнительные условия: не пить, работать, чаще с тобой разговаривать и не встречаться с молодыми писательницами. Раньше я всё это делал без напоминаний, а теперь, извини, не могу, пребывая в депрессии. А когда я из нее выйду, я не знаю. Так что, действительно, лучше расстаться.

— Тебе, я вижу, эта идея понравилась, и ты схватился за нее обеими руками, стоило только намекнуть.

— А ты зачем намекала?

— Чтобы привести тебя в чувство.

— Я пришел в чувство! И честно смотрю правде в глаза. Что я могу для тебя сделать? Я даже не смог вытащить тебя из стюардесс.

— Ты стесняешься, что я стюардесса?

— Нет, но ты не стесняешься этого. Как ты можешь ревновать меня к какой-то эсэмэске, если заставляла меня ревновать годами, улетая из моей жизни с мужчинами, хорошо знающими о твоём прошлом до меня?

— Что-что? — Надя даже привстала. — О каком прошлом? С какими мужчинами?

— Ну, с кем ты там работаешь? С пилотами, штурманами, бортинженерами, стюардами... Что ты на меня смотришь такими глазами? Ты же была близка с каким-то пилотом, сама говорила.

— Ты что, намекаешь, что стюардессы — проститутки?

— Не цепляйся к слову! Под прошлым я имею в виду жизнь до меня.

Надя легко, словно не касаясь пола, сделала шаг к нему и вцепилась в щечину. Удар ее тоненькой руки был тяжел: голова Енисеева откатнулась сантиметров на двадцать.

— Еще! — зажмурившись, попросил он. — Для равновесия. С похмелья очень бодрит.

— Знаешь что, Енисеев? — сказала она, глядя на него с презрением. — Иди-ка ты... сам знаешь куда. Мое прошлое тебя не касается. Мне за него не стыдно. Я начала работать вскоре после школы, потому что мама болела. Работу свою люблю, хотя она и нелегкая. Да, влюблялась, как многие девушки, но не в каждого встречного-поперечного. Я улетала от тебя не с мужчинами, а работать. В том числе и с мужчинами, конечно. Ты тоже в редакциях работал с женщинами. Я никогда не спрашивала, что ты делаешь тут без меня. Сегодня — первый раз. И лучше бы не спрашивала. Я узнала о тебе много такого, чего знать бы не хотела. Ты, оказывается, считал меня чем-то вроде путаны. Спасибо тебе за это.

— Слушай, мы тут погорячились... — сказал, почесывая щеку, Енисеев.

— Нет, мы не погорячились. Мы выяснили правду. Мы расстаемся, как ты хочешь. Найди себе не путану. Без прошлого.

— Не надо мне без прошлого! Я просто говорю, что оно у тебя есть, как и у меня, как у всех. Ты же не девственницей была, когда мы?.. Я всего лишь имел в виду...

— Я понял, что ты имел в виду. Прощай. — Она резко повернулась и направилась к двери.

— Стой, ты-то куда уходишь? Я же сказал, что уйду к родителям.

— Ну, это твоя квартира. Что я здесь буду делать одна, наездами? Живи ты, как раньше, а я поеду к маме. Вещи потом заберу, сейчас устала. Деньги в секретере оставляю тебе, а уж когда кончатся, не знаю, что тебе делать. Придется все же где-то работать.

Енисеев, не зная, что делать — силой ли пытаться задержать Надю или умолять ее остаться, стоял, не двигаясь, у окна. “Ты ее удержишь, а дальше что?” Слышал, как она одевалась в прихожей, как вжикнула молнией сапог, и не двигался. Он еще мог перехватить ее у двери, но не сделал этого. Дверь защелкнулась.

* * *

Он всё стоял у окна, когда зазвонил домашний телефон. Это было теперь редкостью, — разве что его родители звонили или Надина мама. Енисеев, испытывая острое нежелание разговаривать с кем-либо, некоторое время смотрел на надрывающийся аппарат, потом всё-таки подошел и снял трубку.

— Да.

Но ему никто не отвечал.

— Алё!

Молчание. Енисеев бросил трубку на рычаг. Кто это — Лена? Но она не знает его домашнего телефона. А кто еще мог звонить сюда, он представления не имел. Да какая разница? Енисеев достал из кармана “мерзавчик” и долго глядел на него. “Вот теперь моя палочка-выручалочка... Живи, не горюй! Потом — по помойкам, бутылки собирать”.

Он осушил “мерзавчик”, лег, закурил. В комнате снова был полумрак — дело шло к вечеру, за окном по-настоящему стемнело. Мир был серым и словно покрыт бархатным слоем пыли, лишь огонек зажатой в пальцах сигареты на краткий миг освещал его. Енисеев раздавил огонек в пепельнице, посыпались искры. Это было похоже на его жизнь. Огонек уже потушен, погаснут и искры. Что дальше? Пить — и умереть? Нет, не наложить на себя руки, а просто пить и ничего не жрать. Так умер этот актер... как его... Галкин. Попытался встать, и разорвалось сердце.

Енисеев полез в карман за другой бутылочкой, но его заставил вздрогнуть звонок в дверь. Это была еще большая редкость, чем телефонный звонок. А вдруг это Надя? По домофону-то никто не звонил! Вернулась! Передумала! А почему звонит? Ну, понятно — ключ оставила здесь! Он вскочил с кровати, зажег свет и бросился открывать.

На пороге стоял бармен Анатолий.

— Привет! — сказал он.

Енисеев открыл рот в изумлении.

— Ты... чего?

— Да вот, пришел в гости.

— Откуда ты знаешь, где я живу?

— Узнать нетрудно. Надо поговорить.

— О тотализаторе, что ли? — догадался Енисеев. — Боже, какая чушь! Вот подбросил идейку идиоту! Слушай, ты сумасшедший!

— Можно мы войдем?

— Кто это — мы?

Анатолий шагнул в сторону, и в проеме двери появились сбоку две фигуры. Енисеев запоздало сообразил, что надо захлопнуть дверь, но рослый мужик в черном пальто толкнул его в грудь и втиснулся в прихожую, за ним последовал другой мужик и Анатолий.

— Ребята, вы чего? Вам чего надо?

— Поговорить надо.

— О чем? Я вас первый раз вижу.

— Познакомимся. Это твоя жена полчаса назад вышла?

— Какое вам дело?

— Да никакого. Красивая. Жалко, если что-нибудь с ней случится. Ну

что — мы так и будем здесь стоять? — осведомился мужик в черном пальто. — Может, пройдем? — Он надавил плечом на Енисеева и вытеснил его из прихожей в комнату.

Здесь, на свету, Енисеев смог рассмотреть своих “гостей” получше. Человек в пальто имел красное, бутристое, практически безбровое лицо со странными шрамами на щеках — в виде крестиков. Второй мужик, в коже, был стрижен под бобр, черен лицом, носат и периодически, как лошадь, делал движение шеей вперед, словно воротник тер ему холку.

— Ефрем, — представился рослый со шрамами и кивнул в сторону носатого, — а это Макс. Ну, а Толяна ты знаешь.

Между тем, Макс, задевший в прихожей пакет с бутылочками, всё оглядывался на него, двигая шеей.

— Ханка, бля буду, — пробормотал он Ефрему, — полный пакет!

— У него этого добра полно, — пояснил сумрачный Анатолий. — Же на откуда-то таскает.

— Да? Покажите мне это место, я тоже хочу. Жалко, что я за рулем, а то бы вышли за знакомство, — подмигнул Макс Енисееву.

— Слушайте, вы блатные, что ли? — не выдержал тот. — Идиот, зачем ты их привел? — повернулся он к Анатолию.

— Чтобы ты был поговорчивей. Ты, кажется, своей выгоды в жизни не знаешь, — объяснил Ефрем. — Ну, что, Пророк, замутим дельце?

— Парни, я не деловой. Идите вы на “три”!

— Мы не парни, — внушительно возразил Ефрем. — Это ты парень. А мы, чтоб ты знал, — люди. Поэтому посылать нас не надо. Здоровее будешь. Лучше скажи мне, зачем тебе мешок ханки? Будешь пить, балдеть, да? Тебе своих мозгов не жалко? Или у тебя есть запасная печень? Чего ты разнюнился, сопли распустил? Сунули два календаря условно? За такие приговоры люди солидные бабки платят и радуются, что на свободе. Пора тебе, Пророк, заняться спортом, вести здоровый образ жизни. С тем, что ты умеешь, побольше можно заколачивать, чем у Ступара. Толян дело говорит. Надо по полной программе крутить тотализатор. Там ведь как делают “бабки”? Любой пацан знает: договорные матчи организуют. Слабый вдруг выигрывает у сильного, а лавэ в карманах у букмекеров. Но ведь им со многими делиться надо: есть люди, “крышующие” этот бизнес, есть игроки, есть тренеры, есть судьи. С тобой же проще: ты можешь, не влезая в цепочку, предсказать и договорный результат. Ты ведь будущее предсказываешь, а договорный результат тоже будущее? — Этот вопрос в устах Ефрема прозвучал почти что философски. — Но один ты не справишься, только засветишься. Тебя быстро вычислят и сдадут “мусорам”. А может, и замочат. Тебя никто не должен видеть. Ты будешь сидеть себе дома и выдавать результатки. А остальным мы займемся. “Крышу” обеспечим. Ну и, само собой, войдем в долю. И тебя не обидим, и сами внакладе не останемся.

— О-о-о! — застонал Енисеев. — Кому вы поверили? Говорю вам точно: ваш Толян сумасшедший! Он чокнулся на футболе, потому что смотрит его сутками напролет! То, что он рассказывает о вчерашнем матче, было пьяным приколом!

— Нет, ты подожди, — остановил его Ефрем. — Ты сказал, что “Ювентус” выиграет у “Милана” два — один и что последний гол забьет Ибрагимович?

— Сказал, — подтвердил Анатолий. — Там с ним девка еще молодая была, под “ноль” стриженная, она тоже слышала.

— Ну? — повернулся Ефрем к Енисееву. — Какой же приколом? Значит, ты знал?

— Да не знал! Это просто совпадение!

— Хорошее совпадение! Слушай, ты, конечно, мужик умный, но и мы не дураки. И футбол тоже смотрим. Как ты думаешь, Макс, если “Милан” играет у себя дома с “Ювентусом”, то на чью победу народ больше ставит?

— Тут и думать нечего, — двинул шеей Макс. — На победу “Милана”, конечно. В крайнем случае — на ничью.

— Вот! А ты, пьяный, взял и предсказал победу “Юве”! Он в футболе понимает, Толян?

— Понимает, — кивнул Анатолий. — И даже помнит, когда в итальянской лиге вечерние матчи начинаются. Я было сказал, что футбол, наверное, показывают в записи, и он уже слышал результат, а он мне: “Во сколько в Италии матчи начинаются? Посмотри на часы!”

— Какое же совпадение? — развел руками Ефрем. — Наугад, спьяну, ты бы предсказал победу “Милана”, а не “Юве”. А ты отслеживал ситуацию. Толян усомнился, а ты его убедил.

— Но “Ювентус” уже выигрывал один — ноль, когда я предсказал! Парни... э-э-э... люди... я могу наудачу “попасть” и предсказать результат одного матча, но делать это регулярно у меня не получится! Проверено!

— Кем проверено?

— Мной! Когда я был подростком, появился этот... “Спортпрогноз”. Я играл раза три. В первый раз я угадал все матчи первого тура чемпионата СССР по футболу, кроме одного — “Спартак” — “Нефтичи”. Бакинский “Нефтичи” тогда хорошо играл, в том числе и на выезде, а “Спартак” обычно начинал чемпионат плохо. Вот я и поставил им ничью. Но “Спартак” выиграл — 4:1. Мне потом один взрослый болельщик сказал: “Ну как же ты “нарисовал” им ничью? “Спартак” хорошо играет в “комнате”. Он имел в виду, что “Спартак” играл в крытом стадионе “Олимпийский”, на искусственном газоне. Да только откуда я знал, где он будет играть? За семь угаданных результатов из восьми я занял второе место и получил выигрыш в тридцать шесть рублей. Купил себе на них модные “вареные” штаны и блузу-толстовку. Второй раз я уже играл на хоккейные результаты, допустил несколько ошибок и не получил никаких денег. То же самое было в третий раз — не помню уж, в каком спорте. И я бросил “Спортпрогноз”.

— Ну и что? Ты же еще не был пророком?

— Не скажите! Я уже к тому времени предсказал войну в Афганистане! С тотализатором этим получится, как со “Спортпрогнозом”. Несколько раз выиграю, но больше — проиграю. С таким же успехом вы и Анатолия можете использовать. Вам это надо?

— Ты должен постараться, — пристально глядя на Енисеева своими маленькими сверлящими глазами, сказал Ефрем. — Без труда... как это?.. не вытацишь рыбку из пруда. Как ты предсказываешь другие вещи? Вот и здесь так же предсказывай. Напрягись, Пророк, и огреби “бабки”!

— Да это же не только от моих усилий зависит! Ну, как вам объяснить? У меня, как и у вас, нет органа для предсказаний. Мне помогает что-то извне. И на добывание денег оно не настроено.

— Рассказывай! Видали по “телеку”, как оно не настроено! А три тыщи баксов за сеанс?

— Вы всегда верите “телеку”? У меня всего два сеанса у Ступара и было! Первый — пробный, я не знал, что деньги за него получу, да и не предсказывал ничего, просто сам догадался, что к чему. А во втором случае, когда было настоящее предсказание, речь шла о несчастье, связанном с угрозой жизни, а я за такие вещи деньги не брал. Так и указано было в договоре. Так что за деньги не получится!

— А с угрозой для жизни получается?

— В общем, да.

— Тогда для твоей жизни есть угроза. Сначала мы тебе выколем глаза, потом отрежем уши, потом, если не образумишься — голову.

— Нет, сначала отрежьте язык, потом отрубите руки и спрашивайте: какой будет счет в матче “Манчестер Юнайтед” — “Челси”! А когда я стану моргать — раз, два! — тогда выколите глаза! А когда стану кивать головой, отрубите голову. Вы мудаки, а с мудаками я разговаривать не хочу. Пошли в жопу! — Енисеев оттолкнул Макса, стоявшего у дивана, и лег.

Бандиты переглянулись. Они, сопя, стояли возле Енисеева (Анатолий несколько сзади) и, видимо, не знали, что им делать.

— Ты чего... разлеся? — несколько растерянно спросил Ефрем.

— Я у себя дома. Вы мне надоели. Я же тебе всё объяснил, урод! Ты что, русского языка не понимаешь?

— Кто я? — грозно надвинулся Ефрем.

— Ты debil и воночий урод! Ну, убей меня!

Ефрем не двинулся, но страшно заскрипел зубами.

— За базар ответишь, сука! Ответишь!

— Ефрем, не сейчас! — сдавленно сказал Анатолий.

— Заглохни, чмур! Он у меня год будет предсказывать бесплатно, а я в это время его жену трахать буду! А не захочет, будем ее трахать без перерыва всей братвой! Вот сейчас ее дождемся и начнем трахать!

“Не было счастья, да несчастье помогло, — соображал Енисеев. — Это хорошо, что Надя ушла к маме. Едва ли они знают ее адрес. Надо только убедить их, что Надя вернется и будет находиться здесь”.

— И девку эту лысую тоже можно, — предложил Анатолий. — Он, кажется, на нее запал.

“А вот это хуже. Подкараулят ее у кафе, выследят, где живет...”

— Лысую? Пожалуйста. — Енисеев старался, чтобы голос его звучал как можно более безразличней. — Она мне никто. Если я на нее и запал, то не помню, пьяный был. А насчет жены я вам вот что скажу: вы меня лучше сейчас убейте, а то я всё милиции сообщу.

— Сообщи! — согласился Ефрем. — Только сейчас мы тебе не дадим. Тебе придется подождать, когда мои люди привезут сюда эту лысую девку, которую ты нам сдал, зарежем ее, потом оставим твои пальчики на рукоятке ножа и по всему ее телу, и выбросим ее на улицу. Найдутся свидетели, что это ты ее бросил. А Толян подтвердит, что ты приставал к ней в кафе. После этого можешь говорить всё, что хочешь. Ты ходишь под условным сроком, тебя никто слушать не будет. Будешь париться на киче, пока мы твою жену трахаем. Но на киче тебя не оставят в покое, у нас везде свои люди. Ты из зоны станешь предсказывать нам результаты по мобильничку, и попробуй, сука, ошибись! Ну, что, послать за твоей лысой?

— У меня от твоих угроз уже девочки кровавые в глазах. — Енисеев достал из кармана “мерзавчик” и демонстративно медленно отхлебнул. — Хочешь, я предскажу, как ты подохнешь?

Ефрем моргнул и с некоторой заминкой ответил:

— Нет, не хочу, потому что ты все равно подохнешь раньше.

— Как знать, как знать! Пока я тебе нужен, не подохну. И не надо меня пугать! Тебе это невыгодно. Под пытками предсказания не получаются. Кстати, в этой игре, если она состоится, банковать будешь не ты. Ты удивлен? Да-да, не двигай желваками! А ты думал, ты, что ли? А кто ты такой? Я пророк, а ты кто? Нет, хвост головой не вертит! Я умный, а ты не очень, как я убедился! Как же ты можешь мной управлять? Какая от этого польза?

Ефрем покосился на своих спутников.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто из нас умный... Значит, ты хочешь банковать? Стало быть, согласен?

— Кто тебе сказал, что согласен? Нет, сейчас я на серьезные темы разговаривать не буду. Ты что, не видишь, что я в запое? На хрена тебе согласие пророка, который в запое?

Ефрем, наморщив бугристый лоб, смотрел на Енисеева.

— И давно ты в запое?

— А я помню? День, что ли, назвать, когда начал? Ладно, ребята, мотайте отсюда, не нужно, чтобы вас видела моя жена. Она всё испортит. Через денька два я оправлюсь, поговорим. Оставь свой телефончик. Я, в принципе, сейчас без работы, лишний заработок мне не помешает. В принципе, он верный. Мне даже кажется, что ты преувеличиваешь опасность. Если обычным людям можно угадывать за деньги спортивные результаты, то почему нельзя пророкам? В каком законе это написано? Но одному мне, действительно, не справиться. Да и условный срок на мне.

— А чего ты поначалу отказывался, пургу гнал? — с подозрением спросил Ефрем.

— С такими, как вы, я еще дела не имел. Вы топорно работаете, неинтеллигентно. В квартиру врываетесь, грозите: изнасилуем, зарежем... А тотализатор — дело интеллигентное. От ваших рож за версту криминалом пахнет. Тут надо многое обдумать. Тактику, стратегию. Мой процент. От вашей стоворчивости будет многое зависеть. Но не сейчас. Давайте денька через два.

— Ага, мы уйдем, а ты позвонишь в ментовку? — сказал Макс.

— Пусть звонит, — ответил за Енисеева Ефрем. — Кто ему, пьяному, поверит? Ну, выведет он ментов на Толяна... Ну и что? Нас-то он не знает... Толян скажет: да, был такой разговор в шутку, о чем еще с ним, пьяным, говорить, когда он часами торчит в кафе? Он сейчас в запое, белая горячка начинается, девушки кровавые мерещатся. И всё. Он же с судимостью ходит, ему ментов слишком беспокоить не резон. Они отвезут его в суд, если доставать будет, и там ему изменят меру пресечения.

— Вот, — с одобрением кивнул Енисеев, — это уже получше, чем прошлый раз. Мысль какая-то прослеживается. Ты не безнадежен, Ефрем. А то бы начали сейчас здесь насиловать мою жену, резать лысую девушку, мои кровавые отпечатки на ней оттискивать... Брр! Конечно, я бы с такими не стал работать. Вот ты, Ефрем, по-моему, обиделся, что я тебя дебилом назвал. А как же тебя прикажешь называть, если ты приходишь к курице, несущей золотые яйца, и угрожаешь ей выдать глаза, открутить крылья, голову, чтобы она побольше яиц несла? А?

— Красиво поешь, — ответил Ефрем. — Лады, пусть будет по-твоему. Протрезвляйся. Только я тебе самому откручу яйца, выдавлю глаза и отрежу голову, если ты меня кинешь. И насчет жены мои обещания остаются в силе. Ты будешь, порванный на куски, лежать в могиле, а мы ее харить будем. Когда надоест, убьем. Забываем стрелку через два дня, у Толяна, в это же время. Не думай сбежать, из-под земли достанем. Телефон я тебе не дам, — если что, позвоним сами по домашнему. А ты будешь держать связь через Толяна. Толян, оставь ему свой номер. Пошли, ребята.

— Да? — всё еще сомневался Макс. — А если он на "стрелку" мусоров приведет? Там-то они увидят, что мы — это не белая горячка.

— Может, лучше не в кафе? — поддержал его Анатолий.

— Мусоров он вам приведет куда угодно. Ну, привел он их, что дальше? Свидетелей у него нет, на тотализаторе мы еще не играли. А в чем, собственно, криминал? Погрозыят и отпустят. Дельце, конечно, сорвется, но ему, его жене не жить.

Хлопнула дверь. Бандиты ушли. Енисеев остался лежать на диване.

3

“Я был на перепутье, — размышлял Енисеев, — но крылатый серафим мне не явился. А духи лжи, готовя мою гибель, поманили меня подобьем правды и теперь уничтожают тяжестью последствий. Надо было слушать священника и старца, а не носиться со своим убогим даром, как дурень с писанной торбой. Они-то меня не стали поучать, даже вроде бы ушли от прямого ответа, а на самом деле, если вдуматься, всё сказали. Пока не пришло время спасаться, можно было, действительно, еще пророчествовать. Но я упустил то время, когда следовало уже спасаться, а не пророчествовать. Вероятно, это было после гибели людей в польском самолете. Я шагнул назад, в мрачную пустыню, в прижизненный ад для пророков. Здесь что ни шаг, то к расплате, к возмездию за гордыню. Я ощутил свой дар в детстве под ярким зимним солнцем и с тех пор постепенно уходил из солнца в тень. И вот я ушел в эту тень, в изнанку пророческого мира. Безвозвратно. Здесь меня ждут только уроды вроде Ефрема и Макса. И хуже всего, что они ждут не только меня, но и Надо”.

Енисеев встал, подошел к входной двери, открыл ее. Пусто. Спустился на этаж ниже и убедился, что там тоже никого нет. Значит, они решили его не караулить. Пока, по крайней мере. Хорошо.

Он вернулся в квартиру и запер дверь. Позвонить Наде, предупредить? Но стоит ли, пока бандиты не знают, где она? Я ее лишь напугаю, застав-

лю приехать сюда. А так — она завтра-послезавтра снова улетит в рейс. А вот Елена... ей стоит позвонить. Мало ли что этим идиотам придет в голову, когда она в очередной раз придет в кафе к Анатолию. Енисеев нашел в мобильнике эсмэску с номером Елены и хотел было нажать кнопку вызова, как подумал: а вдруг она уже сидит у Анатолия, и тот по ее реакции поймет, что Енисеев ее предупреждает? Ехать отсюда до кафе без пробок минут пять, не больше, Анатолий вполне уже может быть там. Да и громилы могут заглянуть на огонек. Енисеев послал Елене эсмэску: “Ты не в кафе у Анатолия? Ответь по СМС”.

Ответ пришел тут же: “О, неужели Илья-пророк объявился? Да, в кафе. А что?”. “Умоляю: минут через 5, не торопясь, сверни ноутбук, расплатись и уходи оттуда. Иди по той стороне, где больше людей, и через некоторое время позвони мне”, — написал Енисеев. “В чем дело? Ты снова пил?” — недоумевала Елена. “Пожалуйста, сделай, как я прошу! Ну что тебе стоит? И не посылай больше СМС из кафе!” Енисеев занервничал, что Елена, читающая и строчащая эсмэски, заставит насторожиться Анатолия или кого-нибудь из бандитов, и они отнимут у нее телефон, прочитают эсмэски, и тогда...

Он стоял у окна, ждал звонка. Пойти в милицию? Но эта компашка ведь и впрямь от всего откажется. Анатолий будет говорить про мой запой, а от меня пахнет спиртным... Но заявление всё равно написать надо, чтобы они хоть на первое время попритихли. А там посмотрим. Отнесу завтра.

Запиликал мобильник. Енисеев схватил его.

— Елена?

— Да.

— Слушай меня внимательно и отвечай только “да”, “нет” и ни в коем случае не называй по имени. Ты вышла из кафе?

— Да.

— Бармен Анатолий там был?

— Нет. Только Тоня, официантка. А что?

Он вздохнул с облегчением.

— Пожалуйста, не называй никаких имен. А какие-нибудь незнакомые тебе люди в кафе были... типа уголовников?

— Да нет, не видела. Слушай, в чем дело?

— Скоро объясню. А ты где сейчас идешь, по Яблочкова?

— Да.

— А за тобой никто из посетителей кафе не пошел? Оглянись как бы невзначай.

— Попробую... Да нет, никто. Да там и не было почти никого. Девушки вчерашние да парочка ужинала.

— Отлично. Давай увидимся — у общежития твоего, на Добролюбова.

— Ну, давай. Это ты мне так свидание назначаешь, что ли? Оригинально! А в кафе нельзя было?

— Нельзя. Значит, через двадцать минут у общежития?

— Ладно.

Енисеев умылся, почистил зубы, потом пошел на кухню, взял из холодильника упаковку с авиационным обедом и стоя, без аппетита, съел кусок курицы. “Жрать не хочется, плохо, — значит, и впрямь запой. Всё, “мерзавчиков” больше не беру”. Но один на всякий случай всё же в карман сунул. Он звякнул о тот, что в кармане уже был. Енисеев выругался, достал бутылочки и забросил их в холодильник. Потом вернулся в комнату, взял из секретера несколько тысяч рублей, оделся и вышел на улицу. Здесь, прикуривая, осторожно повел глазами по сторонам: нет ли где-нибудь рядом Макса или похожего на него урода. Вроде не было, двор — пуст, редкие прохожие идут по своим делам.

Енисеев быстро пошел к ведущей на улицу арке: если следивший за ним человек сидел в машине, то ему бы пришлось завести двигатель и поехать за ним. Но ни одна машина не тронулась. Енисеев зашагал по улице, но вдруг остановился и стукнул себя кулаком по лбу. А ведь Надя хотела вернуться за вещами! И сделает это наверняка завтра, потому что послезавтра уже мо-

жет улететь! Енисеев вынул мобильник, нашел в “контактах” Надю, нажал кнопку. Но звонок был тут же сброшен. Он подошел к фонарю и стал набирать эсэмэску: “Надя, ответь, пожалуйста, придешь ли ты завтра или послезавтра? Это очень важно”.

Енисеев пошел дальше, ожидая ответа. Но ответа не было. Видимо, сильно обиделась! Он стал на ходу писать новое сообщение, но тут, наконец, пришел ответ: “Почему это важно?”. “Не приходи пока, пожалуйста, я тебя умоляю, я тебе потом всё объясню, — написал Енисеев. — Я сам соберу все вещи, какие укажешь, и принесу”. Ответ был краток: “Не приду”. Енисеев сначала обрадовался, а потом понял, что совершил глупость: Надя наверняка подумала, что ее отсутствием воспользовалась какая-нибудь Елена, и он не хочет, чтобы их застали вместе. Он лихорадочно стал набирать новое сообщение: “Надя, я попал в очередную историю, и здесь небезопасно. Вот в чем дело”.

На этот раз Надя не ответила и, судя по тому, что ее не интересовало, в какую “очередную историю” он попал, она ему не поверила. Ну, что теперь делать? Енисеев сунул мобильник в карман и повернул на улицу, ведущую к Добролюбова.

Елену он увидел на автобусной остановке возле общежития. Она еще издали внимательно, оценивающе всматривалась в Енисеева.

— Видок не очень, но вроде не пьяный. Ты зачем меня выдернул из кафе? — сказала Елена, когда он подошел. — Что за секретность?

— Слушай, пойдем в тот сквер, что на Руставели. Я тебе всё объясню.

Они пошли по улице Руставели. Искося поглядывая на девушку, Енисеев видел, что она несколько смущена, — не столько, наверное, его неожиданным вызовом, сколько воспоминаниями о вчерашнем разговоре.

— Ну? — нетерпеливо спросила Елена.

— Помнишь, я предсказал вчера этому дураку Анатолию результат футбольного матча?

— Ну, помню.

— Так он заявился сегодня с “братками”, видимо, крышующими его заведение, и они стали мне грозить смертными муками, если я не стану им предсказывать спортивные результаты в букмекерских конторах.

— Что? — не поняла девушка и остановилась. — В каких конторах? Какие результаты?

— Ну, это, как на бегах, где люди ставят на какую-нибудь лошадь и получают большие деньги, если она выиграет.

— А, это чтобы ты предсказал наверняка?

— Да.

— Смешно.

— Да нет, не смешно: этот гад Анатолий вспомнил сначала, что ты свидетель предсказания мной результата матча “Милан” — “Ювентус”, потом предположил, что я на тебя “запал”. Тогда бандюганы сказали, что будут мучить не только меня, но мою жену и тебя.

О том, что Ефрем угрожал зарезать Елену, Енисеев решил не упоминать.

— Меня?! — поразилась девушка. — Вот так дела! — всплеснула руками она. — Ну, жену — еще понятно, а меня-то почему, я даже тебе не любовница! Ты что, не мог им объяснить?

— Да объяснял, но они так поняли, что я тебя “отмазываю”.

— И что теперь? Вот влипла! Слушай, ты зачем вчера ко мне подсел?

— Пьяный был, поговорить хотел... Я виноват, конечно... Дурацкое предсказание это... Ну, “депрессняк” у меня, полоса невезения! И ты в нее невзначай попала. Я завтра заявление в милицию напишу, вот только приду в лучший вид. Они не решатся тебя трогать, если будет заявление. А пока иди к себе в общежитие, запрись у себя в комнате, а еще лучше — в комнате какой-нибудь подружки, и никуда не выходи. На занятия завтра тоже не ездь. У вас тут охрана, бандиты не станут шум устраивать.

Енисеев говорил о завтрашнем визите в милицию, стоя аккуратно напротив райотдела милиции. От расстроенной Елены не укрылось это забавное обстоятельство.

— Слушай, Енисеев, а ты, правда, нормальный? Во что ты превратил свою жизнь? И жизнь людей, которые сталкиваются с тобой? Как твоя жена это терпит?

— Уже не терпит, — вздохнул Енисеев. — Сегодня ушла. Прочитала твою эсэмэску...

— Вот как? Значит, бандиты ее не найдут! Они найдут меня.

— Всё будет хорошо, — бормотал он. — Потом, ты же всё-таки писатель. Тебе нужны сильные переживания, экстремальные ситуации...

— Мне нужны мои экстремальные ситуации, господин Енисеев! Мои, а не ваши! До свидания! — Елена повернулась и зашагала к общежитию.

Енисеев подумал, не догнать ли её, а потом решил, что чем быстрее они расстанутся, тем лучше для Елены. Он собрался было перейти дорогу, как рядом с ним остановился микроавтобус. Беспшумно отъехала его автоматическая дверь, и голос из темноты неосвященного салона негромко сказал:

— Илья Петрович, у вас проблемы? Не будете ли вы так любезны заглянуть к нам на пару слов?

— К кому это — к вам? — щурясь в тщетной попытке разглядеть лицо говорившего, спросил удивленный Енисеев.

— К вашим поклонникам. Вы сейчас переживаете нелегкий период, и вам необходима помощь. Заходите, пожалуйста, прошу вас.

— Нет уж, как говорится, лучше вы к нам. Вы от Ефрема, что ли? Что-то уж больно вежливые...

— Мы не знаем, кто такой Ефрем. Если вы говорите об одном из уголовников, которые к вам сегодня заходили, то мы не имеем к нему никакого отношения. Давайте обсудим и эту проблему. Ничего не бойтесь, присаживайтесь.

— Илья, не надо! — услышал Енисеев сзади голос Елены. Она спешно вернулась, увидев, что он разговаривает с кем-то из минивэна. — Пойдем лучше в милицию!

Тут, наконец, Енисеев разглядел, что людей в темном салоне несколько, и все они — в шапочках-масках с отверстиями для глаз и рта.

— Да, лучше в милицию, — пробормотал он и попытался.

Люди в масках тут же выпрыгнули из машины и ловко завернули Енисееву руки за спину. Он и опомниться не успел, как его, головой вперед, затолкали в благоухающее дезодорантом чрево минивэна, защелкнули на запястьях наручники и бросили лицом вниз на заднее сиденье.

— Стойте! — закричала, колотя по микроавтобусу, Елена. — Милиция! На помощь!

В ответ из салона высунулась рука в перчатке, схватила девушку за шиворот, а другая рука заткнула ей рот.

Люди в масках возбужденно переговаривались над Енисеевым.

— А с этой что делать?

— Насчет нее никакого указания не было.

— А зачем мы заговорили с ним, когда она была рядом?

— Да она вроде бы ушла! Улица пустая, момент удобный!

— Ничего себе — удобный! Сказано было: не привлекая внимания!

Елена, мыча, билась в объятиях налетчика, пытаясь ударить его сзади локтем. Улица Руставели была пуста, от милицейского управления картину скрывал микроавтобус.

— В машину! — приказал голос, заговоривший с Енисеевым. Елену миглом втянули в салон.

Дверь закрылась, минивэн тронулся. Елена продолжала бороться, ляглась. Енисеев невольно устыдился: он-то лежал без движения.

— Выпустите ее! — закричал он. — Она же вам не нужна! Я отказываюсь говорить с вами, если вы ее не выпустите!

Тем временем на Елену тоже надели наручники.

— Будете пинаться, наденем и на ноги! — пообещали ей.

— Говорить будете не с нами, — сказал Енисееву старшой. — Она нам действительно не нужна, но она — свидетель. А нам бы хотелось обойтись без свидетелей. Извините.

— Что ж вы ее — убить собираетесь?

Старшой рассмеялся.

— Вы меня не так поняли. Девушка кричит о милиции, а нам не нужна сейчас милиция. А потом мы ее выпустим вместе с вами, потому что вам никто не собирается делать ничего плохого. А сейчас, пардон, вас придется обыскать. Изымаем только оружие, мобильные телефоны, диктофоны, фотоаппараты.

— Енисеев, ну ты и козел! — звучно сказала Елена.

Люди в масках, обыскивающие ее и Енисеева, переглянулись.

— Я-то козел, а ты зачем вернулась? Я для чего с тобой встретился? Чтобы ты шла в общежитие и сидела там тихо, как мышка! А ты? Ругалась, что втянул в историю, а сама?

— Я не из тех, кто проходит мимо, когда на их глазах похищают людей.

— Низкий поклон тебе, конечно, но меня всё равно похитили и тебя, главное, тоже. Чем же я виноват?

— Тем! Если ты женат, не подсаживайся к незнакомым девушкам!

— А ты, если такая правильная, не разговаривай с незнакомыми женами мужчинами!

Похитители с удивлением, молча внимали этому почти семейному спору. Потом старшой сказал:

— Извините, нам придется завязать вам глаза.

— Ребята, вы очумели? — возмутился Енисеев. — Мало того, что наручниками сковали, теперь еще и глаза завяжете! Вы что, в графа Монте-Кристо играете?

— Наручники мы с вас снимем, если обещаете сидеть спокойно, а глаза всё же завяжем. У меня такой приказ. Вы не должны, по крайней мере, сейчас, знать, куда едете.

— А чей у вас приказ?

Старшой молчал.

— Хорошо, спросим по-другому. Вы, собственно, кто?

— Люди.

— А, люди! Люди, похищающие других людей. Те уголовники, что были у меня, тоже утверждали, что они люди. Подразумевая, что все остальные, то есть не уголовники, — не люди. Но люди — это те, кто может предстать без маски. Впрочем, я и так знаю, кто вы: я же, как-никак, Пророк. — Енисеев нарочно затягивал разговор, чтобы подольше видеть, в каком направлении их везут. Сейчас они двигались по Дмитровскому шоссе в направлении Кольцевой автодороги. Промелькнула станция метро “Тимирязевская”, залитая желтыми огнями платформа пригородных поездов, кафе Анатолия, выйдя из которого, Енисеев вчера смотрел на Дмитровское шоссе. Его жизнь словно кружилась вокруг одних и тех же мест, как в заколдованном лабиринте.

Но долго заговаривать зубы похитителям не удалось.

— Давайте сначала наденем повязочки... вот так... голову повыше...

Енисеев погрузился во мрак. Зато его руки освободили из тисков наручников.

— Так кто же мы, по-вашему? — в голосе старшого слышалось любопытство.

— Бывшие сотрудники госбезопасности, естественно.

— Хм... А почему вы так считаете?

— Ну... вы вежливые, но применяете насилие. Не ругаетесь матом, как менты, но скручиваете людей вполне умело, без членовредительства.

— Ты еще не нахвастался, Енисеев? — язвительно спросила Елена. — Мало тебе результата футбольного матча? Назови ему еще его фамилию, имя, отчество, чтобы он нас убил, когда повезет обратно.

Енисеев промолчал. Елена была права, но он “хвастался” перед старшим, чтобы вызвать его ответную реакцию, исподволь побольше узнать о нем.

— Вашей жизни ничто не угрожает, независимо от того, что предскажет господин Енисеев, — заверил старшой.

Ага, значит, везут предсказывать! Ну, зачем же еще, действительно?

— Если нашей жизни ничего не угрожает, то зачем этот захват? Нельзя ли было просто связаться со мной по телефону?

— Мы навели справки и узнали, что после суда вы отказываетесь обсуждать какие-либо предложения, связанные с вашей прежней деятельностью.

— Естественно! Я ведь условно осужден за эту деятельность, как вам, наверное, известно! И мой условный срок вполне может превратиться в реальный, если я снова начну заниматься предсказаниями. Кстати, вы знаете, что я под подпиской о невыезде?

— Знаем, — буркнул старшой. — Насчет этого можете не беспокоиться, мы всё уладим, если что. Именно обстоятельства, связанные с вашим условным сроком, заставляют нас действовать так, как мы действуем. Секретность — в ваших интересах.

— Да, если не считать, что в этом таинственном свидании, на которое вы меня везете, я абсолютно не заинтересован.

— Как знать, как знать...

Остальную часть пути они молчали.

* * *

Дорога заняла минут пятьдесят. Ехали все время прямо, на Кольцевую не сворачивали, потом, уже за городом, повернули направо на какую-то местную дорогу, судя по разом стихшему шуму траффика снаружи, и — пошли петлять по ухабистым проселочным дорогам, так что Енисеев совершенно потерял ориентацию, понимая только, что они в Дмитровском районе — до Солнечногорского было далеко.

Потом въехали в какие-то ворота, с минуту постояв перед ними (характерный звук отъехавшей на роликах створки и мягкое завывание электромоторчика). Вывели Енисеева и Елену из микроавтобуса, не снимая повязок, придерживая за руки. Поднялись по ступенькам, вошли в какое-то помещение с кондиционером, гоняющим теплый воздух, — скорее всего, в вестибюль; похитители вполголоса заговорили с встречающими, повторяя слово “девушка” (Енисеев различил что-то вроде “Ну вы даете!”). Потом, очевидно, его и Елену различили: два человека повели Енисеева по ступенькам вниз, а чьих-либо еще шагов он за собой не слышал.

Внизу с его глаз сняли повязку. Он стоял перед ярко пылающим камином. В остальном помещении царил полумрак, разрезаемый конусом света над огромным бильярдом в углу. Языки пламени играли во множестве бутылок с дорогими напитками из бара напротив. Мебель была кожаная, напоминающая ту, что Енисеев видел в агентстве Ступара, и стены тоже, как у Ступара, были обшиты дубовыми панелями, только настоящими, судя по какому-то особому тусклому свечению дерева. Ну и камин, конечно, был настоящей, в отличие от декоративного ступарского.

— Курточку вашу, пожалуйста, — сказал один из похитителей.

Енисеев послушно снял куртку и отдал человеку в маске.

— Присаживайтесь, — предложил второй похититель, указывая на кресло, — старшой, судя по голосу. — Можете курить.

Он сел, зашарил руками по карманам — сигареты остались в куртке. Тут же ему была поднесена сандаловая сигаретница с длинными черными сигаретами типа “кофе-крем” и зажигалка. После этого похитители встали за спинкой его кресла.

Воцарилось молчание, только гудело пламя да потрескивали поленья в камине. Енисеев курил; докурив, обернулся к людям в масках:

— Мы кого-то ждем?

— Скоро вы всё узнаете.

— А где девушка?

— О девушке не беспокойтесь, она в порядке.

Ждали еще минут пять, потом прямо из дубовой панели (там была незаметная глазу дверь) бесшумно появились два человека. Лицо одного из них было Енисееву смутно и как-то неприятно знакомо — правда, он не мог ска-

зять, где и когда его видел, второй же был ему неизвестен. Они подошли к нему и церемонно поздоровались за руку. Первым желанием вежливого Енисеева было приподняться, но он сдержался, подумав: “Какого черта? Я к ним в гости не напрашивался”.

Тот, лицо которого показалось Енисееву знакомым, представился:

— Владлен Константинович.

Второй отреккомендовался Павлом Исааковичем.

Здесь, при свете камина, Енисеев смог рассмотреть их повнимательней. Это были холеные, в меру упитанные люди среднего возраста “без свойств” (по классификации Музиля), одетые в вип-стиле “без галстуков” — то есть в джемпера и брюки из мягкой немнущейся ткани. Этот-то неформальный наряд людей формальных и скрывал свойства Владлена Константиновича и Павла Исааковича, — с таким же успехом и в таких же джемперах и брюках перед Енисеевым могли появиться Путин и Медведев, отдыхающие в загородной резиденции. Разница между Павлом Исааковичем и Владленом Константиновичем заключалась лишь в том, что первый имел лысину, а второй нет. Даже неустановленная Енисеевым знакомость лица Владлена Константиновича была без свойств, как не имеет свойств собственное отражение в зеркале. От них слабо тянуло дорогой туалетной водой и запахом больших денег, что, впрочем, не придавало их чертам индивидуальности, свойственной людям без запаха дорогого “парфюма” и больших денег. Может быть, оттого они, в отличие от похитителей, не нуждались в масках. Енисеев сразу окрестил их про себя Розенкранцем и Гильденстерном.

— Давно хотели с вами познакомиться, — сказал Гильденстерн — Павел Исаакович.

— Те, кто действительно хотел со мной познакомиться, давно уже познакомились, — ответил Енисеев. — А вы захотели познакомиться со мной недавно. Вас что привлекло: злосчастный суд надо мной?

— И суд тоже, — уклончиво молвил Розенкранц — Владлен Константинович. — Можете идти, — махнул он охранникам в масках.

Енисееву показалась, что голос его был тоже ему знаком, хотя наверняка он не стал бы ручаться. Старшой склонился к уху Енисеева и шепнул:

— Пожалуйста, без глупостей. Мы рядом, и просто так уйти вам отсюда не удастся.

— Ну-ну, — погрозил охраннику пальцем Владлен Константинович. — Илья Петрович разумный человек — не так ли? — да и атмосфера нашей дружеской беседы едва ли вызовет у него агрессивные намерения. Просим извинить нас за доставленные неудобства, просто публичность не всегда уместна и не всегда соответствует нашим, да и вашим интересам.

Охранники удалились.

— Я уже второй раз слышу о моих интересах: сначала от того человека в маске, что ушел, теперь от вас, — заметил Енисеев. — Не слишком ли вы печетесь о моих интересах, мне к тому же неведомых?

— Скорее всего, мы мало думали о ваших интересах, упустив при этом и свои, — загадочно сказал Павел Исаакович. — Что вы будете пить — виски, коньяк?

— Нет! — вздрогнул и торопливо отказался Енисеев. — Ничего я пить не буду. Давайте к делу.

— Ясно, — кивнул Владлен Константинович, понимающе поглядев на мешки под глазами Енисеева. — Чай, кофе, сок? Или, быть может, вы голодны и желаете поужинать? Сделайте одолжение, сейчас же накроют.

— Да оставьте вы эти церемонии! Вытащили человека с подпиской о невыезде из дома и говорите об ужине!

— Не волнуйтесь: для вашего участкового вы сейчас находитесь именно дома. Кстати, наши секьюрити сейчас сообщили нам, что вас посещали какие-то уголовники. Расскажите, пожалуйста, чего они хотели.

Енисеев коротко рассказал.

— Ну, вот видите, — назидательно заметил Павел Исаакович, — вы нуждаетесь в защите. Мы, можно сказать, появились вовремя.

— А вы намерены меня защищать? С чего бы это?

— Мы полагаем, что суд над вами подтвердил вашу правоту.

— В каком смысле?

— В том смысле, что вы предсказывали правильно. В то числе и про Путина, и про Тимошенко, и про польский самолет, что судья не принял во внимание. Но мы проверяли у Ступара: он сказал — информация от поляков надежная.

— И вам тоже захотелось отведать пророчеств? Вас судьба Бориса Михайловича не настораживает?

— Кстати, о Борисе Михайловиче, — сказал Владлен Константинович. — Этот вопрос нас очень интересует. Скажу вам откровенно: если мы найдем общий язык, то у вас в жизни больше не будет никаких проблем.

— У вас будут. Господи, зачем вам знать будущее? Вы же не сможете им управлять! Пример Бориса Михайловича вас не убеждает?

— Убеждает. Но нас интересует не только будущее, но и настоящее. Разве хорошее будущее — это не правильно построенное настоящее?

— И он так думал. И как же он построил свое настоящее, когда я предсказал ему смерть?

Оба собеседника уставились на него, а потом Павел Исаакович с запинкой спросил:

— Но мы же... не умрем сегодня, как Борис Михайлович?

— Вот видите! Вы на самом деле не жаждете узнать о скорой смерти! И это естественно. Ведь пророчества не бывают только хорошими! Или, скажем, только умеренно плохими, не сулящими угроз для жизни. Пророчества — это надвигающийся на вас хаос будущего. Лично мне о том, что вы умрете сегодня, ничего не говорит. Но я, впрочем, и не напрягался по этому поводу. Я понимаю, что вас, как и всех, страшит безвестность. Вам нужен штатный оракул, чтобы сорвать темную пелену с будущего. Вы полагаете, что с моей помощью сможете обхитрить судьбу. Повторяю: вам лучше не знать ее. Считайте это моим главным предсказанием, и если у вас есть желание отблагодарить меня за него, дайте по рогам Ефрему и его компании, и — разойдемся.

— Знаете, — промолвил Владлен Константинович, — мне кажется, у вас такое настроение оттого, что к вам никогда толком не прислушивались. Те же поляки... Но ведь не всегда так было, что предсказания не помогали людям? Зачем бы тогда древние греки держали оракулов?

— Слушайте, скажу вам честно: я не в форме, и пользы от меня вам будет мало. А дельфийским оракулом я не был никогда. Зачем обманывать себя и других? Давайте так: я вам помогу, расскажу то, что вас интересует о Борисе Михайловиче, а вы, если такие крутые и могли бы устроить мне жизнь без проблем, устранили всего лишь одну проблему — заседающих на меня любителей тотализатора.

— Пусть будет по-вашему. — Владлен Константинович откинулся на спинку кресла. — Начнем с Бориса Михайловича. На вашем суде прозвучало, что его интересовало, насколько реальны поступающие ему угрозы убийства. Но в разговоре со Ступаром мы выяснили, что его интересовало не только это.

— Его много чего интересовало! Например, предсказанная индейцами майя мировая катастрофа 21 декабря 2012 года.

— Но еще его интересовало, кто будет следующим президентом России.

— Да.

— Но вы ему этого предсказать не успели.

— Совершенно верно.

— А вам можете сказать?

— Отчего нет? Путин, конечно.

Владлен Константинович и Павел Исаакович обменялись только им понятными взглядами. Видимо, енисеевское “конечно” было для них неочевидно.

— А вот астролог Михаил Левин, например, считает, что звезда Путина закатилась, — сказал Павел Исаакович. — Мы понимаем, разумеется, что предсказания — это интуиция, не подчиняющаяся логике... Нам ясно, почему Путин хочет... и может снова стать президентом. Ясно также, поче-

му вы отдадите ему предпочтение: мы читали статью “Пришел, увидел, победил”. Нам неясно, почему ему вдруг уступит Медведев, президентские амбиции которого всё более очевидны. Полномочия позволяют Медведеву под благовидным предлогом отправить Путина в отставку и идти на второй срок самому. А дальше, на выборах — сработает административный ресурс. Можете ли вы хоть как-то объяснить: почему Медведев откажется от борьбы? Или они пойдут на выборы вместе с Путиным, и Медведев проиграет?

— Как, по-вашему, Путин разве не понимал в 2008 году, что, несмотря на все предварительные договоренности, человеку, отдававшему вкус президентства, захочется остаться на второй срок?

— Понимал, наверное.

— Вот и разгадка того, почему он выбрал своим преемником Медведева, а не Иванова. Путин знает о какой-то слабости Медведева, которой нет у Иванова.

— Вы имеете в виду некий компромат?

— У вас всё сводится к компроматам. Да нет, не компромат. — Енисеев задумался. — Хочешь узнать правду от политиков, дели всё сказанное ими на два. Или делай вывод, прямо противоположный тому, что говорят они. Например, Путин, передавая власть Медведеву, сказал, что тот еще больший русский националист, чем он сам. Но Путин — вовсе не русский националист и никогда им не был. — Он замолчал.

Владлен Константинович и Павел Исаакович ждали, что он скажет дальше. Енисеев же, размышляя, взял из сандалового ящичка сигарету, закурил. Так они просидели минут пять. Енисеев пускал дым колечками и следил, как они проходят одно через другое. Хозяева недоуменно переглядывались, но терпели.

Наконец, Енисеев затушил сигарету.

— А Медведев, — как ни в чем не бывало продолжил он, — русский националист? Он из ленинградской интеллигентской “тусовки”, где при слове “русский” вздрагивают. Может быть, он и хотел перед Путиным казаться русским националистом, пока тот не выдвинул его в президенты. Но, когда Медведев стал президентом, он сделал всё, чтобы опровергнуть слова Путина. Он не захотел занимать нишу, предложенную ему Путиным. Теперь Медведев не упускает случая предстать либералом-космополитом. В первую очередь перед Западом, конечно.

— Так я вам об этом и говорил! — напомнил Павел Исаакович. — На лицо президентские амбиции, стремление заработать авторитет перед Западом!

— Но это и есть ловушка, устроенная ему Путиным. Медведев, желая прослыть “общечеловеком”, в любых русофобских проявлениях в национальных республиках и диаспорах обвиняет самих русских. И когда снова случится что-то вроде Кондопоги — а это обязательно случится при таком попустительстве властей, — Медведев, не подумав, сделает торопливые антирусские заявления, а Путин, напротив, сделает заявления продуманные, не обидные для русских, как это и было после событий в Кондопоге. И оставит Медведева далеко позади в рейтингах, потому что восемьдесят процентов избирателей у нас — русские.

— То есть Медведев не пойдет на выборы?

— Вы что — смеетесь? Вы бы пошли в такой ситуации? Если Медведев вместе с Путиным пойдет на выборы и проиграет, его ждет судьба Касьянова. Во власть, пока Путин жив, он уже не вернется. А Путин может еще прожить долго. Нет, Медведев пока удовлетворяется ролью при Путине. На посту премьер-министра, скажем.

— Ну, а если не случится новой Кондопоги и не будет опрометчивых заявлений Медведева? — поинтересовался Владлен Константинович.

— Слушайте, вы же от меня не предположений просите, а предсказаний. Вот вам предсказание: к сожалению, новая Кондопога случится, и не одна. И случится скоро. Но дело-то не только в этом. Когда я говорю о слабостях Медведева, я имею в виду не только то, что он “повелся” на провозглашающее заявление Путина о его мнимом русском национализме и стал активно доказывать обратное. Медведев хочет еще предстать перед “мировым

общественным мнением” либералом. А это не менее фатальная политическая ошибка. Либеральные партии у нас даже в Госдуме не попадают. За “космополита” Медведева проголосуют, скажем, на Северном Кавказе. А за “либерала” Медведева кто проголосует, если на выборы пойдет и “нелиберал” Путин?

— Ну что ж, всё более или менее ясно... — проговорил Владлен Константинович. — Весь вопрос упирается в административный ресурс, а Путин его Медведеву не отдаст.

— Конечно! Тут, как говорят в народе, к гадалке не ходи! Не знаю, зачем я вам потребовался!

— Но вы нам потребовались не только для этого. Видите ли, покойный Борис Михайлович поставил свой бизнес в слишком тесную зависимость от политических игр... Не зря его интересовал этот вопрос. Мы хотели бы, с вашего позволения, поставить перед вами более сложную задачу. Ступар сказал, что Борис Михайлович подозревал в организации покушения на его убийство своего бывшего партнера. Имя его он, естественно, не назвал, но бывшие партнеры Бориса Михайловича в принципе известны. Следствие это обстоятельство почему-то не заинтересовало, хотя нам понятно, почему. Здесь за излишнюю любознательность можно не носить головы. А вот нас очень интересует: кто он, этот человек, посылавший Борису Михайловичу угрозы? — Владлен Константинович взял со столика рядом с собой пакет и достал оттуда три фотографии. — Ступар нам сообщил, что вы очень хорошо работаете с фотографиями. Посмотрите на них, пожалуйста, внимательно, и скажите нам: есть ли среди людей на фото человек, угрожавший Борису Михайловичу?

Енисеев взял в руки фотографии. Это были люди, похожие на его собеседников выражением лиц и отсутствием тех свойств, которые бы позволили Енисееву узнать их, если бы через какое-то время он увидел их снимки снова. Он стал вспоминать Бориса Михайловича, то, как он говорил о своем бывшем партнере, последние минуты несчастного бизнесмена, но от этого у него только заболела голова. Ничто не указывало Енисееву, что люди на фото как-то связаны со смертью Бориса Михайловича. Но — странное дело! — одновременно внутри него родилось какое-то знакомое томительное ощущение, что разгадка одной из причин гибели бизнесмена близка. Разложив снимки на столике, он пристально вглядывался в один, другой, третий, однако ни в одном из них не мог найти источника овладевающего им всё сильнее чувства близкой развязки. Енисеев закрыл глаза — не работая “на публику”, как в случае с Ксенией Аркадьевной и Борисом Михайловичем, а чтобы действительно сосредоточиться. В разговоре с Борисом Михайловичем они лишь один раз подошли вплотную к личности “заказавшего” его человека — когда Енисеев попросил показать его фотографию. Бизнесмен отказался, промямлив что-то вроде “мне не хотелось бы заранее”, но теперь Енисеев ясно понял, что фотография у него была. Не только потому, что Борис Михайлович ответил: “мне не хотелось бы”, а не, скажем: “я не взял ее с собой”, а потому, что Енисеев сейчас буквально увидел ее лежащей в конверте во внутреннем кармане его пиджака. И это фото, может быть, до сих пор находится среди “вещдоков”.

Внутренним зрением Енисеев видел конверт в кармане Бориса Михайловича, буквально физически осязал глянцевою фактуру фотографии, просвечивающую сквозь конверт, но не видел лица на фото. Он лишь отчетливо осознавал почему-то, что оно не имеет никакого отношения к лицам со снимков, что лежали перед ним на столике. Правда была в том фото, что принес тогда с собой Борис Михайлович, но не показал Енисееву. Ему казалось, что он каким-то последним усилием воли вот-вот проникнет взглядом за бумагу, однако... всё не удавалось. Между тем каждая жилка в Енисееве дрожала от предчувствия, что развязка совсем близко. Что-то шепнуло ему: “Открой глаза” — он инстинктивно открыл и столкнулся с напряженным, немигающим взглядом Владлена Константиновича. И тогда Енисеев понял, почему ему было смутно знакомо это лицо. Потому что в конверте у Бориса Михайловича лежала фотография именно Владлена Константиновича.

В страхе Енисеев тут же отвел глаза... но поздно, поздно! Владлен Константинович успел увидеть в них отражение того, что увидел в его глазах Енисеев. Легкая судорога пробежала по лицу хозяина — судорога застигну-

того врасплох человека. Сидящий рядом с ним Павел Исаакович был бледен и смотрел в сторону.

— Это вы хотели убить Бориса Михайловича, — тихо произнес Енисеев, отчетливо понимая, что может лишиться за эти слова жизни.

— Bravo! — воскликнул Владлен Константинович, ослабившийся по-лиси, что сразу вернуло ему одно из его природных свойств, скрытых за маской вальяжности и респектабельности. — Мы в вас не обманулись! Ну-ну, что за испуганный вид! Этот Борис Михайлович, по-вашему, ангел был, что ли?

— Он был не ангел, — пробормотал Енисеев. — Но у него не было намерения убить вас.

— Да? А я думал, было. Ошибочка вышла! Но согласитесь, Илья Петрович, убил Бориса Михайловича не я. Его убили вы. В известном смысле, вы — убийца, а я заказчик. Но если вы убийца реальный, то я заказчик виртуальный, ведь я вам ничего не заказывал. Вы стали слепым исполнителем моей воли. Наше сотрудничество, можно сказать, уже началось, хотя и заочно. У вас теперь не остается иного выхода, как его продолжить. Вы теперь слишком много знаете. Мы в одной лодке.

Мысль о том, что он стал слепым исполнителем воли Владлена Константиновича, поразила Енисеева. Прежде он размышлял о самых разных негативных последствиях своего дара, но никогда не думал о таком.

— Что же вы хотите от меня? — выговорил он плохо слушающимся языком.

— Ничего особенного. Будете делать ту же самую работу, что делали сегодня. Нам понравилось. Интересы у нас самые разнообразные — от финансовых до политических. Но никакие деньги и связи не дают того преимущества, какое есть у человека, видящего на несколько шагов вперед. Станете нашими глазами в будущее. Ваши заработки у Ступара по сравнению с теми, что вы будете иметь здесь, — пыль. Собственно, по сравнению с ними и заработки самого Ступара — пыль. Хотите, этот дом, — Владлен Константинович развел руками, — мы отдадим вам? Или любой другой дом, который вам приглянется. Ну и, разумеется, офис в Москве, сколько угодно помощников, автотранспортный парк. С одним условием: работать будете только для нас.

Енисеев собрался с мыслями и предложил:

— Давайте выполним нашу первоначальную договоренность.

— Какую договоренность?

— Ну, я обещал сказать вам всё, что знаю по поводу Бориса Михайловича, а вы обещали избавить меня от “братков”. Я свою часть выполнил, теперь очередь за вами. А дальше — разбежимся. Дело в том, что я решил отойти от этих дел. Они плохо отражаются на моем душевном состоянии и личной жизни. Обещаю, что о нашем разговоре говорить никому не буду, да и кто мне поверит?

Владлен Константинович снова по-лиси ослабился.

— Договорно-протокольной частью у нас ведает Павел Исаакович, ему и слово.

Павел Исаакович поднялся, подошел к бару и налил себе “Мартеля”.

— Видите ли, Илья Петрович... Мы не выполняем невыгодные для нас договоренности. Такова жизнь. Эта договоренность для нас невыгодна. Извините.

— Ну, это некрасиво... Но, в конце концов... Чего еще от вас ожидать? Тогда прощайте. Прошу отвезти нас обратно, потому что мы к вам в гости не напрашивались.

— Пожалуйста, — любезно кивнул Владлен Константинович. — Какой, вы говорите, срок дал вам этот Ефрем? Два дня? Мы даем вам точно такой же срок на размышление, час в час. Вам нужно будет согласиться либо на предложение Ефрема, либо на наше.

— Что за чушь? Почему вы решили, что я соглашусь на предложение Ефрема? И какая вам от этого польза?

— Никакой, естественно. Но если вы согласитесь на предложение Ефрема, мы сделаем всё, чтобы через некоторое время вас посадили в тюрьму

на хороший срок за махинации на тотализаторе. И вытащить вас из тюрьмы сможем только мы. С известным вам уже условием. Если же вы не согласитесь с предложением Ефрема, мы ему еще заплатим, чтобы с вами, с вашей женой и с этой девушкой, которая сейчас мило ужинает наверху, сделали то, что он обещал. Впрочем, отрезать вам голову и выкалывать глаза мы ему не позволим, надеясь, что вы всё же к нам вернетесь. Но вот за то, что случится с вашей женой и этой девушкой, мы ручаться не будем. И никакая милиция вам не поможет, уверяю.

— Вот как вы заговорили... А знаете ли вы, что вы еще хуже этого гнусного Ефрема?

— Мы всё знаем, Илья Петрович. Даже больше, чем вы можете предположить, а вы, как-никак, пророк. Почему мы должны быть лучше этого Ефрема? Ефрем ваш — мелкая сошка. Чтобы достигнуть того, чего достигли мы, нужно быть в сотню, в тысячу раз хуже Ефрема. Лучше Ефрема — такие люди, как вы, ваша жена, девушка Елена... Вас — тех, которые лучше Ефрема, — на самом деле столько, что пора заносить нас, которые хуже, в "красную книгу"! Вас миллионы, а нас единицы. То, что хорошо для вас, не всегда — далеко не всегда! — хорошо для нас. Да и так ли вы лучше Ефрема? — задаю я себе вопрос. Зачем вы пошли к Ступару, который бы прыгал от счастья, если бы мы предложили его липовому агентству то, что предложили вам? Какими высокими духовными интересами вы тогда руководствовались?

— Я ошибся. Мне казалось, пустячная работа в этом агентстве даст мне кое-какую тренировку в смысле предсказаний.

— И деньги, не так ли? Ваша ошибка — из числа тех, которые время от времени повторяют так называемые порядочные люди. Живя в бедности, они хоть раз в жизни неминуемо приходят к выводу, что им позарез нужны деньги. Особенно, если кто-то тяжело заболел из родных, случится какое-нибудь несчастье... И тогда у них открываются глаза. Оказывается — стыдно, это когда у тебя нет презренных бумажек, чтобы помочь страдающим или умирающим близким, а не тогда, когда у тебя много денег, а у миллионов людей, видите ли, их вообще нет. Плевать вы тогда хотели на эти миллионы! Они к вам не придут и не помогут. Да и вы к ним не пойдете. А ко мне, верите ли, приходят. Приходят просить деньги на операцию умирающему от рака крови ребенку, батюшки — на ремонт храма, да мало ли! И я — тот, который хуже Ефрема, — даю. Верите?

Енисеев пожал плечами.

— Почему нет? Вам же нужен положительный имидж. Ходорковский, говорят, не давал денег на православные храмы, а теперь, наверное, жалеет. А вы, видимо, умнее Ходорковского. Ну и что?

— И Ходорковский давал! Идите к своему храму Христа Спасителя и прочитайте его фамилию на доске с именами жертвователей, если ее еще не сняли! Да, я умнее Ходорковского, который предпочитал давать деньги, чтобы его имя выбили на доске, а не просто так! Но только ли в этом дело? А откуда эти деньги, которые я даю на операцию умирающему ребенку или батюшке на храм? Может быть, это деньги убитого вами по моей воле Бориса Михайловича, который тоже заработал их далеко не праведным путем. Пойдемте наверх, я открою сейф и покажу вам кучу денег, а вы скажете, какие из них лучше, а какие хуже! Я, знаете ли, умею считать деньги, а за трудность отделать плохие от хороших, когда вашему ребенку срочно понадобится помощь! Чем больше у вас денег, тем больше вы знаете о добре и зле, потому что всё тогда — и добро, и зло, и правда, и кривда, да всё, что угодно! — зависит от вас, а не от тех, которые лучше Ефрема. Я предлагаю вам войти в этот клуб. Или, если вам это не угодно, отправиться в тот клуб, где стон и скрежет зубовой.

— Послушайте... — хрипло сказал Енисеев. — Не трогайте меня, моих близких... У вас будет неприятности... не с законом неприятности, его вы обойдете, а с вами самими... Никакие деньги не помогут. Я не только по названию пророк, тут кое-что еще, от меня не зависящее... Поверьте, я не подхожу для вашего клуба... Я не смогу быть вам полезен, я иначе устроен.

Пусть вы лучше Ефрема, лучше меня... Живите, как считаете нужным, со своими деньгами, которые не пахнут. Но оставьте меня в покое.

Владлен Константинович усмехнулся.

— Вы, как я вижу, предпочли бы какой-то промежуточный клуб, с пустячной работой по три тысячи долларов за сеанс, чтобы, так сказать, на елку взобраться и жопу не ободрать, но вы в этом клубе встретились с людьми из моего клуба и влезли в то, во что бы вам лучше не влезать. Поэтому я не могу вас отпустить просто так. Я, кстати, не заметил, что вы как-то иначе устроены. По-моему, это ваше заблуждение. Работали у Ступара с Борисом Михайловичем, сейчас довольно бодро предсказывали нам, чтобы мы, как вы выразились, дали по рогам Ефрему и его компании. Что изменилось? А, теперь вы знаете, что те же люди, которые поедут отбивать рога у Ефрема, вполне могли пристрелить Бориса Михайловича... Но ведь это проблема вашего незнания или, точнее, нежелания знать, и ничего больше. Поймите: так называемый промежуточный клуб — это клуб незнания. Вы уже не можете вернуться в него, если получили кое-какое знание. А неприятности... Я думаю, у нас будет куда больше неприятностей, если мы оставим вас в покое. Вы покинете нас с далеко не лучшими чувствами к нам, и это непременно скажется. Для вас мы навсегда останемся хуже Ефрема, независимо от того, полюбовно мы разойдемся или нет. А что такое сила вашей психической энергии, я уже понял, когда вы сказали, что это я хотел убить Бориса Михайловича. Нет, чем ближе вас держать к себе, тем меньше от вас будет неприятностей, я полагаю.

— Вы полагаете неправильно. — Енисеев встал. — Прощайте.

— До свидания, Илья Петрович, до свидания! Убежден, что мы еще увидимся. — Владлен Константинович нажал какую-то кнопку сбоку столика, за которым он сидел.

Из двери за спиной Енисеева вновь появились люди в масках.

— Не пытайтесь скрыться, — тихо добавил Павел Исаакович. — Специально следить за вами мы не будем, но разыщем вас без труда где угодно, если потребуется. Например, данные о том, что вами куплен билет на самолет или поезд, сразу поступят нам. Мы найдем способ проконтролировать вас, если вы сядете и на междугородный автобус. Не стоит искушать судьбу. И, конечно, о нашем разговоре не должна знать девушка, приехавшая с вами. И ваша жена тоже. Помните: чем больше они знают, тем менее безопасной становится их жизнь. Сама по себе огласка нас не очень страшит: мы от всего откажемся, а вы ничего не докажете. Но тогда останется один вариант развития событий: отдать вас в лапы Ефрема. И еще: если вы, паче чаяния, предпочтете тюрьму сотрудничеству с нами, вы в тюрьме скоропостижно умрете. А здесь столь же скоропостижно умрут ваша жена и родные. Если вы примете положительное решение, то бандитам можете отвечать что угодно — мы будем поблизости и быстро с ними разберемся. Вы на какое время сговорились с уголовниками?

Енисеев пожал плечами.

— Во сколько Илью Петровича посетили бандиты? — спросил Павел Исаакович у секьюрити.

— Они находились у него в квартире примерно с семнадцати ноль-ноль до восемнадцати ноль-ноль, — ответил старшой.

— Значит, через два дня в семнадцать ноль-ноль мы свяжемся с вами по поводу принятого вами решения.

4

— Куда прикажете доставить? — осведомился старшой. — Можем отвезти по домам.

С Енисеева и Елены сняли повязки. Микроавтобус сворачивал на улицу Руставели.

— Откуда взяли, туда и доставьте, — сказал Енисеев.

— Хорошо. И вот еще что. Вас обоих предупредили, что не надо предавать произошедшее с вами огласке, не так ли? Вы поняли, что последствия могут быть очень тяжелыми для вас обоих?

— И для вас. Ведь если ваших хозяев возьмут за жопу, то крайними окажетесь вы. У нас отвечают исполнители, а не заказчики. Разве вы не знаете об этом? Всё-таки в ФСБ работали.

— Нас не существует. Вы не найдёте нас в том доме, где вы были, даже если сумеете разыскать его. А те, с кем вы разговаривали, никогда там не были и находились в это время в другом месте, что смогут подтвердить десятки человек. И “минивэна” этого не существует ни в одном из их гаражей. Не пытайтесь, кстати, запомнить его номер. Его тоже не существует.

Микроавтобус остановился.

— Возьмите ваши телефоны, ноутбук. До свидания.

Енисеев и Елена вышли из машины. Она тут уже унеслась, даже автоматическая дверь не успела захлопнуться. Номер, о бессмысленности запоминания которого говорил старшой, был заляпан грязью.

Они стояли на перекрестке, напротив общежития Литературного института: у райотдела милиции “несуществующие” похитители всё же не решились их высадить. Елена смотрела на Енисеева, который смотрел в сторону.

— Ну, что ты молчишь? — спросила она. — Говори, что это было.

— То же самое, что с Ефремом. Уровень другой, а так — никакой разницы.

— И эти хотят играть на тотализаторе?

Енисеев невесело рассмеялся.

— В общем, да. Только не на спортивном. Они хотят поиграть с судьбой.

— А меня они тоже угрожали мучить?

Енисеев склонился к ее уху.

— Слушай, я уверен, что они насовали нам в одежду “жучков”, — прошептал он. — Эти люди куда опаснее Ефрема. Тем более что у меня есть свидетель, то есть ты. Не стоит говорить о них, пока не избавимся от микрофонов.

— Как же ты теперь будешь жить? И как я дальше буду жить?

Енисеев молчал.

— Я иду в милицию, — решительно сказала Елена.

— Иди.

— А ты?

— А я, оказывается, нахожусь сейчас дома, и всё это время находился, что подтвердит мой участковый.

— Ты больной?

— Нет, я цитирую то, что они мне сказали, и у меня нет оснований сомневаться, что они говорили серьезно.

— То есть, милиция на их стороне? — тоже перешла на шепот Елена. — Но ты же сам собирался завтра идти в милицию!

— Милиция всегда на их стороне. Нет, ты можешь идти, я не имею права тебя отговаривать. А мне теперь в милиции про кого рассказывать? Про них? Или про Ефрема с компанией? Или про тех и других? Нас отвезут к психиатрам. Потом тебя отпустят, а меня отправят в суд, где поменяют условный срок на реальный, чтобы я со своими способностями не расхаживал на воле и не соблазнял желающих получить предсказания в корыстных целях.

— Ты хочешь сказать, что не подтвердишь то, что я скажу в милиции?

— Я подтверждаю только то, что ты расскажешь. Что нас возили за город в какой-то дом, а потом привезли обратно. А больше ничего говорить не буду. Я хочу быть эти два дня на свободе.

— Почему именно два дня?

— Потому что они дали мне такой же срок на размышление, как и Ефрем — два дня.

— И что ты сделаешь один за эти два дня?

— Еще не знаю.

— А я что должна делать?

— То, что я сказал тебе перед тем, как нас увезли. Запрись у себя в общежитии.

— Как это — запрись? Общежитие — это проходной двор!

— Тоже неплохо. Это же для своих проходной двор, а не для чужих. Больше свидетелей.

Они шептались, стоя на перекрестке, и редкие прохожие оглядывались на странную пару. Потом они замолчали. Елена посматривала то на райотдел милиции, то на Енисеева.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — наконец, сказала она. — Я подожду два дня, а потом всё равно пойду в милицию. Я не кукла, чтобы меня хватили и возили куда-то без моего на то желания. Есть хочу ужасно! А в общезжитии шаром покати. Ты хотя бы предложил мне поужинать, что ли?

— А мне сказали, что ты ужинала в том доме.

— Вот как? Нет, я у них не ужинала. Знаешь, как говорят: кто ужинает девушку, тот ее и танцует. Эти в масках предлагали мне, но я отказалась.

— Правильно. А что же ты там делала?

— Смотрела телевизор. Здоровенный, в полстены.

— Пошли ко мне, поедим. Тут не так далеко. Сейчас поздно, не знаю, где еще можно поесть. Не к Анатолию же идти.

— А ты уверен, что твоя жена не вернулась?

— Тсс, — приложив палец к губам, прошептал Енисеев. — Уверен. Никакая женщина не возвращается в тот день, когда уходит. Впрочем, можно позвонить домой и узнать точно. — Он вытащил мобильник и нажал свой домашний номер в “контактах”. Услышав длинные гудки, он дал их послушать Елене. — Вот видишь. Пошли. Я тебе потом вызову такси.

— Ну, пошли.

Енисеев на ходу набрал номер Ступара.

— Здравствуйте, Илья Петрович! — елеинным голосом сразу отозвался тот. — Нежданная радость, как говорится! Вот уж не чаял дожидаться от вас звонка.

— А уж как я рад! Но мою радость омрачает вот что: с каких это пор вы сообщаете третьим лицам конфиденциальную информацию о работе с клиентом? Вы это сделали исключительно для Владлена Константиновича и Павла Исааковича, или поступаете так всегда, когда вам платят хорошие деньги или угрожают?

Ступар помолчал, потом спросил:

— Под клиентом вы имеете в виду Бориса Михайловича?

— Естественно, кого же еще? Ксения Аркадьевна их вряд ли заинтересует.

— Но ведь Борис Михайлович умер.

— Мне это вообще-то известно. Но живы еще его родственники, наследники. На суде вы были куда менее откровенны, чем с Владленом Константиновичем в частной беседе. Вы ему сообщили не только то, что я хорошо работаю с фотографиями, но и то, что Борис Михайлович подозревал в организации покушения на его убийство своего бывшего партнера. Почему же вы молчали об этом на суде?

— И вы молчали.

— Я и дальше молчал, в отличие от вас. Я сохранял пресловутую конфиденциальность, которая, как выяснилось, для вас гроша ломаного не стоит. И не делайте вид, будто вы не понимаете, что эта информация серьезно угрожает безопасности тех, кто ее слышал. Партнеров Бориса Михайловича нетрудно вычислить.

— Мне и не нужно делать никакого вида. Я ведь сам, некоторым образом... являюсь носителем этой информации.

— Ага... ясно... на вас нажали, и вы выложили всё, что можно, даже то, что Борис Михайлович интересовался проблемой “двенадцать-двенадцать” и тем, кто будет следующим президентом России. В общем, вы меня подставили. А хотите, я скажу Владлену Константиновичу, что вы знаете гораздо больше, чем говорите?

— С иными людьми играть не стоит, Илья Петрович. Им надо говорить не больше или меньше, а только то, что есть.

— Вы влипли в историю, Ступар. Вы не подумали, струсив перед Влад-

леном, что благодаря своим способностям, которыми вы так восхищались, я знаю не только то, что есть, а могу узнать больше.

— Подождите: вы что, ему уже...

— Берегитесь! Прежде чем задавать этот вопрос, подумайте, стоит ли это вам делать. Как источник информации вы для Владлена не менее опасны, чем я: без вас они не узнали бы от меня то, что узнали. Вы хотите знать еще больше?

— Да что вы такое, в самом деле, узнали? Я вообще не придаю большого значения расспросам Владлена Константиновича! Ему интересно, кто преследовал Бориса Михайловича...

— Вы уверены, что ему было интересно именно это? Или ему нужна была какая-то другая информация? И вы ему ее опрометчиво дали? А если он передаст ее тому самому бывшему партнеру, “заказавшему” Бориса Михайловича? Следующий раз перед тем, как разглашать сообщенные клиентом сведения, чего вы им обязуетесь не делать, подумайте об этом. — Енисеев отключился. Он сознательно, в расчете на “жучки”-микрофоны, сделал звонок Ступару. Пусть эти два стратега-изувера на даче не думают, что они так уж мало наследили и дело ограничивается одним свидетелем — Еленой.

— Кто это был? — спросила Елена, внимательно слушавшая разговор.

— Так, сволочь одна. Сегодняшней поездкой мы во многом обязаны ему.

Телефон Енисеева запиликал. Он взглянул на экранчик: Ступар.

— Видишь, завибрировал, гад... Ничего, понервничай. — Енисеев выключил телефон совсем.

— О каком покушении на убийство ты говорил? О каких фотографиях? — Разговор явно произвел на Елену впечатление. — Ты предсказал, кто будет следующим президентом России?

Енисеев поморщился. Предупредил же ведь ее о “жучках”!

— Речь идет о моей работе в агентстве у этого Ступара. Называется: “Агентство всеобщего и политического прогнозирования”.

— Так вы что: ворочаете судьбами мира?

— Вроде того, — усмехнулся Енисеев. — Но беспомощны перед собственной судьбой.

— Так кто же будет президентом России?

— Я. Ты еще не поняла?

— Теперь поняла. Я попала в дурдом.

— Точно. Вот он как раз, мой дом. Идем сюда, в арку. Потом направо.

Миновали двор, поднялись к Енисееву. Елена с любопытством оглядывалась.

— Тут не прибрано, сама понимаешь... — пробормотал он и снова перешел на шепот. — Давай-ка мне свою куртку. Ты ведь ее снимала в том доме? И я снимал. Сейчас искать “жучки” недосуг, лучше я пока повешу куртку в ванной, включу воду и закрою дверь. Пусть слушают. Можешь умыться, сейчас я тебе принесу свежее полотенце.

Доставая полотенце из шкафа, Енисеев подумал, что незваных гостей с обыском за время его отсутствия, скорее всего, не было, потому что полотенца и белье были уложены так, как это делала Надя, чего не смог бы повторить посторонний человек.

Елена, войдя в комнату, первым делом, как всякая женщина, взглянула на себя в трюмо, машинально провела ладонью по стриженной голове, точно на ней были волосы, а потом взяла со столика фотографию Нади в рамочке и, прищурившись, стала ее рассматривать.

— Ну, что ж, твоя верность жене понятна, — промолвила она. — Красивая и невинная, судя по глазам. Видно, долго тебя терпела, прежде чем уйти.

— Точно. Красивая и невинная. И еще умная, — ответил он ей из кухни. — И ты тоже красивая, невинная и умная. Мне везет. Но я однолюб. Итак, уважаемая и красивая пассажирка, что вы предпочитаете: мясо с макаронами, курицу с рисом или рыбу с картофельным пюре?

— А ты что — всё это можешь приготовить?

— Да, могу. Благодаря Наде, конечно. — Енисеев появился из кухни с пластиковыми упаковками, вытасканными из морозильника. — Выбирай.

Елена рассмеялась.

— Это вы так питаетесь?

— Случается. Наде готовить некогда: прыгает с рейса на рейс.

— И не надоело есть это? В самолете, по-моему, кроме этих трех блюд, больше ничего не бывает.

— Скажу тебе по секрету: в принципе, вообще, кроме этих трех блюд, ничего не бывает. Всё остальное — их разновидности. И еще яичница. Что же ты выбираешь?

— Курицу с рисом.

— Ага. Ну, а я поем рыбки, чтобы ноги были прытки. Бегать от разных Ефремов и Владленов.

Енисеев засунул лотки в микроволновку и достал из холодильника другие аксессуары авиационного обеда — завернутые в целлофан ломтики сырокопченой колбасы, ветчины, сыра. Через пять минут стол был накрыт.

— Выпить не предлагаю: у тебя, как ты говоришь, крышу сносит, а я только что вышел из запоя.

— Мог бы вообще-то дать какого-нибудь мартини — снять напряжение. От него не очень “крышу” сносит.

— О! Это можно. — Он пошел к пакету в прихожей, порылся и нашел “мерзавчик” с мартини.

— А почему ты их в пакете держишь?

— Да Надя задумала выбросить, да передумала.

— Она как в воду глядела: чувствовала, что ты приведешь девушку и будешь угощать мартини.

Тут зазвонил домашний телефон. Енисеев и Елена одновременно вздрогнули.

— Ну, вот, это как раз Надя.

Енисеев сделал Елене знак — молчи, мол — и снял трубку. Но это была не Надя, а Ступар, отчаявшийся, видимо, дозвониться по мобильному.

— Илья Петрович, я не очень поздно? Вы меня напугали. На что вы намекали, когда сказали, что Владлена Константиновича интересовало нечто иное, чем желание узнать, что за бывший партнер “заказал” Бориса Михайловича?

— Во-первых, я вам ничего не сказал. Я лишь спросил, не возникало ли у вас самого такой естественной мысли. Я не понимаю, почему вы взяли и выдали Владлену информацию, которой не поделились ни с милицией, ни со следствием, ни с судом? Я ведь знаю: вы дорожите репутацией своего заведения в смысле конфиденциальности. Тем более что вам отлично было известно то, чего не знал о Владлене я. Вы — человек осведомленный.

— Что вы имеете в виду? — с некоторой заминкой спросил Ступар.

— Лев Данилович, не придуривайтесь. Или давайте прекратим разговор.

На другом конце провода повисло молчание. Наконец, Ступар тихим голосом сказал:

— Вы, наверное, говорите о том, что Владлен Константинович — тоже бывший партнер Бориса Михайловича...

— Вы знали это?! Ах, как вы неосторожны! Вы уверены, что теперь, после ваших откровений Владлену, мой телефон не прослушивается? И ваш, кстати, тоже? Я лично ничего не знал о том, что Владлен Константинович — бывший партнер Бориса Михайловича. Но если вы знали, то как могли сообщить ему конфиденциальную информацию клиента? И почему не поставили в известность следствие о том, что один из бывших партнеров интересуется этими подробностями?

Енисеев сделал Елене знак пальцами перед губами: ешь, мол, это надо.

— Чего вы добиваетесь? — хрипло спросил Ступар.

— Я хочу, чтобы вы ясно поняли: вы несколько не обезопасили себя, сделав то, что вы сделали, а как раз наоборот. Подумайте над этим, а мне больше не звоните: я имею право спокойно поужинать?

Положив трубку, Енисеев повернулся к компьютеру, который стоял у него тут же, на кухне, в закутке между посудным шкафом и окном, включил

его, вышел в интернет и написал Ступару письмо на его домашнюю почту: “Лев Данилович, думаю, можно разок довериться электронной почте. Следов пребывания у себя Владленовского спецназа я не обнаружил, а “Касперский” пока ничего не говорит о попытках пробиться в компьютер извне. “Благодаря” Вашей наводке я разгадал, что именно Владлен Константинович шантажировал угрозой убийства Бориса Михайловича. Поняв это, Владлен и этот его Исаакович взяли меня в довольно крутой оборот. Но если я выберусь из этой ситуации (а я постараюсь), то Вашей роли в этой грязной истории скрывать не буду. После этого Вы уже в свой бизнес прогнозирования не вернетесь. Кстати, если я из этой ситуации не выберусь, то информация о Вас всё равно поступит куда надо — надежный человек сообщит. Добавлю, что мой предыдущий телефонный разговор с Вами Владлен, скорее всего, слышал с помощью напиханных в мою одежду “жучков”. Я специально сделал это, чтобы Вы поняли серьезность своего положения. Вы такой же нежелательный свидетель для Владлена, как и я, с той лишь разницей, что я им нужен, а Вы уже нет. Ваша жизнь висит на волоске. Бежать жаловаться на меня Владлену для Вас не имеет смысла: он всё равно Вас уберет. Предлагаю единственный путь спасения. У Вас много хороших знакомых в милиции и Следственном комитете. Завтра же расскажите им обо всем и добейтесь возбуждения уголовного дела против этой парочки. Послезавтра Вы уже сами станете их сообщником. Отвечать мне не надо. Письмо мое сразу же по прочтении уничтожьте. Я сделаю то же самое”.

Отправив послание, Енисеев возвратился к своему уже остывшему ужину. Елена, наливая мартини из бутылочки в рюмку, сказала:

— Ты знаешь, у меня такое ощущение от всего этого, словно я читаю научно-фантастический роман. Когда его открываешь, то понимаешь, что это вымысел, а потом вчитываешься, привыкаешь и даже начинаешь относиться к описанному как к некой реальности. Я знала, конечно, что мир суеверий и предсказаний для многих людей — реальность, но и предположить не могла, что в нём всё так же серьезно и жестко, как в бизнесе и политике! Конфиденциальная информация, клиенты, партнеры, покушения на убийства...

— То, что это связано с политикой, я давно понял, но слишком поздно понял насчет бизнеса. Люди, обладающие большими деньгами, считают, что можно подчинить себе всё, что угодно, в том числе и сверхъестественные силы. Иначе зачем они нужны, деньги: чтобы в очередной раз приобретать ценности обычные? А те, кто не обладают огромными деньгами, но очень хотят ими обладать, не погнушаются довериться самому черту, если тот сумеет их убедить, что они обогатятся с помощью какой-то магии. В каком-то смысле это самый серьезный рынок на свете — там души продают.

— И ты, получается, выступаешь в невольной роли искусителя?

— Да. Я не слушал, когда мне говорили знающие люди, что пророчество — это сокровенное искусство. Это всё равно что утверждать, будто вода мокрая, думал я. Мол, какое же пророчество не сокровенное? А не сокровенно то пророчество, которое становится публичным. Формально оно может быть и тайным, как это лживо обещает клиентам в своем агентстве по продаже будущего Ступар, но по сути своей — публичным, потому что тайное превращает в услугу. А в этом случае абсолютно неважно, скольким людям ты предсказываешь будущее — одному, пяти или тысяче. Стоит пророчеству сделаться товаром, как пророк начинает жить по законам рынка.

— А писатель?

— И писатель. Но в литературе есть одна тонкость, подмеченная Пушкиным: не продается вдохновение, но можно рукопись продать. А рукописи пророков не продаются. Или, если кем-то тайком продаются, то пророки не получают за них денег. Их убивают за эти пророчества.

— Я сегодня очень злилась на тебя, а теперь вижу, что благодаря тебе оказалась на пороге огромного неведомого мира. Он тем более огромен и неведом, что я толком не понимаю происходящего в нем. Нас с тобой похищают люди в масках, везут черт знает куда, завязывают глаза, как в приключенческом фильме, я смотрю в неизвестном роскошном доме телевизор, слышу обрывки твоих телефонных разговоров, в которых всерьез идет речь

о жизни и смерти, о будущем президенте, катастрофе “двенадцать-двенадцать”... И это всё происходит со мной, которая еще вчера я сидела на лекциях и с ноутбуком в кафе у Анатолия! Я вроде бы продолжаю оставаться в настоящем, но на меня со всех сторон накатывается гул будущего. А начиналось всё почти анекдотом: с предсказания подвыпившим пророком результата футбольного матча...

— Тебе как писателю и не нужно знать об этом мире большего. И даже не потому, что так безопасней, а потому, что подробности убьют для тебя его притягательность. Я не слышу сейчас гула будущего, о котором ты говоришь, а в детстве слышал. Ты стоишь сейчас на пороге пустого зала, а я — переполненного, причем переполненного всякой дрянью. — Енисеев поднялся, чтобы налить себе чаю. — Чаю выпьешь?

— Да нет, достаточно мартини.

— Найти еще бутылочку? С устатку, как говорится.

— Да нет, хватит. Впечатлений столько, что алкоголя много не надо.

— Слушай, а ты храбрая! Как ты начала стучать по этому “минивэну”, кричать “Милиция!” Эти супермены долбанные, небось, все в синяках после твоих пинков! Мне даже стыдно, что я лежал бревном!

— Пророки не пинаются.

— Естественно: всем известно, что они только глаголом жгут.

Так они сидели, шутили, смеялись, а потом, когда ни с того ни с сего, без видимой причины, начали отводить друг от друга глаза, продолжая шутить и смеяться, Енисеев понял, что они думают об одном и том же, словно не прошло и суток, как обоим — не только Елене (чего греха таить!) — одежда показалась тесной и захотелось услышать стук сердца друг друга без одежды.

Он снова взглянул в глаза Елене, виновато улыбнулся.

— Уже поздно, я вызову такси.

Она ответила ему взглядом, в котором он не прочитал укора и вообще ничего не прочитал, как нельзя ничего прочитать в водах озера, когда на него упала тень от облака и по воде пробежала рябь. Пауза затянулась. Ему втайне хотелось, чтобы облако ушло прочь, чтобы ее взгляд просветлел до самого дна, но тут в наступившей тишине он услышал шум воды в ванной.

— Ой, забыл! Сейчас потечет на соседа!

Он успел как раз вовремя: вода еще не перелилась через край. Енисеев закрутил кран, глядя на колеблющуюся, выгнутую поверхность воды, а сам думал о глазах Елены, переполненных желанием, словно от исполнения этого желания их отделяла секунда, когда вода хлынула бы через край ванны. Но она не хлынула. Не глядя уже на Елену, он подошел к телефону и вызвал такси.

— Поищи “жучка” в куртке, — шепнул Енисеев ей, когда они прощались внизу. — А если не найдешь, одень что-нибудь другое. Будем на связи.

Елена кивнула. Он открыл подъездную дверь, вышел первым, посмотрел по сторонам. Вокруг было пусто, только стояло у подъезда прибывшее такси с тихо работающим двигателем и притушенными фарами.

— Леночка, запомни вот еще что. Мало ли что случится. В вещах, обнаруженных у покойного Бориса Михайловича — ну, того самого, смерть которого я предсказал, — был конверт с фотографией его бывшего партнера Владлена Константиновича, шантажировавшего его угрозой убийства. Запомнишь? Скажешь это только милиции.

— Хорошо, — шепнула она.

Он обнял ее и поцеловал прямо в губы. Елена на миг прикрыла глаза, но потом оттолкнулась от его груди ладонями, резко повернулась и быстро пошла к машине.

5

Проснувшись утром, Енисеев подумал о том, что самое тяжелое испытание для пророка — это когда люди начинают верить его предсказаниям. Пока они не верят или верят наполовину, как вообще свойственно людям, про-

рок защищен: им либо пренебрегают, либо побаиваются с ним связываться, и уж совсем не склонны доверять ему судьбу своих денег. Но стоит молве разнести весть о его успехе, как люди, особенно богатые и влиятельные, понимают, что пророк — это капитал, вложенный в будущее. И тогда он уже не защищен, он желанен, как желанны удача, деньги, власть, слава. Чтобы добиться их, многие ставят на карту всё; когда же им говорят, что можно ставить не наудачу, не в “втемную”, а знать, на какую именно карту ставишь, то и сугубо практические люди превращаются в суеверных маньяков. Всех нас, независимо от достатка и положения, объединяют две вещи: непознаваемость будущего и тайна смерти. Когда же в человеке прочно поселяется мысль о возможности подчинения будущего, то и мысль о смерти уже не так невыносима. Да, смерть нельзя обмануть, перехитрить, но можно, управляя своим будущим, отодвинуть ее на максимально далекий срок. И вот, доселе гонимый, пророк становится великим искушением для поверивших в него, потому что нет в мире соблазна большего, чем тайна. Женщины, деньги, власть, слава — всё отступает перед тайной. Это как у Дюма в “Виконте де Бражелоне”: претенденты на звание генерала ордена иезуитов должны были обладать не деньгами и властью, а знанием великой тайны. Владея тайной, ты владеешь миром, в том числе и женщинами, деньгами, властью, славой. Ни одним из земных благ дьявол не искушал Иисуса Христа в пустыне: он искушал Его чудом, тайной и авторитетом.

Возможно, если бы Енисеев был пророком в пушкинском или лермонтовском смысле, к нему и при желании было бы не так просто подступиться, но молва о нем пошла после суда, на котором его обвиняли в камлании, явившемся причиной смертельного исхода, причем в камлании небескорыстном. То, что он не собирался брать денег с Бориса Михайловича, осталось за скобками сообщений СМИ и, наверное, справедливо, потому что, пока Енисеев не узнал об угрозе жизни клиента, он, вообще-то, рассчитывал на гонорар. И те, кто посчитал Енисеева шарлатаном, и те, кто поверил, что он действительно пророк, увидели в нем человека, готового пророчествовать за деньги. Это была другая слава, нежели у пушкинского и лермонтовского Пророков! Появись они в наши дни, им бы и в голову не пришло забавляться, предсказывая результат футбольного матча, не говоря уже о том, чтобы хлестать литрами виски. Енисеев предстал перед публикой в ореоле сомнительной славы, славы Грабового и Дэви Марии Христос, и как результат от него потребовали предсказаний сомнительных, если не сказать больше. Его захотели видеть соучастником преступлений, уверяя, что он и так уже являлся им пассивно. Возможно, возможно! Даже если бы Енисеев и не совершал преступления, влезая в грязную историю отношений Ксении Аркадьевны и ее молодого супруга, он, получив от клиентки деньги, опустился на уровень человека беспринципного вроде Ступара. А от беспринципности до преступления — один шаг, что он вчера так убедительно доказывал самому Ступару. И вот, не став еще пророком в подлинном смысле этого слова, Енисеев стоит между адом земным и адом небесным, не зная, в какую сторону ему сделать шаг. А пламя подступает уже с обеих сторон. Стать бы маленьким, спрятаться под одеялом, как бывало в детстве... Но от ада земного и небесного не спрячешься.

И, как подтверждение этой мысли, загудел домофон. Енисеев выбрался из спасительной теплоты одеяла, подошел к надрывающемуся аппарату, некоторое время смотрел на него, потом всё же снял трубку.

— Да.

— Илья Петрович, доброе утро. Ступар.

Ступар? Легок на помине!

— Илья Петрович, вы предупреждали насчет телефонов, поэтому я решил заехать. Не спуститесь ли вы вниз? Нужно срочно поговорить по затронутым вами вчера темам.

— Давайте, только я умоюсь, оденусь... Вы меня подняли с постели. Хотите, поднимайтесь, подождите здесь.

— Я, с вашего позволения, подожду в машине. И одна просьба... оденьтесь, пожалуйста, не в ту одежду, что вчера... Ну, вы меня понимаете.

— Понимаю.

Это напоминание было кстати: вчера, после ухода Елены, Енисеев в поисках “жучков”, которых, правда, никогда в жизни не видел, оцупал всю куртку — швы, воротник, подкладку, но ничего не обнаружил. Он вытряхнул всё из карманов, придирчиво изучил бумажник, брелок от ключей — с тем же результатом. Тогда он сказал себе: “Ну, ты, пророк, найди без ошупываний!”, закрыл глаза, попытался проникнуть внутренним взором за подкладку, как было с виртуальным пиджаком Бориса Михайловича, но тщетно. “Видимо, на электронику мой дар не действует”, — усмехнулся Енисеев, скатал куртку в рулон, завернул наглухо в старое одеяло и засунул на антресоли. Бумажник (без денег, естественно) и брелок он выбросил в мусорное ведро. Осмотр джинсов и сапог (и на них, в принципе, могли как-то присобачить микрофончик, пока он сидел с завязанными глазами) тоже ничего не дал, поэтому Енисеев на всякий случай отправил их вслед за курткой. Можно обойтись ботинками и плащом, тем более, что на улице еще не холодно. “И тем более, что теплая куртка и сапоги тебе могут скоро вообще не понадобиться”, — добавил какой-то гнусный голос в голове Енисеева. Он мысленно сплонул на этот голос, потом перекрестился и пошел умываться.

Ступар сидел в своем “Ауди”, шевелил кончиком носа и курил. Вид у него был помятый — плохо спал, наверное. Когда Енисеев сел рядом с ним, Лев Данилович, расплывшись в вымученной улыбке, протянул ему руку, но тот не отреагировал, предложив насмешливо:

— Давайте еще целоваться.

— Неужели вы так обиделись на меня?.. — пробормотал Лев Данилович, убрав веснушчатую лапу.

— Нет, я вас обожаю! Предал меня, не дождавшись и первых петухов, и еще грабли тянет! Давайте ближе к делу, не рассусоливайте. У нас не так много времени: вас завтра убьют — и меня, наверное, тоже. Но меня немного позже — после того, как попросят найти золото КПСС или миллиарды Ходорковского.

Ступар, заслышав о такой возможности, затуманился и задергал носом.

— Я много размышлял над тем, что вы мне вчера сказали и написали... — откашлявшись, начал он. — Поначалу мне казалось, что вы несколько преувеличиваете, но потом, детально проанализировав всё, я понял, что вы, как всегда, правы. Скажите, вы увидели это? — перешел на шепот он, придвинувшись к Енисееву.

— Что? — шепотом же ответил он.

— Ну, то... кто “заказал” Бориса Михайловича.

— Да. В этом можете не сомневаться.

— И сказали им об этом?

— Да.

— Зачем?!

— Затем, что они это поняли уже по выражению моего лица, а я по выражению их лиц понял, что они это поняли. И не имело никакого значения, что я им скажу.

— Так-так-так, — постучал пальцами по баранке Ступар и снова зашептал в ухо Енисееву. — Есть только одна возможность спастись от этих Владленов Константиновичей и Павлов Исааковичей.

— Какая?

— Здесь не поговоришь, надо ехать ко мне в офис. Там прослушки нет, мои парни из группы технического обслуживания регулярно проверяют с приборчиками. И утром проверили, я позвонил.

После смерти Бориса Михайловича в этот офис Енисеева не тянуло, да где, действительно, еще можно без опаски поговорить?

— Что ж, поехали. Но меня интересует возможность избавиться не только от Владленов Константиновичей и Павлов Исааковичей.

— А от кого еще?

— Поехали, по пути расскажу.

Ступар завел мотор, подал “Ауди” задом к арке, а Енисеев, уже не шепча, стал ему рассказывать о Ефреме и его банде.

— Ну, это семечки, — снисходительно сказал Лев Данилович, когда он закончил. — Этих просто вобьют в землю.

— Что ж, посмотрим, кто там вобьет и как. Я иду на сотрудничество с вами, только если мои условия будут приняты, что называется, в пакете.

— Нет проблем. Проблемы, как вы сами понимаете, не с этими господами.

— Понимаю. За нами “хвоста” нет? — спохватился Енисеев. — Вы следите?

— Пытаюсь. Вроде бы нет. Ну, а если есть, что из того? Ну, узнают они, что мы едем в мой офис... Дальше что? — снова зашептал Ступар. — Ничего подозрительного в этом нет, вы же работали у меня. Мало ли какие дела... А в сам офис они не сунутся.

— Да? — усомнился Енисеев. — Вы видели их?

— Мордovorотов Владлена? Видел, он же с ними приезжал... Но вы сейчас увидите не менее впечатляющих мордovorотов.

— Вот как? А вы здорово испугались!

Лев Данилович промолчал.

Действительно, у офиса АВПП стояли один за другим три “Хаммера”. Внутри же, в коридоре, было, как в кино: охранники, уже с оружием в руках и в бронежилетах, стояли, расставив ноги в тяжелых ботинках, у каждой двери. Особенно много их было в приемной Ступара: они маячили в пролетах всех окон и заняли все стулья вдоль стен. Здесь уже и пахло, как в казарме — сапогами и оружейной смазкой. Молоденькая секретарша Льва Даниловича (маленький оазис французского парфюма), в жизни, наверное, не видевшая такого количества мрачно поблескивающего оружия, сидела на своем месте вся зеленая.

“Ну, потратился прижимистый Ступар! — изумлялся Енисеев. — Это ж сколько надо было заплатить за услуги этого взвода!”

— Извините, мы вас должны обыскать, — низким голосом сказал один из охранников.

Енисеев метнул недоуменный взгляд на Ступара.

— Так надо, — коротко подтвердил тот.

К удивлению Енисеева, обыскали не только его, но и самого хозяина кабинета, забрав, как это сделали и “мордovorоты Владлена”, мобильники. Затем предложили снять верхнюю одежду. Енисеев, почувший неладное еще у дверей офиса, вдруг заколебался, стоит ли вообще входить в кабинет Ступара. Но его туда уже никто и не приглашал: охранник, распахнув дверь, просто подтолкнул Енисеева в спину мощной дланью.

* * *

Все жалюзи на окнах кабинета Ступара были опущены, а электричество, между тем, не было включено, отчего тусклый свет ноябрьского утра превратился в полумрак, в коем шемякинские уродцы, и на свету-то не очень приветливые, выглядели еще более злоуще.

Горела лишь лампа на столике, окруженном кожаным диваном и креслами, где сиживали клиенты и гости Ступара. Вот и сейчас там сидели три человека и пили кофе. Один был сед, как лунь, с волчьим взглядом близко посаженных глаз, другой кругл лицом, лысоват и лишен признаков нижней челюсти — она заканчивалась сразу за нижней губой, третий был зализан, скуласт, узкоглаз и всё время как будто улыбался. Все трое были одеты скромно, но дорого, как одеваются банкиры — в неброские солидные костюмы.

— Разрешите представить, господи, — как-то по-особому выгнув спину и склонив выю, подобострастно сказал Ступар, — Илья Петрович Енисеев.

— Мы о вас знаем, — промолвил седой, не шевельнувшись. — Называйте меня Виктором Андреевичем, — добавил он после некоторой паузы. — А это, — повернулся к круглолицему, — Яков Аронович и, — указал на узкоглазого, — Фарид Сабитович.

Он замолчал. Все трое, не стесняясь, разглядывали Енисеева. Тот почувствовал себя перед ними, как перед неким судом.

— Может быть, мы присядем? — повернулся он к хозяину кабинета, хотя в присутствии этой троицы тот явно не чувствовал себя здесь хозяином. — Или вы предпочитаете беседовать с этими людьми стоя?

Не дожидаясь ни от кого приглашения, Енисеев опустился в свободное кресло и оказался напротив Виктора Андреевича, с Фаридом Сабитовичем справа и Яковом Ароновичем слева. Ступару, получилось, места вокруг столика не досталось, а присесть на диван рядом с Виктором Андреевичем он, очевидно, не отважился. Глуповато улыбаясь, Лев Данилович продолжал стоять.

— Садитесь, Ступар, — кивнул Яков Аронович.

Ступар побежал за стулом, втиснул его между креслом Енисеева и Якова Ароновича и сел, сложив руки на коленях.

— Вы служили в армии? — спросил Виктор Андреевич у Енисеева.

— Нет.

— Тогда понятно. В армии просят разрешения присесть.

— И еще курить, — сказал Енисеев, доставая сигареты и закуривая без разрешения. — А вы что — военные? Генералы?

— Вы — дерзкий человек. Особенно в вашем положении, — отметил Виктор Андреевич. — Нет, мы не военные, но для вас мы генералы. Или даже маршалы.

— Любопытно. Я, знаете ли, самонадеянно мнил себя пророком. И, хоть как пророк я не состоялся, я не встречал в жизни другого пророка, которого мог бы считать генералом или маршалом. Для меня таковыми были Моисей, Илия, Даниил... Не думаете же вы, что, оставив пророческие амбиции, я признаю над собой власть светских генералов и маршалов, военных или гражданских? Лев Данилыч, попросите принести кофе, а то вы меня сдернули с постели, не дав позавтракать.

Ступар вопросительно уставился на троицу.

— Принесите, — разрешил Виктор Андреевич. — Ну что ж, вы пророк, и ведете себя, как положено пророку. Но есть на свете выше власть, нежели власть пророков.

— Мне это уже доводилось слышать. Власть золотого тельца, естественно.

— Не только. Поговорим об этом, Илья Петрович.

— Вы знаете, я не располагаю временем для разговоров на общие темы. И вообще не планировал разговаривать с вами. Я обозначил для Льва Даниловича некую проблему, и он предложил мне разрешить ее. А тут появляетесь вы в роли генералов или маршалов. Если вы покровители Ступара, то вам имеет смысл разговаривать с ним, а не со мной.

— Проблемы Ступара мы разрешим и без вас. А вот ваши — нет. Итак...

— Виктор Андреевич, прошу прощения, — почтительно подал голос Ступар. — Дело в том, что у Ильи Петровича есть еще проблема, о которой я не знал. Но знать о ней в контексте нашей беседы, на мой взгляд, необходимо. Позвольте доложить?

— Давайте, — сделал знак рукой Виктор Андреевич.

Вошла секретарша и подала кофе Енисееву. Ступар подождал, когда она уйдет, и рассказал о Ефреме и о том, что Енисеев угадал заказчиков убийства Бориса Михайловича.

— Ну, вот видите, — с легким восточным акцентом назидательно сказал Енисееву Фарид Сабитович. — Вы можете не считать нас генералами, но тогда для вас генералами будут Владлен Константинович, Павел Исаакович или даже этот Ефрем. Нужно проявлять больше почтения к старшим, молодой человек.

— Слушайте, но ведь я не вчера родился и понимаю, что от меня вам потребуется то же самое, чего хотят Ефрем, Владлен Константинович и Павел Исаакович! Беседа бессмысленна. Я, не скрою, попал в тяжелое положение и выполняю — постараюсь выполнить! — одну или две ваши просьбы, чтобы вы успокоили этих уродов, если имеете такую власть, но штатным оракулом у вас не буду. Просто не могу.

— У вас неверное представление о нас, — улыбнулся Яков Аронович. — Ефрем этот — главарь банды, Владлен Константинович и Павел Исаакович — главари другой, гораздо большей банды, цивилизованно именуемой холдингом, мы же — представители иной власти.

— Какой? Исполнительной, что ли?

— Скорее законодательной. Ну, и судебной отчасти. Впрочем, наверное, исполнительной тоже, — совсем уж туманно добавил Яков Аронович. — Власть наша не от золотого тельца, хотя она отнюдь не исключает золотого тельца. Все эти вооруженные люди, которых вы видели в коридоре, принадлежат не нам, но нам стоит только шевельнуть пальцем, чтобы они появились у нас в любом количестве. Наши подлинные имена не произведут особого впечатления ни на Ефрема, ни на этих олигархов, хотя они их, наверное, знают. Но если они узнают, какая власть стоит за нами, они будут ползать перед нами на коленях. Забудьте о предсказаниях, которых требуют от вас эти люди. Это мелочь.

— Ну, и шевельните тогда еще раз своим пальцем, чтобы они упали на колени! Чего вы нагнали сюда эту свору со стволами? У Владлена есть такие же орлы!

— Эти люди просто защищают нас, если ваши недруги вдруг вздумают поиграть мускулами. Мы не пускаем в ход свою власть по мелочам. И тем более не упоминаем о ней по мелочам. Наша власть — тайная, и должна употребляться, когда это может принести нам существенную пользу. Чтобы выручить вас и Ступара, нам надо либо устроить показательную бойню, чего мы ни в коем случае с олигархами делать не собираемся, либо приоткрыть завесу тайны, чего мы тоже делать не собираемся, если не приобретем взамен большего. Мы не нуждаемся в парочке ваших предсказаний. В этом смысле вы нас совершенно не интересуете.

— Я никого в этом смысле не интересую... Что же вы — масоны?

Троица насмешливо переглянулась. И даже Ступар, не переставая держать носом, скривился в усмешке.

— Люди-человеки... — вздохнул Фарид Сабитович. — Чуть что непонятно — сразу масоны... А что это объясняет? Владлен Константинович и Павел Исаакович — тоже масоны, да будет вам известно. Кто сейчас из мало-мальски влиятельных людей не масон или не член Ротари-клуба? Может быть, и ваш Ефрем ходит в подмастерьях. И что? Пиночет и Сальвадор Альенде тоже были масонами, но один убил другого. Значит, и над масонами есть какая-то более могущественная власть?

— Да что вы всё загадками говорите? Владлен про власть денег, вы про тайную власть... Вам-то чего от меня надо?

— Мы прочитали вашу статью, — сказал Виктор Андреевич.

— Какую статью?

Виктор Андреевич сделал знак Ступару, тот поднялся и принес со своего стола журнал.

— Вот эту.

Енисеев с удивлением увидел, что это одна из последних напечатанных им до смерти Бориса Михайловича статей, написанная после прочтения книги о пророке Лаврентии Черниговском. Но он менее всего мог представить, что ее будут читать люди вроде тех, что сейчас сидели перед ним. В сердце его зажегся огонек надежды. Может быть, эти трое — не такие сволочи, как Розенкранц и Гильденстерн?

— И что — вам понравилось?

— Написано неплохо, — кивнул Виктор Андреевич. — И феномен подлинного пророчества на примере этого Лаврентия показан, на мой взгляд, правильно, если не считать деталей. Этот Лаврентий — не Ванга какая-нибудь. Его сбывшиеся предсказания впечатляют, и еще несбывшиеся — тоже. Но одно из них меня смущает, потому что мы не прочтем ничего подобного ни в Апокалипсисе, ни у других пророков. — Он прочитал: — “Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее Царство. Окормлять его будет Царь Православный, Божий Помазанник. В России исчезнут все расколы и ереси. Гонения на Церковь Православную не будет.

Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк Мучеников и Исповедников... В России будет процветание Веры и прежнее ликование (только на малое время, ибо придет Страшный Судия судить живых и мертвых). Русского Православного Царя будет бояться даже сам антихрист. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании". Насколько правдиво это предсказание, как вы считаете?

— Вы совершенно верно заметили, что Лаврентий Черниговский — подлинный пророк. Я же — не подлинный пророк, каким мне хотелось быть когда-то, а в лучшем случае предсказатель. Поэтому оценить верность этого пророчества преподобного Лаврентия мне просто не дано.

— А вы пытались?

— Пытался, — признался Енисеев. — Но ничего не получилось.

— Не получилось, значит... — задумался Виктор Андреевич. — А знаете, мне кажется, не потому у вас не получилось, что вы слабее Лаврентия Черниговского. Нет, он, наверное, сильнее, но ведь и вы пытались не предсказать нечто подобное, а почувствовать, насколько оно верно. У вас не получилось потому, что на этот раз Лаврентий пытался выдать желаемое за действительное. Ведь всё развивается так, что Россия одной из первых попадет под власть антихриста. А он говорит: "В России будет процветание Веры и прежнее ликование". Не просто, стало быть, процветание, а еще и ликование! Вам это не кажется надуманным?

Енисеев пожал плечами.

— Если бы я не видел, например, как ликуют люди при сошествии Благодатного огня на Пасху, то, наверное, казалось бы надуманным.

— А где люди больше ликуют: на сошествии Благодатного огня или на футбольном матче? — спросил Яков Аронович.

— Смотря что им ближе: футбольный матч или сошествие Благодатного огня.

— А как вы смотрите на то, что наряду с Россией в так называемое Православное Царство якобы войдут и "славянские народы и земли"? Но ведь среди славянских народов половина — католические?

— Ну и что? Идея панславизма родилась не в России, а в католической Хорватии. Семнадцатый век, Юрий Крижанич. Потом, знаем мы этих славян-католиков: если прижмут, побегут и в Православное Царство.

— Это да, — согласился Яков Аронович. — Или — в неправославное Царство. В смысле — нехристианское.

— Всё же, полагаю, предпочтут Православное.

— Вернемся к пророчеству Лаврентия о пришествии антихриста, — предложил Виктор Андреевич. — Если оно верно, то верно не только потому, что кроме Лаврентия его предсказывали другие пророки, но и потому, что к нему ведет логика истории и логика нынешнего развития России. Так? Где же предпосылки того, что в то время, когда весь мир окажется под властью антихриста, Россия ни с того ни с сего превратится в Православное Царство?

— Я не могу сказать больше того, что сказал преподобный Лаврентий: "Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк Мучеников и Исповедников". То есть Богом будут услышаны молитвы этих Мучеников и Исповедников.

— Этот ваш великий полк сияет уже больше двух тысяч лет! И что? Скажите, пожалуйста, отчего так получилось, что народы, взявшие на вооружение идеи Христа, до сих пор пребывают во зле? И пролиты океаны человеческой крови? Может быть, эти народы обмануты? Может быть, никакого пришествия Мессии не было, и оно только грядет с пришествием того, кого Лаврентий и ему подобные называют антихристом? Но ведь и Лаврентий не скрывает, что так называемый антихрист избавит человечество от полного уничтожения! — Виктор Андреевич снова взял журнал и прочитал: — "Будет страшное бедствие на земле, даже воды не будет. Потом будет всемирная война. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни пла-

виться. Огонь и дым с пылью будут до неба. И земля сгорит. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: “Долой войну и поставь одного царя!” Этим царем и будет антихрист, говорит дальше Лаврентий. Но меня сейчас интересует вот что: кто же устроит все эти прелести? Антихрист? Нет, нигде об этом не сказано. Это устроят люди, называющие себя последователями Христа, или, во всяком случае, будут активно участвовать в этом. И Церковь, судя по пророчеству того же Лаврентия, термоядерную бойню остановить не сможет. Что же, по-вашему, человечеству предпочтительней сгореть в огне атомной войны, чем признать за Мессию человека, сумевшего положить конец взаимному истреблению? И хороша ли будет Россия, решившая, согласно предсказанию Лаврентия, остаться в мире зла?

— Вы сатанисты, что ли? — тихо спросил Енисеев, недоуменно обводя взглядом сидящих вокруг него. Все они, включая Ступара, показались ему вдруг в неярком свете настольной лампы сошедшими со стен персонажами Шемякина.

На вопрос Енисеева никто не отреагировал, в отличие от вопроса о масонах. В кабинете повисло молчание.

— Вам, очевидно, чтобы понять что-то, надо прицепить к этому “что-то” ярлык, — произнес наконец Виктор Андреевич. — Масоны, сатанисты... Мы предпочли бы, чтобы нас называли сторонниками пришествия истинного Мессии.

— Называемого антихристом?

— Называемого антихристом людьми вроде Лаврентия Черниговского и вас.

— Но антихрист — посланник сатаны, согласно учению святых отцов. Значит, вы всё же сатанисты. Потом, вы, цитируя, передергиваете, как это всегда делают сатанисты, воинствующие антихристиане и подобная публика. Всемирную войну устроит не антихрист, говорите вы? А сатана к ней будет иметь какое отношение? У Лаврентия Черниговского сказано перед теми словами, что вы прочитали: “В последнее время бесов во аде не будет. Все будут на земле и в людях”.

— Ад на земле устроили не бесы, а христиане, — возразил Яков Аронович. — Что же, по-вашему, первую мировую войну начали бесы? И вторую мировую войну тоже? Нет, ту и другую начали люди — немцы, христиане. Не было в дохристианскую эпоху таких кровавых войн!

— Но не было и пулеметов, и пушек, и танков, и самолетов...

— Дело не в пулеметах и пушках, убивать миллионы можно и железом! Ну, подумайте сами: что же это за христианство такое, если в христианских странах всем заправляют бесы? Как это христиане уживаются с ними? И бесы с христианами? А может быть, всё проще, и правильно говорит Виктор Андреевич: эти бесы и есть христиане?

— Разрешите мне поверить Лаврентию Черниговскому, а не вам.

— Разрешаю. Я тоже верю Лаврентию Черниговскому. Его предсказания окрашены христианским фанатизмом, потому что в жизни он был монах-фанатик. Но по своей духовной сути он был пророк, и крах христианской веры предсказал верно. Ну, присочинил к своему пророчеству христианский “хэппи-энд”... Ничего не поделаешь, законы жанра.

— А Страшный Суд он тоже сочинил?

— Почему? Может быть, и не сочинил. Но показал не того Судию.

— Слушайте, Лев Данилыч, — повернулся Енисеев к Ступару. — Я всегда подозревал, что вы с придурью, но не знал, что настолько. Если вы нуждаетесь в помощи сатанистов, то, как говорится, черт с вами. Но почему вы решили, что в ней нуждаюсь я?

— Потому что добрые христиане вам ее не окажут, — тихо ответил Ступар.

— А добрые сатанисты окажут?

— Кто помогает, тот и добр. Судите по делам.

— А зачем вам мне помогать?

— Нам нужны пророки, — ответил Фарид Сабитович.

— Не смешите меня! Не нужны вам никакие пророки! Никому они не

нужны! Вы верите не пророчествам Лаврентия Черниговского, а своей трактовке этих пророчеств! Ну, и пророчествуйте себе сами. Всё, что вам нравится! Спиритизмом занимайтесь, каббалой, черной магией! При чем здесь я?

Фарида Сабитович вдруг нагнулся к Енисееву и положил на его руку свою руку, — на ней блеснул тяжелый золотой перстень с адамовой головой. Енисеев тут же отдернул руку, как от лягушки, что, впрочем, совершенно не смутило Фарида Сабитовича.

— Мы уже полгода за вами наблюдаем, — заявил он. — С тех пор, как узнали о самолете Качиньского. Это мы велели Ступару пригласить вас в агентство. Мы убедились, что вы не фанатик вроде Лаврентия Черниговского. Мы постарались, чтобы приговор суда над вами был максимально мягким. А ведь вас могли осудить и за предумышленное убийство. Вы нам нужны именно как пророк. Потому что Мессия, называемый вами антихристом, придёт не один, а с пророком. Так, во всяком случае, сказано в вашем Апокалипсисе. Эпохе грядущего Мессии нужен пророк.

Енисеев усмехнулся.

— Вот как? А своих у вас нет?

— Пока нет, — серьезно ответил Яков Аронович. — В том-то и дело. Так получилось, что идею пророчества узурпировали христиане. Каббала, черная магия — это всё не от хорошей жизни. Христиане гнали, что пришествие их Мессии предсказывали библейские пророки. И этим опорочили феномен пророчества в глазах тех, кто не верил христианам. Вы вот говорите, что мы трактуем пророчества в свою пользу. А христиане этим занимаются две тысячи лет! И шаблон уже определенный выработали, по которому пророчествуют такие, как Лаврентий Черниговский! Мы ведь не хотим, чтобы вы следовали нашему шаблону. Пророчествуйте себе так, как вы пророчествовали. Но хватит вам заниматься мелочами. Пора переходить к вещам глобальным.

— К каким же?

— К тайнам сильных мира сего.

— Ах, вот как! К тайнам! — Енисеев как будто услышал эхо своих утренних размышлений перед появлением Ступара. — Эх удивили! Вы думаете, одним вам тайны нужны! Они и Ефрему нужны!

— Не все умеют тайны использовать. И не все обладают критерием тайны. Мы хотим знать обо всем в мире, что может мешать пришествию истинного Мессии, отдалять его. Чего бы это ни касалось — религии, политики, культуры. Я, к примеру, не так скептически отношусь к предсказанию Лаврентия Черниговского о Православном Царстве в России во время пришествия истинного Мессии, как Виктор Андреевич. Россия — страна непредсказуемая. Поэтому хотелось бы знать, что будет способствовать усилению фундаменталистских тенденций, чтобы пресечь это на ближних подступах. Предупрежден — значит, вооружен. Для нас не должно быть секретов ни в одной сфере жизни, в том числе и в бизнесе.

— Ну, это как водится!

— Деньги — не главная наша цель, но они — цифровое выражение всякого могущества, оборотная сторона всякой власти, особенно тайной. Наши единомышленники в бизнесе не просто ведут конкурентную борьбу с противниками, они ведут идейную борьбу, своими победами на финансовых рынках усиливая наше сообщество. Вооруженные знанием о будущем, они, естественно, будут действовать еще успешнее. Это касается и сочувствующих нам политиков.

— Слушайте, неужели вы не понимаете, что только вера делает действительными пророчества? Пророк должен верить в то, во что верите вы. А я вам не нужен, потому что я вам не верю.

— Мы это понимаем, — кивнул Виктор Андреевич. — Иначе зачем мы с вами ведем беседы на общие, как вы говорите, темы? Скажите, Илья Петрович, а кому же вам верить, как не нам? Нет пророка в своем Отечестве: первыми на вас обратили внимание поляки. Ну, на это у них были свои, польские причины. А после поляков были мы. Мы начали вам помогать, когда вы об этом еще не знали — на суде, например.

— Ага, сначала вы заманили меня к Ступару, за деятельность у которого я и попал под суд, а потом помогли на суде!

— Хотел бы заметить, вас силой никто к Ступару не заманивал, вы пошли добровольно и работали добровольно. Мы хотели бы, чтобы вы столь же добровольно сделались нашим единомышленником. Что вас ждет в жизни без нас? Ефрем? Владлен Константинович с Павлом Исааковичем? Другие хищники, которые появятся по вашу душу, уж можете не беспокоиться? Кто поможет вам в мире добрых христиан? Никто, потому что это они только говорят: положи живот за други своя, а сами живут по принципу: умри ты сегодня, а я завтра. А мы помогаем друг другу, и не так, как помогают друг другу бандиты, а так, как помогают в семье. У нас есть идея, которой у других либо нет, либо она извращена, как у христиан. Скажите мне, почему христиане так спокойно относятся к предсказанию Лаврентия Черниговского о грядущей термоядерной войне? Если они верят ему, то почему уже сейчас ничего не делают для того, чтобы предотвратить катастрофу? Им все равно, что погибнут сотни миллионов людей — лишь бы сбылись пророчества Апокалипсиса? А мы, которых вы называете сатанистами, готовы в сотрудничестве с вами сделать всё, чтобы спасти будущие поколения людей. Решайте же.

— “Когда говорит он ложь, говорит свое”...

— Что?

— Ну, это непризнанный вами Мессия сказал: “Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи”. А хорошо Он говорил, не правда ли? Ваш-то так сможет? Едва ли... Попытается, конечно... Сказано же: дьявол — обезьяна Бога, а антихрист, стало быть, — обезьяна Христа. А вы — чьи обезьяны, если идете своему мессии пророков, “чтобы всё было, как у Христа”? Хотя Самого Христа не признаете. Нестыковочка!

— Вот и весь разговор с христианами... — вздохнул Виктор Андреевич, обведя своими волчьими глазами соратников-сатанистов. — Ты им — конкретные вещи, а они тебе — цитатки и оскорбления...

— Нет, отчего же, меня интересуют и детали. Вот я посмотрел сегодня, как Ступар перед вами на цырлах бегаёт... Оказывается, это по вашей наводке он пригласил меня в агентство. И тут у меня возник вопрос: а как это он взял и выложил Владлену всё обо мне, о моей работе с клиентом? Вы что, об этом не знали? Позвольте не поверить: вас Ступар боится больше, чем Владлена. Или он сдал меня Владлену тоже по вашей наводке, чтобы поставить в безвыходное положение и привести в поисках спасения в ваши объятия?

— Ступар бегаёт на цырлах, как вы говорите, потому что знает, что виноват. И получит наказание за свою трусость в разговоре с Владленом Константиновичем, будьте уверены.

— Как хотелось бы верить! Но я не верю. “Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи”. Ступар изворотливый человек и нашёл бы, что ответить Владлену, не раскрывая конфиденциальной информации.

— Вас, я вижу, не переубедить. Да и зачем? Вас послушать, так и бандита Ефрема тоже мы к вам послали. Неужели вы не понимаете, что если бы в вашей жизни не появился Владлен Константинович с известными домогательствами, то появились бы другие?

— Спасибо, успокоили. Сами-то вы Владлена побаиваетесь, вон какой взвод с собой приволокли! Он, видимо, и вас может запросто грохнуть, пока вы не предъявили ему знаков своей тайной власти! А на мне можно поэкспериментировать. Нет уж, я лучше с Ефремом или Владленом, чем с вами. Они хоть не призывали отказаться от Христа.

— Это ваше последнее слово? — поинтересовался Фарид Сабитович.

— Нет, не последнее. Я чего, собственно, сюда пришел? Господа сатанисты, улаживайте ситуацию с Владленом и Ефремом, или я сдам вашего Ступара как сообщника Владлена. И вам всё равно придется вытаскивать его из-под суда и следствия. Мне кажется, менее хлопотно будет договориться

с Ефремом и Владленом сейчас. В связи с новыми открывшимися обстоятельствами я продлеваю срок Ступару до завтра, до семнадцати ноль-ноль. Убирать меня до этого срока бесполезно, потому что информация, как я писал Ступару, будет передана не мной, а другим человеком.

Сатанисты, пораженные такой наглостью, некоторое время молчали, многозначительно поглядывая друг на друга. Потом Фарид Сабитович сказал:

— Вы можете отказаться от нас, но мы не можем отказаться от вас. Вам лучше было не приходиться сюда. А теперь вы слишком много узнали. Мы должны будем бороться за то, чтобы вы либо пришли к нам, либо исчезли с лица земли. О Ступаре не беспокойтесь: о его интересах мы позаботимся.

— Вы не поняли: я сдам его вместе с Владленом.

— А что у вас есть на Владлена?

— Всё вам расскажи! Обойдетесь! Кое-что есть.

— Владлен Константинович сам о себе позаботится, что бы у вас там ни было, — заверил Виктор Андреевич. — А мы позаботимся о Ступаре. Что же касается вас... Не исключено, что вам мешает стать настоящим пророком то, что вы не прошли путь страданий. Не будем вам мешать. Извольте получить ваши страдания у Владлена Константиновича или Ефрема, а потом найдем возможность вернуться к нашему разговору. Впрочем, есть еще время свернуть с этого пути. Ради ваших близких, которых, по-видимому, тоже ждут страдания. Какой срок, вы говорите, даете Ступару? До семнадцати ноль-ноль завтра? Этот же срок на раздумье мы даем вам. Если примете правильное решение, свяжитесь со Ступаром. Лев Данилыч, отвезите господина Енисеева домой.

— Да нет, спасибо, доберусь сам. Чем меньше я вижу вашего Льва Данилыча, тем лучше себя чувствую. Прощайте, поклонники Люцифера! Вы ему помогаете, а он-то вам не поможет: унечет в ад вместе со всеми, без привилегий. Такая уж у него сущность. Вы его любите, а он-то вас нет! Это вам мое бесплатное предсказание!

6

Едва Енисеев, бормоча: “Сатанисты — кто бы мог подумать?”, вышел от Ступара, как зазвонил мобильник. Он посмотрел на экранчик: “Номер не определен”. Енисеев подумал и ответил:

— Алло.

— Илья Петрович, что вы там затеваете со Ступаром? — Это был Розенкранц — Владлен Константинович. — Почему вы не отвечаете на звонки по мобильному? Почему меня не соединяют со Ступаром? Что за народ там у него в приемной? Советую вам по-хорошему: играть со мной не надо. Учтите: мне на связи Ступара плевать. Я раступчу его вместе со связями. Оставьте его — он вам не поможет. Он предаст вас при первой же возможности.

— Знаю.

— Так о чем же вы с ним совещаетесь?

— Да вот об этом как раз. Хотел узнать, почему он меня сдал.

— Вы рассказали ему о нашем разговоре?

— В общих чертах.

— Что вы натворили? Мы же вас предупреждали!

— Слушайте, не морочьте мне в голову: о нашем разговоре он мог догадаться и без меня. Вы приезжаете к Ступару, подробно расспрашиваете его о моей работе с клиентом и теперь хотите, чтобы он ничего не подозревал? Тогда не надо было ездить к нему.

Розенкранц дышал в трубку, осмысливая услышанное.

— Что вы сказали Ступару?

— Спрашивал, кто вы и что вы.

— Вы говорили ему о моем предложении?

— Нет, но он сам догадался. Это нетрудно — после того, как вы столько выпрашивали у него обо мне.

— А еще что говорили?

— Из того, что вас волнует, ничего.

— Я проверю.

— Проверьте.

— И еще. Я хочу, чтобы знали: если вы за моей спиной обсуждаете у Ступара какое-то иное предложение, то не тратьте попусту время. Я никому не позволю увести вас у себя из-под носа.

— Так-таки никому? А если это Путин или Обама?

— Скорее, Господь Бог. Не выдумывайте. Вы приняли решение?

— Решение я приму, когда наступит срок.

Владлен Константинович отключился.

Енисеев посмотрел по сторонам. Значит, всё-таки за ним следили, если Розенкранц знает, что он был у Ступара. И сейчас следят? Он резко повернулся и пошел обратно по улице. Никто из идущих навстречу прохожих не сделал того, что и он, и никто не остановился, как будто разглядывая что-то.

Следят из машины? Но в припаркованных вокруг офиса автомобилях Енисеев не видел людей. У самого офиса маячили только четыре охранника сатанистов. Напротив — никаких магазинов или кафе, из которых можно наблюдать. Прохожие идут мимо офиса, не останавливаются. Между тем Владлену известно, что в приемной у Ступара много народу. Но он не знает, кто у Ступара в кабинете, и о чем идет разговор. Микрофон в приемной, которую не проверяли технари Ступара?

И тут Енисеев понял, что “жучок” был спрятан не в приемной, и что напрасно он искал его в одежде, — он был у него в мобильном. И поэтому “слухачи” Владлена слышали голоса в приемной, в которой лежал отобранный у него телефон. “Жучок” был вставлен в отобранный у Енисеева мобильник, пока он разговаривал с Розенкранцем и Гильденстерном на даче! И не только “жучок”, очевидно! Откуда Владлен узнал, что Енисеев вышел из офиса Ступара? Он же ни с кем не разговаривал: взял телефон, плащ и ушел, даже не прощаясь. Значит, помимо “жучка”, в мобильнике — “маяк”, позволяющий фиксировать передвижения Енисеева. И точно такие же устройства — в телефоне Елены. Может быть, — и в ее ноутбуке.

Енисеев повернул к метро.

Спустившись по эскалатору вниз, он отключил мобильник, вынул из него “сим-карту” и стал присматриваться к людям на платформе. Подошел поезд, у дверей образовалась небольшая давка, и Енисеев, проталкиваясь в вагон, незаметно сунул телефон в большой пластиковый пакет парня, входящего перед ним. На следующей станции Енисеев вышел и поехал в обратном направлении, а мобильник отправился путешествовать по метро, а потом Бог еще знает куда. Пусть владленовские шпики поломают голову!

Енисеев доехал до “Тимирязевской” и отправился в общежитие Литинститута. В какой комнате живет Елена, он не знал, не знал даже ее фамилии, поэтому купил в киоске телефонную карту, но сам звонить по таксофону не стал. Он подошел к парню на троллейбусной остановке, студенту-литератору, судя по мягкой одежде и торчащим в разные стороны волосам, и сказал:

— Старик, помоги мне. Я поссорился с девушкой, и она меня не хочет видеть. Позвони ей, пожалуйста, по номеру, который я тебе назову, и скажи, что ее ждет на вахте посылка от Енисеева, пусть спустится, заберет. Зовут ее Елена. Если будет спрашивать, кто ты, что ты, скажи: курьер “Ди-Эйч-Эл”. Вот карта.

— Говно вопрос, — согласился литератор. — Давай.

Они пошли к таксофону. Парень сказал всё в точности, как просил Енисеев, даже про “Ди-Эйч-Эл”. Енисеев протянул ему сто рублей, но студент отмахнулся.

— Не парься. Ты же не с моего мобильника звонил. Иди, встречай.

Енисеев зашел в вестибюль общежития, сталинского шестиэтажного дома, и увидел за вахтой вывеску, которая заставила его задуматься. Ждал он недолго. Елена, придерживая на груди халатик, голоногая, появилась не из лифта, как он предполагал, а с опаской выглянула с лестничной площадки. “Молодец!” — мысленно похвалил он ее за осторожность. Девушка, увидев Енисеева, удивленно подняла брови, просияла и пошла ему навстречу.

— А мне сказали...

Он приложил палец к губам и прошептал:

— Телефон у тебя с собой?

— Да, — она хлопнула по карману халата. Тут он заметил, что из другого кармана у нее торчит ручка молотка, и засмеялся. Елена причины его веселья не поняла.

— Ты чего?

— Пойдем, погуляем. Ты поднимись, оденься, только не бери, пожалуйста, с собой ни телефона, ни ноутбука. Но возьми паспорт.

— Почему?

— Так надо.

— А может, лучше поднимемся ко мне? — предложила, запахивая на непослушной груди халатик, девушка.

Енисеев отрицательно помотал головой.

— Ладно, сейчас.

Елену он дождался на улице. Как он и просил, она вышла не в той куртке, что была вчера, а в другой, “дутой”.

— Что случилось?

— Дойдем до салона сотовой связи? Ситуация продолжает осложняться. Появились новые претенденты на проникновение в будущее. Ты не поверишь — сатанисты. Очень крутые, с вооруженной охраной, тоже угрожают. Мобильник и ноутбук я попросил не брать, потому что “жучки” нам засунули туда, а не в куртки. И не только “жучки”, но и “маяки”. Я это понял, когда мне сегодня позвонил один из вчерашних господ, явно отслеживающий мои передвижения. Сейчас купим себе новые телефоны. Я, пока шел сюда, ломал голову, куда бы тебе получше спрятаться на несколько дней, и вдруг вижу вывеску у вас на первом этаже: “Гостиница”. Это что — настоящая гостиница или просто “комнаты повышенной комфортности”, как говорят?

— Настоящая, они арендуют у института крыло дома.

— А ты сможешь там поселиться без регистрации или по чужому паспорту?

— Запросто. Я знаю девочек, которые там работают. Но у меня нет денег на гостиницу.

— У меня какие-то есть. Скажешь девочкам, что прячешься от своего бывшего парня, с которым больше не хочешь встречаться, и попроси, чтобы они тебя не выдавали, если кто-то надумает наводить о тебе на рецепшене справки. Как я понимаю, там есть и второй вход, с улицы?

— Да.

— Отлично. Постарайся поселиться поближе к другому входу, со стороны общежития. Если вдруг услышишь, что на рецепшене кто-то угрожает портье и называет при этом твою фамилию, тихонько выскользни на улицу и со всех ног беги в районный отдел милиции.

— А ноутбук в гостиницу можно взять?

— Нежелательно. Может быть, там нет “жучка” или “маячка”, но наверняка закачена какая-то программа, считывающая информацию. Потерпи. Попробуй писать, как русские классики — пером по бумаге.

— Да я уже разучилась! Со школы так не писала!

— Ну, вот, снова научись. А то, случись какая катастрофа и исчезнет электричество, что будешь делать?

В магазинчике сотовой связи Енисеев купил два мобильника “Самсунг” по 800 рублей каждый (надо было оставить Елене побольше на гостиницу) и пакеты подключения.

— Ну вот, теперь у нас будет свой канал связи, — сказал он. — Давай запишем номера. Если надо, конечно, можно и их вычислить, потому что они оформлены на наши паспорта, но на это уйдет время. День-другой, полагаю, можно будет разговаривать свободно. Держи деньги. Снимешь на все, оставь лишь тысячу полторы, купи себе продуктов, забей ими холодильник — там ведь есть холодильники? — чтобы без особой нужды лишний раз не выходить на улицу.

— А ты что будешь делать?

— Ломаю голову над этим. Что-нибудь да придумаю. О фотографии Владлена Константиновича скажешь милиции, если я не дам о себе знать завтра до двадцати четырех ноль-ноль. Расскажешь им всё, что знаешь. Знаешь ты, конечно, немного, но тебе достаточно будет навести милицию на Анатолия и Ступара Льва Даниловича. Запомнишь?

— Запомню. Хозяин агентства по продаже будущего, как ты вчера сказал.

Они вернулись к общежитию.

— А как же Надя? — спросила Елена, когда они остановились на перекрестке.

— Теперь буду заниматься Надей.

— Если вы помиритесь с ней, то мы, наверное, больше и не увидимся?

— Если, Бог даст, увидимся живыми, будет что вспомнить. Когда ты прославишься, я приду к тебе на встречу с читателями, попрошу автограф.

— А ведь я хочу написать обо всем этом.

— А я хочу, чтобы это поскорей кончилось. А оно всё не кончается. Но, независимо от того, чем всё кончится, я очень рад, что познакомился с тобой. Одному бы мне не выстоять! Я бы просто лег и забил бы на всё.

— Будет случай, вспомни, что ты не один. И я буду знать, что я не одна.

Они стояли, держась за руки, хотя, как это получилось, Енисеев не помнил. Он притянул девушку к себе, обнял.

— Ну, иди, — шепнула она.

Оставшись один и, глядя вслед уходящей Елене, Енисеев задал себе тот же вопрос, что недавно задала Елена: что ему делать дальше? Отвечая ей: “Что-нибудь придумаю”, он даже не мог предположить, в каком, собственно, направлении думать. Сначала надо узнать, как там Надя. Он позвонил ей.

Она сразу отозвалась, что было понятно: нового номера Енисеева Надя не знала.

— Надя, это я. У меня новый номер.

— Я это поняла, — ровным, бесцветным голосом — даже, как ему показалось, нарочито бесцветным — ответила она.

— Надя, скажи, пожалуйста, ты где?

— В Москве.

— А когда улетаешь?

— Сегодня около восьми.

— А прилетаешь?

— Зачем тебе это?

— Ответь, пожалуйста, очень надо.

— Послезавтра утром. Почему ты спрашиваешь? Хочешь принести вещи?

— Хочу помириться.

Она отключилась. Но Енисеев ничуть не подосадовал на это. Надя сообщила хорошую новость. Она улетала вовремя и, в общем-то, на нужный срок. Теперь надо решить, что ему самому предпринять до семнадцати ноль-ноль завтра. Енисеев зашагал к дому. Он не знал толком, как избавиться от Ефрема и компании, даже с учетом обращения в милицию, а тут еще к нему протянули мохнатые щупальца такие спруты, как Владлен Константинович, Павел Исаакович и сатанисты. Даже если бы Енисеев мог обрубить хотя бы одно щупальце, что ему делать с другими, обвившими его, как змеи Лаокоона?

Его трюк с телефоном будет скоро раскрыт: встревоженные необычными перемещениями и молчанием мобильного, люди Розенкранца и Гильденстерна выйдут на след того парня из метро и поймут, что их провели. Самого Енисеева им найти еще легче: ведь рано или поздно он придет домой, не слоняться же вечно по городу?

Он пытался собрать волю в кулак и заглянуть в свое будущее хотя бы на сутки вперед, но у него не получалось. Енисеев стал молиться, как когда-то в Смоленском аэропорту, но не подыскивал нужных, как ему тогда казалось, слов, а просто и безыскусно просил Бога помочь. Помолился своему святому — пророку Илие и последнему русскому пророку — преподобному

Лаврентию. Ему стало как-то легче, хотя спасительных мыслей по-прежнему в голову не приходило.

Енисеев уже подходил к своему дому, как вдруг у него всё поплыло перед глазами, не в лад ударило сердце, и ровный шум города ворвался в уши грохотом, скрежетом, завыванием моторов, гудками, криками, шершавым шарканьем подошв, словно резко прибавили звук в телевизоре. Мир быстро закружился вокруг него; он остановился и прикрыл глаза и увидел вдруг кафе Анатолия, разносимое мощным взрывом на куски. “Завтра, в семнадцать часов пятнадцать минут”, — сказал Енисееву неведомый прежде голос. И добавил едва слышно: “Поступи правильно”.

Он открыл глаза. Видение исчезло, мир остановил свое кружение, грохот в ушах снова сменился ровным шумом города, а Енисеев всё стоял, прислонившись к фонарному столбу. Бог услышал его молитвы. Семнадцать часов пятнадцать минут! Это же через пятнадцать минут после того, когда он должен сказать о своем решении сразу трем претендентам на использование его дара! А с Ефремом он договорился о встрече именно в кафе Анатолия. И если Енисеев не придет, то вся эта гнусная компанька — Ефрем, Макс, Анатолий — взлетит на воздух! Посторонних в кафе не будет: Анатолий наверняка закроет его на “спецобслуживание”. Им не нужны лишние уши — даже официантку выпроводят. Но кто же устроит этот взрыв? Едва ли банду Ефрема взорвут Владлен и сатанисты, потому что им нет никакого смысла расправляться с ней, пока Енисеев не объявил о своем решении. К тому же им известно, что столь желанный им прорицатель сам должен быть в этом кафе. Бомбу, вероятно, заложит какая-то банда, конкурирующая с бандой Ефрема.

Но много ли даст Енисееву уничтожение Ефрема и компании? Это решит его проблемы ровно на треть. А Розенкранцу, Гильденстерну и сатанистам, скорее, поможет: уберет лишнего конкурента за обладание Енисеевым. Но ведь не за тем же ему было дано это видение? Сказано: “Поступи правильно”!

И тут Енисеева осенило: он должен назначить на семнадцать ноль-ноль встречу в кафе всем — не только Ефрему и Макс, но и Розенкранцу с Гильденстерном, и сатанистам. И пусть все они разлетятся на мелкие кусочки и отправятся к отцу своему — отцу лжи. В Енисееве всё задрожало в предвкушении столь разящего возмездия. Трясущимися руками он достал сигареты и закурил. Всех — одним ударом! Но как заставить отправиться в это затрапезное кафе лощеных богатеев Владлена Константиновича, Павла Исаковича и сатанистов? А не надо их заставлять. Надо лишить их иной возможности встретиться с Енисеевым. Нужно стать для них недостижимым до семнадцати ноль-ноль завтра. И чтобы они знали о его недостижимости. Но как это сделать? Без паспорта не возьмешь билет на самолет или поезд, а по билету, купленному с помощью паспорта, они обещали его быстро найти. На междугороднем автобусе они тоже обещали его перехватить. На электричке далеко не уедешь. И тут он вспомнил, что Надя однажды упростила знакомый экипаж взять его в самолет “без места” — когда ему срочно надо было лететь в командировку, а билетов не было. Всё обошлось без кассы и паспорта: Енисеев прошел в самолет вместе с экипажем.

Только бы Надя снова согласилась! Только бы согласилась! Он бы позвонил этим гадам на взлете, сообщил бы свое условие — о встрече в кафе Анатолия — и отключился бы. Тогда — ищи-свищи! Потыкаются в разные стороны в его поисках и приползут, как миленькие! А у него, к тому же, будет алиби: находился в другом городе. Это на тот случай, если милиция вздумает заподозрить его в причастности к взрыву.

Только бы Надя согласилась! Только бы ответила! Енисеев вошел в арку своего дома, огляделся и выбрал скамейку в центре двора, на детской площадке, откуда хорошо видны были все люди, входящие в арку и перемещающиеся вдоль дома. Никого подозрительного он не заметил, вынул телефон и стал звонить Наде. “Ну, ответь же! Ответь!” — умолял Енисеев, слушая длинные гудки.

И она ответила.

— Да.

— Надя, проведи меня в свой самолет без билета! — закричал Енисеев почти шепотом — в гулком квадрате двора громкий голос услышал бы весь дом. — Как тогда, помнишь? Мне очень нужно!

Похоже, такой просьбы она ожидала меньше всего, потому что несколько секунд молчала.

— Енисеев, ты с ума сошел? Почему я должна тебя проводить без билета? Ты же не едешь уже в командировки! У тебя условное заключение! Что ты придумываешь?

— Надя, Надя! Я в здравом уме! Поверь! Ты всегда мне верила! Я не зря тебе писал, что влип в историю! После этого долбаного суда, показанного по телевизору, на меня открылась настоящая охота желающих получить предсказания в корыстных целях! Мне угрожают вплоть до смерти! Они шантажируют меня тем, что расправятся и с тобой! Милиция у них вся купленная! Поэтому я и написал тебе, чтобы ты не приходила пока домой! Но теперь и мне там опасно! Мне нужно сегодня быстро оказаться далеко от них, в неизвестном для них направлении, без билета, чтобы меня не отследили по паспорту. Ну что мне: идти на вокзал и просить каких-нибудь проводниц, чтобы меня взяли в вагон без билета? Но поезд — долго, там — милиция, могут снять... Надя!

Она молчала, видимо, обдумывая услышанное.

— Слушай, Илья, скажи честно: ты не выдумываешь всё это для того, чтобы найти повод помириться со мной?

— Надя, я был бы счастлив! И помириться, и выдумывать для того, чтобы помириться! Потому что я люблю тебя больше всех на свете, а вчера нес похмельную чушь! Но это, к сожалению, правда! Помоги!

— Хорошо, — сказала она более мягким, как ему показалось, голосом. — Сделаю всё, что смогу. Приезжай в Домодедово за два часа до отлета. Отлет — в семь пятьдесят. Там позвони мне.

— Надюша!.. Солнце!.. А куда летим? — спохватился он.

— В Екатеринбург.

Был третий час. Время еще есть, но лучше просидеть лишний час в заполненном людьми аэропорту, чем торчать здесь, как на юру. Нужно заскочить домой, взять денег, съесть чего-нибудь и ехать в Домодедово.

7

— Ну, рассказывай, — сказала Надя, поправляя на коленях форменную юбку.

Они сидели в одном из многочисленных домодедовских кафе, напротив огромного панорамного окна, за которым, мигая огнями, взлетали и садились самолеты. Енисеев попытался при встрече поцеловать Надю, но она отстранилась.

Он рассказал ей всё, в том числе и про Елену (опустив, правда, позавчерашний разговор с ней у общежития). Он не сказал только о посетившем его видении и о том, что он надумал. Надя сначала слушала его сдержанно, а потом брови ее поползли вверх, превращаясь в треугольники, и на лице появилось то же растерянное выражение, что было после посадки в Иркутске, когда они встретились у выхода.

Енисеев замолчал. Молчала и Надя, теребя сережки.

— А что это даст, если они соберутся все вместе в том кафе? — наконец, спросила она.

— Ну, пусть выяснят, у кого из них больше прав на меня, — уклончиво ответил Енисеев. — Может, перестреляют друг друга. В любом случае, это будет свара, шум, а где свара, там милиция, журналисты, что выгодно нам, но невыгодно им. Огласка заставит их умерить свой пыл.

— А как они узнают, что они конкуренты?

— А я позвоню им, скажу, что не могу договариваться сразу с тремя бандами, и пусть они сначала решат, кто из них круче.

— Возьмут и договорятся. Поделят тебя между всеми поровну. Составят

график: сегодня ты работаешь на одного, завтра на другого, послезавтра на третьего. Что тогда?

— Нет, это здесь, в аэропорту, составляют графики для разных авиакомпаний. Может быть, Розенкранц и Гильденстерн и захотят договориться с сатанистами, но сатанисты этого не захотят, поскольку привыкли действовать тайно. И уж точно те и другие не станут договариваться с Ефремом, — не потому, что им противно, а потому, что это не их уровень.

Енисеев говорил, что в голову придет, не желая открывать Наде весь план, но она задумалась.

— Что ж, наверное, ты прав. Я договорилась с командиром. Сиди здесь, жди вызова. — Потом она посмотрела ему в глаза и спросила: — Ну, а эта Елена... она что — красивая?

— Красивая, — не отводя взгляда, честно ответил Енисеев. — Только забудь всё, о чем ты думала. В мире есть много женщин — красивых и не очень. Но с тех пор, как я тебя увидел, в моей жизни есть только одна женщина. Это ты. Было бы странно, если бы я тебя немного не ревновал. Мне лестно, что меня ревнуешь ты. Но я тебя никогда не предаю и знаю, что ты меня не предашь. Забудь мои вчерашние глупые слова. Ты лучше всех и красивее всех. Елена? Она храбрый человек, хороший товарищ. В пьяном кураже я впутал ее невзначай в чудовищную историю, не дай Бог никому. Хочешь, не хочешь, а выпутываться надо вместе. Вот мы и выпутывались. Близости между нами не было. И не будет. Может быть, я ей нравлюсь. Может быть, она нравится мне. Ведь люди нравятся друг другу бессознательно, а не по трезвому размышлению. Но одно дело симпатия, а другое — жизнь. Моя судьба — это ты, и я сразу сказал ей об этом.

Надя опустила глаза, сняла невидимую пылинку с рукава.

— Мне надо идти.

Она встала, оправила жакет на груди, юбку и торопливо зашагала — светлая, легкая, тоненькая — к лестнице.

* * *

Командир и экипаж отнеслись к Енисееву с неожиданным уважением, весьма странным по отношению к человеку, желающему полетать “на халюду”. Не будучи в силах совсем избавиться от давних предубеждений относительно бравых пилотов, ухлестывающих за Надей, ожидал он и некой затаенной насмешки в их глазах. Но не увидел и тени насмешки, только нескрываемое любопытство. Всё объяснилось просто.

Когда настало время идти к самолету, минуя посты охраны, второй пилот, человек ростом с Енисеева, предложил ему надеть свое форменное пальто, а его плащ взял в руки.

— Что же, вы из-за меня пойдете в одном кителе? — смутился Енисеев.

— А погода-то? — улыбнулся пилот. — Плюс! Не озябну. Вот прилетим в Кольцово, там, конечно, шинелька понадобится. У них уже минус.

Выходя, второй пилот пропустил идущего Енисеева вперед, и — любезность за любезность — пришлось идти с ним по коридору рядом.

— Вы знаете, — сказал летчик, — мне так интересно познакомиться с вами! Ведь мы столько слышали о вас от Надежды. И про иркутский самолет, и про польский! Мы все переживали, когда она рассказывала о суде над вами. Мы не верим, что вы виноваты, и очень рады возможности хоть чем-то вам помочь.

— Надежда рассказывала обо мне?.. — пролепетал ошеломленный Енисеев.

— Конечно! — засмеялся пилот. — У нее только и разговору, что о вас. Наши девчонки на отдыхе начинают перемывать косточки мужикам, а она всегда: “А вот мой муж...” Они смеются: “Ну что ты, всё муж да муж, как будто других мужиков нету, о которых стоит поговорить!”. А она отвечает: “Мой муж — особенный, с таким бы вы тоже о других не думали”.

Шедшая сзади вместе с другими стюардессами Надя услышала, что говорят о ней.

— Вадим Антонович! — воскликнула она. — Можно вас попросить не рассказывать мужу небылицы! Почему это я не разговариваю о других мужчинах? Вон, девочки подтвердят — разговариваю.

— Да ладно, Надежда! — обернулся он на ходу. — Если он у вас пророк, то и так всё знает. У нас иногда летчики из других экипажей безуспешно пытаются приударить за Надеждой и спрашивают: “Почему она такая?” А мы говорим: “Вот если бы ваши жены видели на расстоянии, что вы делаете, вы бы тоже были такие”.

Идущий впереди командир посмеивался.

— А что, Илья Петрович, — осведомился Вадим Антонович, — сегодня нормально долетим, без происшествий?

— Да, нормально, — без раздумий подтвердил Енисеев. — Иначе и быть не может.

Но сам он думал об ином: каким он был идиотом, когда подозревал Надю!

Позже, когда они оказались рядом перед посадкой на автобус, он боялся с ней встретиться глазами, и она тоже смотрела в сторону. Но Енисеев ясно ощущал исходящее от Нади тепло и такое же тепло чувствовал в своей груди.

* * *

Енисееву досталось место в самом хвосте самолета, у туалета, без соседей. “Айрбас” завел двигатели. Енисеев достал телефон, вставил в него старую “симку” и набрал номер Ступара.

— Илья Петрович! — вскричал тот. — Ну, где вы?! Я вам обзвонился!

— Слушайте внимательно, Ступар. Значит, встречу я назначаю в кафе “Визит” у метро “Тимирязевская” завтра в семнадцать ноль-ноль.

— Где?! Какое кафе “Визит”?

— Не перебивайте. Кафе “Визит” у метро “Тимирязевская”. Вы должны пригласить туда как своих сатанистов, так и Владлена Константиновича и Павла Исааковича. Поняли? Можно с охраной. Там уже будет Ефрем со своими. Больше — никого. Кафе закроют на спецобслуживание. Пароль на входе: “Мы от Ступара”.

— Позвольте...

— Нет, не позволю. У меня есть связь только с человеком Ефрема, так что остальных придется приглашать вам. И не вздумайте позвать одних сатанистов, потому что я тогда просто не приду, и от дальнейших контактов отказываюсь. Мое условие: на встрече должны быть именно те лица, с которыми я разговаривал. Все без исключения. Я буду следить за этим со стороны. Придут другие или придут не все, я, естественно, тоже не приду. Пора, пора нам вместе обсудить вопросы сотрудничества напрямую, а то вас слишком много, а я один! И скажите и тем, и другим, чтобы не искали меня до встречи и не пытались связаться, это бесполезно. У меня есть свои возможности, о которых они не подозревают. Если хоть один волос упадет с головы моих родственников, я объявлю им войну. У меня нет мордоворотов с автоматами, но есть сила пророческого проклятия. Знаете, что это такое? Врагу не пожелаю! — врал Енисеев. — Вы всё поняли?

— Понял...

— До встречи.

Надя, идущая по проходу и проверяющая, у всех ли пассажиров пристегнуты ремни, напомнила Енисееву:

— Уважаемый пассажир, во время полета пользоваться мобильной связью запрещается. И застегните ремень безопасности, пожалуйста.

Он улыбнулся ей.

— Да-да, извините! Но мы же еще не летим.

Самолет начал вырывать на взлетную полосу.

Енисеев быстро набрал Анатолия.

— Анатолий! Это Енисеев. Передай Ефрему: как и договаривались, забиваю стрелку у тебя на завтра, на семнадцать ноль-ноль. Будут еще две группы клиентов, добивающихся моих услуг. Серьезные, с охраной.

— Какие еще клиенты? — оторошел Анатолий.

— А ты что думал: один твой Ефрем хочет зарабатывать с помощью предсказаний? Меня теперь все знают после того, как показали по “ящику”, и от клиентов нет отбоя. Все угрожают: убьем, зарежем! И как я вам всем угожу? Разорвусь, что ли, между вами? Поэтому я и забиваю всем стрелку. Надо договариваться.

— Но это же подстава!!!

— Нет, подстава — это когда бы я сказал тем серьезным дядям: рад бы вам помочь, да мешают одни хлопцы. И вас бы просто отстреляли без всяких базаров. Вы этого хотите? Давайте. Если же не хотите, приходите договариваться. Да, скажи еще Ефрему и Максиму вот что: вильнуть и просто не прийти на стрелку нельзя, это будет воспринято как нежелание договариваться, и вашей шайке-лейке всё равно тогда выпустят кишки. Тебе — первому, потому о тебе известно больше, чем о других. Так что постарайся! К шестнадцати тридцати выпроводи всех посторонних из кафе, включая официантку. Подавать будешь сам. На дверь повесь большую табличку “Закрывается на спецобслуживание” и держи мобильник наготове, но никаких звонков, кроме моего, не принимай. Я могу задержаться минут на десять и предупреджу об этом.

— А как я узнаю, кто посторонние, а кто эти серьезные кенты? — с тоской в голосе спросил Анатолий.

— Это ты правильно сообразил. Они скажут: мы от Ступара. Запомни: Сту-па-ра. Бывай.

“Айрбас” тем временем уже во весь дух мчался по взлетной полосе и, когда Енисеев закончил разговор, тяжело оторвался от земли. Енисеев перекрестился, отключил телефон и вынул из него “симку”.

8

Первыми, в 16.30, в кафе приехали Ефрем, Макс и еще четыре бандита. Они мрачно уселись вдоль стены, поглядывая на вход. На коленях у них лежали пистолеты. В 16.35 появилась служба безопасности сатанистов. Четыре человека в черном пальто остались у входа, остальные, сказав Анатолию: “Мы от Ступара”, вошли внутрь и сразу взяли на прицел компанию Ефрема.

— Оружие есть? — спросил командир спецназа.

— Есть, — ответил насуспенный Ефрем.

Защелкали взводимые под столом курки.

— Сдайте.

— Такого уговора не было. Сначала сами сдайте.

— Так, ясно, — сказал командир. — Вы, четверо, держите этих на мушке. Шевельнетесь, прошьем очередями! Остальным проверить, нет ли здесь взрывного устройства. Взять под контроль черный ход. Ты кто такой? — повернулся он к Анатолию.

— Х-хозяин.

— Обыскайте! А это кто? — указал он любопытствующую физиономию приходящего повара Рашида, которая торчала в окошечке кухни.

— Повар Рашид. Русский плохо понимает, — подняв руки вверх, почему-то с интонациями Рашида сказал Анатолий.

— Тоже обыскать! Зачем здесь повар? Нам сказали, никакой обслуги быть не должно!

— Я готовить не умею, — пробормотал Анатолий. — Что мне гостей — чипсами кормить? Он вам не помеха: ему не понять, о чем здесь говорят. Приготовит всё и уйдет.

Тем временем двое бойцов шарилы ферроискателями по стенам и полу кафе.

В 17.41 снаружи у дверей завязалась перепалка:

— Вы кто такие?

— Мы от Ступара!

Командир открыл дверь.

— Впустите!

Звякнул колокольчик над дверью. Вошли люди от Розенкранца и Гильденстерна в масках с оружием наперевес.

— Сдайте стволы! — приказал командир.

Старшой владленовского спецназа отреагировал на это точно так же, как Ефрем:

— Сами сдайте!

Снова защелкали курки, залязгали затворы автоматов.

— Что вы, с ума сошли? — возмутился розенкранцевский старшой. — Перестаньте целиться! Мы здесь для чего — воевать? Мы должны охранять своих хозяев. Давайте определим им места и способ эффективной защиты.

— Я хочу, чтобы мои хозяева сидели здесь, — командир от сатанистов указал на места вдоль стены, занятые уголовниками.

— Щас! — ошетинился Ефрем. — Кто первый занял, того и место.

— Господа! — подал голос Анатолий. — Давайте, как на корпоративе, составим столы буквой “П”, каждый займет свою сторону и никому не будет обидно.

— Хорошая идея, — согласился владленовский старшой. — Ну-ка, ребята, взялись за столы! И вы тоже! — повернулся он к уголовникам.

Те неохотно засунули стволы за пояса и потащили свои столы к сооружаемой букве “П”.

— Так, добро, — кивал головой командир сатанинского спецназа. — Мои будут здесь, эти здесь, а твои здесь. А мы с вами займем позиции за спиной хозяев.

— Не перестрелять бы друг друга, — покосился на него розенкранцевский старшой, — и хозяев заодно. Может быть, мы оставим здесь переговорщиков без оружия, а сами подождем снаружи?

— У меня таких указаний не было. Приедут начальники, пусть они решают.

— Взрывчатых устройств не обнаружено! — доложил боец с миноискателем.

— Хорошо, — сказал владленовский старшой. — Но береженого Бог бережет: пусть еще и мои поищут. Давайте!

Командир от сатанистов, между тем, доложил по рации:

— Всё чисто. Но охрана у гостей с оружием. Сдавать отказываются. Ваши указания? Есть. Есть. — И объявил владленовскому старшому: — Нам приказано быть здесь и оружие держать наготове.

— Приказано — будем держать, — пожал плечами тот.

Без четырех минут пять вошли трое сатанистов с семенящим позади Ступаром, брезгливо оглядели помещение и уселись во главе импровизированного стола, за перекладной над буквой “П”. Дорогие пиджаки Виктора Андреевича, Якова Ароновича и Фариды Сабитовича топорщились от надетых под них бронжилетов. Охрана с дулами автоматов на сгибах локтей встала за спинами сатанистов.

Еще через две минуты появились Розенкранц и Гильденстерн, тоже с распухшими от бронжилетов грудями, кивнули присутствующим и заняли правое крыло стола.

— Взрывных устройств нет, — встав за спиной Владлена Константиновича, доложил ему на ухо старшой. — Проверяли два раза — мы и они.

Ефрем и Макс медленно, лениво, как воры в законе, которых неопытные вертухаи в тюрьме гонят на работу, поднялись со своих стульев у стены и сели напротив Розенкранца и Гильденстерна. Ефрем гонял желваки по лицу, а Макс двигал шеей, как лошадь.

Теперь все находились на своих местах, в кольце охраны, образовавшей цепочку вокруг буквы “П”. Анатолий, стараясь ходить бесшумно, начал расставлять на столе тарелки. Седой Виктор Андреевич обвел взглядом присутствующих, посмотрел на часы.

— Ровно пять. А где, собственно, Енисеев?

В кармане у командира сатанинского спецназа зазвонил мобильник, отобранный при обыске у Анатолия.

— Это он! — вскричал Анатолий.

— Кто — он? — удивился Виктор Андреевич.

— Енисеев. Он обещал позвонить в пять, если задержится. Дайте трубку!

— Какая наглость! — прошипел Фарид Сабитович. — Он смеет *задерживаться!* Шенок!

— Дайте, — кивнул командиру Виктор Андреевич.

Анатолий взял телефон.

— Алё! — и послушав, объявил присутствующим: — Требуется спросить у Ступара, все ли на месте.

— Все, — крутя носом, подтвердил Ступар.

— Да, все! Что? Теперь требует, чтобы я повторял вам, что он говорит.

— Идиотизм какой-то, — пробормотал Виктор Андреевич. — Ну, повторяйте!

— Мне было пророчество... что вы все сегодня погибнете... и первое, что мне пришло в голову... не препятствовать этому... чтобы покончить со всеми вами разом... Но голос мне сказал: "Поступи правильно"... и я решил, что не предупредить вас будет неправильно... кто бы вы ни были... убийцы или сатанисты... не мне вам выносить приговор... но в благодарность за спасенную вам жизнь... вы навсегда оставите меня и моих близких в покое... Согласитесь, что жизнь — это важнее, чем выгода от моих предсказаний... которую бы вы в могиле не получили... Итак, в семнадцать пятнадцать это кафе взорвется на куски по неизвестной мне причине...

Все сидящие за столом одновременно бросили взгляд на часы и вскочили на ноги.

Повар Рашид, не так плохо знавший русский язык, как полагал Анатолий, с любопытством слушал всё одним ухом, наставленным в окошко. При этом он продолжал заниматься своими делами: открыл газ, чтобы зажечь его и поставить нагревать сковороду, но в это время услышал про взрыв. Рашид повернул ручку газовой конфорки обратно и бросился к окошку. Но ручка эта вращалась туго и не дошла до конца.

— ...Времени у вас еще достаточно... — голосом, срывающимся на фальцет, продолжал повторять Анатолий, — ... не устраивайте давку у дверей... пусть охрана образует коридор и выпустит сначала хозяев... потом по одному выходит сама... Большая просьба к начальнику охраны Владлена Константиновича и Павла Исааковича... вы бывший офицер... у вас, наверное, еще остались какие-то представления о долге... позаботьтесь о безопасности людей на площади перед кафе... чтобы никто не пострадал... Никому никогда не говорите о том... что это я собрал вас здесь... и об этом звонке... не то и я начну говорить о вас... Желаю, чтобы нам никогда больше не встречаться... ни в этой жизни и ни в той.

Анатолий замолчал, дико озираясь.

— Ты же сказал, что проверяли, и бомбы нет! — буравя командира своего спецназа волчьим взглядом, закричал Виктор Андреевич.

— Нет, вот и этот командир скажет! Они тоже проверяли! Даже на крыше смотрели!

— А может, он разыгрывает нас? — предположил Виктор Андреевич.

— Я бы не стал искушать судьбу, — тихо сказал Яков Аронович. — Он обычно слов на ветер не бросает.

Эти слова стали как бы сигналом о начале эвакуации. Не дожидаясь, когда охрана выстроит коридор, хозяева опрометью бросились к дверям, причем впереди всех почему-то оказался Ступар, с которым на этот раз не случился ступор. Но, добравшись до двери, он начал рвать ее на себя, как в своем офисе, а она открывалась наружу. Дверь прыгала в петлях, трещали косяки, немusзыкально надрывался колокольчик, бил копытами в плиточный пол Ступар. Его заколодило. Бандиты, сатанисты, Розенкранц и Гильденстерн пытались оттащить Ступара от двери, но он вцепился в ручку мертвой хваткой, упираясь ногой в косяк.

— Не в ту сторону, не в ту сторону! — визжали Розенкранц и Гильденстерн, сатанисты и бандиты, но Ступар был глух, а охрана никак не могла прорваться к дверям через тела своих хозяев, чтобы оттащить его.

Повар Рашид, который, широко открыв рот, глядел на всё это из кухонного окошечка, побежал к двери черного хода, ключ от которой у него отобрали охранники, и ударом ноги под замок с первого раза вышиб ее, да так, что она вылетела из петель и рухнула на землю горизонтально. Как был, в поварском колпаке и белой куртке, Рашид выскочил на площадь и помчался в сторону улицы Фонвизина, крича всем встречающимся на пути:

— Спасайси! Спасайси! Уй-мэ! Взрыв! Будет!

Но внутри кафе, где стоял грохот ломаемой Ступаром двери, крик и визг, никто не обратил внимания на то, что сделал Рашид, и не увидел освобожденного им запасного выхода. Все — и хозяйева, и слуги — сгрудились у заблокированной Ступаром двери главного входа, которую снаружи рвали на себя охранники в черных пальто, не в силах победить рвущего ее изнутри хозяина агентства по продаже будущего. Ефрем и Макс, ощерившись, уже выхватили ножи, чтобы расчистить себе путь ими.

Тут, наконец, начальник охраны Розенкранца и Гильденстерна пришел в себя, взял стул и с размаху вышиб им широкое, доходившее почти до полу окно. Громовой звон бьющегося стекла отвлек Ступара, он несколько ослабил смертельную хватку, охраннику снаружи удалось мощным рывком открыть дверь, на него полетел вцепившийся в ручку Ступар и сбил с ног. Весело, уже впамят, звякнул колокольчик. Хозяйева и слуги полезли в дверь и окна, как ушеры и вурдалаки из гоголевского “Вия”.

Всё это, казалось, происходило вечно, а на самом деле не более двух минут. Растрепанные, красные Гильденстерн и Розенкранц, бандиты и сатанисты бежали по площади к своим машинам. Охрана едва попевала за ними. Ступар между тем уже отъезжал на своем “Ауди”. Владленовский старшой на бегу вспомнил слова Енисеева, остановился и заорал ошеломленным зевакам:

— Назад! Всем в укрытие! Сейчас будет взрыв! Бомба в кафе!

Площадь завизжала на разные лады женскими и детскими голосами и очистилась в мгновение ока.

Сочился газ из незакрытой до конца поваром Рашидом конфорки, а рядом весело, раздуваемые сквозняком до красных пляшущих лепестков, горели еще две конфорки — под казаном с лагманом и трехъярусной кастрюлей с мантами. В метре от плиты, в нарушение правил пожарной безопасности, стояли в закутке два огромных баллона с газом. От языков пламени, облизывающих бока жирного казана до самой крышки, вспыхнуло полотенце, висевшее на гвоздике над плитой.

В 17.12 на кухне победно загудела от огня пожара вытяжная труба, а в 17.15 один за другим взорвались оба газовых баллона, разнеся сборный домик кафе в клочья.

Этот взрыв слышали уже поворачивающие на своих машинах на Дмитровское шоссе сатанисты и бандиты, Розенкранц и Гильденстерн, и инстинктивно пригнули головы, а потом воровато поглядели на часы. Никто из них при этом не проронил ни слова.

9

Енисеев взял пакет со спиртным и отнес его на мусорку.

Когда он вернулся, Надя ходила по квартире, прибиралась. Енисеев, стоя в дверях, сказал:

— Нам надо что-то менять в нашей жизни.

— Значит, будем менять, — улыбнулась Надя.

— Нет, я серьезно. Заведем ребенка, я снова пойду работать в школу. Меня не заботят больше пророчества. Главное мое пророчество, с помощью которого я смог спасти свою и твою жизнь, исполнилось. Других больше не надо. Они нашу жизнь погубят.

Надя отвела со лба светлую прядь.

— И я серьезно. Я всегда ждала, когда ты это скажешь.

— Но ты же всегда говорила, что надо подождать с ребенком!

— Я говорила лишь то, что ты хотел слышать. Ты взял мою жизнь в свою волю, когда предсказал: “Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж”. С тех пор я была твоя и больше ничья. А, может быть, еще раньше, когда ты предсказал в самолете, что двигатели заработают. Я как-то очень запаниковала тогда, мне не хотелось умирать, и тут появился ты и сказал, что я не умру. Потом, когда мы подружились в Иркутске, мне захотелось за тебя замуж. Ну, мало ли что мне захотелось, девушки всегда хотят выйти замуж за интересных мужчин. Да и знакомы мы были всего неделю. Но ты сказал: ты будешь моей женой. Мне стало ясно, что ты — это моя судьба. И в ней всё будет вершиться не тогда, когда я скажу “да”, а после того, как твердо скажешь “да” ты. Да, ты хотел ребенка. Но ты не хотел его так же твердо, как хотел, чтобы я вышла за тебя замуж. Ты хотел, чтобы я ушла из стюардессе, и не хотел этого, потому что боялся настоящей семейной жизни. Ты мучился сам с собой и не готов был принять наше будущее. Ты готов принять его, когда уверенно говоришь: “Через двадцать минут заработают все двигатели” или “Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж”. Тогда и я готова принять это будущее.

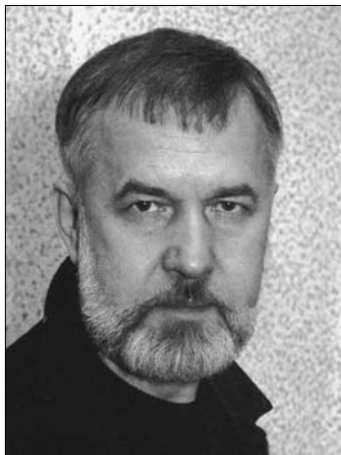
Надя подошла к нему и обвила тонкими руками его шею.

— Я не знаю, как ты решил поступить со своим даром. Для меня ты — всегда пророк. Как ты скажешь, так и будет. Говори.

— Ты плохо слушала, — улыбнулся он. — Тоже мне — жена пророка! Я уже всё сказал. И жду, что на это скажешь ты.

— ДА! — ответила она. — Да. Да. Да.

ПЁТР КОЗЛОВ

Я ВЫРАСТИЛ РУССКУЮ ДУШУ...

* * *

Видно, следую отчим заветам:
на просторах России родной
не хочу быть российским поэтом,
если русской иду стороной.
В обобщении этом подстава.
В нём отрыв от родимых корней.
Не нужна мне российская слава —
русской славы не вижу я в ней.
Пусть меня обобщат — россиянин,
в общих списках исчезну в века,
но сегодня я тем осиянен,
что в России я русский пока.

В МУЗЕЕ ДОСТОЕВСКОГО

В музее Достоевского поэты
успешно провожают старый год.
А маска Достоевского при этом
на них глядит и ничего не ждёт...

КОЗЛОВ Пётр — член Союза писателей России, автор четырёх книг; в "Нашем современнике" печатается впервые. Живёт в Омске.

Закрыты веки. Но сквозь эти веки
взирает космос на живых людей
и понимает: все тут — человеки,
не лишены причуд, затей, страстей.

Слеза ребёнка им всего дороже,
когда они с собой наедине...
А ныне собрались и год итожат,
он творческий, наверное, вполне...

И сам бы Достоевский был не против
махнуть рукою рюмку не спеша,
ведь здесь уже не в арестантской роте,
здесь каждая — свободная — душа...

Ты если русский, значит, православный
и, стало быть, совсем не либерал...
Ну, вот и подытожили, и славно...
В музее Достоевского... Кто б знал!

Не всё покрыто пеплом в нашем мире.
Великий космос знает, что под ним
есть угли, что все помнят о кумире!
А маску — для экскурсий здесь храним...

* * *

Н. А. Нарочницкой

Живём — живым, не мёртвым — не вещами.
Разумная достаточность во всём.
Ростовщики, они не обнищали —
берут процент копейкой и рублём.

Но что нам с них — они над златом чахнут,
и этим искривлён их рай земной.
А в рай небесный (видно, деньги пахнут)
им не пролезть, не обрести покой...

А мы — живём, и всё вокруг нас — живое:
деревья, и дома, и небеса,
и слово наше до того простое —
творит в душе и в жизни чудеса!

И всё вокруг нас пронизано Любовью.
Ну что ещё нам в жизни роковой,
коль можем мы пожертвовать собою,
а не дрожать над собственной судьбой?

* * *

Приснился Путин... Бог ты мой!
Я наблюдал его в работе.
Вот он летит на самолёте,
а вот в машине мчит стрелой...

Вот в школе он, среди детей.
А вот он в поле, на уборке.
С дотошной мимикой своей —
во всём детальные разборки...

Вот он прилёт среди травы,
чтоб снять усталость в три минуты.
И всё притихло почему-то,
и стали сумерки правы...

И предо мной возникла Русь.
Её леса, поля и реки.
И я подумал, что к добру
она едина, в кои веки...

Но первым быть её лицом
лишь только избранным под силу.
А вот служить своей России
нам всем дано, в конце концов.

И я очнулся, и не спал,
и думал, надо же присниться
тому, кто Русь мою спасал —
страну берёзового ситца...

Я БЫ...

Я бы с Западом не заигрывал,
не подыгрывал бы ему:
никогда ему не завидовал,
а в особенности — уму.

Я не ведал бы расточительства,
тратил только бы на себя
нефть и чудное электричество,
прочность почвы своей крепя!..

Был бы рад иностранцу робкому
и показывал бы свой дом,
как богато и неторопко я
проживаю свободно в нём!

А когда торговаться стал бы он,
мол, того и того бы мне,
я в ответ бы спросил у слабого,
мол, а в вашей что есть стране?

А когда он от злобы немощной
по моим бы пошёл гробам —
друг-приятель, ответствуй, веришь, нет? —
я бы дал ему по зубам...

Вот такая моя политика,
так мой предок жил на Руси.
Всё на месте своём, до винтика!
Всё по-честному, гой-еси!

ЯКУТСКИЙ, РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Осенью прошлого года в редакцию журнала пришло письмо от контр-адмирала в отставке Анатолия Тихоновича Штырова.

*Главному редактору
журнала “Наш современник”
Станиславу Куняеву*

Уважаемый Станислав Юрьевич.

Если сочтёте возможным, напечатайте в журнале это стихотворение.

Сочинил его живой человек, и отнюдь не профессионал. В своё время он гремел среди и якутов, и русских, проживавших в районе Оймяконского улуса — Республики Саха-Якутия. И его до сих пор почитают все учителя и ученики окрестных школ. И, конечно же, работники музеев. Речь в стихотворении идёт о районе “полюса холода”, где река Индигирка, и недалеко оз. Лабынкыр, где до сих пор водится глубоководный земноводный ящер, подобный Лох-Несскому в Шотландии.

В тех краях температура зимой доходит до -71°C , а реки промерзают до дна.

Я лично был в тех краях и очень ценю тамошних людей, которые живут и трудятся там, причём с многими в переписке.

*Анатолий Штыров
12 октября 2011 г.*

Далее в письме шёл стихотворный текст, принадлежавший молодому уральскому поэту Борису Ручьёву, попавшему в 1937 году в эти края.

БОРИС РУЧЬЁВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “ПОЛЮС”

*В том краю, где я живу, не просто
Родину зовут Материком.
“Полюс” мой, как самый гиблый остров,
Даже почтальонам не знаком.*

*На строеньях здесь не вьются флаги.
Здесь на флаг утрачены права.
Жизнь идёт, как на архипелаге,
Ибо “зоны” — те же острова.*

*“Зона” — это как загон овечий
Для двуногой топотной овцы;
Где штыками гонят каждый вечер
И несут умерших молодцы.*

*За ограду жадным взором глядя,
Пайку получив за чёрный труд,
Здесь всея Руси Великой чада
Самые бессмертные живут.*

*Здесь ворьё любых мастей и наций,
У которых жизнь — тюремный срок;
Мастера поганых махинаций,
Вороньё со всех больших дорог.*

*Шулера, шестёрки и бандиты,
Где у “сильных” слабый — это раб,
Чьи тузы не в битвах, в карты биты.
Нет зубов, а руки, как у баб.*

*Хищный сброд калек людообразных,
Вечно даром бравших хлеб и кров.
У которых даже рты, как язвы,
От поганых непотребных слов.*

*Те, кто волком рыскал по России,
Сытой вошью ползал без забот...
Словом, перечислить я не в силе,
Кто на этом “полюсе” живёт.*

*Но при чём тут я? По чьей-то мести,
Человек рабочий и простой,
А терплю, живу с волками вместе,
Крепкою опутан клеветой.*

*Русский парень, жил я будто в сказке,
Жил трудом за совесть, не за страх.
Видел светлый мир без чёрной краски
В голубых и розовых цветах.*

*Потому ли сам, совсем зелёный,
Наглотавший кровушки с соплём,
На кострищах дымных опалённый,
Я попал на этот остров свой.*

*Я шагал, дрожа от снежной пыли,
Улыбаясь жителям, как друг:
Жители меня при встрече сбили,
Вырвав хлеб из ослабевших рук.*

*По баракам воры песни выли,
Стаей сбившись к свету и теплу.
Я ж дрожал от этой страшной были,
Брошенный в проходе на полу.*

*Хлебушка просил, до слёз голодный.
Вор кричал мне, злобы не тая:
“Подыхаешь? Сдохни ты сегодня,
Лучше на день позже сдохну я”.*

*Сколько горя от людей я видел.
Падал, поднимался, но молчал.
Сколько слов в неслыханной обиде
Проглотил от боли по ночам.*

*И тогда запомнил я навеки,
Разглядев в раздумье, не спеша —
До чего ж гноится в человеке
Ядовитой яростью душа!*

*И живёт в людском пристойном виде
Весь закоченелый, злой до слёз,
Всех живых боясь и ненавидя,
С голодухи озверелый пёс.*

*Испытав мороз и голод молча,
Грудью встретив камни и ножи,
Горд я тем, что не завыл по-волчьи,
В волчьей стае молодость прожив.*

*Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предупренную стужу
Снова к жизни — в каменный забой.*

*Чёрный труд свой не прокляв ни разу,
Никого не сбивши в жизни с ног,
Горд я тем, что душу от заразы
Для друзей и Родины сберёг.*

*К ней в беде протягивая руки,
В утешенье думая о ней,
Часто пересилив сердца муки,
Я дышу свободней и ровней.*

*И спокойно вижу взглядом острым —
Взгляд у ээка бритвенно остёр —
Окольцованный снегами “остров”,
Страшный мир среди молчащих гор.*

Лагерь Куйдусун,
восточное Оймяконье,
район Усть-Нера,
1942–1945 гг.

В разговоре с А. Т. Штыровым удалось выяснить, что в далёкой Якутии живёт женщина по фамилии Боярова, которая многое знает о судьбе Бориса Ручьёва и о его жизни на “полюсе холода”. Редакция связалась с якутскими писателями и вскоре получила от них следующий материал...

* * *

Мария Поликарповна Боярова – заслуженный учитель Российской Федерации, почётный работник образования России – человек хорошо известный не только в Якутии, но и далеко за её пределами. И главная причина этой известности – созданный ею в маленьком селе Томтор, рядом с самим Полюсом холода – Оймяконом, уникальный школьный литературно-краеведческий музей. Все многочисленные экспозиции и немалые фонды этого музея, собранные за три десятилетия сельской учительницей и её учениками, посвящены только одной теме – жизни и творчеству репрессированных русских писателей, оказавшихся в колымских лагерях ГУЛАГа. Некоторые из них томилась на столь далёких от Оймякона “островах” зловещего “архипелага”, что никогда и не слышали о Полюсе холода, а вот Борис Ручьёв и Варлам Шаламов заканчивали свои сроки в лагере, который находился буквально в нескольких километрах от Томтора, и в их творчестве эпицентр якутской стужи отразился

всеми своими гранями. Не случайно одну из задуманных здесь, но не законченных поэм Борис Ручьёв так и назвал – “Полюс”. Долгие годы она была не известна читателю, и лишь благодаря подвижничеству таких людей, как Мария Поликарповна, увидела свет.

Вот как об этом рассказывает сама М. П. Боярова.

“В 1970 году я впервые прочитала книгу Бориса Ручьёва “Магнит-гора”. Поразила сила чувств и мыслей поэта, суровая и мужественная правда его поэзии.

Прошло несколько лет, и после очередного классного часа, посвящённого Борису Ручьёву, мы с моими учениками решили начать поиски. К тому времени мы знали только одно: Ручьёв в годы войны был неподалёку от нашего села. В своих воспоминаниях он писал: “Осенью 1941 года, после тяжёлых ожогов при пожаре тайги, я попал в больницу Оймьяконского дорожного участка Дальстроя. В три месяца преодолел острый кризисный период – заражение крови, едва избежав ампутации ноги и немного отдышавшись на больничной койке, я вновь, после четырёхлетнего перерыва, начал писать стихи”.

Мы выяснили, что больница упомянутого дорожного участка в те годы находилась в бывшем лагере, а ныне крошечном селе Куйдусуне, в трёх километрах от Томтора. Мы начали искать старожилов, но, к сожалению, в Куйдусуне не оказалось ни одного человека, кто бы жил там в годы войны.

Удача пришла неожиданно: наш земляк-оймяконец, бывший уже в глубоком возрасте, писатель Николай Максимович Заболоцкий рассказал, что, встретившись однажды с якутскими писателями где-то в Москве, Ручьёв вспомнил, как ему однажды пришлось принимать роды у женщины-якутки в далёком оймьяконском селе. Мы с ребятами тут же составили по документам сельсовета список родившихся в 1941–1943 годах и принялись вникать в “историю” рождения каждого из них. Женщиной, о которой говорил Борис Александрович, оказалась Екатерина Николаевна Винокурова, бывшая колхозница с отдалённого участка. Её уже давно не было в живых, но её родственники помнили “молодого красивого русского”, который спас Екатерину и ребёнка. Это было 18 сентября 1942 года. Екатерина пешком добиралась до больницы Томтора, но не успела: роды начались в пути. Её нашли дорожники и принесли в медпункт. Молоденький фельдшер Ручьёв сумел сделать всё, чтобы мать и дитя выжили, а потом долго выхаживал их. И откуда безграмотной якутке было знать, что её спасителем стал Борис Ручьёв, будущий лауреат Государственной премии России и кавалер нескольких орденов, чьё имя навечно останется в истории легендарной Магнитки. А тот малыш, которого назвали Дорием (от слова дорога, где он родился) тоже ничего не знал о Ручьёве, пока не получил письмо из школьного музея. Дорий Винокуров стал достойным человеком, заслуженным тренером, преподавателем. Нашёлся и ещё один оймьяконский “крестник” Ручьёва. Его, тогда ещё пастушонка-подростка, сбила машина. Парнишку с раздробленной ногой срочно привезли в медпункт в Куйдусун. Много дней он находился в тяжёлом состоянии, а когда приходил в сознание, видел перед собой внимательные голубые глаза молодого человека в белом халате. Чувствовал, как он постоянно массирует его бесчувственную ногу. А когда миновал кризис, подбадривал доброй улыбкой, ухаживал, как за малышом. Хотя сам заметно прихрамывал. Паренёк пролежал в больнице семь с половиной месяцев. Узнав об этом несчастье, одна из родственниц отправила пареньку костяную тросточку с металлической ручкой. Тросточка была чудесная, она была просто необходима больному, но тот, в знак глубочайшей благодарности, подарил её своему спасителю. Выздоровев, Ананий Винокуров до почтенного возраста лет честно проработал в родном селе. Когда я ему показала фотографию молодого Ручьёва, Ананий Степанович вёсь восторженно воскликнул: “Это он! Тот человек, который меня лечил!”

А потом мы решили написать письма близким и друзьям Бориса Александровича. Нам ответили Любовь Николаевна Ручьёва – жена поэта, которая заведовала его музеем-квартирой, Лидия Петровна Гальцева – литературовед, доктор филологических наук, автор книги о Ручьёве “Высокое откровение” и многих статей о нём, Михаил Михайлович Люгарин – поэт, ветеран Магнитки, близкий друг Ручьёва, Андрей Алдан-Семёнов. известный писатель, друг юности Ручьёва, Нина Георгиевна Кондратковская, поэт и журналист, и другие.

Как известно, Ручьёв был оклеветан и репрессирован в 1937 году. Тогда только начинала прокладываться печально известная трасса “Колыма” от

Магадана до Хандыги. Дорогу в крайне тяжёлых условиях строили заключённые, среди них и оказался осуждённый Борис Ручёв. Ожоги, полученные при тушении упомянутого пожара, надолго приковали его к постели. Но поэт мыслями и чувствами находился там, на войне, где лилась кровь его друзей, где решался вопрос жизни и смерти родной страны. На больничной койке рождались стихи.

*За счастье и за мир родного края
И мне пора бы с братьями в строю,
Оружие в руках своих сжимая,
С врагом заклятым встретиться в бою.
Но далеко колышутся знамёна,
Друзья идут в смертельный бой.
И в чутких снах долины Оймякона
Раскат боёв я слышу над собой.*

Поэт глубоко страдал от невозможности с оружием в руках защищать своё Отечество.

*В неистовых болях, в несносной тоске,
И днём мне и ночью не спится,
Дышу я, как рыба на жарком песке,
На койке полярной больницы.
И вижу вдали — в полумгле голубой
Над родиной тучи, на родине бой,
В огне золотые мои города,
Поля мои дымом повиты
От Тихого Дона до Невского льда...*

Позднее об этих стихах поэт писал: “Отшлифовывать слабые строки не могу, они дороги мне как подлинная запись моих колымских переживаний, первых, что вновь бросили меня к поэзии и возвратили к жизни”.

Здесь же, у нас, в Оймяконе, почти не пользуясь бумагой, “записывая” строки в памяти, поэт создаёт стихотворный цикл “Красное солнышко” — “через вечный полярный мороз в своём обмороженном теле Красным Солнышком душу пронёс...” Через годы он сам отметит в одном из предисловий: “Все 9 стихотворений “Красного солнышка” написаны в период между 1942—1956 годами. Писались они на Колыме, вернее — складывались в голове, на память, без бумаги, многие бесследно забывались. Всё, что выжило в голове, позднее записано на бумагу и осталось, как говорится, в живых”.

Пронести душу “красным солнышком” “через вечный полярный мороз” помогал поэту образ далёкой и любимой женщины.

*До боли обмораживая руки,
Порой до слёз тоскуя по огню,
В сухих глазах, поблекших от разлуки,
Одну тебя годами я храню.
Ты шла со мной по горным перевалам,
По льдинкам рек, с привала на привал,
Вела меня, когда я шёл усталым,
И грела грудь, когда я замерзал.
Чтоб знала ты: в полярный холод лютый,
В душе собирая горсть последних сил,
Я без тебя — не прожил ни минуты
И без тебя — ни шагу не ступил.*

Давно в снегах потерян портрет любимой женщины, но чудом уцелело её первое письмо, в котором строчки побледнели, точки выцвели давно, но до роже этого письма нет у поэта:

*На работу брал с собою,
От дождя его берёг.
Клал под камушек в забое,
Клал под спички в коробок.*

*Каждый вечер незаметно
От воров его скрывал,
Будто кровный и заветный
Мой последний капитал.*

В 1942–1945 годах Ручьёв работал над поэмой “Полюс”, в которой представлена целая галерея “отбросов общества”. С исключительной силой поэт запечатлел образ главного героя, мужественного честного парня, сумевшего “для друзей и родины сберечь” свою душу. Л. П. Гальцева, биограф Ручьёва, в книге “Высокое откровение” писала о том, что поэта особенно волновала тогда тема “бани”, тема “очищения России от родимых пятен прошлого”. Через эту баню должны были пройти бандиты и спекулянты, клеветники и воры, фальшивомонетчики и взяточники.

К сожалению, Ручьёв закончил только одну главу поэмы. Её, найденную в рукописях поэта, его вдова отправила в наш музей. И мы опубликовали её в нашем якутском литературном журнале “Полярная звезда”. Хотелось бы, чтобы её прочитал и всероссийский читатель”.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

ПОКА ЖИВА МОЯ ДУША...

ЗЛАТОУСТ

Без печали и без грусти
(С ними нынче не дружу)
Молчаливо в Златоусте
Я по улицам брожу.

Мне молчанье — не обидно,
В тишине — слышнее жить.
В Златоусте как-то стыдно
Безыскусно говорить.

Оттого я и не стану
Подражать в избытке чувств
Златоусту Иоанну
Жалкой речью бледных уст.

Потому-то беспечально,
Оборвав строку, как нить,
Златоустское молчанье
Будет в сердце говорить...

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился в 1947 году в станции Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли в селе Новая Таволжанка, что на Белгородчине. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов. Лауреат Всероссийских литературных премий “Прохоровское поле” (2003 г.), имени А. И. Фатьянова “Соловьи, соловьи...”. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Молодая вдова над могилой родной причитала:
“Дай-то Бог, чтоб земля легким пухом на милом лежала.
Спи спокойно, родной, — безутешно она голосила, —
Сколько вдов на земле, не нашедших любимых могилы?”

Молодая вдова над могилой скорбела о павших:
“Сколько есть матерей, в ожиданье до смерти уставших,
Сколько девичьих слез, сколько боли в судьбе нашей скорбной,
Чтоб родная земля оставалась счастливой и доброй?!”

Молодая вдова над могилой у Бога просила:
“Пусть воскреснет в душе безвозвратно ушедшая сила,
Пусть для тех, кто погиб, кто навеки остался солдатом,
Вечный вспыхнет огонь и рассветов земных и закатов”.

Молодая вдова над могилой в слезах причитала:
“Дай-то Бог, чтоб земля после нас больше горя не знала...”

Дай Бог... Дай Бог... Дай Бог...

* * *

Лишь заря над землей запыхает,
Тьма растает вдали,
Как в вагонные окна втекают
Покрова на Нерли.

И, устав от тумана и дыма,
Пробудилась весна.
Позади остается Владимир,
Впереди — тишина.

Ах, Россия!. Куда же ты мчишься?!
Стой!.. И стать нам вели.
Но едва ли до всех докричишься,
Покрова на Нерли.

А река белый облик глубоко
Отразит на мели.
И крестом устремляются к Богу
Покрова на Нерли.

* * *

Что о войне я нового скажу?
Какую службу словом сослужу
Её ли огневому рубежу,
Её ли полевому блиндажу?

На те слова мне не даны права,
Ведь я рождён в году сорок седьмом,
Когда послевоенная Москва
Ещё чернела в пепле фронтовом.

Я в люльке неподвешенной пищал —
Крюка стального не было у ней.
Вождь недостаток стали возмещал
Стране одной фамилией своей.

Шёл недород блокадой на народ,
Лишённый всех запасов на войне,
И старики сидели у ворот
Изб, не отстроенных ещё вполне.

И ни гвоздочка в скобяных ларьках,
Хоть на Руси углы все в “лапу” сбей.
И хлеба — кот заплакал! — в деревнях,
И сушь сгубила золото полей.

И не моя, наверное, вина,
Что в люльке навевала забытьё
Мне не война... А какова она —
Всем детством я почувствовал её...

* * *

*Но дело в том, что сам собою камень —
Он не бывает ни добром, ни злом.*

А. Твардовский

То ли варварами стали мы,
То ль подверглись оглуплению —
Свергли памятники Сталину,
Рушим памятники Ленину.

Нет, бывшее не стирается,
Что бы с вами мы ни строили,
Как бы с вами ни старались мы
Замести следы истории.

Убеждаться всем приходится,
Рано ль, поздно ль, трезвым будучи:
Кто о прошлом не заботится,
Тот отвергнут будет будущим.

Мы же ходим по развалинам,
Чтобы строить с умилением
Монументы новым сталиным,
Монументы новым лениным...

ПОЛУСТАНОК ВЕСЁЛЫЙ

По каким только сёлам
Я в пути не скучал?!
Полустанок Весёлый
В первый раз повстречал.

С настроением квёлым
Брёл один в тишине,
И совсем невесёлым
Показался он мне.

Брёл я, всем недоволен,
Только слышал с утра,
Как о звон колоколен
Разбивались ветра.

И летела на плечи
Золотая листва,
И несла мне навстречу
Свои воды Москва.

Мчался утренний скорый
Там, где радость хранит
Полустанок Весёлый,
Невесёлый на вид...

КРАСНЫЙ ОСЁЛОК

Ф. Г. Сухову

1

...И нету, как не было, лета,
Но только о том не грущу.
В крестьянской усадьбе поэта
Я в Красном Осёлке гощу.

Хожу крутогором. Дорога,
Петля, ложится у ног.
За мною спешит хромоногий
Доверчивый пёс Лепесток.

Светлынь проливается сверху,
Где краски сгущает закат.
Погост у разрушенной церкви
Глядит на заброшенный сад.

Глядит — сколько взглядом охватит! —
В ту сторону древней земли,
Где Волга натруженно катит
Могучие воды свои.

2

Привет тебе, Красный Осёлок,
Прими мой душевный поклон,
Свидетель времён невесёлых,
Далёких и близких времён.

Какие ты вынес удары
В безвестно-великой судьбе?!
И все мировые пожары,
Как смерчи, прошли по тебе.

С годами всё краше селенье!
И все же — вблизи и вдали —
Все четче видны наслоения —
Обиды и боли земли.

И, вспомнив разливы духмяных
Лугов, где пестрели цветы,
Ты окнами изб деревянных
Печально глядишь с высоты.

3

О чём ты тоскуешь, природа?
Неужто о том, чего нет?
Да здравствует наша свобода!
Да здравствует утренний свет.

О, Волга! — России знаменье!
Сегодня, вчера и всегда
Развеет ночные сомненья
Твоя заревая вода.

И если в пути я устану,
На солнце крыла опалю —
К тебе припаду я устами
И жажду легко утолю.

И, веруя в светлые годы,
Увижу уже без тоски:
Идут по реке теплоходы —
Сегодняшних дней бурлаки.

4

На взгорке крутом и высоком,
Где лес за спиною — стеной,
Прощался я с Красным Осёлком,
Как будто с родной стороной.

Кленовые листья резные
Летели, звенели в ушах.
Минуя тропинки лесные
Я выйти спешил на большак.

На ветке заливистый яблук
Зазывно и звонко звучал,
И запах антоновских яблук
Прощальную песню венчал.

Ложилась мне пóд ноги волгло
Трава, чуть укрыта листвою,
Где старицу новая Волга
Звала, как меня, за собой...

* * *

Еще леса листву не сбросили,
Когда внезапно в сентябре
Дороги тонко подморозило
На затухающей заре.

Огнём рябиновым подсвечена
Озябших веток худоба.
Как ты, погода, переменчива,
Как ты изменчива, судьба.

Мне не постичь твои превратности,
В тебе нет веры ни на грош:
Ещё вчера сулила радости,
Уже сегодня грусть несешь.

Я не страшусь морозов осени,
Что крепнут, ветрами дыша,
Пока леса листву не сбросили,
Пока жива моя душа...

МИХАИЛ ДЬЯЧЕНКО

ПУСТЬ ДНИ СТАНОВЯТСЯ ЛЕГКИ

* * *

Владимиру Молчанову

Сей мир с остатками былого
Ты, как безумный, не топчи.
Есть много в жизни рокового...
Поберегись, перемолчи!

Пускай сей мир — и досмеётся,
И дозвенит, и догрустит...
Он, может быть, ещё вернётся
И нас — утешит и простит.

* * *

Пусть дни становятся легки,
А мы — весомее с годами.
Пусть нам отпустятся грехи,
С трудом искупленные нами.

Пусть хватит сил, чтобы идти,
С дороги сдвинуть тяжкий камень,
Чтоб общий, наконец, найти
Язык с детьми и стариками.

И только пусть не будет дней,
Нарочно выдуманных нами
Для пущей важности своей
Перед людьми и их делами.

ДЬЯЧЕНКО Михаил Николаевич родился 1958 году в г. Белгороде, автор пяти сборников стихотворений: “Облака” (г. Белгород), “Степной сад” (г. Харьков), “Межень” (г. Харьков), “Стихотворения” (г. Белгород), “Вечерняя песня” (г. Белгород). Член Союза писателей России. Живёт и работает в Белгороде.

* * *

Эта птица-синица в оконце
Средь парящих пушистых ветвей!
Это зимнее утро и солнце —
На домах, на дымах, в синеве!

Так и хочется выкрикнуть звонко
В эту сладко сопящую тишь...
Вся во льду, — дремлет водоколонка,
Ты — идёшь и ведерком звенишь.

МОЁ ДЕТСТВО

Оно с годами не прошло,
А где-то тайно существует.
Оно ещё сильней волнует —
И отдаёт своё тепло.

Пережеваясь с болью дня,
С его трагедией и фарсом,
Своим сопливым государством —
Оно опять смешит меня.

Зовёт меня и даже дразнит...
Там вечный полдень, вечный праздник.
Там ждут гостей и — всех, всех, всех!..
Там я не знаю — смерть и грех.

* * *

В синеве полупрозрачной облака
Высоко столпились надо мной,
Нагревается на солнышке щека —
Я бегу тропинкою речной.

Это было! — и река, и облака,
И весёлая тропинка над рекой...
Голос мамин, мамина рука,
И — покой, покой, покой, покой.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

НА КРАЮ СЕЛА

РАССКАЗ

Добротным, тем более современным домом сие строение при всём желании назвать было трудно — избушка на курьих ножках, срубленная прадедом Стояновых чуть ли не сто лет назад, или, как он сам однажды сказал: “Сразу после того, как Вильгельму повоевали”.

Из-за того, что домишко несколько раз ремонтировали, снимали с него солому и перекрывали сначала рубероидом, а затем шифером, оно смотрелось довольно весело и прилично. И внутри было просторно: кроме кухни здесь размещались горница и спальня.

Однако главная изюминка не в самом доме, а в том месте, где он стоял: на самом краю села, и от него рукой подать до огромного пруда — более трёхсот метров в ширину и чуть ли не полтора километра в длину. Опоян пруд лесополосой из сосен, берёз и лип. В конце огорода возвышался покатый меловой холм, на вершине которого начинался лес.

Зажиточные горожане — село находилось в пяти верстах от райцентра — постоянно досаждали просьбами продать им дом под дачу. Деньги немалые сулили, но Ольга всем отказывала.

Прадед Савелий Тимофеевич рубил дом на большой кагал — двенадцать душ, но доживать в нём пришлось его правнучке Ольге со свекровью и своей двоюродной сестрой. Наложилось одно на другое: сначала у свекрови в со-

ТАРАСОВ Александр Васильевич родился в 1952 году в городе Шебекино Белгородской области. Служил в армии, учился в Воронежском государственном университете, работал мелиоратором, пожарным, строителем. В настоящее время — сотрудник районной газеты “Красное знамя”. Автор книг прозы “Соседи”, “Никто не уходит навсегда” и книги стихов “Я молюсь за Россию”. Печатался в журналах “Наши современники”, “Звонница”, “Светоч”. Живёт в г. Шебекино.

седнем селе хата сгорела, и её пришлось приютить, а потому у двоюродной сестры, инвалида с детства, после смерти родителей было два пути: в петлю или в дом престарелых. Ольга избавила убогую и от одного и от другого — к себе коротать век забрала. Муж Ольги — Николай молодым ещё от пьянки стигнул, ему к тому времени и тридцати четырех годов не исполнилось. Работал Николай в колхозной столярке, руки у него были дай Бог всякому, что и стало для доброго, безотказного парня трагедией: заказы от односельчан сыпались один за другим, и расплата за услугу каждый раз одна — бутылка. Детей Ольге с Николаем Господь не дал, но, может, оно и к лучшему.

Пока Ольга при социализме работала в колхозе учётчиком, жить было можно, но едва только перестройка клятая зашевелилась, как только о демократии затрубили, колхоз сразу же развалился, а на его обломках соорудили акционерное общество, которое через время силком втянули в состав агрохолдинга с глупым названием “Прогресс-Агро-Победа”. Ольга тотчас попала под сокращение. Ей аккурат к тому времени пятьдесят пять стукнуло — пенсионный возраст для женщины.

Никому не нужной Ольга стала. Приглашали, правда, иногда с мужиками-пенсионерами солому скирдовать, но какой там заработок? К тому же и расплачивались не всегда вовремя и не всегда деньгами, а то зерном, то овощами какими-нибудь. Не по людски расплачивались, не по совести.

Пошла жизнь через пень-колоду, чем дальше — тем хуже. Пенсия у всех троих мизерная, а дороговизна на всё живое и мёртвое, как на дрожжах, растёт. Держались в основном за счёт огорода в десять соток. На нём Ольга сама ковырялась: сестра почти безногая, а свекрови восемьдесят с гаком, считай, какие из них работники? Тем более что свекровь последние три года всё время болела. Расходы на лекарства с ног ссадили, да ещё власти налогами да сборами всякими задавили: квитанции за свет, за газ, за землю почтальонша Нина каждый месяц приносила. Потому женщины и старались включать свет как можно реже, утюгом и телевизором вообще не пользовались. Да их, по правде сказать, у Стояновых и не было.

— Всё время в потемках живём, как в войну, — вздыхала иногда свекровь — хоть бы скорее Господь к себе прибрал.

Не зря в народе говорят: пришла беда — отворяй ворота. Как оно на самом деле произошло — никто не знает, только отравилась сестра-калечка газом. Ольга в тот день с утра свекровь в местный фельдшерско-акушерский пункт водила на другой конец села — километра два от их дома, а когда вернулись к обеду — сестра мёртвая на полу у порога лежит; конфорка на газовой плите открыта, на конфорке двухведёрная кастрюля с почти выкипевшей водой стоит.

Милиция потом разбиралась. Списали всё на несчастный случай. Зато односельчане твердили в одну душу: сама себя убогая порешила. А раз так, то и не дали старoverы согласия хоронить её вместе со всеми на кладбище: по нашей вере самоубийство — грех.

Одна лишь старуха Кисуриха за калечку заступилась, да и то как: — “Убили Стоянцы Богом обиженную, штобы не кормить. Сами убили!” — уверяла она всех так, словно была очевидцем произошедшей смерти. Кисуриха всю свою долгую жизнь со всеми враждовала и всех ненавидела.

Сколько нервов пришлось потратить, прежде чем похоронили отравившуюся! Односельчане — все как один старoverы — предупредили и главу местной сельской администрации, и участкового милиционера: попробуйте, мол, только дать разрешение похоронить на кладбище! И власти сдались: дали добро на то, чтобы закопать усопшую в конце огорода.

Яму Ольга копала вместе с дедом Гришкой, бывшим колхозным конюхом, который чуть моложе Ольгиной свекрови, да к тому же ещё и хромой на одну ногу, ибо был серьёзно ранен в Великую Отечественную войну. Больше помогать никто не стал: без магарыча “ни один дурак” не согласился. А на магарычи у Стояновых денег не было. Не было их и на то, чтобы справить поминки. Денег едва хватило, чтобы гроб в прокат на четыре часа взять, а потом вернуть его в контору.

Схоронила бедолагу, по определению деда Гришки, как безымянного солдата в войну: без пона, креста над могилой и поминального застолья.

— Царствие ей небесное! Пусть лежит и на нас не гневается, — плакала днями, а иногда и ночами свекровь, и этим своим плачем просто вынимала из Ольги душу.

— Мама, мы сделали всё, что смогли.

— Да я понимаю, и всё-таки...

Кончилось всё тем, что Ольга попала с инсультом в районную больницу. Ухаживать за нею было некому, пенсии едва на шприцы да на шоколадки медсестрам хватало, питание было такое... Впрочем, в Ольгином ли положении на больничное питание жаловаться? Выкарабкалась кое-как к ноябрьским праздникам.

Домой на попутке добралась, а там сюрприз: дом на замке, на дворе — “ни куренка, ни цыпленка” и, главное, свекровь невесть где. Потом выяснилось: ключ от дома у соседки, свекровь умерла, пятерых кур съели те, кто занимался похоронами.

— Другая неделя уже пошла, как преставилась Матвеевна, — рассказала соседка. — Я её мёртвой нашла на полу возле кровати. Она перед этим два дня из дому не показывалась. Могилка её на краю кладбища, там, где акация разрослась.

Был ветреный, промозглый сырой день. Разнокалиберные, но все как одна тяжелые тучи ползли по небу, сменяя друг друга. Дождь то усиливался, то лениво и реденько сыпался с низких небес на голые кусты акации, могильные пирамидки и кресты, холод проникал под тоненькую болоньевую черную курточку, и Ольга, зябко ёжась, прятала озябшие красные руки в рукава, словно в муфту, прижимала их к груди. Над свежим бугорком свекровиной могилы высился невысокий, старый, треснутый во многих местах крест, омытый дождями и высушенный ветрами и солнечными жаркими лучами до белизны. Раньше он возвышался над другой могилой и был покрашен в голубой цвет, но потом, когда на его месте появился новый памятник, крест за ненадобностью выбросили в мусорку на краю погоста, и наверняка быстро сгнил бы там без толку, кабы волею обстоятельств не получилось так, что он должен и может послужить своему предназначению ещё какое-то время.

Ольга стояла у могилы, опустошенная болезнью и лекарствами, глаза её были сухими, бескровными, синеватые губы плотно сжатыми.

— Крестик надо бы при случае покрасить, — думала она, — Но это весной, к Пасхе. Пасха в следующем году будет ранняя — четвёртого апреля.

На крест неожиданно камнем упал шустрый тощий воробей, боязливо зыркнул на Ольгу маленькими тёмными бусинками глаз, чирикнул, вспорхнул и был таков.

— Мне тоже пора в тепло, а то не дай Бог простужусь ещё, — подумала Ольга.

Всю осень и зиму чувствовала она себя отвратительно: болячки досаждали постоянно, все деньги уходили на покупку лекарств. Ольга как манной небесной ждала весны, почему-то надеясь, что с приходом тепла и солнца жизнь её станет абсолютно другой, новой. Но едва побежали ручьи и зазвенела капель, как её второй раз настиг инсульт. Был он ещё более тяжелым, чем первый. Ольга долго валялась в больнице и домой вернулась в конце апреля с почти парализованной правой рукой и невнятной речью. Врачи строго-настрого запретили ей заниматься физическим трудом и расстраиваться.

— Берегите себя, или последствия могут быть самыми страшными, — напутствовала Ольгу молоденькая медсестра, к которой Ольга за время болезни прониклась большей симпатией, чем к остальному персоналу, за её простоту и внимательность.

— Куда ещё хуже? — сказала Ольга и поцеловала руку смутившейся от неожиданности девушки.

Весна набирала силу, всюю бушевала юная зелень, крепко пахли клейкой листвой липы, птицы, давным-давно прилетевшие из-за теплых морей, на радостях успевали и песни петь, и хлопотать по хозяйству. Огород Ольги зарастал бурьяном. На него было больно смотреть, и она попросила соседей, чтобы они засеяли его хотя бы для себя. Те, поколебавшись немного, согласились.

От нечего делать Ольга часами сидела во дворе или возле двора на солнышке, старалась чуть ли не поминутно перебрать всю свою предыдущую жизнь. И чем больше она об этом думала, тем хуже становилось её состояние.

Вечером, в канун дня Победы и в канун Ольгиного шестидесятилетия, у её дома остановился, блестя в лучах заходящего солнца чёрным лаком, джип. Из него легко и ловко выпрыгнул высокого роста, рыжий, коротко стриженный парень лет двадцати восьми—тридцати и, без стука толкнув калитку, направился уверенной, упругой походкой в дом.

Ольга растерялась: кто бы это мог быть? И потому не отозвалась на первый стук во входную дверь. Лишь когда стук повторился более настойчиво и громко, она крикнула — не заперто!

Парень был одет в чёрную шелковую безрукавку и в такого же цвета джинсы, но кроссовки размером чуть ли не с детские пластиковые лыжи были белыми.

Гость поздоровался и без всяких предисловий предложил Ольге отдать её дом ему.

— Что значит — отдать?

В предчувствии чего-то нехорошего Ольга, и без того слабая, ослабела ещё больше и присела на стул.

— Вы меня не знаете? — удивился парень. — Странно! Я думал... Ну, да ладно: я старший сын генерального директора агрохолдинга “Прогресс-Агро-Победа”. Мы запланировали на этом месте, где находится ваша завалюха, построить офис. Здесь всё нас устраивает: ландшафт местности, подъездные пути и прочее.

Ольга смотрела на незваного гостя и никак не могла от волнения и слабости понять, о чём он толкует. Молодого человека было так много, он был таким огромным, что горница казалась совсем крохотной, и Ольге стало не хватать кислорода, она почувствовала, что задыхается.

— Ты чего, бабуль, молчишь? — весело поинтересовался верзила. — НЕ ВРУБИЛАСЬ, О ЧЁМ Я ТЕБЕ БАЗАРИЮ? Могу повторить ещё раз: предлагаю тебе обмен — мы определяем тебя в дом престарелых, выплачиваем тебе же за твою развалюху определенные копейки и сверх того — даём тебе вот это...

Парень вынул из заднего кармана пачку зелёных купюр и шлепнул их возле керосиновой лампы.

— Сроку тебе на обдумывание — до конца недели. Сегодня вторник.

— Сестру Катю я здесь недавно в конце огорода похоронила. Могилка её...

— Ай, ерунда! Слышал я. — Парень скривился. — Перенесём мы могилу на край кладбища, куда захотим. Какие проблемы?

— Народ не позволит..

Ольга хотела сказать ещё, что это из-за односельчан могилка калечки оказалась в конце её огорода, но парень не стал слушать, перебил с презрительной усмешкой:

— Какой народ? Вот эти мыши, что живут в вашем селе? Да кто их спрашивать станет? Большинство из них в нашем холдинге пахут, нашим хлебом кормятся... Народ! Плевать!

Парень умчался на своем джипе так же быстро и неожиданно, как и появился, а Ольга за всю ночь ни на минуту не могла сомкнуть глаз: тошнота как подкатила с вечера к горлу, так до самого утра и не отпускала, голова раскалывалась от боли, нечем было дышать. Несмотря на страшную усталость и апатию, Ольга не могла ни сидеть, ни лежать, а всё пыталась двигаться по тёмным, пустым и глухим комнатам.

Утром, чуть свет, в дом Ольги ввалился ещё один неожиданный гость — участковый Коваль. Был он уже далеко не мальчик — за сорок где-то, высок ростом и очень толст.

Раскорячившись на стуле, он снял с потной лысой головы форменную фуражку, достал из кармана брюк носовой платок.

— Значит так, милая, — сказал он, обмахиваясь платком, словно веером. — Ты, по-моему, в последнее время слишком много стала о себе мнить. — И не давая опешившей Ольге раскрыть рот, продолжил отдышли-

во: — К тебе вчерась порядочный человек с предложением приезжал? Приезжал! Предложение делал? Делец! Так какого же ты... из себя что-то там корчишь? Ты кто такая, чтобы против таких людей выступать?

— Но ведь...

— Ты, едрёна корень, не умничай. Не умничай! Тебе большие люди деловое предложение сделали, а ты им чем на их доброту ответила?

Участковый полез в карман за сигаретами.

— Это... это родовой наш дом, его ещё мой прадед Савелий Тимофеевич рубил, в нём...

Ольга задышалась, голова у неё кружилась, и она вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

— А ты что, дворянка, едрёна корень? — захохотал участковый. — Ты мне тут комедь не разыгрывай и глаза под лоб не закатывай, я на таких, как ты посмотрелся за двадцать лет работы в органах, поэтому предупреждаю: сутки тебе на размышление, а не то...

Он грузно поднялся, одел фуражку.

— Где у тебя воды напиться можно?

Ольга махнула рукой в сторону кухни.

До обеда она просидела, не шелохнувшись, у окна, глядела на улицу, о чём-то думала. Потом тяжело поднялась и, опираясь о стенку, подошла к шкафу, достала из него пачку таблеток, понижающих давление. Высыпала их все в рот, постояла, отдышалась, зачерпнула кружкой воду из эмалированного ведра. И опять постояла, словно в забыты. Мыслей уже никаких не было.

...Весь керосин из лампы Ольга вылила на постель, морщилась от удущивого едкого запаха, потом долго слепо шарилась в поисках коробка со спичками. Её шатало, бросало из стороны в сторону, но всё-таки она изловчилась и сумела достать дрожащими, неуверенными пальцами серник, чиркнула им по коробку. Чиркнула, и в тот же миг мир, окружавший её доселе, рванул необычайно яркой вспышкой, отчего появилась в нём огромная дыра, в которую и полетела стремительно, словно боясь куда-то опоздать, малюсенькой искоркой Ольга, а потом где-то там, в глубине дыры, в недрах непостижимой бездны, вскоре и погасла.

СЕРЁЖКА

РАССКАЗ

Тётка Тамара умерла, а Серёжке совсем не страшно. Вон она лежит в длинном и узком, оббитом чёрным ситчиком гробу в зале под образами. Лица её из дверей спальни не видно, лишь жёлтый длинный нос торчит, а по нему большущая зелёная муха ползает. Соседка через два двора, старая Анна Никифоровна сидит у гроба и то ли дремлет, то ли думает о чём-то своём, не видит муху, не отгоняет. И другие ничего не делают, только стоят и смотрят, иногда переговариваются шепотом между собой. А муха ползала, ползала и перелетела с тётки Тамариного носа на лоб Анны Никифоровны. Та встрепенулась наконец и отмахнулась рукой, покачнувшись на стулке, чуть на пол не грохнулась. Смешно!

Серёжка отступил вглубь спальни и ничком упал на кровать. Плечи его вздрагивали от смеха.

В хате душно. За окном конец августа, солнце в зените. Жарища-а! Поникшие, серые от жары и пыли листья сирени начинали уже кое-где буреть, а на берёзе, что за забором в огороде, так вообще уже чуть ли не половина листьев в ярко-жёлтый цвет окрасились. Осень на носу, холода не за горами, дожди.

Где Серёжка будет жить в то время — Бог весть, как любила повторять умершая тётка Тамара. Серёжка ведь один остался на белом свете, как перст один (опять любимые тёткины выражения), ни отца у него нет, ни мамы, ни даже далёких родственников. Была вот одна тётка Тамара, не старая ещё, но померла неожиданно. Рак лёгких, говорят, у неё был. И что это за рак такой? Вот бы поглядеть на него хоть одним глазком, увидеть, как он пожирает человека изнутри. И как он попадает во внутрь — тоже интересно бы узнать. Вообще, на свете много интересного. Вот, например...

— Ты плачешь? Ну поплачь, поплачь, касатик, полегчает.

Серёжка ещё глубже вдавил лицо в подушку и плечи его затряслись сильнее. Он узнал голос уборщицы из промтоварного магазина бабушки Фросы — старушки уже совсем, но шустрой и очень доброй.

Серёжка почувствовал, как теплая, сухонькая ладошка старухи легла ему на затылок и легонько погладила волосы.

— Поплачь...

Серёжины покойные родители были детдомовцами. Они долгое время учились вместе, работали на химкомбинате в городе Воскресенске, что под Москвой, и погибли в один день от взрыва в цеху какого-то там то ли котла, то ли газового резервуара. Папа сразу умер, а мама ещё почти сутки от ожогов мучилась. Но схоронили их вместе, в одной могиле.

Из общежития, где они раньше жили, Серёжку забрала в село троюродная тётка мамы, которая невесть откуда объявилась — или с Камчатки, или с Сахалина — и купила себе хату на Белгородчине. Десятки лет о ней не было ни слуху, и вот объявилась.

Два с половиной года назад, когда погибли родители, Серёжке семь лет исполнилось, и он должен был через лето в школу идти. Тётке Тамаре тогда пятьдесят четыре было, но выглядела она гораздо старше — лицо всё в морщинах, тёмное, фигура сухощавая и чуть сгорбленная. Но особенно губы тётку портили — синие и очень тонкие. Жалобы на какие-то свои болезни у неё были постоянно.

Из-за этих её болезней и Серёжке часто “на орехи” доставалось. Нет, нельзя сказать, что она была постоянно как-то по-особенному зла, но частые вспышки гнева, переходившие порой в истерию, делали жизнь Серёжки нервной, а временами опасной. Потом, правда, тётка каялась, плакала, пыталась приласкать обиженного. Но проходило совсем немного времени, и тётка вновь срывалась с цепи. В такие моменты у неё начинала идти горлом кровь, и когда тётка пыталась кричать, кровь разбрызгивалась вокруг, в том числе попадала и на Серёжку.

Бабушка Фрося частенько навещала их дом, нет-нет да и говорила тётке укоризненно:

— Скаженная ты, девка. Во зле не ведаешь, што творишь. Так ведь до греха недалече. Угроишь пацана ни за понюшку табаку.

Тётка в ответ только черными своими глазами зыркала и губы синюшные поджимала.

Питались они, как считала сама тётка, “так себе”, что называется, с хлеба на квас перебивались. Мясо и рыба только по великим праздникам на столе были. А то всё в основном картошка, суп да каша какая-нибудь, чаще всего пшенка.

Тётке жирное противопоказано было, да она и без того в еде неприведливой была. К тому и Серёжку приучала.

— Обвыкайся, — говаривала она бывало, — тебя в жизни впереди не пряники медовые ждут, дай Бог, чтобы хлеба вволю было. Образованием хорошим я тебя обеспечить не могу, не за что, да и не доживу я до тех золотых дней, когда ты в люди выйдешь..

Серёжка слушал, согласно кивал головой, а сам вспоминал, как им в школьной столовой и котлетки, и конфетки и даже мороженое иногда давали.

— Знаешь пословицу, — продолжала учить уму-разуму тётка, — кушай тюрю, Яша, молочка-то нет.

— Не пословица это, а присказка, — поправлял Серёжка.

Тётка отмахивалась:

— Какая разница, главное, что умно сказано.

Так и прожили без малого три года: Серёжка в школу бегал, тётка летом в огороде ковырялась, зимой с бабушкой Фросей кости соседям мыла, да про болезни свои разговоры разговаривала. В последнее время, правда, она чаще лежала. Иной раз Серёжке за неё даже приходилось стряпать: картошку там сварить или поджарить, кашу постную в духовке в чугушке запарить. Но это всё не тяжело было, даже интересно. Страшно, когда тётка в кашле заходила, и кровь из-под тряпицы иногда во все стороны летела.

Серёжку отвлек от невесёлых мыслей дребезжащий козлиный голос настоятеля местной церкви отца Фаддея, который ввалился в дом вместе с двумя певчими отпевать усопшую. Был батюшка, несмотря на свои невеликие ещё лета, весьма дороден, высок, но волосистой покров на голове и лице имел скудный, а голос — жидкий. Винцом он особо не увлекался, был приветлив и обходителен. За те полтора года, что прослужил отец Фаддей в местной церкви, о нём никто ни разу худого слова не сказал. Даже мужики и парни, которые при встрече всегда первыми здоровались с ним, а некоторые любили ещё и поговорить на “вольные темы”.

Серёжка опять чуть ли не рассмеялся во весь голос, когда огромный священнослужитель тоненько заблеял молитву и широко замахал густо дымящим кадилью. Две пожилые тётеньки, пришедшие с ним, подхватили молитву дружно и ловко.

В доме стало ещё труднее дышать.

Серёжка быстрее задёрнул тяжелую серую занавеску, что была в спальне вместо двери в зал, сел за старый, шаткий, покрытый рыжей клеёнкой стол, что стоял у окна впритык к стене, и стал смотреть на улицу.

Там не было ни единой живой души, если не считать трёх купавшихся в пыли кур, да ещё воробья, нашедшего себе тенёчек на одной из веток сирени. Солнце уже перевалило свой зенит, но жарило по-прежнему изо всех сил.

Серёжка вдруг вспомнил, как Наташка Кириленко из их класса, хвастунья и ябеда, но хорошо игравшая в волейбол, рассказывала прошлой зимой в школе, что её мама, когда хоронили дедушку, написала письмо за несколько лет до того умершей бабушке и положила в дедушкин гроб. Наташка хвасталась, что бабушка на том свете это письмо получила. Когда Наташку спрашивали, откуда ей известно, что до бабушки письмо действительно дошло, она отвечала запальчиво: — Оттуда! — и показывала язык.

Девочки все до одной верили Наташке, а мальчишки некоторые сомневались и говорили, что Наташка всё врёт потому, как на том свете темень — хоть глаз выколи, и прочитать письмо под землёй нет никакой возможности.

Серёжка верил. Он верил Наташке ещё и потому, что она хоть и хвастунья, но училась хорошо, иногда даже Серёжке помогала во время контрольных некоторые задачки решать. Порешает всё своё сначала, а потом и ему, соседу по парте, помогает.

Вспомнив про Наташку, Серёжка очень захотел её увидеть, хотя знал: почти до конца месяца это нереально, уехала Наташка на днях со старшей сестрой в гости к родственникам в Санкт-Петербург.

Батюшка с певчими продолжали в зале читать молитву над умершей тёткой, во дворе неожиданно задухотала соскочившая, наверное, из гнезда курица, и её вопль подхватил тощий, белый с желтизной петух с большим красным гребнем, свалившимся набок. Петух выскочил из-под крыльца и орал так, как будто это не курица, а он сам неожиданно съёс яйцо и теперь на радостях старался как можно громче оповестить об этом округу.

— Шалопутный, — прошептал чуть слышно Серёжка и полез в школьный рюкзак за шариковой ручкой.

Достал из рюкзака заодно и черновую тетрадь с несколькими чистыми ещё листками.

Прежде чем написать первое слово он долго и сосредоточенно смотрел в окошко, думал.

“Дорогие мои папочка и мамочка, — написал он. — Опять подумал, зачеркнул “дорогие” и сверху вывел “любимые”. — Тётка Тамара умерла вчера от крови, и по ней муха в гробу ползает. Я не знаю, с кем я теперь буду жить. Я никому не нужен. Бабушка Фрося сказала, что меня в детдом, наверное, определят. Она бы меня взяла к себе, да старенька уже, ей не раз-

решат, и пенсия у ней такая, что только ей самой да мухам на еду хватает. Говорят, в детдоме страшно, и никто никому не нужен. А я есть хочу, с самого утра только чайку с хлебом поел, всем некогда, тётку Тамару хотят хоронить. Мамочка и папочка, если вы там у себя увидите Бога, попросите его, чтобы он помог мне, потому что мне помочь больше никому. Я буду ждать. Я вас очень люблю”.

Серёжка задумался: чтобы ещё написать? Но ничего больше не придумал, вырвал листок из тетрадки и вчетверо сложил его.

От дома до кладбища было не более километра. Проводить усопшую в последний путь собралось считанное количество человек: тётку, в силу её болезни и характера, в селе особенно “не праздновали”, жила она здесь мало, да и к тому же конец августа — время жарких огорода-полевых работ.

Кроме шести достаточно престарелых мужчин — “копачей” (они и гроб несли, и ямку копали), за гробом шли десяток женщин, да ещё Серёжка с бабушкой Фросей. Серёжка специально упросил бабушку приотстать немножко и сказал потихоньку:

— Бабань, а я маме с папой письмо написал.

— Ага, ага, дитятко, хорошо, — закивала согласно головой бабушка Фрося, думая о чём-то своём. А потом аж остановилась испуганно:

— Как написал? Куда? — спросила она, и на её красных, подслеповатых глазах появились слезинки.

— Я не знаю, как мне тётке Тамаре его в гроб положить.

Старуха стояла, слёз на её глазах становилось всё больше, она их не вытирала, а лишь прикрыла рот ладонью левой руки, словно придавливала крик, который в любую секунду готов был вырваться из этого самого рта.

— Господи Иисусе Христе, — наконец нашлась она и дрожащей рукой перекрестилась три раза сама и перекрестила Серёжку. — Горемыка ты несчастный, и кто же это тебя надоумил писать, ай сам придумал?

Серёжка насунулся. Он испугался и подумал, что зря рассказал старухе про письмо — теперь она ни за что не разрешит его положить в гроб к тётке.

— И где это письмо?

Серёжка молчал.

— Что же ты молчишь? Давай письмо, я его незаметно в гроб суну. Не бойся, никто не узнает!

Серёжка недоверчиво посмотрел в глаза бабушке.

— Не бойся, не бойся, дитятко, сделаю всё как надо.

Бабушка Фрося перекрестилась и взяла четвертушку бумаги из потных и грязных Серёжиных рук.

Перед тем, как накрыть гроб крышкой и начать вколачивать в него гвозди, один из копачей грубо подтолкнул Серёжку в спину.

— Чего стоишь, сияешь, как медный самовар? Иди с тёткой попрощайся, — выдохнул он едким вонючим перегаром.

Серёжка попятился назад, готовый расплакаться, он боялся покойников. Вступила за него бабушка Фрося.

— Чего пужаешь дитёнка, непутёвая голова, — напустилась она на копача. — Видишь, он и так ни жив, ни мёртв стоит.

И пригорнула Серёжку к себе.

Серёжка уже знал, видел, как бабушка совала несколько минут назад под подушку в гроб к тётке его письмо, и теперь желал только одного: быстрее бы заколачивали этот гроб и засыпали землёй, чтобы письмо быстрее попало к его родителям.

Когда над тёткиной могилой поставили большой жёлтый деревянный крест, и все потихоньку потянулись с кладбища к поминальному столу, который был накрыт в их подворье, Серёжка стоял у могилки и думал: передала ли тётка письмо родителям? То-то они, поди, сейчас радуются за него! Ведь когда они погибли, Серёжка ещё в школу не ходил и писать не мог, а теперь...

— Папочка, мамочка, я вас очень люблю, — сказал Серёжка и впервые с момента тёткиной смерти заплакал. Плакал он долго, навзрыд: ему очень не хотелось в детский дом.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

ЗА ЧТО ДОСТОЙНО УМИРАЮТ

* * *

*В тени от облака
мне выройте могилу...*
Ю. Кузнецов

Прости,
но в тени от облака не получилось...
Положили на Троекуровском,
где неподалёку
спит твой старший товарищ —
фронтовик Виктор Иванович Кочетков.

Ноябрьское небо
над землёю низко склонилось.
Слёз было много
и мало слов.

ЧЕРКЕСОВ Валерий Николаевич родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области. Автор девяти поэтических сборников, двух книг стихотворений для детей и документальной повести "Минёрам было по шестнадцать", которые изданы в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Печатался в московских журналах "Слово", "Наш современник", "Москва", "Знамя", "Молодая гвардия", "Роман-журнал XXI век", а также "Нева" и "Всерусский соборъ" (Санкт-Петербург), "Поле Куликово" (Новомосковск), "Южная звезда" (Ставрополь), "Подъём" (Воронеж), "Дальний Восток" (Хабаровск), в "Литературной газете" и "Литературной России", в других периодических изданиях, сборниках и антологиях. Член Союза писателей России с 1991 года. Живёт в Белгороде.

А облака в тот день
в синеве растворились,
тени исчезли —
лишь тихий и вечный свет.
Мы простились,
ненадолго с тобою простились:
у поэтов,
как у стихов,
забвенья и смерти нет.

ноябрь 2003 г.

ВETERАНЫ ПРОХОРОВСКОГО СРАЖЕНИЯ

1

По фотографии он водит
Подрагивающей рукой:
— Вот Саня, Миша и Володя,
И я стою. Нам завтра в бой.
Остался я лишь...

А на снимке
Солдаты смотрят озорно
И браво. Юные улыбки,
Как у героев из кино.
Они как будто что-то знают
Такое — нам и не понять:
За что достойно умирают
И вечно будут умирать.

2

— Театр военных действий был развёрнут... —
Велеречиво, будто генерал,
Он говорит, вниманьем нашим тронут,
А сам юнцом безусым воевал,
В солдатской полинялой гимнастёрке
В окопе поизраненный лежал,
Из-за разбитой “тридцатичетвёрки”
Ни “действий”, ни “театра” не видал.

* * *

Бабушка хранила Евангелие
в старом сундуке,
а ключик прятала в потайное место.
Когда я оставался дома один,
то находил заветный ключик,
отпирал скрипучий замок
и доставал
таинственную чёрную книгу
с растрёпанными страницами.

Больше всего
мне нравились картинки,
особенно одна —

худющий человек с добрым лицом,
прибитый огромными гвоздями
к деревянному кресту.

Я читал по слогам:
— И-и-сус Хри-стос, —
и сердчишко замирало, сжималось,
стучало часто-часто,
словно за мной
кто-то долго гнался.

Я и сейчас
не могу спокойно
произносить Его Имя.

Поздравляем верного друга нашего журнала с 65-летием!

ВЕРА КОБЗАРЬ

И НИЧЕГО КАК БУДТО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

ИЮЛЬ

Мы пили чай с вареньем чайной розы
Из белых чашек с золотой каймою.
Был летний полдень. Жарко. И стрекозы
Роились над волной горячей зноя.

Уснул паук на листьях повилики..
...Шёл разговор лениво-монотонный,
В цветах играли солнечные блики,
И ложечки позвякивали томно.

И ничего как будто не случилось —
Как будто не расстались мы навеки,
Лишь только сердце очень сильно билось,
И незаметно вздрагивали веки.

КОБЗАРЬ (КОСТЕНКО) Вера Петровна родилась в селе Красноталовка Еланского района Волгоградской области. Окончила Всесоюзный финансово-экономический институт в Белгороде. Автор сборников стихотворений "Вчера был снег" (1996), и "Весенний дождь" (2002). Член Союза писателей России.

К РОССИИ

Враг не дремлет.
Он кровавым оком
На тебя глядит,
Святая Русь.
Скоро, скоро
Выйдут сроки сроков —
О твоём спасении молюсь.

Собери благое по крупицам,
Распахни бесстрашные крыла,
И отступит враг, и убоится,
Если грянут все колокола.

Нерушимой
Крестной силой Божьей
Ты хранима
Многие века.
Враг не дремлет —
И тебе негоже
Прятать в ножны
Грозный меч пока.

* * *

Всю ночь горю звездой в твоём окне,
А утром солнца луч меня сотрёт,
Но не хочу печалей обо мне,
И не хочу я знать всё наперёд.

Босым дождём ступаю на карниз,
Здесь суть вопроса — быть или не быть?
Земное притяжение тянет вниз,
А дух стремится в небо воспарить.

Земля и небо — вечен их союз,
Что сердцу ближе — лишь тебе решать,
Любовь моя — не самый лёгкий груз,
Но знай, я научу тебя летать!

РОЖДЕСТВО

В сельском храме сладко пахнет ладаном,
Тёплый свет струится от лампад.
За окном снежок нарядом свадебным
Украшает яблоневый сад.

Из-за тучи выплыл угол месяца
Посмотреть, как ясен мир и прост.
Высоко звезда взошла и светится
Ярче всех горящих с нею звёзд.

Детский голосок звенит на клиросе,
Как хрусталь, мелодия чиста —
Ввысь стремится с пожеланьем мира всем
В светлый час рождения Христа!

ЮРИЙ МАКАРОВ

РОВЕНЬСКИЕ ЗАЛЕПУХИ

НАСТОЯЩИЙ ПАСЕЧНИК

Никифор Петрович настоящий пасечник. Пасечник, можно сказать, с большой буквы. Прожил он уже семьдесят восемь лет, а бортничеством из них занимается уже все сорок пять. Кажется, о пчёлах он знает всё, а то и больше. Только зачеши, так он тебе такого о пчеле нарасказывает, да всё так интересно и ладно, что поневоле сам захочешь пасечником стать.

Вот сидит он у себя в садочке под июньским солнышком. Пчёлы носятся, как угорелые, а он подрёмывает на ослончике в соломенной шляпе, руки на колени положил, но одним глазом всё ж за процессом медоноса наблюдает.

— Бать, что ты тут сидишь?.. Жарковато, шёл бы отдохнул, — говорит ему сын Николай, с которым он доживает свой век.

— А мне не тяжело...

— Да всё равно пошёл бы, прилёг... А ты всё смотришь, смотришь — чего там смотреть?

— А вот смотрю, Николай, — лукаво улыбается одними глазами Никифор Петрович и тычет пальцем в улей, — видишь, во-о-он та пчела, гляжу — уже сто пятьдесят первый раз взяток в улей попёрла...

МАКАРОВ Юрий Иванович родился в 1953 году в селе Галушки Белгородской области. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор многих книг. Член Союза писателей России и Товарищества детских и юношеских писателей. Лауреат литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в городе Ровеньки Белгородской области.

ЛЕБЕДИНЫЙ ТАНЕЦ

В школе выпускной вечер. После торжественной части традиционный праздничный ужин в школьной столовой, в котором принимают участие учителя, выпускники и их родители.

В разгар ужина родительское крыло, желая развлечь своих чад, наскоро приготовило номер художественной самодеятельности.

— Пётр Ильич Чайковский, — объявил ведущий. — “Танец маленьких лебедей”! Исполняет квартет родителей.

Баянист заиграл бессмертную мелодию из балета “Лебединое озеро”, и на площадке появились, взявшись крест-накрест за руки, в импровизированных пачках “маленькие лебеди”. Это были, все как один, рослые брюхастые мужчины. Они неуклюже топтали ногами и двигались по площадке то влево, то вправо.

— Ого, а лебеди-то, видать, подращенные, — прозвучал на всю столовую чей-то восхищённый бас.

МОЛОДОЙ

Деду Василию Ефремовичу семьдесят девять лет. Невестка Варя говорит ему:

— Тато, слышали, — дед Гаврюшка умер?

— Да ты что?.. Он же молодой!

— А сколько это ему лет?.. — глядя на отца, удивляется Варя.

— Да такой, как я...

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

На рынке, у лотков с рассадой, крутится девица из серии “всё на ней и всё при ней”. Наклоняется над лотками, рассматривает аккуратно упакованную в пластмассовые стаканчики рассадку помидоров, перца, баклажанов. Всё бы ничего, да одета девица уж больно легко. Блузочка короткая, пуп не закрывает, от юбочки одно подобие — только над рассадой в ней и наклоняться... Да уж...

За ней во все глаза наблюдает небритый мужчина, которому явно за шестьдесят. Одет он, скорее всего, в ту одежду, которую купил ещё при социализме. Поверх клетчатой рубашки накинута серая простецкий костюм, по которому полосочками течёт коричневая нитка, из того же материала брюки, заправленные в носки, а на ногах кеды, которых я не видел на людях около двадцати лет.

Девица, видимо, чувствует на себе пристальный взгляд мужчины, мельком поглядывает на него раз, два, а потом, не выдержав:

— Ну что ты на меня уставился, папаша?..

Мужчина, ни капли не смутившись:

— Заканчиваю тебя раздевать, дочка...

ТЫ РЫБАК, А Я РЫБАЧКА

Сеня Финожкин был настоящим рыбаком-любителем. Азарта рыбацкого в нём на десятерых бы хватило, а умения, да можно сказать, мастерства и того более. Обобенно ему хорошо удавалось ловить крупных голавлей. Да и другая рыба к нему на крючок прямо-таки сама шла. Бывало, сидит рядом с другими рыбаками — ни у кого не клюёт, а у него раз за разом, только успевают рыбёх-дурёх на кукан нанизывать. Мужики о нём так говорили: “Сенька лишь бы воду увидел, хоть в тазу, а уж рыбу он оттуда вытащит”.

Жил он со своей женой Витой и трёхлетней дочкой Леночкой в общезжитии. Рыбалку ставил превыше всех дел.

Утром, до работы — он на речке. В обед — поел, не поел — опять на речке. А уж после работы — до самой ночи рыбалка. И так с весны и до самой середины лета. И тут вдруг сильно задождило. Не вырваться на речку, хоть она и под боком.

Остался вечером дома, осмотрелся: ни Виты, ни Леночки, да и вещей их дома нет. Как? Куда подевались? Поехал он в Айдар, к теще — нет там семьи. Поехал на родину, в Белокуракино — и там нет. У Сени в мозгу коротить стало, ума приложить не может, куда семья подевалась. А Коля Жареный, сосед по этажу в общежитии, его и просветил:

— Ты Витку с дитём ищешь? Так она ж на Полевой уже с месяц как с Толиком Накидным живёт! Там Накидного твоя дочка, небось, уже и папкой зовёт...

Как Сеня уладил вопрос с женою — никому неизвестно, но домой она вернулась. А удочки свои, стереоскопические, на глазах у всего двора Сеня об колено ломал.

Мужики, склонные к рыбалке, просили:

— Сеня, не ломай, нам продай, мы тебе за них по пятнадцать рублей дадим...

— Не-е, мужики, — зловеще сверкал глазами Сеня. — Что вы, не видите, до какого блудодства эта рыбалка доводит? Не бывать вам такими рыбаками, как я!..

КАК ВСЕ

Маринке двадцать один год. Она разговаривает со своей бабушкой Полей. Бабушка привычно затевает разговор о будущем замужестве внучки. Разговор этот не первый, и Маринка сразу переводит его на шутливую волну.

— Да, бабуль, — улыбается она, — молодёжь сейчас ретивая, так и поджимает, так и поджимает... Вон уже и семнадцатилетние замуж выскакивают. Так недолго и в девках засидеться.

Бабушка Поля, однако, воспринимает эти слова серьёзно:

— Да то и запросто, — говорит она. А потом как-то вкрадчиво: — Внучечка, а как же ты собираешься замуж-то выходить, за кошелёк или по любви?

В ответ Маринка звонко смеётся:

— По глупости!

КАК СКАЗАНО — ТАК И СДЕЛАНО

У здания Сбербанка, давая дорогу прохожим, на тротуаре разговаривают две женщины. Одна пожилая, по одежде видно, что приехала из какого-то села. Вторая молодая, одета более современно, видно, что не первый год живёт в райцентре. Я оказываюсь их невольным слушателем, из их разговора понимаю, что они односельчанки, и слышу, как пожилая говорит:

— А баба Маня сказала: “Девчатам так и передай — бессовестные они. Не звонят, не приезжают...” Так я вот тебе так и передаю — бессовестные вы...

— Ой, да какое ж ей спасибо! — прямо поёт молодая, — Дай ей Бог здоровья! Нехай не болеет!

РАЗБЕРЁМСЯ

От станции Солидарная, теперь это уже в Украине, до разъезда, который в народе почему-то называли Африка, ходила электричка, которую, опять же по-народному, называли “муха”.

В Солидарную из так называемой Африки приехала бабка по кличке Коза. Козой её прозвали за то, что при ходьбе она как-то странно скидывала

правую ногу вверх. На станцию бабка приехала, чтоб продать кое-какие овощи проезжающим пассажирам. В своей выручке она не досчиталась одного рубля и тридцати двух копеек, решила, что её обокрали, и направилась в отделение милиции. С такими заявлениями она обрашалась туда не впервой и была для тамошних сыщиков, как кость в горле.

В окне дежурки торчала голова милиционера. В отделении он был новеньким. Недавно переехал в Солидарную из Валук.

— Сынок, опять меня обокрали, — запричитала бабка. — Рубль и тридцать две копейки упёрли. Ты уж найди того подлеца, он полдня около меня ошивался...

— Так, бабушка, не волнуйтесь. Сейчас запишем, кто вы такая, откуда, потом вы напишете заявление о пропаже. Думаю, всё будет в порядке. Итак, фамилия, имя, отчество ваше?

— Так меня тут уже записывали... Акулина я... Акулина Филипповна Бузько...

— Ага, хорошо. Откуда вы?

— Да с Африки...

— А приехали на чём?..

— На “мухе”... Наши на ней все ездят.

Дежурный снял картуз, поерошил свой короткий чуб:

— Так, бабушка, давайте сначала... Откуда вы будете?

— Да что ты такой непонимучий? Тут все знают, что с Африки я...

— А приехали, говорите, на чём?

— Да на “мухе”... Я ж говорила: наши все на ней ездят...

— Одну минутку, бабушка, — говорит дежурный и идёт к коллеге. — Товарищ лейтенант. Там бабуся какая-то чудная... Говорит, обокрали её...

— Да это ж Коза на “мухе” из Африки прилетела! — смеётся лейтенант.

— Да-да, на “мухе”, — ничего не понимает новенький.

— Не волнуйся, парень, всё правильно, — объясняет лейтенант новенькому положение вещей и добавляет: — Пойдём, сейчас мы с этой Козой разберёмся.

СИМВОЛЫ

Лысая гора у нас в Ровеньках, как смотровая площадка. Оттуда весь посёлок как на ладони видно. Туда приезжают отдыхающие, непременно заворачивают свадебные кортежи. Вид с горы открывается удивительный. Особенно хорошо смотрится центр посёлка в летнюю пору, когда он утопает в зелени и цветах. Больше всего глаз радует, конечно же, наш Свято-Троицкий храм оригинальной архитектуры.

По решению властей на Лысой горе соорудили макет ветряной мельницы. Лопасты ветряка решили украсить иллюминацией из лампочек. В инженерный отдел Ровеньских электросетей звонит чиновник из администрации посёлка:

— Нужно сделать так, — говорит он одному из инженеров-электриков, — чтоб эта мельница была видна по ночам отовсюду, как маяк...

Для энергетиков это лишний объект и дополнительные заботы.

— А может, пусть она так, без освещения стоит?

— Ну, как вы не понимаете? Если хотите знать, в Швеции мельница — это символ благополучия...

— Задолбали этими символами, проектами, — слышит он в трубке голос инженера. — Лучше б это благополучие натурально попытались для людей сделать...

— Что?! — свирепо недоумевает чиновник. Но на другом конце провода трубку уже положили.

Благополучие у ровенчан у всех разное, а лампочки на ветряке, одноко, горят.

НЕ ВЫДЕРЖИТ

С Анатолием Михайловичем мы знакомы ещё с тех времён, когда вместе работали в процветающем колхозе “Родина”. Сейчас он пенсионер, приторговывает на рынке, и каждое утро, когда я иду на работу, мы перебираемся с ним новостями, справляемся о делах, здоровье друг друга.

Рядом с ним каждое утро раскладывает свой товар добродушный пожилой армянин, который всю жизнь прожил в Ровеньках с местной женщиной. Они выращивают и продают разные овощи.

В этот раз Анатолий Михайлович, когда я спросил, почему его давненько не было видно, говорит:

— Да я ж в офтальмологическом центре был. Операцию мне на глаза сделали. Хрусталик искусственный вставили.

— О, серьёзное дело, — говорю я. — Ну, и как оно, помогло?

— У-у-у!.. Да теперь опять можно на молодых девчат поглядывать.

Тут сосед-армянин, неся мимо нас ящик с помидорами, улыбаясь и покачивая головой, говорит:

— Э, сматри, а то от этого и искусственный хрусталь не выдержит!

КУЛЬТИВАТОР НА БЮЛЛЕТЕНЕ

Многие мужики в селе кустарным способом намастерили примитивных ручных культиваторов. Этим нехитрым приспособлением с колесом и лапкой можно часа за два взрыхлить не малую площадь, а то и весь огород.

Такой огородный инвентарь имеется и у Витюхи Курносова, но на огород он принципиально не ходит. Огородом в их семье занимается исключительно его жена Соня — женщина гренадёрского роста, ладная и здоровая на вид. Она и агрегат самодельный освоила быстро.

Петро Егорович однажды спрашивает Витюху:

— Сосед, а где ж твой культиватор?

— В Валуйках, — серьёзно отвечает Витюха, — в больнице лежит...

“ИСПАНСКАЯ” КОЛБАСА

Примерно в середине восьмидесятых годов прошлого века поехали наши ровенчане в составе большой областной делегации в Испанию. В основном это были председатели колхозов и первичных партийных организаций — парторги, представители советской торговли.

— Приехали мы в Мадрид, — рассказывал после председатель одного ровенского колхоза Валерий Алексеевич. — Разместили нас в гостинице. Туда-сюда — надо покушать. Пошли мы с моим товарищем, с которым в одной комнате нас разместили, прогулялись по Мадриду, купили здоровенный помидор и батон хлеба. А колбаса и всё такое остальное у нас в номере было своё. Каталог колбасы я привёз за границу своей — ровеньской. Тогда в Ровеньках колбасный цех был, и руководил ним Виктор Иванович Семенихин. Колбасу, надо сказать, делали там отменную — вкусная была колбаса. Помню, хоть ветчинно-рубленой их колбасы возьмёшь, хоть сарделек — вкуснота неимоверная. Ну что ж, тогда все продукты питания производились ещё по советскому ГОСТу, и никаких там “Е-2, Е-4” в виде химических консервантов туда не пихали. Но мне особенно нравилась наша копчёная, вот я её с собой и прихватил. Собрались трапезничать — кинулись, а колбаса моя немножко плесенью покрылась. Товарищ говорит:

“Да хренова это всё! — достаёт чекушку подсолнечного масла из своего баула, кусок бинта оторвал, маслом колбасу протёр, — блестит, как новенькая! — отрезает, сам жуёт и мне говорит: — Бери, закусывай, я в торговле двадцать третий год работаю — гарантию даю, ничего не будет!”

Тут к нам в номер заходит областной начальник моего напарника:

— Ну что, мужики..

— Да вот, решили перекусить, — и наливаем гостю. — Еды испанской купили: хлеб, помидор, колбаса ихняя...

Хватнул тот начальник полстакана, дольку помидора в рот кинул, потом кусок колбасы граммов на двести отхватил ножом и закусывает. Жевал, жевал колбасу, да и говорит моему товарищу-торгашу, под началом которого, как оказалось, Ровеньской колбасный цех был:

— Вот что, Иван Захарович, передай своему Семенихину, пусть приедет к испанцам да поучится у них, как настоящую колбасу делать. А то он там у себя, в Ровеньках, как сварганит — ну, это ж просто жрать невозможно. А здесь люди для людей продукт делают. — Поднял он палец и ушёл.

ХЛЕБ-СОЛЬ ПО-РОВЕНЬСКИ

Поставили на въезде в наш посёлок скульптурную композицию местного скульптора — мужчина и женщина в национальных костюмах, рядом с ними бричка. Мужчина с гармонью, а женщина держит на полотенце хлеб-соль. Весь этот ансамбль огорожен деревенским плетнём. Ясно, что задумка скульптора и заказчиков была хорошая — показать гостеприимство моих земляков, чего им действительно не занимать. Да вот при установке скульптурного ансамбля вышло несколько проколов. И расположили его ниже дорожного полотна, прямо в кювете, так, что целиком фигуры можно увидеть, только приблизившись к ним вплотную, а с дороги они видны только наполовину. При ближайшем же рассмотрении этой композиции из фигур людей, брички и плетня наблюдательному человеку сразу бросается в глаза то, что хлеб-соль женщина предлагает въезжающим через плетень, а не как положено, стоя у ворот подворья, потому что ворота, по воле устанавливающих скульптуры, почему-то оказались у них за спиной.

Спрашиваю у одного причастного к этому делу чиновника из администрации городского поселения “Посёлок Ровеньки”, так официально нарекли мои Ровеньки, лучше не скажешь, какие-то чинуши:

— Скажите, пожалуйста, а что это за нескладуха? Вроде у нас, в Ровеньках, не принято из-за плетня хлеб-соль преподносить?

— А они его и не преподносят, — ничтоже сумняшеся, эмоционально отвечает чиновник, — они его по-ка-зы-ва-ют!

ИЗ КЛЕТКИ

Ольга вышла замуж за Алима и уехала с ним в одну из кавказских республик. В Ровеньках её не видели года три, а когда объявилась — все так и ахнули. Уезжала с Алимом пышная красавица-хохлушка, а вернулась — страшно глянуть — кожа да кости! Говорили, еле она оттуда сбежала. При первой же встрече на неё напустились подружки. Алла говорит:

— Оля, что ж там с тобой делали?.. Ты глянь на себя в зеркало — на кого ты стала похожа?..

— Ой, девочки, — всхлипывает Ольга, — всё там не своё... Всё плохо... Особенно пока к языку ихнему привыкла... А от родни Алимовой натерпелась, не приведи Господь никому!... Но зато Алим... Он меня на руках носил, — вытирает слёзы и закатывая глаза, с придыханием продолжает Ольга, — жила у него, как птица в золотой клетке...

— Ну, насчёт золота мы не знаем, — иронически улыбаясь, низким голосом прерывает её Людмила, — а вот что ты в клетке жила — невооружённым глазом видно...

СТАНИСЛАВ БОНДАРЕНКО

СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

НА ПРИИСКАХ

В потёмках стоял человек вдалеке,
слегка наклонённый, казалось, к реке.
Спросил я: “Что ищешь в прибрежном песке,
помочь ли, что ищешь?”.

А он зарядил мне словами в висок
так, будто под нами различный песок:
— Да, нет — я на приисках неба,
где всякая помощь нелепа...

Не сразу поймёшь: дурака ли валял,
звезды отраженье рекой поверял,
а может быть, звёздами — реку?

Престранный старатель, но всё ж не нахал:
раз помощь отверг и не ищет похвал,
не надо мешать человеку!

БОНДАРЕНКО Станислав Григорьевич родился на Днепропетровщине (Украина) в семье бывшего узника Бухенвальда. Учился на филфаке Киевского университета имени Т. Г. Шевченко. Сегодня Станислав Бондаренко автор нескольких стихотворных книг.

МОЛИТВА В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

*Да минует меня чаша сия;
Впрочем, не как Я хочу, но как Ты.*
Евангелие от Матфея

Иерусалим, не пересоли
Море Мёртвое.
Не пересласти, Иерусалим,
горе горькое.

Средь твоих олив я в твоей горсти —
на ладони весь,
Гефсиманский сад, дай мне дорасти
до твоих небес.

Веткой прошепчи то, что Он сказал —
без посредников:
вся Земля — Его поднебесный зал
для наследников.

Не как я хочу, но всегда — как Ты:
вовсе не как я!
В киевских холмах есть твои черты,
Гефсимания.

XXI век, не пересоли
Море Мёртвое.
Не пересласти, Иерусалим,
чашу горькую.

СТОРОЖ

Разве я сторож брату моему?
Ветхий Завет

Шагами вымокшую тьму
прошив по улочкам горбатым,
я вдруг пойму: я сторож брату,
я сторож брату моему,

который княжит надо мной,
каштанами давая плату,
мой первородный брат родной!..
Я запоздалый сторож брату:

он старше библий на Руси
и сам, как Библия живая,
где Днепр, как рана ножевая,
струится память оросить.

Я за него не умирал,
а он за всех горел и падал,
и тыщи душ своих терял,
и правды прах он в землю прятал.

Не потому ль росли холмы,
где нимбы фонарей в сиянье
нас допускают к покаянью,
пока, прохожий, живы мы?

ПОЭЗИЯ

К 75-летию со дня рождения В. И. Фирсова (1937–2011)

В ноябре прошлого года после тяжёлой болезни на 75-м году жизни скончался известный поэт Владимир Иванович ФИРСОВ.

Его благословил на служение русской поэзии Александр Твардовский. Высочайшую оценку его стихам дал Михаил Шолохов. В 1977 году, тридцать пять лет тому назад он написал:

“Не так-то много у нас хороших поэтов, но и среди них найдётся всего лишь несколько человек, говорящих о России таким приглушённо интимным и любящим голосом, который волнует и запоминается надолго. Владимир Фирсов принадлежит к этим немногим избранным”.

Фирсов был из опалённого войной поколения — и сумел выразить в своих стихах суровую и жестокую правду о небывалом всенародном бедствии и о радости нашей Победы. Полною мерой хлебнув послевоенной голодухи и бедности, он навсегда полюбил свою исстрадавшуюся Смоленщину — и всю матушку-Россию, быстро залечившую глубокие раны военного лихолетья и взлетевшую к звёздам. Духовный брат и земляк Юрия Гагарина, Владимир Фирсов был настоящим лириком и подлинным патриотом России.

В этой юбилейной подборке редакция предлагает вниманию читателей стихи поэта, написанные в разные годы.

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

ЗА РАДУГУ ДЕРЖАСЬ, КАК ЗА ПЕРИЛА

* * *

Когда умру, —
А я, как все, умру! —
Не плачьте, ради Бога, не рыдайте.
Сырой землёй могилу закидайте
И волю дайте яркому костру.

Пускай горит меж сосен и берёз
И, как стихов свободные созвучья,
Пусть весело потрескивают сучья,
Пусть вместо слёз дрожат росинки звёзд!

Под белизной берёзовых стволов
Костром гудящим ярко обогреты,
Друзья мои, товарищи, поэты,
Я об одном прошу: не надо слёз!

Оставьте их красивым и живым.
И лучше спойте что-нибудь такое,
Чтоб выпрямились ивы над рекою,
Чтоб ветерком пахнуло заревым,

Чтоб слышала отцовская земля,
Что живы песни нашего народа,
Что им мужать, им крепнуть год от года
И жить, как прежде, душу веселя.

Чтоб вы дружнее стали с песней той,
Друзья мои, товарищи, поэты!
Чтобы, костром прощальным обогреты,
Смелее шли на бой с неправотой.

Чтоб вы друг друга крепче берегли,
Беды и одиночества не зная,
Чтоб верили друг другу,
Понимая,
Что есть на свете недруги земли.

За рубежом моей страны сейчас,
Всю ненависть сплотивши воедино,
Они клеветуют, сталкивают нас,
Чтоб мы на мир глядели нелюдимо,

Чтоб ссорились, как ссорились князья
Когда-то в дни нашествия Батя,
Чтоб гибли наши души золотые,
Друзья мои, хорошие друзья!..

Когда умру, —
А я, как все, умру! —
Не плачьте, ради Бога, не рыдайте.
Сырой землёй могилу закидайте
И волю дайте яркому костру!

* * *

*И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.*

А. С. Пушкин

Мне не являлся Серафим.
Но шелест крыл его я слышал,
Когда он пролетал над крышей,
Над домом дедовским моим.

Когда вечерняя заря
Ждала рождения рассвета

И, как в глубинах янтаря,
Струились и зима и лето.

Струился дальний свет небес,
Покров Всевышнего струился,
И сиротливый зимний лес
Ещё родней мне становился.

Родней — озябшая земля,
Милей — знакомая дорога.
И след саней через поля
Казался мне дорогой к Богу.

* * *

Я считаю себя счастливым,
Что родился в конце апреля
В неказистой, обычной хате
Под весёлый крик петухов.
Говорят, в этот день весенний
Растворили пошире окна,
Чтобы помнил я с колыбели
Эту землю, где родился.
Только я почему-то плакал...
Наливали в стаканы водку,
Наливали полней стакан,
Чтобы счастьем был полон дом.
Пели песни о горе горьком,
О весёлой и бойкой тройке.
Я на маму смотрел и плакал,
А потом, говорят, уснул...
Я родился в конце апреля
В неказистой, обычной хате.
С колыбели запомнив песни,
Я пою их и до сих пор.
Я увидел родную землю,
Я запомнил людей хороших,
Я ребёнком своё отплакал,
Чтоб сегодня не плакать зря!

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. К. Коваленкова

Я помню сожжённые сёла
И после победного дня
Пустую, холодную школу,
Где четверо, кроме меня.

Где нам однорукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню поношенный китель
И пятна — следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно левой рукою
Слова выводил на доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами учился
Умению ровно писать.

Ему мы во всём подражали —
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

Дымок от землянок лучился
Жесточкой печалью земли.
— Любите, ребята, Отчизну,
Её мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу —
Лежал в нём
Мой первый учитель
В некрашеном, светлом гробу.

Ушёл, говорили, до срока,
Все беды теперь позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землёй закидали.
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе —
Ты с нами идёшь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нёс ты на светлом челе!

ОСЕННЕЕ

М. Алексееву

Земля моя с поблёкшею травой,
Пронизанная болью журавлиной,
Вся в седине
И в посвисте былинном,
Позволь сказать, что я навеки твой.

Ты промолчишь, хотя ответят мне
Синичий голос, в тишине звучащий,
Рассветные рябиновые чащи,
Что вновь затосковали по весне.

Ты промолчишь, привыкшая молчать
Всегда, когда тебе в любви клянутся.
И стоит мне тебя рукой коснуться,
Ты всё простишь, привыкшая прощать...

Летит к ногам последняя листва.
В лесу легко наедине с землёю,
Земля моя... Она во всём права,
И даже в том, что я чего-то стою!

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Валентину Новикову

Пусть от Москвы
До отчего порога
Немало звёзд, немало лунных вёрст!

Горит звезда,
Каких на свете много,
Но мне она милее всяких звёзд.

Она одна — звезда над лунной рожью
В туманами просвеченной дали,
Звезда полей!
Она неосторожно
Бредёт себе по краешку земли.
Бредёт себе,
Касается колосьев,
Дрожит
В кустах прибрежных ивняка, —
Над ней скрипят тележные колёса, —
Моя звезда, она невысока!

И всё-таки она — моя!
До боли
Моя, родная — до скончанья дней —
Звезда полей над материнским полем,
Над тихой Смоленщиной моей...

И в час,
Когда мне горько и обидно,
Когда иные звёзды надо мной,
Когда моей звезды

В Москве не видно, —
Я всё же доверяюсь ей одной.

И пусть она далёкая такая,
Пусть не у всех сияет на виду,
Я к ней иду, в потёмках спотыкаясь,
И ей одной
Несу свою беду.

ЗАПАХ СОЛНЦА

Неохотно листва опадала.
Становилось просторно, светло.
Заревые кусты краснотала
Отразило речное стекло.

Пахла солнцем листва золотая,
Опадая над нашей тропой.
А заря, угасая и тая,
Тихо солнце несла над собой.

Пахло солнце лугами, стогами,
Золотинкой на крыльях шмеля,
Всем хорошим, что было меж нами,
Невозвратная радость моя...

Пахло солнцем листвою прощальной,
Каждый лучик травинкой пропах.
Пахло солнце земною печалью,
Теплотой на девичьих губах.

Ты молчала, взгрустнув над рекою.
Улыбнулась доверчиво мне.
Наяву, а как будто во сне.
Пахло солнце осенней тоскою
По ещё не ушедшей весне.

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Детям моим и внукам посвящаяю

Опять озвучены осины,
Кусты черёмух и ручьи.
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

Они поют не по привычке,
Не по нужде, в конце концов!
Их песня —
Это перекличка
Домой вернувшихся певцов.

— Я тут! Я тут! —
Один выводит.
— И я! И я! И я! И я!.. —
А сколько горестных мелодий
В обычной песне соловья!

В ней боль за тех, кто не осилил
Дорогу в отчие края...
Вот почему всегда в России
С тревогой ждали соловья.

Нелёгко путь к ольхе знакомой,
К раките старой и к реке...
Бывало, выйдет дед из дома
В косоворотке, налегке.

И в сапогах, что в праздник даже
И то не всякий раз носил.
И замирает, как на страже,
Тревожно вслушиваясь в синь.

Он слышит, как роняют почки
Едва-едва приметный звон.
И бабка рядом с ним —
В платочке
Далёких свадебных времён.

Дед напряжён. Почти не дышит.
Не видит неба и земли.
Он только чутким ухом слышит,
Как соловьи бурлят вдали.

И вдруг поблизости,
Невольно,
Как бы случайно:
“Чок” да “чок”.
И усмехнулся дед, довольный,
И тронул бабку за бочок.

— Гляди-ка, наш-то отозвался,
Выходит, перезимовал... —
А соловей вовсю старался,
Не слыша искренних похвал.

Он пел. И с этой песней древней,
Такой знакомой и родной,
Сливались поле, лес, деревня,
Уже живущие весной.

Пел соловей светло, знакомо.
И дед негромко, не спеша
Сказал:
— Ну вот, теперь, кажись, все дома,
Кажись, оттаяла душа...

Он шёл деревней вдоль дороги,
Был крепок шаг, но не тяжёл.
И бабка маялась в тревоге:
— Кабы до девок не пошёл.

Сидела старая у дома,
К сухим глазам прижав ладонь.
А дед принёс огонь черёмух,
Пускай не яркий, но — огонь.

И в мире не было милее
Той соловьиной высоты.

И старая, от счастья млея,
Уткнулась в мокрые цветы.

Всё было так и не иначе.
В тиши тонули голоса:
— Да ты, никак, старуха, плачешь?
— Да что ты, старый, то ж роса...

Дремали на коленях руки.
И сладко думалось о том,
Что вот и дети есть, и внуки,
И соловей вернулся в дом.

Но всё не вечно в мире этом,
Что говорить, закон таков.
Роса с черёмуховых веток
Оплакивает стариков.

Но вновь озвучены осины,
Кусты черёмух и ручьи.
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

И мы — в который раз! — с любимой
Уходим с дедова крыльца,
Чтоб в мире голубого дыма
Услышать прежнего певца.

(Он так, бывало, рассыпался!
Аж закипал черёмух вал.)

Но соловей
Не отозвался.

Видать, не перезимовал.

* * *

Дождь уходящий
Радуга затмила...
Вот так и я,
Не скрыв души печаль,
За радугу держась,
Как за перила,
Уйду в никем не ведомую даль.

Когда уйду? —
Известно только Богу.
Куда уйду? —
Известно лишь Ему.

Не дай мне, Боже,
Только ту дорогу,
Что не нужна
Ни сердцу, ни уму.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

ГЛАВА 30. “ПЕРЕД СТРАШНОЙ КРОВАВОЮ ЧАШЕЙ...”

Они познакомились 11 апреля 1928 года на художественной выставке Общества имени Куинджи на улице Герцена в Ленинграде. Знакомство это в мельчайших живописных подробностях Анатолий описал в тот же день в письме, адресованном отцу, матери и брату Борису.

“Осматривая выставку, я увидел пожилого человека с бородой (вроде Шевченко в ссылке), в свитке простой деревенской и в сапогах. Я всегда смотрю на людей как-то выше, чем на себя, но здесь удивился: чего этому холую надо? – подумал про себя и смотрю, как большой, картины. Старичок смотрит, а вокруг него мнутся люди. Да какие люди – всё интеллигенция! Слышу, заговорил, и, знаешь, мама, как заговорил! Как-то умно, осмысленно и толково. Посмотрел ещё раз на старика и пошёл смотреть в следующее отделение художника Ф. Ф. Бухгольца. Хороший художник, портретист и колорист большой. Смотрю портреты всяких артистов, поэтов... И вдруг вижу старика нарисованного. Читаю в каталоге номер такой-то, и что же оказывается? Клюев. Знаешь, что Есенина вывел в люди, то есть в поэты. Вот мать честная! Подхожу к старику и кручусь, вроде как бы на картины моргаю, а куда к чёрту – на Клюева пялюсь! Смотрю, старичок подходит ко мне, спрашивает, как эта картина называется, и заговаривает об искусстве. Проходим мы мимо нарисованного портрета, я возьми да и сравни их обоих, портрет и Клюева. Он заметил это. Стали говорить, я сейчас же вклинил о Есенине. Вижу, старичок ко мне совсем душу повернул. Я о Клюеве: дескать, роскошь – стихи! О Кравченко заикнулся – знает, о Нестерове – ещё лучше и т. д. В результате познакомились, он сказал – Клюев, я – Кравченко.

Долго ходили, сидели на диванах. Он взял меня под руку, и, прохаживаясь по застланным коврами комнатам, говорили об искусстве, литературе; он мне рассказывал о писателях, о Серёженьке Есенине, его истинном друге. Он прослезился, говоря о нём. Я рассказал, что рисую. Он одобрял, восхищаясь картинами. Я рассказал о том, что пишу, он восхищался, просил прочесть. У меня нет /с собой/, – ответил я. Так, говоря, вспоминая (он назвал меня чистым русским сердцем), мы прохаживались, потом сели на диван.

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5, 6, 7, 9, 11 за 2011 год, № 1, 2 за 2012 год.

К нам подошли две дамы или барышни: одна высокая, с голубыми глазами, другая изящней одета и ниже ростом. Клюев представил меня: вот молодой художник и поэт Анатолий Кравченко, знакомьтесь! А это, — сказал Клюев, — жена Есенина, племянница графа Л. Н. Толстого. — Очень приятно! — и я пожал протянутую руку. Так было и со следующей.

После мы с Клюевым пошли к нему домой. Он много говорил нежным тоном и т. д. Дал мне свой адрес, а я ему свой. Говорил, что если я его не забуду, то он меня познакомит со всеми художниками Ленинграда, поэтами и писателями...

Письмо это замечательно многими нюансами. Невозможно не почувствовать, как хвастается Анатолий перед родными: вынудил самого Клюева обратиться на себя внимание! Как хитроумно “подкатился” к поэту. И как Клюев уже общается с ним — как с равным! И знает уже о нём, и картинами его восхищается (да видел ли Николай прежде хоть одну!), и стихи просит прочесть... И Анатолий, привыкший “смотреть на людей выше, чем на себя” — оказывается “на одной ноге” со знаменитым поэтом... Но один “проговор” просто поражает.

Пожилой человек “в свитке простой деревенской и в сапогах” — для Кравченко в первом приближении “холуй”... “Чего этому холую надо?” — здесь, среди “сплошь интеллигенции”! Эта фраза мгновенно вызывает в памяти давние слова из клюевского письма Есенину: “Видите ли — не важен дух твой, бессмертное в тебе, и интересно лишь то, что ты, холуй и хам Смердяков, заговорил членораздельно...” Клюев тут же перестал быть для Кравченко “холуём”, когда “заговорил членораздельно” — “и как заговорил!.. Умно, осмысленно и толково...” А увидев портрет, восемнадцатилетний начинающий живописец окончательно проснулся: нет, перед ним не “холуй”, перед ним сам Клюев!

Такие совпадения не бывают случайными. Что “дореволюционная”, что “послереволюционная” интеллигенция (за нечастыми и вполне объяснимыми исключениями) так и относилась к человеку из деревни, выглядящему невесть какой птицей среди городской “изысканной” публики... А у Анатолия интеллигентский снобизм, как видно, органически сочетался с жадной потребностью привлечь к себе внимание известного человека. И не просто так он подчеркнул, что Клюев обещал познакомить его “со всеми художниками Ленинграда, поэтами и писателями...” Дескать, вон куда путь мой отныне лежит! Теперь уже не посмотрю на других “выше, чем на себя”...

А для Клюева здесь не было никакой загадки. В нарочитом верчении Анатолия перед ним он сразу увидел желание познакомиться во что бы то ни стало. И сразу легло на душу и упоминание о Есенине, и восторг молодого человека клюевскими стихами... Слишком тяжело было на душе всё последнее время. А тут — милостивый юноша “со взором горящим”, исполненный творческого полёта, жаждущий припасть к заботливой руке старшего и мудрого...

После стольких потерь показалось: вот она, ласточка, принесящая весну в осеннюю пору, на склоне лет. Божий подарок!

* * *

Анатолий Кравченко стал для Николая ещё одной “Нечаянной Радостью”, той, чьей минутой общения дорожишь, чья любая строчка письма наполняет душу благодарностью и восторгом.

“Светлый мой братик Анатолий, я обрадован истинной и живой радостью и памятью обо мне. Усердно прошу Вас и в дальнейшем не обходить меня Вашей лаской и приветом. Вы должны осознать свою силу влияния на людей — только “как любовь”. С годами она окрепнет и вместе с устремлением к красоте будет Вашим неуязвимым щитом во тьме житейской...”

“Милый друг, я не забыл Вас — всегда помню и люблю крепко... Настойчиво прошу Вас не забывать меня! Вы для меня живая и подлинная радость...”

“Я не забыл Вас — мой прекрасный художник... Благодарю от всего сердца, что Вы исполняете крепко своё обещание — не забывать меня. Я так нуждаюсь в добром бескорыстном слове... Будьте светлы духом и веруйте крепко в жизнь...”

*Выла улица каменным воем,
Но таинственным поясом муз
Обручил мою песню с тобою
Легкокрылых художеств союз.*

.....
*И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладкую теплою свечу,*

*Чтоб черёмуха с белою вербой
Целовались с заветным окном.
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.*

.....
*Как смешны в хризантемах зайчата,
Легковейны бубенчики пчёл.
Я не знал ни жены, ни собрата,
Но в тебе свою сказку нашёл.*

Клюев делится самым сокровенным, обговаривает все свои планы на будущее, наставляет “свою сказку” — как надо себя вести. Таких писем от него не получал даже Есенин!

“Я невыразимо тоскую по ангелу в тебе и всегда на руках огненных в молитве возношу тебя к престолу Святой Троицы. У меня в Москве есть благоуханные и святые встречи, — но тёмная жизненная суэта иногда повергает меня в боль не только душевную, но и телесную. — Я два раза лежал больным от сердца и простуды. Всё хлопочу о пенсии и издании “Погорельщины”. Рукопись в издательстве лежит уже две недели, но около её происходит большая драка. Ответа ещё окончательного нет. Хотелось бы его дождать, чтобы получить деньги, чтобы нам с тобой прожить зиму без нужды. Я рвусь к тебе, но чисто деловые соображения держат меня в Москве. Мне очень тяжело от одиночества без милого голоса и ласки. Был у Нестерова, читал ему “Погорельщину”. Он содрогался и проливал слёзы, слушая... Мы с тобой обсуждали под саратовскими клёнами, какой тон тебе нужно и необходимо взять в этот год, чтобы тебя не обворовывали разные, в конце концов, не нужные тебе друзья. Стараешься ли ты во имя своего дивного искусства хоть сколько-нибудь выполнить это? Извини, мой любимый, что говорю тебе об этом, но эти слова я обращаю к тебе не в форме приказа, а только в форме кровной заботы...”

“Тоскую по ангелу в тебе...” — это не тоска по “любовнику”, что постоянно будет слышать за своей спиной Клюев, шёпот сей будет преследовать его почти до самого конца... Ангел распахнёт крылья с ласковой помощью старшего собрата — и Клюев стремится не выпускать Анатолия из-под своего крыла надолго, томится даже кратковременной разлукой, не упускает случая дать в очередном письме новый добрый совет... Да и брат Анатолия Борис позже признавал, что “первые серьёзные шаги и успехи Анатолия как портретиста всецело связаны с Клюевым. Начало было положено портретом Есенина” — портретом поэта, стоящего возле берёзы... Новое имя Анатолия Клюев же дал, вспоминая погибшего жавороночка.

— Вот у Есенина есть повесть “Яр”. Ярами на Руси назывались самые высокие и самые красивые места. Их и для ресторанов выбирали. Да и сами названия некоторых ресторанов в старинных русских городах от этого слова пошли...

Не о ресторанах он, конечно, думал. К слову для понятности молодым ребятам. Яр, он ведь — от языческого Ярилы-Солнца... Красу внешнюю и внутреннюю своего младого наперсника подчеркнуть хотелось. Красочной нотой звучала внутри песня из “Снегурочки” Островского:

*Свет и сила —
Бог Ярило!
Красное солнце наше,
Нет тебя в мире краше!*

А для портрета Есенина Клюев сам достал под расписку в Пушкинском доме фотографию, бюст и посмертную маску. Договорился директором П. Сакулиным, который не изменил своего отношения ни к Клюеву, ни к Есенину с тех пор, когда печатал свою знаменитую статью “Народный златоцвет”.

В Москве Николай тщетно пытался издать “Погорельщину”. И писал в Ленинград Анатолию свои удивительные письма.

“Мир тебе и любовь, и крепость душевная... Мои московские видения убедили меня в неизбежности мученичества всех, кто любит и для кого любовь — хлеб живой и нетленный. Враг не спит и ищет, кого бы поглотить. Но всё упование на тебя возлагаем, Мать Божия. Никто в мире, ни на земле, ни под землёй не поможет верующим и пребывающим в красоте, а также и стремящимся к красоте вечной. Один крест — меч в руках любящего. Ибо такова сама природа любви. Будь спокоен, укрепляй себя и питай покоем. Умоляю тебя об этом!.. Прости меня, любимый, что птахою незримой я от тебя утёк (цитата из “Каина”. — С. К.). Скоро прилечу на мягких, хотя и порядочно усталых крыльях.

Лобызаю тебя в сердце твоё, скучаю нестерпимо и имя твоё, как печать, на правой руке моей...”

И совершенно, казалось бы, невероятная заповедь молодому художнику от автора так и не принятой никуда “Погорельщины” и совершенно “противо-советского” “Каина” — заповедь, произнесённая от всей души:

“Будь верен коммуне, нашему величавому и прекрасному государственному строю, пламенным дням юного социализма, а остальное всё приложится. Я крепко верю, что моя родная республика не оставит своих самых верных и преданных сынов...”

И ведь не “страха ради иудейска” писано. И не на “перлюстрацию” рассчитано — смешно и думать. Но тот же мотив возникнет в стихах 1932 года, уже в клюевское московское житие.

Сам Клюев — не пригодившийся новой власти, отвергнутый ею, заклеимённый всеми мыслимыми клеймами, не питает никаких иллюзий насчёт своей дальнейшей судьбы.

*Мне революция не мать —
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать!*

Не может — ибо так и не успела осознать себя, ради чего свершилась и какой заряд в себе несла... “Керженский дух” отринула, заповеди “Третьего Рима” перечеркнула (а Бердяев, этот “философ свободы”, ничего толком так и не понявший, выводил “Третий Интернационал” из “Третьего Рима”), русское начало уничтожает во всём — а о Христе и говорить нечего... Сам-то он, встретивший революцию, когда ему за тридцать было, мог как к дочери неразумной к ней отнестись... А он тогда — как к свахе, принесшей дар.

*Напудрен нос у Парасковьи,
Вавилу молодит Оксфорд.
Ах, кто же в святорусском твёрд —
В подблюдной песне, Алконосте?
Молчат могилы на погосте,
И тучи вечные молчат...*

О себе всё сказано, с ним самим, Клюевым, осознавшим и “рассказавшим” революцию ещё десятилетие назад и так и оставшимся непонятым — всё предельно ясно, и участь его предрешена. Но молодой друг, почти ровесник этой самой революции — иная у него планида.

*Лишь ты смеёшься на закат,
Вихраст и смугло-золотист,
Неисправимый коммунист,
Двадцатую весной вспоённый,
“Вставай, проклятьем заклеимённый”*

*Тебе, как бабушке романс,
Что полюбил пастушку Ганс,
Ты ж бороду мою, как знамя,
Бурлацкий сказ, плоты на Каме,
Где светлый Суслов и Сезанн
Глядятся радугой в туман
Новорождённых пав и поля...*

“Пламенные дни юного социализма” и заветы дедушки, его духовные сокровища, передаваемые по наследству, — вот она, жизнь грядущая “милого Толи”.

* * *

Клюев, пытаясь оберечь Анатолия от “ненужных друзей”, старался ввести его в круг “избранных”.

Он знакомил его с Клычковым, Ивановым-Разумником, Алексеем Толстым... В эти же годы расширился и его собственный круг общения.

Кроме мастеров Палеха и живописцев, среди которых были и Щербаков, и Власов, и Рылов, и Петров-Водкин, Клюев обретает дружбу великих артистов русской оперы.

И в первую голову здесь нужно назвать Николая Голованова и Антонину Нежданову.

Их многое сближало — и в прошлом, и в настоящем.

Дирижёр Большого театра Голованов до революции руководил хором в Марфо-Мариинской обители, куда был приглашён Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Он сочинял духовные песнопения, среди которых особое место занимал кондак святителю Николаю, что не могло не произвести особого впечатления на Клюева. Семья была истово православной, супруги были воистину воцерковлёнными людьми; временами, правда, набожность уступала место некоторой бравате — не могли они не погордиться, бывало, перед многочисленными гостями огромным количеством старых икон в доме. Но это была слабость, понятная Клюеву. Тут предмет для общего разговора был неисчерпаемый.

Да и сам Николай Голованов был в это время в положении если не равном клюевскому, то близком к нему.

Он уже не единожды подвергался лютым нападкам безграмотных рапповцев, обвинявших его в монархизме, русском национализме и антисемитизме (классический “джентльменский” набор!)... В ходу уже было словечко “головановщина”, означающее сочетание всех трёх вышеуказанных признаков. Соответствующим образом проинструктированная комсомольская молодёжь устраивала в Большом театре обструкции с криками “Долой черносотенца Голованова!”, а в “Комсомольской правде” было опубликовано примечательное заявление Всеволода Мейерхольда:

“Если факты, сообщённые в печати, подтвердятся, к Голованову надо относиться беспощадно. Я хорошо знаком с бытом Большого театра и знаю, что часть хора привыкла, например, по “большим праздникам” выступать в церквах. Хотя религиозные убеждения дело частное, но такие “убеждения” не могут не способствовать созданию настроений, взращивающих антисемитов”.

Сам Сталин в письме к рапповскому драматургу Билль-Белоцерковскому объяснил, что “головановщина” “есть явление антисоветского порядка”, но это не значит, “что его нужно преследовать и травить даже тогда, когда он готов распроститься со своими ошибками...” Последняя фраза, очевидно, родилась под влиянием того, что в защиту Голованова выступили композиторы, артисты МХАТа, солисты Большого театра, что, впрочем, не избавило дирижёра от соответствующих оргвыводов: он был временно отстранён от работы в Большом и лишён права преподавания в Московской консерватории.

В декабре 1929 года Голованов писал своей супруге Антонине Неждановой:

“В Москве всё по-старому, пока благополучно. В субботу вечером был у А. И. Анисимова по его приглашению. Был замечательно интересный вечер — у него поэт Клюев Николай Алексеевич читал свои новые стихи; были Коренева, Массалитинова, Р. Ивнев и другие. Я давно не получал такого удоволь-

ствия. Это поэт 55 лет с иконописным русским лицом, окладистой бородой, в вышитой северной рубашке и поддѣвке – изумительное, по-моему, явление в русской жизни. Он вывел Есенина на простор литературного моря. Сам он питерец, много печатался. Теперь его ничего не печатают, так как он считает трактор наваждением дьявола, от которого берѣзки и месяц бегут топиться в речку. Стихи его изумительны по звучности и красоте. Философия их достоевско-религиозная – настоящая вымирающая таѣжная Русь. Читает он так мастерски, что я чуть не заплакал в одном месте. Потом он рассказал две сказочки – это совершенно исключительное явление. К нему Шалапин в 3 ч/аса/ночи неоднократно приходил, будил его и плакал у него. Я ищу его книги по всей Москве, в одном магазине мне обещали через 4 дня. Я очень хочу, чтобы Вы обязательно его послушали. Он должен прочесть свою большую последнюю вещь, которая тянется 1.40 минут (очевидно, речь идёт о “Погорельщине”. – С. К.)... Я о нём много слышал раньше, но не думал, что это так замечательно. Первый том Есенина написан под влиянием его, а он самый благоуханный и талантливый из всех его сочинений...”

Голованову Клюев преподнёс двухтомник “Песнослава”, надписав на форзаце первой книги:

“Николаю Семёновичу Голованову – ворох моих песен – цветов с русских полей и лесов преподношу, счастливый тем, что на моём жизненном пути встречаю великого и прекрасного, кто слышит колокола Китеж-града невидимого!”

И ему же было подарено старопечатное Евангелие с надписью-благовением:

“Во имя Господа Иисуса Христа ради Его св. Имени на русской земле благословляю сие Св. Евангелие Николаю Семёновичу Голованову на спасение, жизнь, крепость и победу над врагами видимыми и невидимыми”.

Антонина Нежданова удостоилась особого подарка: ей были преподнесены автографы стихотворений “Мне сказали, что ты умерла...” и “Вспоминаю тебя и не помню...”, причём первое было вынесено в эпиграф ко второму (это на сей день единственный такой известный случай в клюевских инскриптах)... И на том же листе была начертана дарственная надпись:

“Посвящается Антонине Васильевне Неждановой – Сирин-птице, поющей и вызывающей о красоте Русской Народной Земли”.

Он ещё успел услышать неждановскую Марфу в “Царской невесте” и её же “Снегурочку” в одноимённой опере по пьесе Александра Николаевича Островского.

... Во время своих наездов в Москву Клюев останавливался на квартире у Николая Минха. Вместе с ним он забредал в гости на Пречистенку в искусствоведа Александру Анисимову, в Замоскворечье, в Голутвинский переулочек в дом артиста Большого театра Анатолия Садомова и жены его Натальи Фёдоровны. У этой пары он останавливался в тот период, когда занимался обменом своей лениградской квартиры на московскую.

Наталья Садова оставила яркие воспоминания о том впечатлении, которое произвёл на неё поэт.

“Предо мной был чисто русский человек – в поддѣвке, косоворотке, шароварах и сапожках – старинного покроя. Лицо светлое, шатен, борода небольшая, голубые глаза, глубоко сидящие и как бы таившие свою думу. Волосы полудлинные, руки красивые, с тонкими пальцами, движения сдержанные; во всём облике некоторая медлительность, взгляд весьма наблюдательный. Говорит ровно, иногда с улыбкой, но всегда как бы обдумывая слова, – это заставляло быть внимательным и к самим словам. Говор с ударением на “о” и с какими-то своеобразными оборотами речи...”

Ник/олай/ А/лексеевич/ был нетребовательным гостем: для него ценнее всего была тишина, чтобы он мог углубиться в своё сокровенное творческое состояние. Оно было, как он говорил, не второй его натурой, а первой – и в нём он находился почти непрерывно, даже во время сна... Чувствуя моё самое сердечное внимание и, по его словам, даже понимание сущности его “внутреннего мира”, – он делался как-то родственно-доверчивым. Его обычная замкнутость исчезала, а сердце открывало свои богатые сокровища. Вот тогда-то и выявлялась особая основа этого “внутреннего мира”: он видел, знал и ясно понимал сущность бытия – видимого и как бы невидимого через знание и опыт...

Он говорил, что у него не проходит время без особых восприятий, и даже во сне... Спорить не любил, больше внимательно выслушивал, но по живым, пронизательным глазам можно было ясно почувствовать внутри его полноту творчества. Никол/ай/ Алекс/еевич/ высоко ценил воспитание человека через общественное влияние и науку, но считал весьма необходимым самому человеку осознать и понять свои внутренние свойства, раскрыть в себе лучшие качества, заложенные в нём, благодаря чему и имеет он высокое звание человека и все возможности владеть и управлять силами природы и менее сознательными существами. Он говорил, что настало время познать человеку силу доброй воли в каждом и на основе этого добра объединиться человечеству для блага общего и каждого.

Н/иколай/ А/лексеевич/ утверждал, что поэзия и призвана через тончайшие, свойственные ей одной откровения дать человечеству всеисчерпывающие отображения мировых явлений – от самых тёмных бездн падений до высочайших красот просветлённости. И вся эта непрерывная гамма отображений невольно влечёт человечество к желаемому светлому обновлению и взаимному созвучию.

В этой могучей преобразовательной силе и сокрыто воспитательное значение поэзии; возвышая дух человека в необозримую высь творческих возможностей, она приводит к порогу божественных законов, отображающихся в мировой гармонии... Он испытывал глубокий трепет перед тем даром, который ярко чувствовал в сокровенной глубине своего существа, но щедро делился им лишь с созвучными сердцами...

Наталья Садомова слушала его рассказы о детстве, о любимой матери – преображённые, сотворённые в новой реальности... Клюев переживал свою новую поэму о роде своём, о последней Руси, погружающей в глубинные хляби истории, свой заветный труд, о котором он после скажет: “То, для чего я родился...”

* * *

И совсем о другом Клюеве – ироничном, шутовом, ядовитом рассказывал мне в 1977 году замечательный прозаик и поэт Сергей Николаевич Марков.

– “Пришёл с посошком и с узелком в Литфонд за пособием. Спрашиваю, где бы получить? И тут... – в глазах Маркова, пересказывающего клюевские слова, мелькает хитрая искра, – Безыменский подъезжает, антихрист, с блудницами, масонами, жидками. И всё забрал”. Да, именно так он и рассказывал. “А сзади, – говорит, – Мейерхольд верхом на блуднице... И по переменке, по переменке...” Так сны и явь у него перемешивались, на ходу сочинял, только рассказывал лишь то, что считал нужным... Очень боялся, как бы не узнали его подлинную биографию... Да много что он рассказывал о себе, но где правда, где нет – поди узнай. Рассказывал о своём путешествии в Кульджу, в Западный Китай. “Аж до Тибета доходил...” А спросишь его о чём-нибудь подробнее – так отговаривается. “Жизнь – тропа Батыева. Помирать буду – расскажу”.

– Он действительно был таким противником советской власти, как о нём писали?

– Да прямых политических выступлений у него и не было никогда. Разве что с сожалением вспоминал о царском дворе. Но как вспоминал! С лютой завистью к Распутину. “Гришка Распутин мне дорогу перешёл...” И не один раз это повторял. А в другой раз – о том, как его вызывали в ГПУ, это в период процесса над Промпартией. “Ваше отношение к Рамзину?” – спрашивают. А он: “Рамзинов? Помню. У нас в деревне железом торговал”. Так и ломался. “Как что случится – я к Анатолию Васильевичу”. К Луначарскому то есть. “В профсоюз вступить надо было. А у меня билета нет. Пошёл к Анатолию Васильевичу, и выписал он мне удостоверение: “Сторож источников народного творчества”.

– Вы в Ленинграде с ним встречались?

– Сначала в Ленинграде, потом в Москве. В Ленинграде он жил в полуподвальном помещении дворца, где убили Распутина. В Москве тоже в полуподвале.

– А какое впечатление он производил как человек?

— Как человек? Гениальный актёр. Приходишь к нему, а он сидит, варёжку вяжет, рассказывает одну историю за другой. Достая бутылку водки, хочу угостить, наливаю. Он руками машет, крестится. “Ты что, котинька, дух...” Потом глаза сверкнут, хитро подмигнёт: “А жидам не скажешь?” И опрокинет рюмку.

“Стихийного антисемита из себя изображал, — вспоминал Марков. — Спросишь его: “Николай Алексеевич, неужели Мандельштам тоже жид?” А он в ответ лишь хитро улыбнётся”.

А весь этот спектакль и с рюмкой (которую Клюев, конечно же, не выпивал), и с “жидами” был своего рода подыгрывшем распоясавшимся критикам: дескать вот он, типичный “крестьянский” якобы поэт...

Да Марков и сам это по сути прекрасно понимал.

— Но более образованного человека я в те годы не встречал. Своим он был в кругах востоковедов. Историю монгольского ига знал, как никто. Я не говорю уже о древнерусской литературе и об иконописи. Когда наизусть читал Аввакума — рыдал горячими слезами. При мне же читал в подлиннике Верлена и играл на рояле Грига... Не забыть, как исполнял свои стихи. Сидит на деревянной лавке под образами и читает “Заозерье”... Сам в кафтане, в смазных сапогах, слушатели поначалу недоумённо переглядываются при виде маскарада. А он как затаен:

*Отец Алексей из Заозерья —
Берестяный светлый поп,
Бородка — прожелть тетерья,
Волосы — житный сноп.*

Читает до конца и тут же переходит к “Деревне”... “Видно, к хлебушку с новым раем посощку пути нележки...” Слушатели уже сидят, как прикованные, сил ни у кого не остаётся. А он под конец — свою пророческую “Погорельщину”. Крик пророка. Крик о Христе. И все доходят до кликушества... Ох, как он умел это делать! И ничего не боялся.

— Вспоминал, как устроил, чтобы Есенина не послали на фронт. О матери своей вспоминал, и видно было, как он гордится своей любовью к ней. О Ганине рассказывал, о встречах с ним в Вологде. И архиепископа Варнаву вспоминал, бывшего огородника в Каргополе... И ведь, не сбиваясь, сохранял олонецкий говор. Историю северных городов знал назубок... А ленинградские писатели относились к нему, как к монстру.

“Монструозность” Клюева была уже притчей во языцех в литературных кругах. Только это не производило должного впечатления ни на его ближайшее окружение, ни на молодых поэтов, стремившихся с ним увидеться, ни на зарубежных гостей, встречавшихся с ним лицом к лицу.

* * *

В 1929 году к Клюеву в сопровождении Алексея Чапыгина пришёл итальянский славист Этторе Ло Гатто. Позднее он вспоминал, что Клюев увидел в нём не столько историка литературы, сколько итальянца. “В Клюеве, который в Италии никогда не был и об итальянской поэзии знал мало, если вообще знал, ностальгия северянина по Италии, по югу была как бы обусловленной, хотя и менее выраженной, чем это было век назад у Пушкина. И всё же, встретившись со мной, итальянцем, и услышав из моих уст о ностальгии южанина по северу, по России, он, не задумываясь, назвал меня “светлым братом”...” Ло Гатто много не знал о Клюеве и, конечно, был здесь несправедлив. Не все упоминал Клюев в своих стихах начала 20-х годов и Джозуэ Кардуччи, и Аду Негри. Да и встреча с Ло Гатто почти совпала с относительно недавней работой над стихотворением, где Италия, отражённая через “Святого Себастьяна” Тициана Веччелио, соединялась мучительной памятью о древней северной Руси, о предках.

*И мужал я, и вырос в келии
Под бородою отца Макария,
Но испить Тицианова зелія
Нудит моя татарія.*

*Себастьяна, пронзённого стрелами,
Я баюкаю в удах и в памяти,
Упоительно крыльями белыми
Ран касаться, как инейной замяти.*

*Старый лебедь, я знаю многое,
Дрёму лилий и сны Мемфиса,
Но тревожит гнездо улогое
Буквоядная злая крыса, —*

*Чтоб не пел я о Тициане —
Пляске арф и живых громах.
Как стрела в святом Себастьяне,
Звонит иное в стихах.*

*Овчинный омут полатей,
В ночи стокрылый петух,
И за лыками дед Кондратий
Провидец бурь и засух.*

.....
*Но в словесных взвивах и срывах,
Себастьянов испив удел,
Из груди не могу я вырвать
Окаянных ноющих стрел.*

И Родина, и родословная — стрелы, пронзившие поэта, как святого Себастьяна, пригвоздившие к родному, что не отпускает от себя в благодатную землю проповедей апостола Петра... И на грани “фола” или почти за гранью — образ того же Себастьяна, “убаюканный в удах и в памяти”... Поразительно здесь совпадение по ощущению со словами Нобелевской лекции Томаса Манна, которую тот произносил в то же время, когда Клюев принимал у себя посланца с итальянской земли.

“У меня есть один любимый святой. Назову вам его имя, это святой Себастьян — помните, юноша у столба, пронзённый со всех сторон копьями и стрелами и среди мук улыбающийся. Привлекательность среди мук — вот героизм, символизируемый святым Себастьяном”.

Заклеймённый “кулацким” клеймом, зажатый в смертельные тиски, Клюев отпускает птицу своего воображения не только в Италию, он до Норвегии жаждет добраться, до любимого Кнута Гамсуна, чей литературный юбилей как раз отмечался в том же году.

*Кнут Гамсун — в лебедином мае
Черёмуховый ветерок,
А я — глухонемой поток,
В плену у скал Титан заклый,
Гляжусь в луну и пью закаты,
Но сладости язык далёк!
Душа летит на огонёк,
В бесследицу и замять поля,
Где у костра сидит недоля,
Вплетая бурю в шлык кровавый.*

.....
*Ах, где ты, речки серебро,
Босые ноги, рыбный кузов?!
Уж не рассориться ли с музой —
Белицей в беспоповском срубце,
Пусть сердце бесы на трезубце
Зловещим факелом несут,
Лишь только б верности сосуд,
Где слёзы ландышей, барвинок,*

*Не опрокинул чёрный инок —
Сомнение в сетях тропинок,
Меж пней и цепких корневищ?!*

Страх от потери любви равнозначен страху от потери Родины, пленившей, не отпускающей в “золотые, далёкие дали” (тут и Есенина впору вспомнить!), теряющей на глазах свой облик, свою стать и суть.

“Сам Клюев сказал мне в 1929 году, — вспоминал Ло Гатто, — что одним из оснований неблагоприятного отношения к нему власть предержащих явилось его прославление революции как “взрыва элементарных частиц”. Я напомнил ему тогда — сужу по записям того времени, — что Блок тоже говорил о революционной стихии как воплощении духа музыки, на что он возразил, что для Блока это было лишь теоретическим измышлением, в то время как он исходил из внутреннего религиозного опыта. . .

То ли в 1929, то ли в 1931 году Клюев имел повод сказать мне. . . что “величайшее злодеяние” советского правительства состояло в превращении русского “мужика” в пролетария, в беспощадном разрушении того, что составляло глубинную сущность России; в осуждении религиозности, якобы противоречащей материальному прогрессу, той набожности, которая всегда присутствовала в душе русского крестьянина, хотя бы в формах более примитивных, как, к примеру, в жестокие времена Болотникова, Стеньки Разина и Пугачёва, столь любезных большевикам. . . Как иностранец я не могу вдаваться в оценку того, что было сказано о Клюеве некоторыми весьма остроумными критиками. Я имею в виду, к примеру, мнение Ходасевича, полагавшего, что “крестьянская Россия”, которую выразили такие поэты, как Клюев, Есенин, Клычков и Ширяевец, не только готова была исчезнуть или уже исчезла, но и не существовала вовсе. Признаюсь, что мнение Ходасевича произвело на меня сильное впечатление, но мысль о том, что Клюев мог быть “позёром”, отпала, едва лишь я узнал его лично. Не знаю, что было прежде, но в период наших встреч Клюев был весьма далёк от какой-либо фальши. Он был прост и в душе и в поведении, как человек, заплативший и снова готовый платить дорогой ценой за собственную веру. . .”

Клюев подарил Ло Гатто икону из своего киота (она и сейчас хранится у наследников слависта в Италии), передал ему экземпляр “Погорельщины” с наказом опубликовать “после его смерти” (на возможность публикации в России он потерял всякую надежду), подарил двухтомник “Песнослава” с дарственной надписью на втором томе:

“Этторе Лё Гатто

Светлому брату

Песни мои — Олонецкие журавли да озёрная гагары, — летите за синее море под сапфирное небо прекрасной Италии! Поклонитесь от меня вечному городу Риму, страстотерпному праху колизея, гробнице чудного во святых русских Николы Милостиваго, могиле сладчайшаго брата калик переходжик Алексия — человека Божьяго, соснам Умбрии и убрису Апостола Петра! Расскажите им, песни, что заросли русския поля плакун-травой невылазной, что рыдален шум берёз новгородских, что кровью течёт Матьер-Волга, что от туги и скорби своего панцырнаго сердца захлебнулся чёрной тиноу тур Иртыш — Ермакова братчина, червонная сулея Сибирскаго царства, что волчьим воем воют родимыя избы, замолкли грановитые погосты и гробы отцов наших брошены на чумных и смрадных свалках.

Увы! Увы! Лютой немочью великая, непрощённая и неприкаянная Россия!

Николай Клюев.

День похвалы Пресвятыя Богородицы 1929 года”.

Ещё годом ранее он сделал дарственную надпись на книге “Изба и поле” румынскому писателю Панаиту Истрати в иной тональности:

“Дорогому Панаиту Истрати на память о нашей встрече на омытой кровью русской с надеждой на радость всемирную.

Николай Клюев.

1928 г.

Не железом, а красотою купится русская радость”.

Панаит Истрати навестил Клюева вместе с греческим писателем Никосом Казандзакисом, который потом в беллетризованном виде опишет эту встречу в романе “Тода Раба” (имя главного героя — негра) с подзаголовком “Москва

кликнула клич". Место встречи перенесено в Баку, а сам Клюев фигурирует в книге Казандзакиса под именем "Фёдор Тунганов". Ему же в уста вложены и отдельные подлинные реплики самого поэта.

— Я не из тех русских, которые делают политику и пушки. Я — той же золотой нити, из которой созданы легенды и иконы. . .

— Демон и архангел всегда борются в любую эпоху. Оба носят меч. Нельзя их путать.

— Бог велик, Россия — велика, я не боюсь. . ."

А когда один из героев романа Геранос (прототипом послужил сам Казандзакис) бросает Тунганову реплику: "Сегодня для меня дыхание, толкающее меня вверх, — это Коммунизм. Это мой архангел", — тот отвечает возмущённым шёпотом:

— Впервые слышу такое определение коммунизма. Может быть, речь идёт не о русском коммунизме. Мы — я и три четверти русского народа — мы смотрим на коммунизм как на Сатану, вооружающего людей для того, чтобы они перерезали горло друг другу".

Истрати в своей книге воспоминаний о Советском Союзе не упомянул о Клюеве вовсе. И похоже, что поэт оставил двух писателей в полном замешательстве.

И ещё об одной встрече мы не имеем никаких доподлинных свидетельств. Известно лишь то, что в сентябре 1930 года Борис Кравченко проводил Клюева на вокзал, когда тот отправлялся в Москву — повидаться и поговорить с Рабиндранатом Тагором, который в это время посетил Советский Союз, где встречался со студентами и преподавателями вузов Москвы, выступал в ВОКСе и в Колонном зале Дома Союзов. И эти выступления весьма показательны для его тогдашнего устроения:

"Я приехал в этот край для того, чтобы поучиться. Я хочу узнать, как вы в своей стране разрешаете великую проблему, мировую проблему цивилизации. Проблема современной цивилизации отошла от настоящего пути. Она оторвала человеческую личность от общества. Современная цивилизация породила чрезвычайно искусственную жизнь, она создала болезни, вызвала особые страдания, создала ряд ненормальностей. Не знаю, каким образом нужно действовать для того, чтобы вылечить современную цивилизацию. Я не знаю, действительно ли правилен тот путь, который вы избрали в этой стране для разрешения этой проблемы. История рассудит, насколько вы действительно правы. Я сам глубоко интересовался проблемами воспитания, просвещения. Моя идея, моя мечта была в том, чтобы создать свободного человека, одновременно культурного и связанного с трудом, с жизнью. При современной цивилизации человеческая личность живёт как бы в клетке, оторванной от всего остального общества. В вашей стране вы порвали с этим злом. Я слышал от очень многих и сам в этом убеждаюсь, что ваши идеи очень похожи на мою собственную мечту, мою мечту о полной жизни индивидуума, о всестороннем воспитании. Вы в вашей стране даёте индивидууму не только научное образование, вы превращаете его в творческую личность. Этим самым вы осуществляете величайшую, высшую мечту человечества. Я благодарю вас сердечно за это".

Остаётся лишь горько пожалеть, что нам ничего не известно о встрече двух великих поэтов. Состоялась ли она вообще, и о чём они говорили друг с другом — если состоялась? Тагор для Клюева значил, пожалуй, больше, чем Ло Гатто, Казандзакис и Истрати вместе взятые.

В свой же адрес Клюев слышал весьма внушительные речи одной такой "развившейся личности":

"Она ещё доживает свой век — старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по "престольным" праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным развратом, с изуверской верой, прежде всего апеллирующей к богу на предмет изничтожения большевиков, с махровым антисемитизмом, с акафистом, поминками и всем прочим антуражем.

Ещё живёт "россеянство", своеобразно дошедшее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по старинке, в "особый" путь развития, в народ-"богоносец", с погружением в "философические" глубины мистического "народного духа" и красоты "национального" фольклора.

В современной поэзии наиболее сильными представителями такого “россеяинства” являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин – в прошлом)”.

Этой тирадой открывалась вышедшая в 1930 году книга Осипа Бескина “Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика”. Бескин был далеко не единственный и не самый главный из “артиллеристов”, открывших по поэтам русского Возрождения огонь на уничтожение. Но именно он нашёл те характеристики и сопутствующие им определения, которые, “как старое, но грозное оружие”, будут в критические моменты истории извлекаться из нафталина и пускаться в ход – как в эпоху либерального “шестидесятничества”, так и в эпоху “великой криминальной революции”.

Клюев чувствовал, что времени осталось слишком мало. И, собрав все силы, погрузился в создание великого русского поэтического эпоса – поэмы “Песнь о Великой Матери”.

(Продолжение следует)

КСЕНИЯ МЯЛО

НА ОБОЧИНЕ

Скорость, с какой ведущими странами Запада, в том числе и Соединёнными Штатами, были признаны итоги состоявшихся 4 марта 2012 года президентских выборов в России, не может не впечатлять. Особенно если вспомнить, с какой быстротой и жёсткостью немногим более года назад теми же странами была поставлена под сомнение легитимность таких же выборов 19 декабря 2010 года в Белоруссии и как изменилось с тех пор международное положение этой страны, не говоря уже о её президенте А. Лукашенко. И это при том, что на протестные митинги в Москве и других городах после 4 декабря 2011 года вышло гораздо больше людей, чем когда-либо удавалось собрать белорусской оппозиции. Тем не менее, произошло то, что произошло, и хотя Запад давно уже не может удивить нас своей виртуозностью в применении двойных стандартов, хотелось бы услышать хоть сколько-нибудь внятное объяснение их применения именно в данном конкретном случае. Услышать не от Запада, конечно, но прежде всего от тех, кто на протяжении трёх месяцев упорно настаивал на “оранжевой” опасности, прямо угрожающей независимости России. К сожалению, таких объяснений до сих пор услышать не удалось – ни от “антиоранжевой” общественности, ни от Кремля.

Что до первой, то лично меня отнюдь не убедили витиеватые ответы на этот прямой и достаточно простой, но сугубо важный вопрос, предложенные на страницах газеты “Завтра”. Что же до Кремля, точнее же близких к нему политологов и журналистов, то, судя по фильму “Анатомия протеста”, показанному по НТВ 15 марта, то есть спустя уже 11 дней после выборов и признания их легитимности международным сообществом, тему “оранжевой угрозы” здесь намерены разрабатывать и впредь. Видимо, нисколько не заботясь о том, что в свете состоявшегося признания сама эта угроза если и не превратилась полностью в “бумажного тигра”, то, во всяком случае, заметно поблекла и утратила тот устрашающий облик, в котором рисовалась на протяжении нескольких месяцев.

В самом деле, речь ведь всё последнее время шла о каких-то хорошо организованных и опирающихся на солидную иностранную поддержку силах, готовых, подобно легендарному графу Хулиану (Юлиану из пушкинского “Родрика”), призвать “мавров на Испанию родную”. И что же? “Юлианы”, если принять такую версию, постарались, как могли, сильно всколыхнули общество, а вот “мавры” в последний момент почему-то бросили их на произвол судьбы и расточились, хотя, как уверяли иные, едва ли уже не подтягивали войска к рубежам нашего отечества. Нет, воля ваша, но тут концы с концами как-то не сходятся. И свести их уж никак не помогут фильмы наподобие “Анатомии протеста”, в котором выдержанные в театрально-зловещем тоне комментарии

сопровождает мешанину кадров, не только не проливающих никакого света на пресловутую “анатомию”, но временами и вообще теряющих какую-либо внятную смысловую связь между собою. Словом, в профессиональном отношении никуда не годная работа, и дело не только в её слишком уж откровенной пропагандистской направленности. В конце концов, пропаганда, как всякий жанр, имеет свои блистательные образцы, но и свои законы, требующие высокого энергетического напряжения и абсолютной ясности цели, которой она должна послужить. Но в том, что касается представленного публике изделия, мне так и осталась непонятной именно цель, во имя которой оно было изготовлено.

Фильм заканчивается выражением надежды на то, что десятки тысяч людей, в суровые морозы выходившие на митинги протеста, теперь, прозрев (видимо, под влиянием упомянутого изделия), уже не пойдут за своими так откровенно стакнувшимися с “маврами” вождями. Но это, как говорится, и вовсе уж холостой выстрел. Потому что ещё до выборов 4 марта зазвучали – притом с самых разных, в том числе и с “оранжевой”, сторон – голоса, заговорившие о том, что так бурно и ярко стартовавшее после 4 декабря движение начинает выдыхаться, затопталось на месте и, по многим признакам, неминуемо начинает идти на спад, а количество участников протестных акций раз от раза убывает. Ещё очевиднее это стало 5-го, а затем 10 марта, в день, когда, как предупреждали “антиоранжевые”, с высокой степенью вероятности должна была начаться раздача палаток и, соответственно, переход к московскому “Майдану”. Однако раздавать палатки никто не стал, и отнюдь не потому, что их где-нибудь на дальних или даже на ближних подступах перехватил бдительный ОМОН (или теперь ОПОН?). А потому, что их просто-напросто не было, о чём с саркастическим смехом поведал комментатор, даже не задумавшись о том, что один этот факт обрушивает так старательно выстроенную конспирологическую схему. В самом деле, ведь в Киеве недостатка в добротных палатках не наблюдалось, так почему же их не оказалось в Москве? Может быть, “мавры” на сей раз поскупились? Или, может быть, они неожиданно передумали? Смешные предположения, конечно, и, полагаю, ларчик открывается много проще.

Думаю, в Москве никто и не собирался устраивать никакого “Майдана”; во всяком случае, если такие планы когда-либо существовали, то уже, по крайней мере, два месяца назад они были положены под сукно, о чём свидетельствует сам факт стремительного и безоговорочного признания состоявшихся выборов. Успеху же Путина, между прочим, немало поспособствовала как раз взвинченная “антиоранжевая” кампания, в которой, не сомневаясь, многие люди участвовали по искреннему побуждению, но которая – возможно, помимо их воли – послужила совсем другой цели. Она позволила перенаправить общественное внимание на ложную мишень, не позволив ему сосредоточиться на реальных, болезненно затрагивающих жизнь миллионов людей проблемах и развернуться подлинному протесту, способному, как знать, поставить под вопрос конечный исход выборов. Что, возможно, как раз и не устраивало “мавров”. Во всяком случае, благосклонное согласие Запада – что бы там ни заявлял вице-президент Байден весной минувшего года – на третий президентский срок Путина не позволяет с порога отвергнуть такую гипотезу. В конце концов, если, как давно сказано, Париж стоит мессы, то почему бы Ульяновский аэропорт, сдаваемый российским правительством под перевалочную базу НАТО, не стоил карьеры нескольких политиков, так или иначе всё равно уже представляющих собой “уходящую натуру”?

Сразу скажу, что лично меня их уход из активной общественной деятельности несколько не опечалил бы: у меня к этим людям есть свой и немалый счёт. Я никогда не забуду их равнодушия к судьбам русских и не только русских людей, при распаде Союза мгновенно лишившихся Родины и нормального гражданского статуса. Никогда не забуду их глумления над теми, кто выходил на *красные* протестные демонстрации в начале 90-годов, кто принял на себя смертоносный огонь в 1993 году и кого они презрительно именовали “совками”. Наконец, их полного безразличия к обездоленным, сброшенным если не в нищету, то в откровенную бедность труженикам, которым те же самые люди высокомерно объясняли, что в бедности своей “лузеры” сами и виноваты. Нет, я не хотела бы, чтобы именно эти люди пришли к власти. Однако сегодня не они у власти. Не они принимали решение о том, чтобы допустить натовские военные грузы в самое сердце России, на Волгу – притом даже не потрудившись

поинтересоваться мнением граждан хотя бы Ульяновской области на этот счёт. Не они позволили в самом начале текущего года натовским миротворцам войти в зону безопасности на Днестре. Не они, опять-таки без веденя и согласия российского общества, 3 сентября 2011 года передали Азербайджану два территориальных анклава, притом не оказав обещанную помощь и не выплатив компенсаций более чем 500 российским гражданам, исправно платившим налоги в российский бюджет и посылавшим своих сыновей служить в Российскую армию. Кто-нибудь поморщится: ну подумаешь, 500 человек, стоит ли из-за них огород городить, когда тут такое — «оранжевые» наступают. Мы ведь привыкли оперировать большими числами. Но ещё неизвестно, как отзовётся такое грубое пренебрежение человеческими судьбами в беспокойном Дагестане; и потом, разве не отразилось в этой истории, как в капле воды, общее отношение руководства страны к нам всем, её гражданам?

Скажут ещё: а «оранжевые» сделали бы то же самое и, возможно, ещё худшее. Может быть, и сделали бы. Но остаётся фактом, что всё перечисленное сделали не они, а те, в чьих руках сегодня находятся бразды правления и кто распоряжается судьбами людей в России. Они, стало быть, и несут всю полноту ответственности за это, а ведь я назвала ещё только малую часть того, что можно было бы вменить им в вину.

А вот за что несёт ответственность именно «старая гвардия», возросшая ещё на дрожжах 90-х годов, а двадцать лет спустя вдруг представшая в качестве лидеров протестного движения совсем другой эпохи, — так это за то, в какое русло оказалось направленной под их руководством накопленная энергия протеста. За то, что так бурно и ярко заявившее о себе на старте движение оказалось неспособно стать выразителем широкого и глубокого общественного недовольства и целиком подчинило себя по определению не имеющему долгосрочной перспективы лозунгу «За честные выборы!». За то, что оно не сумело выйти на более длинную дистанцию и хотя бы приблизительно обозначить, что именно его лидеры, да и рядовые участники намерено делать *после* выборов. А особенно — объяснить, каким оно видит своё будущее в случае, если итогом «честных выборов» окажется третий срок В. Путина. Что и произошло и что, в сущности, можно было предвидеть заранее. Так, например, выступая в передаче «Особое мнение» («Эхо Москвы», 23 декабря 2011 года, Ксения Собчак заявила: «... Я верю в то, что завтра на митингах будут люди, которые не выступают против Путина в том смысле, что не желают сегодня смены режима. Я — реалист, я понимаю, что в марте мы выберем Путина».

Заметим, это слова не рядового участника митингов, но человека, постоянно стоявшего на трибуне. И если столь ясным и реалистичным было понимание ситуации ещё за два с половиной месяца до выборов президента, то чем объяснить упорство, с которым лидеры движения на протяжении всего этого времени отказывались расширить объём требований к власти; как объяснить, почему как от огня шарахались от крупных социальных проблем (куда-то в тень отошла даже тема чудовищной российской коррупции) и упорно настаивали всё на том же, по сути, единственном лозунге «честных выборов». Что ж, выборы и состоялись — достаточно честные для того, чтобы итоги их не стала оспаривать даже немалая часть оппозиции, в том числе и несистемной. Не говоря уже об иностранных наблюдателях. Так стоит ли удивляться, что движение стало неумолимо рассеиваться и что процесс такого рассеивания, как уже говорилось, начался ещё до 4 марта: ведь больше сказать ему было нечего, а потому погасло оно столь же быстро, как и вспыхнуло. И только под таким углом зрения его нельзя не признать явлением по-своему уникальным, во всяком случае, не имеющим аналогов в современном мире.

* * *

Уникальность эта особенно резко бросается в глаза на фоне вскипающих повсюду на Западе, даже в США, не говоря уже о Европе, массовых протестных движений, которые идут под лозунгами требований социальной справедливости и неприятия нарастающего в мире разрыва между бедностью одних и богатством других. Именно такие плакаты можно было видеть в Бельгии, Франции, Испании, Греции 29 февраля, в общеевропейский День Гнева, когда на улицы вышли сотни и сотни тысяч людей. Именно такие лозунги звуча-

ли в феврале в Мадриде и Барселоне, а в начале марта в Риме и Милане на огромных демонстрациях протеста против попыток упростить процедуру увольнения наёмных работников – т. е. против того, что не столь давно у нас называлось (а в Европе и теперь называется) наступлением на права трудящихся. И повсюду на этих демонстрациях активно присутствовал красный цвет, который только злонамеренно или же пребывая в постперестроечном умопомрачении можно, как это делается сегодня, пожалуй, в одной лишь России, считать неким реликтом “семидесятилетнего лихолетья”, как, сожалению, назвал всю величественную и трагическую советскую эпоху покойный патриарх Алексей II. Реликтом, дорогим, как выразилась одна из участниц телепрограммы “Исторический процесс” (18 января 2012 г.), лишь для “людей малообразованных, малообеспеченных” – подразумевается, видимо, что это одно и то же. Именно потому, не погружаясь в дебри симвонологии, считаю необходимым всё же напомнить, что история этого благородного цвета много древнее, а значения его неисчерпаемы и возвышенны. Это – цвет жизненной, в основном, воинской энергии (индийский “раджас”) и мученичества, цвет королевских и великокняжеских орифламм и одновременно цвет народных восстаний, страстно устремлённых к преодолению общественной несправедливости, почитаемой *тяжким грехом* против божественных установлений. Того, что так прозорливо сумел разглядеть Н. Гумилёв в самых сокровенных чаяниях русской души: “Русь бредит Богом, красным пламенем, \ Где видно ангелов сквозь дым...” Наконец, цвет победы над смертью – Воскресения.

Те, кто вышел на улицы и площади российских городов после 4 декабря 2011 года, предпочли белую ленточку, и это, конечно, их право; однако нельзя не заметить, что выбранный цвет уже сам по себе являл резкий контраст с цветом параллельно разворачивающихся европейских протестных демонстраций. И если бы ещё контраст бы только цветовым – но ведь это не так. Не берусь судить о мотивах тех, кто остановил свой выбор именно на белом цвете, и можно ли говорить в данном случае о попытках провести сознательные аналогии с белым движением. Но если они и были, то их никак нельзя признать удачными, скорее уж можно было бы говорить о профанации этой, столь же неотъемлемо нашей, как и красная, части отечественной истории. Ни жертвенного мужества, ни возвышенного, пусть и обречённого служения идеалу *Святой Руси*, составлявших духовное ядро белого движения, “болотники” отнюдь не обнаружили. Я ни в коем случае не соглашаюсь с теми, кто толковал выбранный ими цвет как символ сознательной капитуляции или как цвет савана, заготовленного ими для России (звучало и такое). Но реально он действительно стал, на мой взгляд, символом неспособности – если только не отсутствия желания – наполнить движение подлинно широким дыханием. Что невозможно было сделать, не отозвавшись на боли и беды миллионов людей, а этого-то как раз и не произошло. Но в таком случае отлив массовой энергии от него становился неизбежным, и не думаю, что делу поможет, как то советуется, например, глава Центра политических технологий Игорь Бунин, обращение к “карнавальной форме”, “флешмобам”, “концертам”.

Напротив, полагаю, что как раз атмосфера безмятежного пикника, все эти детские ленточки и шарики, которыми отметил себя протест при первом же выходе на Болотную, стали одной из причин его столь быстрой стагнации. Потому что никакой серьёзный протест, особенно в стране, столь неблагополучной, как нынешняя Россия, не может и не должен предлагать перманентное “здесь танцуют”. С танцев можно начинать, но далее следует называть проблемы и предлагать пути их решения. Действуя так, движение – не выходя за рамки закона и не обращаясь к насилию – обозначает для власти черту, которую она, власть, не должна пересекать, если намерена соблюдать условия общественного договора. Обозначает затем, чтобы избежать обращения к “последнему доводу” не только королей – потому что о том, на что имеет право народ в случае невыполнения властью её обязательств, каждый, кому это интересно, может узнать, обратившись опять-таки к классике, в данном случае к американским просветителям. Тем большее значение обретает проведение такой черты во времена беспокойные, подобные тем, которые наступили сейчас в связи с глобальным экономическим кризисом, положившим на Западе конец “эпохе всеобщего благосостояния”. Что, в свой черёд, привело к возвращению на авансцену казавшейся давно списанной в архив стилистики социального протеста.

Начало кризиса принято относить к 2008 году, однако первые признаки перемены всего общественного воздуха, самого “цвета времени” обозначились несколько раньше, во Франции, которую весной 2006 года захлестнула первая столь сильная после Мая-68 волна молодёжно-студенческих выступлений, миллионных манифестаций, блокад университетов и лицеев, перекрытия железных дорог. Наши СМИ говорили и писали об этом не слишком много, разве что упоминали о Париже, но и Париж всё-таки больше присутствовал в привычном ракурсе светских новостей и демонстраций высокой моды: на это драгоценного телевизионного времени никогда не жалеют. Но мне как раз тогда случилось оказаться во Франции и самой испытать то редкостное ощущение сдвига времён, о котором вскоре заговорят все. И тогда же сделать вывод, что участвовавшие приступы социальной лихорадки в этой известной своей исторической сейсмичностью стране могут быть признаками далеко не локальной болезни. А сам конфликт, детонированный ущемляющим интересы молодых работников пересмотром так называемого *контракта первого найма* (подробнее я писала об этом в статье “На круги своя: Россия перед вызовом глобализации”. – “Россия-XXI” № 56, 2006 – № 1, 2007) может стать предвестником событий общеевропейского масштаба

Так и случилось, и в минувшем году даже наше TV, тщательно избегающее тревожить воображение граждан картинками “социальной розни”, что у нас подпадает под соответствующую статью, не могло не транслировать хоть что-то из происходившего в Греции, Испании, Италии, Англии и даже хрестоматийной цитадели либерального капитализма – США (движение “Захвати Уолл-стрит”). А главную причину того, что там происходило, ещё весной 2006 года точно и ёмко определил экс-премьер Италии Романо Проди: “В Италии, как и во Франции, впервые после окончания войны (Второй мировой. – **К. М.**) молодые люди боятся оказаться беднее предыдущего поколения” (Le Monde, 1 avril 2006).

С тех пор под ударом оказались уже не только молодые люди, ряды протестующих ширятся, и неудивительно, что новым общественным настроениям более созвучной оказалась не карнавальность Парижского Мая и, в целом, эпохи “детей цветов”, а скорее жёсткость и политическая прямота порядком подзабытого Бертольда Брехта. И разве не по-брехтовски звучала уже одна из самых популярных речёвок бунтующих лицеистов 2006 года: “Мы не мясо для хозяев”. Здесь не поддающаяся буквальному переводу игра слов: “chair à canons” – “chair à patrons” (“пушечное мясо” – “хозяйское мясо”). Смысл, однако, ясен, как ясно и то, что такой лозунг мог бы звучать и в 20-е – 30-е годы прошлого века, а то и раньше. Шесть лет спустя это стало ещё более очевидным, что очень пронизательно подметил Лука Ронкони, режиссёр миланского “Пикколо театро”, недавно совместно с российским Малым театром поставивший брехтовскую “Святую Иоанну скотобоен”, отвечая на вопрос о наличии в спектакле “аллюзий на современный кризис”. Спектакль, по его словам, конечно, не должен быть “суррогатом газеты”. Но “злободневные намёки на кризис настолько очевидны в самом тексте, что дополнительных подчёркиваний не нужно. Благодаря пьесе мы понимаем, насколько он старый, этот кризис. Он был актуальным уже 60 лет назад и ранее” (“Независимая газета”, 1 марта 2012).

Вот этой-то актуальности не смогло ни уловить, ни тем более выразить движение “белой ленточки”. Стороннему наблюдателю, предположим, вообще ничего не знающему о терзающих Россию бедах, даже могло бы показаться, что дело происходит в социально благополучной стране, никак не затронутой так изменившим Европу кризисом. Но мы-то, здесь живущие, знаем истинное положение дел. Так почему же, словно по умолчанию, тема эта почти исчезла с митингующих улиц и площадей? О причинах, вероятно, будут ещё много говорить, но одна из них уже сегодня бросается в глаза. И это, по моему глубококому убеждению, – нескрываемое стремление “белоленточников” обособиться от *массы*, барахтающейся в каких-то там житейских невзгодах.

* * *

Стремление это уже на старте движения было подчёркнуто настойчивым указанием на особый не только социальный, но и материальный статус “болотников”, которым они будто бы обязаны исключительно собственным зас-

лугам — высокому уровню образованности, творческим способностям и энергии и т. д и т. п. Я вовсе не хочу сказать, что все участники многотысячных демонстраций обладали таким материальным статусом, но такой оказалась их доминирующая идеология, чему имеется множество свидетельств.

Из статьи А. Самариной “70% митингующих — либералы по убеждениям”:
“Это элита общества по образованию и роду занятий, — сказал Владимир Рыжков. — Это люди, которые определяют будущее страны. И очень приятно, что 70% — граждане демократических, либеральных взглядов.

... Борис Немцов рассказал, что... на проспекте Сахарова выделялись две группы: “Одна состояла из активистов широкого спектра — от правых и националистов до либералов и демократов...” — процентов до 10. “Остальные 90 тысяч — просто обманутые, равнодушные граждане, относящиеся к среднему классу. Это не были обездоленные, безработные, гастарбайтеры, нищие... это были белые воротнички, менеджеры, интернет-активисты, деятели литературы и искусства. Это была креативная Москва. Вполне образованная и интеллигентная” (“Независимая газета”. 27.12.2011. — Курсив мой. — К. М.)

Из статьи Игната Калинина “Кто протестует в Москве”: “... Результаты опроса (проведенного Левада-центром) подтверждают, что на улицы выходит образованный, креативный класс столицы... У 70% есть хотя бы одно высшее образование, 89% процентов пришедших зарабатывают себе на достойную жизнь...” (“Московский комсомолец”, 28 декабря 2011 год). Последнее особенно впечатляет: сказано так, как если бы уже само по себе наличие высшего образования являлось в нашей стране гарантией получения заработка, способного обеспечить “достойную жизнь”! Хотя, несомненно, даже иные иностранцы, которым это интересно и для которых не составляет никакого труда ознакомиться в интернете с данными Росстата и открытой печати, знают, как мало соотносится одно с другим в нынешней России. А ещё лучше знают об этом многие и многие отечественные обладатели высшего образования, чьи заработков едва хватает, чтобы не очутиться за чертой бедности. Зачем же было так настойчиво подчёркивать то, что имеет очень мало общего с действительностью, если не затем, чтобы ещё и ещё раз переживать слабое ощущение своей элитарности, обособленности от погружённых в социальное убожество масс “обездоленных и нищих”?

Вот, например, телевизионная программа EuroNews (4 марта 2012 года, 23.00), вообще не мудрствуя лукаво, сообщила, что на улицу вышли “горожане с высоким уровнем дохода”; и если подобная картина не вполне соответствовала реальному составу участников митингов, остаётся бесспорным, что такое, с этической точки зрения более чем сомнительное, подчёркивание их социально-экономического превосходства по отношению к огромному количеству остальных граждан России, не вызывало у них отторжения. А стало быть, отвечало внутреннему стремлению к превосходству именно такого рода, и, в принципе, они соглашались отождествить социальное и даже гражданское достоинство человека с его материальным достатком. Стало быть, принимая идеал элитарной демократии, эту химеру, обретшую столько поклонников в новой России. С предельной ясностью дух такой специфической демократии выразил А. Ермолин, в статье “О неизбежности креативной революции в России” (The New Times, 19.12.2011) прямо назвавший главной задачей такой революции “создание новых элит и нового российского народа”. “Старому” же, логично заключить, предстоит отправиться на очередную “переплавку” — под руководством нового “гегемона”, конечно, на роль которого “белая ленточка” уже попыталась выдвинуть так называемый креативный класс. Понятие это тотчас же пошло кочевать по всем страницам, не говоря уже о Сети, однако мало кто задумался над тем, насколько оно, как то уже не раз бывало в нашей стране, будучи позаимствовано из совсем другой реальности, соответствует собственно российской действительности. А потому не лишними будут, думается, некоторые уточнения и пояснения.

Теория креативного класса была создана американским экономистом и социологом Ричардом Флоридой, чья книга “Креативный класс: люди, которые меняют будущее” вышла в свет в 2002 году (русский перевод появился в 2005) и привлекла очень большое внимание предпринятой в ней попыткой обрисовать главные черты социальной структуры “общества знаний”. В соответствии с резко возросшей ролью знаний, в том числе и сугубо экономической,

в таком обществе на первое место выдвигаются люди, занятые решением сложных задач, для которых требуется независимость мышления и высокий уровень образования. Они и образуют креативный класс, к которому Флорида причисляет, прежде всего, людей, занятые в научной и технической областях, в искусстве и образовании; затем следуют бизнес и финансы, здравоохранение, право и смежные со всем этим сферы. Нетрудно заметить, что приоритет отдаётся, в основном, деятельности широкого социального значения, достойное вознаграждение которой позволяет людям, занятым в ней, твёрдо стоять на ногах и максимум своей энергии отдавать творчеству. Но кто решится утверждать, что так же обстоит дело сегодня и в России? Не утверждают ничего подобного и сами наши отечественные “промоутеры” этого понятия, под чьими перьями и на чьих компьютерах оно, напротив, стремительно стало превращаться в ещё один инструмент социальной селекции, теперь уже и среди носителей знания и обладателей не только дипломов о высшем образовании, но даже и учёных степеней. Так, например, в редакционной статье “Независимой газеты” за 28 декабря 2011 года читаем: “И тут главный вопрос, который должны понять власти, – кто же именно сегодня выходит на улицы? Раньше власть мало интересовалась этим. Предполагалось, что людей интересуют только зарплаты, а не политика. А так как на площади выходят, как правило, не бюджетники, а те, кто зарплату получает не от властей, то и претензий к властям они как бы не должны иметь” (курсив мой. – К. М.).

Как видим, под гребень селекции здесь попадают уже не только “обездоленные и нищие”, но и бюджетники, то есть – врачи, учителя и даже университетские преподаватели, немалая часть инженеров и научных сотрудников. Словом, все те, кто, по мысли самого автора понятия “креативный класс”, как раз должны были бы составлять ядро этого класса, но у нас оказались потеснены офисными работниками. Понятие же “бюджетник” вообще превращается у нас на глазах в клеймо, свидетельствующее о некоей гражданской неполноценности, не говоря уже о полной неспособности к *креативной* деятельности тех, кто им помечен. Что уж тут говорить о таких бюджетниках, как военнослужащие, а тем более пенсионеры, этот объект почти зоологической ненависти некоторых “креативных” интернет-активистов. Так, некто, представившийся как *musin damir*, даже назвал их “самым большим электоральным злом”, “паразитарным электоратом” и, как следствие, предложил приравнять предоставление пенсии “к отказу от права голоса”.

Что ж, дело, по крайней мере, многое объясняет – то, например, почему иные люди, интуитивно ощущающие дыхание этой ненависти, готовы поддержать даже и существующую власть, относительно которой не имеют никаких иллюзий. Примечательно, что мысли о “паразитарном электорате” и прочем были записаны сразу же после того, как в полночь истёк день 10 марта – тот самый, в который многим стало окончательно ясно, что в прежнем виде движение исчерпало себя. Но показательно, на кого оказалась обрушена ярость!

Конечно, более респектабельная печать не позволяет себе высказываться с такой прямотой. Однако далеко ли, по сути, ушло от подобного строя мыслей, а особенно чувств, прозвучавшее на страницах всё той же “Независимой газеты” (2 марта 2012) предложение запретить (!) работникам бюджетной сферы становиться членами избирательных комиссий? Именно с такой законодательной инициативой выступили депутаты петербургского парламента от фракции “Яблоко”, в глазах многих – едва ли не олицетворения самых высоких и чистых демократических принципов. Предложение обосновывается тем, что такая мера “осложнит применение административного ресурса на выборах”. Иными словами, без каких бы то ни было колебаний предлагается ввести своего рода *презумпцию виновности* по признаку социального положения. Но следующим шагом может стать предложение лишить бюджетников права голоса всё по тому же признаку – а почему бы нет? Разве не давит “административный ресурс” на избирателей-бюджетников? И разве их убогие зарплаты не делают их особо зависимыми от администрации? Что ж, голоса, предлагающие введение имущественного избирательного ценза, тоже уже звучали, и если творческая мысль “креативного класса” намерена работать и дальше в этом направлении, то от души хочется пожелать ему неудачи.

Я намеренно оставляю в стороне вопрос о том, из каких источников обеспечивается та “бюджетная независимость”, которую идеологи этого класса

представляют как бесспорную гарантию его особой гражданской качественности. А также о том, в каких сложных и тонких отношениях могут находиться эти источники если не буквально с бюджетом, то со всем совокупным и специфически перераспределяемым национальным доходом. Но думаю, понятно, что и само по себе такое крайне неприглядное явление, как социальная спесь, в условиях современной России обретает черты особо отталкивающие. И то, что бурно стартовавший протест, имевший немало шансов стать общегражданским, оказался поражён вирусом этой спеси, я считаю главной причиной его на сегодняшний день поражения, притом поражения вполне заслуженного. Однако не разрешёнными (а “белой улицей”, в общем, почти и не затронутыми) остались многие, если не большинство из породивших протест вопросов. Недалёкое будущее заставит вспомнить о них, и значение их, возможно, даже возрастёт — не в последнюю очередь потому, что с завершением выборного цикла на ближайшие два-три года в тень уйдут на время заслонившие их электоральные страсти. Как выразился, перефразируя название некогда очень популярного в нашей стране итальянского фильма, один известный журналист, “выборы закончены — забудьте”.

Не стану спорить: о выборах, может быть, и удастся забыть — по крайней мере, на время. Но не об острейших общезначимых проблемах, которые не просто стучатся, но ломятся в дверь. И не карнавальной броскостью политических акций, не “креативной” дерзостью лозунгов и плакатов будет теперь определяться вес каждой из претендующих на активную роль общественных сил, но прежде всего способностью предложить внятные пути их разрешения. Разумеется, сказанное относится и к “болотникам”, часть которых ещё пытается вести арьергардные бои. Что ж, многие из них ещё молоды или даже очень молоды, а потому располагают хорошим запасом времени и для осмысления совершившегося, и для выработки новой программы действий. Как они распорядятся отпущенным им временем, покажет будущее. Но одно можно с уверенностью сказать уже сегодня: если им не удастся преодолеть так грубо заявивший о себе соблазн социальной избранности, то их “белая ленточка” рискует войти в историю как всего лишь эмблема застрявшего на её обочине и безнадежно отставшего от времени обоза.

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

ГЕЛЬМАН КАК “ЗЕРКАЛО ДУШИ” НАШЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Россия стала “Поле чудес” для ловкачей и пройдох.

Леонид Бородин, “Пермь в осаде”

Буква “П” за 10 миллионов — это памятник бюджетным средствам.

Новейший пермский фольклор

Вначале были Деньги. Именно так, с большой буквы. Деньги, золотой телец, бабло, баксы... И антитеза: быдло, пипл схавает, биомасса, электорат. В начале 90-х прошлого века в России появились парни, умеющие делать личные деньги из вчера ещё “общенародной собственности”. У них всё получилось: народ-дурак прогнулся. Правда, потом парням потребовалось “облагородить” операцию отъема денег — с помощью “честных выборов” (после расстрела Парламента в 1993-м) и Конституции. В цене были манипуляторы, называемые политтехнологами.

В “нулевых” всё забронзовело. Деньги чудесным образом превратили вчерашних бандитов в респектабельных бизнесменов и высших чиновников, система обрела устойчивость и работала почти без сбоев. Верхи доросли до роскоши человеческого общения. И, конечно, до понимания, что рабов надо держать в узде, в мировоззренческой клетке. В олигархическом государстве богатые люди проводят для бедных определённую культурную и образовательную политику. Но неужели богатые заинтересованы в том, чтобы стать беднее?!

Михаил Швыдкой и Марат Гельман — две ключевые фигуры в культурном управлении Россией в “нулевые” и начавшиеся “десятые”. По странному совпадению, оба тесно связаны с политикой, оба — евреи, оба — не отличаются нежными чувствами к стране проживания и к её народу.

О Швыдком, авторе провокативной фразы “русский фашизм страшнее немецкого” и махинаторе “реконструкции Большого театра”, сказано достаточно. Он и сейчас на коне, при власти, процветает, что свидетельствует о его безусловных заслугах перед воровским режимом — не случайно шедевральной картиной эпохи его нахождения в должности министра культуры РФ стал сериал “Бригада”. Наш краткий рассказ — о Марате Гельмане и о его деяниях в Перми.

СЫЧЁВА Лидия Андреевна родилась в с. Скрипниково Воронежской области. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор интернет-портала “МОЛОКО”. Лауреат литературных премий. Живет в Москве.

* * *

Марат Гельман – сын известного советского драматурга. Родитель скандального галериста казался вполне благополучным гражданином, борющимся против засилья бюрократии в советской системе хозяйствования. (См. фильм “Премия”, 1974.) Ничто не предвещало, что потомок Александра Исаковича будет отождествлять православные храмы с клизмами и возбуждать религиозную ненависть в народе (выставка “Родина” в Перми, ноябрь 2011 года), разве только то, что Гельман-старший, лауреат Госпремии СССР, не удержался и поставил свою подпись в октябре 1993 г. под письмом писателей, призвавших Ельцина расстрелять Российский парламент.

Биография Гельмана-младшего бурно развивается в 90-е – он основывает в Москве одну из первых частных галерей, активно участвует в политике, консультируя “Союз правых сил” и сотрудничая с Глебом Павловским. С июня 2002 по февраль 2004 года Гельман – зам гендиректора Первого телевизионного канала и в это же время – пиар-консультант партии “Родина”, во главе которой стояли Дмитрий Рогозин и Сергей Глазьев. Потом будут выборы в Украине в 2004-м году.

В феврале 2005 года Гельман “прославился” выставкой “Россия-2”, после которой верующие подали на него в суд за оскорбление религиозных чувств (иск отклонен). Название выставки – намек на “манифест новой интеллигенции”. Гельман витийствовал по этому поводу: “Одна Россия – это политика, это Путин, это вертикаль власти, это нефть, газ, “Единая Россия”, нация. И есть другая Россия, в которой мы живем. Они не соприкасаются друг с другом”. Но, как мы увидим далее, эти две России очень даже соприкасаются, фактически они – не разлей вода.

С 2008 года Гельман осчастливил своим явлением Пермь – именно тут, как утверждают власти, вот-вот расцветёт культурная столица Европы.

Жизненный путь, как мы видим, весьма извилистый. Но есть нечто общее, что объединяет все “проект” Гельмана: и СПС, и “Родину”, и Пермь – это Деньги с большой буквы. Гельман – пылесос по очистке бюджетов от наличности. Давно уже сдулся СПС, кремлёвцы использовали “Родину”, чтобы отрызть голоса у коммунистов и слили эту партию; да и флагман нынешнего, пермского проекта, “Единая Россия”, обрела несмываемое клеймо партии жуликов и воров. Фригийский царь Мидас, по легенде, обладал волшебным даром: всё, к чему он прикасался, превращалось в золото. У Гельмана сходная способность: лёгким движением руки он превращает ваши деньги... Превращает наши деньги... Во что именно? Отправимся в Пермь, чтобы оценить искусство “новой России”.

* * *

Проект “Культурный альянс”, первым полигоном для которого стала Пермь, придумали Владислав Сурков и Марат Гельман. “Суть его в том, чтобы распространить опыт пермского изнасилования на другие регионы. Для Суркова это – новая идеология государства. Для Гельмана – вантуз, которым он прокачивает региональные бюджеты”, – утверждал Алексей Иванов, автор “Золота бунта” и других бестселлеров. В своем интервью сайту “ФедералПресс” писатель откровенен: “У Чиркунова (губернатора Пермского края. – **Авт.**) есть железный критерий: мнение Гельмана. А у Гельмана другой критерий: своя тусовка, которую ему надо кормить, чтобы она кормила Гельмана потом, когда в Перми все закончится... В кризис его бизнес пошатнулся, и пришлось с меценатов перепрыгивать на бюджет. Гельмана привез в Пермь меценат Сергей Гордеев, который придумал знаменитую выставку “Русское бедное”. Увидев, чего творит Гельман, Гордеев снял Гельмана с довольствия и ушёл из Пермского края. Пришлось Гельману, бунтарю и неконформисту, искать поддержку в “Единой России” и у Суркова”.

Выставка “Русское бедное” – это пятиконечная звезда из окурков, лопата из дорожного знака, стульчак из табуретки. Это “альтернативный вокал”, который выражался в пронзительных криках и хрюканье, музыканты в противогазах, молотящие деревянными колотушками по мусорным бакам и ящикам. Это модель кровати с привязанными к ней книгами, проволочная вешалка

ка с разнообразным женским бельём на плечиках, космический корабль из сигарет и сигаретных пачек, гигантский заголовочек газеты “Правда” с орденами, выполненный в чёрной резине, танк из советской мебели, маленький туалет “типа сортир”, движущиеся металлизированные шланги и т. п. Искусство ли это? Игорь Аверкиев, историк и социолог из Перми, написал подробный путеводитель по выставке и пришёл к выводу – большинство “арт-объектов” к искусству не имеет никакого отношения, в лучшем случае это дизайн, в худшем – провокация и “вакханалия концептуализма”. Были, конечно, отдельные творческие открытия – например, композиция Витаса Стасюнаса “Причины и связи”, но не они правили бал на “Русском бедном”. Аверкиев справедливо замечает, что так называемые “современные художники”, собранные Гельманом, работают без души, чаще из желания удивить или эпатировать, и зритель чувствует это, голосуя ногами. В результате заинтересованы в такого рода перформансах лишь толкователи: критики, журналисты, эксперты, университетские профильные профессора, представители “отраслевых субкультур” и прочих духовных меньшинств. Вооружившись их поддержкой, Гельман стал надувать пермский “культурный пузырь”.

Пилить бюджеты всех уровней – тренд “нулевых”. Даже странно, что Гельман так долго шел к спасительной для его “интеллектуального бизнеса” идее. И точно так же, как нынешнее “информационное обеспечение” не имеет никакого отношения к журналистике, так и современные арт-практики далековаты от прекрасного и возвышающего душу искусства. Сегодня в России вместо журналистики – “белый” и “чёрный” пиар, вместо искусства – политизированный дизайн. Т. е. фактически перед нами глубоко эшелонированная идеологическая фальсификация. Уместно тут вспомнить экономиста Василия Симчеру, который, размышляя о протестных настроениях после выборов 4 декабря 2011 года в Государственную Думу, заметил: фальсифицированы не выборы, фальсифицирована вся наша жизнь.

Питает творцов этой системы бюджетное меценатство. А налогоплательщик? Его не спросили, мнение граждан никому не интересно. Властям “протесты общественности” против гельмановской “культурной революции” глубоко по барабану: губернаторы у нас не избираются, а назначаются по непонятным для населения критериям. Потому глава Пермского края Чиркунов со спокойной душой вверх подведомственные ему города и веси в жесточайший эксперимент: неуклонно сокращая местные “очаги культуры” (за время его правления закрыто 273 клуба, 214 библиотек, 308 киноустановок), он щедро оплачивает арт-насильнические акции Гельмана и К^о. Таким образом губернатор поднимает свой авторитет в глазах Владислава Суркова и – опосредованно – в очах Владимира Путина. Ну, а думы народные на сей счёт – дело десятое для человека, семья которого живёт в Швейцарии, а жена и дети – двухпаспортные.

Пермская интеллигенция многократно просила избавить их город от Гельмана и его команды. Вот цифры из письма, направленного Дмитрию Медведеву. Подписанты вопиют: трехлетний бюджет на культуру почти 2 млрд руб., при этом “местных” ужимают в расходах, зато Гельману ни в чем отказа нет. Тут тебе и арт-объект “Сфера” – около 5,0 млн руб.; и 241 тыс. руб. за буквы “ВЛАСТЬ” у здания заксобрания края; и по 102 тыс. руб. за каждого из трех “трэшменов” (человечков с мусорками). В 8 млн руб. (по другим данным – 9,8 млн. – **Авт.**) обошлась налогоплательщикам 12-метровая буква “П” из еловых брёвен; в 35 млн руб. – строительство арт-объекта “Стена” у драмтеатра (решетчатая структура из клееного бруса высотой 9–12 м через всю площадь по диагонали); 112 млн руб. ушло на гельмановский фестиваль “Белые ночи” (для сравнения: на повышение зарплаты муниципальным бюджетникам с 01.06.2011 г. на 6,5% выделено 68 млн руб.)... И т. д. и т. п.

Ответа на свой “крик души” жители “культурной столицы” не получили. В Москве так принято – на челобитные холопов отвечать новыми порками. И что из того, что не доросли жители Перми до матерных виршей и стихов о волосатых лесбиянках, которые теперь считаются шедеврами на гельмановских фестивалях, или до спектаклей с голыми стриптизершами (детище театра “Сцена-Молот”, арт-директор Эдуард Бояков). Кстати, созданные за госсчет “высокохудожественные” мусорки, буквы и столбы принадлежат не городу и не краю, а гельмановскому Музею современного искусства PERMM. По истечении 11 месяцев с момента, как “объекты” были выставлены на всеобщее

обозрение, они, согласно договорам, подлежат демонтажу. “Схема искусства траты денег и замечания следов, как видим, проста до безобразия”, – замечает Сергей Оболенский из “Собеседника.ру”.

* * *

Ныне самый востребованный литературный жанр в России – не беллетристика и даже не публицистика. Настоящие бестселлеры – сухие юридические документы из интернет-проекта “РосПил”. Например, о том, как отоваривается чеченское МВД, или как в Сочи строят дороги, а Высшая школа экономики размещает госзаказы.

В Перми пока нет своего блогера Навального, но можно предположить, что скоро он появится. Искусство здесь обогащает – в прямом смысле слова. Подтверждение тому – “поэма в цифрах”, подписанная Владимиром Шуклецовым, и. о. председателя Контрольно-счетной палаты края. Отчет от 1 декабря 2011 года охватывает временной отрезок в два с половиной года.

Интересная цифирь: за указанный период зарплата сотрудников Музея современного искусства PERMM выросла в 2 раза – до 34 835 руб. А вот у тех, кто работает в Пермской художественной галерее, доходы существенно ниже – 6,6–9,9 тыс. руб. Т. е. на русское классическое искусство и на его хранителей – тьфу, главное – поддержать создателей маленьких туалетов “типа сортир”. Добавим к этому, что Пермский краеведческий музей на правительственном часе в Совете Федерации был назван министром культуры Александром Авдеевым в числе тех, где выявлено наибольшее количество утрат экспонатов. Это связано с ветхим состоянием здания и плохими условиями хранения.

Листаем “поэму” дальше. Минкультуры края допустило нецелевое использование бюджетных средств – люди катались за госсчет во Францию, Германию, Швецию, Бельгию, Австрию и др. мимо сметы, залезая в карман налогоплательщика (1 млн 253 тыс. руб.). В отчёте фигурируют фамилии соратников Гельмана: Бориса Мильграма (в 2008–2010 гг. – краевой министр культуры), Николая Новичкова (преемник Мильграма на посту министра, ныне руководитель “Культурного альянса”), Александра Протасевича (ныне и. о. министра), Вероники Вайсман (бывший замминистра культуры, ныне директор проектного офиса “Инновации в культуре и развитие городской среды”). Но разве культурные люди нарушают законы?! Так, Мильграм трижды съездил в Цюрих по “вопросу разработки концепции Пермской художественной галереи”, прокатал 144 тыс. руб. государственных денег, но концепции так и не появилось (наверное, надо ещё съездить раз пять!). Зато Мильграм пошел на повышение – он теперь вице-премьер правительства края.

Вообще, с галереей беда. 7 млн 610 тыс. руб. были потрачены в 2008 году на архитектурный конкурс по созданию её проекта. Аудиторы Счетной палаты признали эти расходы неэффективными, так как проекты не реализуются (хотя победители конкурса получили деньги из бюджета). За последующие три года минкультуры края так и не решило вопрос с отводом земельного участка для строительства галереи.

И снова о деньгах. Руководитель театрального проекта “Сцена-Молот” из команды Гельмана Эдуард Бояков получает 98 тыс. руб. в месяц. У него есть двойник – художественный руководитель Юрий Милютин с окладом в 112,9 тыс. руб. Есть и дорогостоящий режиссер – Дамир Салимзянов (92 тыс. руб. в месяц) с дешевым дублёром (оклад 9,1 тыс. руб.). “Фактически в театре за счет бюджетных средств содержится 2 художественных руководителя (или 3 – по уровню оплаты труда) и 2 режиссера, что не отвечает требованиям эффективного расходования бюджетных средств, в связи с чем 4 млн 216 тыс. руб. признаются неэффективными для краевого бюджета...” – следует из отчета.

А какой эффект от существования еще одной мутной “инновационной” конторки – “Центра по реализации проектов” (директор Вячеслав Торчинский, бывший владелец рекламного агентства “Новая волна”)? Лишь в первом полугодии (!) 2011 года расходы этой организации на разработку концепций, идеологии, программ составили 7 млн 914,9 тыс. руб. И следом карьерный взлёт – Торчинский становится председателем комитета по культуре Перми! Вот уж действительно: лучший бизнес – это госбюджет. Да и упоминавшаяся

Вероника Вайсман рулит инновациями за счет народного кармана: в её проектном офисе 4 штатных единицы, каждая из которых обходится налогоплательщикам в 90 тыс. руб. В месяц.

Итак, в Перми создана уникальная система по распилу бюджетных денег, объединяющая столичных “гастролёров” и местных “инновационных” чиновников. При этом “до сих пор министерством культуры Пермского края не разработаны стандарты оказания государственных услуг. Как оценивать картинку, лекции, круглые столы, концепции, работу заезжих “гастролеров”? Минкульт производит эту оценку на свой и Марата Гельмана “глаз”. И это один из ответов, почему такое бездумное использование бюджетных средств на непонятные “концепции” и “проекты” стало возможным”, — пишет Татьяна Соколова в “Пермском обозревателе”.

* * *

Понятно, что передовой опыт Перми по распилу бюджета следовало распространить на другие города и веси: больше охват — выше доход. В июне 2010 года газеты сообщали: президиум генсовета “Единой России” утвердил новый партийный проект “Культурный альянс (региональный аспект)”. Инициатор — Марат Гельман. Напрочь забыта оппозиционность, которой когда-то козырял галерист в Нью-Йорке: “Надо очень четко понимать, что в России существует большое количество людей, которые не принимают вот эту путинскую Россию, имея в виду Россию второго срока. При этом, эти люди не принимают и всех врагов Путина тоже. То есть, условно говоря, весь этот политикум наш — это клоуны и андроиды. Андроиды, роботы — это те, кто за Путина, а клоуны — это оппозиция. Всерьез участвовать на какой-то из этих сторон невозможно”.

Впрочем, Гельман и не участвует всерьез. “Культурный альянс”, согласно заявлениям его инициаторов, способствует созданию позитивного международного имиджа государства. Вероятно, карта России, составленная из грязных половых тряпок, продемонстрированная на выставке “Родина” в Перми, как раз и привлечёт европейцев, утомлённых Боттичелли и Рафаэлем, в “культурную столицу Европы”. Гельман шутит, осуждая “путинскую Россию второго срока”, но зато деньги берёт всерьёз. Кстати, узнать размер его оклада в Перми из отчёта местной счётной палаты так и не удалось. Что ж, оставим добывание этой тайной цифры энтузиастам.

А “Культурный альянс” тем временем шагает по стране — в Ижевске появились клоны пермских красных человечков, в Твери открыт Центр современного искусства “ТверЦА”, а тут и денежная Тюмень поднянулась — недавно там прошёл первый фестиваль современного искусства. На подходе Башкортостан, Нижегородская и Свердловская области, Северная Осетия, Дагестан, Самара, Тольятти, Киров, Чувашия... И не надо думать, будто губернаторы и региональные чиновники не знают, в чем состоит “искусство Гельмана”, что они понятия не имеют о митинге в Перми, который местная интеллигенция провела под лозунгом: “От вашей культуры слоныдохнут”. Это, кстати, не метафора — слон в местном зоопарке действительно сдох — из-за условий содержания, несовместимых с жизнью. Но региональные чиновники понимают, что проект “благословлён” генсоветом “правлящей партии”, а на мнение народа им глубоко начхать — было бы начальство довольно. К тому же под идеи “современного искусства” хорошо пилить бюджет, так что выгоды у них с Гельманом взаимные.

Хочется немного остудить пыл местных реформаторов. Затевая “Культурный альянс”, Гельман со товарищи обещали взамен горы золотые, в том числе и обильную пиар-отдачу в виде “укрепления базового имиджа “Единой России” как партии реальных дел”. Журналисты рассказывали, что видный единокорос Андрей Исаев так воодушевился альянсом, что даже предложил Гельману возглавить комитет по культуре в будущем составе Госдумы! Вовсю шла делёжка шкуры неубитого медведя...

Но на парламентских выборах 4 декабря 2011 года “ЕдРо” получила в крае лишь 36,3% (в 2007 году — 62,06%). А на последовавших митингах чуть ли не главным политическим лозунгом жителей Перми стало требование избавить их от Гельмана и его тёплой компании. Вот такой получился специфический “имидж”...

Без сомнения, “культурная революция” в Перми стала катализатором роста протестного населения в крае. Так что оппозиционеры должны покло-

ниться Гельману в ножки – молодец, брал деньги у “ЕдРа”, а на самом деле искусно разжигал ненависть к “жуликам и ворам”. Настоящий “агент Госдепа”! В феврале 2012 года галерист устроил в Перми встречи Владимира Рыжкова, Ксении Собчак и Леонида Парфенова с “рассерженными горожанами”. Этой действо Гельман представил как проект создания “культурной оппозиции”. Потому что “оппозиция бескультурная”, ныне сложившаяся в Перми, на дух не переносит московского куратора-распилищика, а борьбу с ним приравнивает к антифашистской деятельности.

* * *

Ну а теперь о некоторых итогах “правления Гельмана” в Перми. В чем они выразились, кроме потраченных денег, подпорченного имиджа “ЕдРа”, бешеного пиара “современного искусства” и общественного возмущения? Слово писателю Алексею Иванову: “Судите по делам. Что нового создали в Перми за два года гельмановской “культурной революции” его хунвейбины? Музей Гельмана, который за деньги края скупает работы друзей Гельмана. Гельмановский центр развития дизайна, который разрабатывает гербы для чиркуновских канцелярий. За счёт бюджета Гельман привёз кучу таких деятелей культуры, которые и сами могут собирать стадионы, но деньги за билеты тогда получит продюсер, а не Гельман. И пиар, пиар, пиар. А пермский зоопарк остался на костях лучших граждан города. Музей стал вдвое хуже. Здание галереи отдают церкви, а нового здания и в планах нет. Все остальное как лежало в руинах, так и лежит. В городе нет не то, чтобы киностудии, а даже книжного издательства. Все пермские бренды выброшены из культурного процесса, потому что соратники Гельмана – непрофессионалы, они не знают культурных технологий развития этих брендов”.

А вот оценка Игоря Аверкиева: “За три года культуртрегерской оккупации в Перми не появилось ни одной новой пермской звезды и даже звёздочки в театре, литературе, музыке, изобразительном искусстве. Всё, что было нового выдающегося, – всё завезённое... С приходом культуртрегеров пространство пермского творческого роста было просто забетонировано московским гастрольным “чёсом”, закупленными “легионерами” и фестивальным конвейером...”

И, наконец, мнение публициста Владимира Семенко: “Секрет непотопляемости Гельмана – его деятельность как политехнолога, а отнюдь не как галерейщика. Люди, которым он в свое время оказал “неоценные услуги”, в благодарность дают хорошо украсть. Вот и вся культурка...”

Вы думаете, “наверху” не знают о десятках (если не сотнях) публикаций, негативно оценивающих опыт пермского культ-насилия?! О том, что думают о деятельности Гельмана и К^о арт-критик Капитолина Кокшенёва, поэты Игорь Тюленев, Юрий Асланян, Федор Востриков, писатели Татьяна Соколова, Александр Проханов, Алексей Шорохов, журналисты Игорь Маркин, Николай Охотин, Алексей Харитонов, Людмила Каргопольцева, Василий Бубнов, политики Константин Окунёв, Алексей Бессонов, блогер Максим Красных, эколог Роман Юшков, художник Равиль Исмагилов и еще сотни людей, переживающих за происходящее в городе?

И что? В глазах нынешней власти “заслуги” Гельмана легко перевешивают многочисленные филиппики возмущенной интеллигенции.

Чем же он мил-дорог кремлёвцам?

Первое: последовательным антисоветизмом и откровенным насаждением идеологии социал-дарвинизма и антигуманизма. СССР, от которого нынешняя власть получила все свои богатства, – бельмо в глазу высших чиновников. Потому что никаких обязательств – в виде бесплатной медицины, образования, соцзащиты – правящий класс взманивать на себя не хочет. Посему вместо 70 лет существования СССР в исторической памяти граждан следует оставить “черную дыру”. Гельман этим успешно занимается. Вот одна из акций: 5 марта 2011 года сотрудники пермского сайта “Соль”, созданного Гельманом и призванного стать рупором “культурной революции”, сожгли на костре “чучело Сталина”. (Вот попробовали бы они сжечь чучело Путина, Суркова и Володина! Интересно, чем бы это закончилось для “художников, имеющих право на высказывание”?)

Второе: Гельман дорог нашим властям циничной, демонстративной русофобией. В Пермском крае работает единственный в России музей политических репрессий “Пермь-36”. Это бывший лагерь, где когда-то отбывал свой второй срок в качестве политического рецидивиста писатель Леонид Бородин. Незадолго до своей смерти он побывал в этих местах. Кого же увидел Бородин на музейных стендах?! “Борца за свободу” Виктора Шендеровича! Дескать, сатирик сюда приезжает, поэтому сотрудники музея и поместили его личину рядом с политзаключенными. Писатель размышляет об увиденном в Перми: “...Осмелюсь предположить, что если куда-то вдруг слетаются шендеровичи, ганапольские, пархоменки, радзиховские, панюшкины (памятное высказывание “милого русского интеллигента” господина Панюшкина: “Россия – бешеная собака, и лучше её пристрелить, пока она не искусила...” и так далее), если они съезжаются – значит, там по разным причинам возник оазис с особым, русофобским микроклиматом”.

Третье. Гельман мил нашим правителям последовательной десакрализацией этических запретов. Так, культурный портал “Соль” через своего корреспондента заказал детскому хору спеть “Мурку”, записал и выложил видео в интернете. Разразился скандал, родители были шокированы, а вот соратник Гельмана, тогдашний министр культуры края Николай Новичков назвал это событие “позитивным явлением”. (Ну, правильно, партии “жуликов и воров” нужны новые кадры, вот они и готовят себе смену, приобщая детей к блатняку.) А если серьёзно, то смысл подобных действий в следующем: люди, особенно в провинции, инстинктивно пытаются отгородиться от телевизионной вахханалии (полностью контролируемой кремлёвцами), значит, нужно организовать “встречное движение” на местах, из провинции к центру.

Четвёртое. Гельман призван на обыденном уровне укрепить устои новой морали в “новой России”. Суть её такова: если ты близок к власти или сам её эмиссар – тебе всё разрешено. И наоборот. Оскорблять русский народ – можно. Оскорблять высших чиновников – нельзя. Оскорблять верующих – можно. Оскорблять Патриарха – нельзя.

Доказательство тому – заключение под стражу двух участниц панк-группы, устроивших “молебен” в Храме Христа Спасителя со словами: “Патриарх Гундяй верит в Путина, лучше бы в Бога верил”. Очевидное хулиганство и глумление над чувствами верующих. Но, извините, почему клизмы вместо куполов православных храмов (гельмановская выставка “Родина”) – это искусство, а панк-молитва “Богородица, убери Путина” – это преступление, за которое надо сажать в тюрьму? И разве наша власть не поощрила премией за современное искусство арт-группу “Война”, которая изобразила мужской детородный орган на Литейном мосту в Санкт-Петербурге? (Покровительствует “Войне” всё тот же Гельман.) Но разве фаллос на Литейном менее оскорбителен для общественной морали, чем акция панк-феминисток на Красной площади, когда они хором спели на Лобном месте “Путин з... л?” Где же демократия, закон и равное отношение ко всем гражданам?! (Страной два юриста правят, если кто забыл.)

А какие “сигналы” подают обществу верховные правоведа? Читаем СМИ: “Президент России Дмитрий Медведев всецело поддержал проект “Культурный альянс”. По этой программе участникам будет оказана серьёзная государственная поддержка”. Вот пермская интеллигенция и получила ответ на свою “челобитную”: быть вам с Гельманом до скончания века! Только не надо говорить, будто “Медведев плохой, либерал, а вот Путин (председатель партии “Единая Россия”) во всём разберётся, он нам отец родной, стихи вспомнил; ничего, что в четырех строчках из Есенина сделал две ошибки, всё равно культурный!). Пора признаться – хотя бы самим себе – в очевидном факте: и Путин, и Медведев – одно и то же.

Не надо думать, что наша власть “изнемогает” в борьбе с “демоном” Гельманом, ей надо только “трошки подсобить”, подсказать, описать в очередной раз злодеяния галериста-афериста, и тогда “враг будет разбит”. Арт-насилие в Перми за госсчет показало: то, что **на самом деле** наша власть думает о нас, о русской культуре, о православии, но всё ещё стесняется открыто сказать, она сообщает нам посредством деяний Гельмана и его соратников. И именно за это моральное сверхудовольствие она и позволяет всей гоп-компани “зарабатывать” на попиле бюджета. Как говорится, сами живём и людям даём. Блогер Максим Красных сообщает: “В России воровали, воруют и будут во-

ровать. Однако цинизм и масштабы воровства в Пермском крае, где у власти находится режим Чиркунова, давно перешагнули все допустимые границы. Только за 2011 год из бюджетов различных уровней через такие конторы, как, скажем, “Агентство по содействию инвестициям Пермского края” и другие, Чиркуновым и его поделчиками было похищено, оценочно, 15 млрд рублей”.

Без комментариев. Где ты, Генпрокуратура?

Гельман – это настоящее, без прикрас, зеркало нашей власти, её духовное содержание, и, если честно, зеркало нашего народа, который выбрал себе такую власть.

Да, выбрал! Почти честно выбрал, под веб-камерами. И интеллигенция, в том числе национальная, народу такой выбор сделать помогла. Так чего ж теперь стенать и головой об стену биться?!

Известно, что гельминтозы – хронические паразитарные болезни, вызываемые паразитическими червями – гельминтами. Но, извините, нужно руки мыть перед едой! А если уж дело дошло до заражения – лечиться, а не сетовать на “этих поганых червей”. Они для того и на свет рождены, чтобы питаться чужими соками – у них работа такая. (Подробности читайте у Льва Гумилева, в его теории химер.) А у нас?

Первый шаг к духовному оздоровлению страны – это трезвый взгляд на окружающую жизнь и постановка чёткого диагноза “болезни”. Второй – консолидация и объединение всех здоровых сил: один за всех, и все за одного. Ну а третий... Как сказал поэт в своём послании к хамам, “Будут им свинцовые гостинцы, / Приплывёт “Аврора” по волнам!”

Время увещаний и холопских “челобитных” прошло. Наступает новая эра с новым “актуальным искусством” – на митинговых площадях. Посмотрим, будет ли Гельман так же востребован, как и прежде, или придёт время другого арт-практика, по имени “товарищ маузер”. Всё – в наших руках.

...Если, конечно, мы считаем, что Россия – наша родина, и мы за неё – в ответе.

От редакции: Приходится только удивляться тому, что господа Гельман и Мильграм не думают о том, что, осуществляя свои раздражающие общественность проекты, они могут спровоцировать у иных граждан и антисемитские настроения. А ведь это 282-я статья – разжигание межнациональной розни...

КИРИЛЛ ФРОЛОВ, КИРИЛЛ ЛОГИНОВ

“ТРЕТИЙ РИМ”. СУВЕРЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

I. Идеология и принципы “Третьего Рима”

Геополитические мегапроекты

XX век стал веком становления и краха секулярных и одновременно тоталитарных геополитических мегапроектов, ни один из которых не дожил в задуманном виде до начала XXI века.

Последствия краха одного из них – коммунистического – мы переживаем до сих пор. Несмотря на позитивные социально-экономические тенденции 2000-х годов, нельзя сказать, что “большой постсоветский кризис” завершился. Далеко до преодоления промышленного, инфраструктурного и технологического отставания России от ведущих развитых стран Европы, не говоря уже о Китае и США. Оставляет желать лучшего и материальное положение значительной части населения. Но самое печальное – российская нация до сих пор пребывает в состоянии ценностной и идеологической шизофрении. Не создано ни новой российской идентичности, ни новой российской идеологии. По сути дела, новая Россия ещё не сформировалась – она все ещё наиболее крупная часть “постсоветского пространства”.

Но почему произошел провал советского проекта?

В лево-патриотической и охранительской интеллектуальных средах принято представление о том, что СССР был разрушен с помощью “предатель-

ФРОЛОВ Кирилл Александрович, Глава Ассоциации православных экспертов, заведующий отделом Украины Института стран СНГ, автор научных работ и статей по вопросам российско-украинских отношений, церковно-государственных отношений в России и на Украине, развития православного миссионерского служения и православного общественного мнения.

ЛОГИНОВ Кирилл Андреевич, политолог, координатор Ассоциации православных экспертов. Автор статей и экспертных заключений о церковно-государственных и межнациональных отношениях в России.

Ассоциация православных экспертов — общественная организация, в которую входят клирики и миряне РПЦ, пытающиеся понять и объяснить современные общественно-политические, культурные, экономические, геополитические и прочие процессы с позиции церкви. Ассоциация видит себя как “мозговой центр”, такой православный аналог “Рэнд Корпорейшн”.

ства” элит, усиленного воздействием внешних сил, прежде всего деятельностью геополитического противника СССР – Соединенных Штатов Америки. К сожалению, эта конспирологическая точка зрения до сих пор тиражируется и пользуется большой популярностью, ибо мало кто задается вопросом о том, почему такое воздействие “извне вовнутрь” стало вообще возможным. Между тем, этому есть простое и понятное объяснение.

Главная причина краха – в материализме, антихристианской направленности советского варианта коммунистической идеологии. Декларируя внешне благородные и прогрессистские призывы к созданию справедливого общества, эта идеология пыталась обосновать их исключительно экономической теорией. Более того – экономической теорией пытались обосновывать не только вопросы государственного строительства, но и этику, требовавшую коллективизма, взаимопомощи и жертвенности. Между тем, такое обоснование изначально абсурдно. Человек не в состоянии совершить подвиг, если он стремится только к увеличению материальных благ.

Подлинно активный и даже жертвенный коммунизм, когда и произошли самые значимые прорывы (индустриализация, электрификация, победа в Великой Отечественной войне), существовал только в первой половине – середине XX века, когда по инерции было очень сильно влияние христианской, православной этики исторической России. Но это влияние из-за разгрома Церкви естественным образом ослабевало. Кроме того, рост благосостояния населения в США и капиталистических странах Западной Европы существенно опережал таковой в СССР. В результате, как только значительная часть населения смогла убедиться в экономическом превосходстве стран Запада, реальное влияние коммунистической идеологии и лояльность советскому проекту стали падать. Сначала этот процесс произошел в политической и интеллектуальной элите СССР, а затем охватил и всё общество. В итоге часть элиты негласно приняла решение о необходимости закрытия “советского проекта”, которое и было реализовано в 1991 году.

Мы не отрицаем наличие активных действий геополитических конкурентов России, для которых вопросы идеологии вообще не имели большого значения – им важно было расчлнить историческую Россию. В качестве примера таких действий и намерений можно привести закон США “О порабощённых нациях”, согласно которому США должны помочь избавиться от “русского коммунизма, поработившего народы “Казаккии” (Кубани, Ставрополя и Дона) и “Идель – Урала”. (Здесь следует отметить, что мы считаем отмену этого антироссийского закона важной задачей российской дипломатии). Однако не они сами по себе стали первопричиной распада СССР. Внутренне устойчивые государства и общества не поддаются таким влияниям.

Мы прекрасно знаем и о “гуманитарных технологиях”, используемых оппонентами современной России. Но мы считаем глубоко ошибочным списывать на внешний фактор собственное нежелание осмысливать свою историю, политику и геополитику. Такие ссылки и “конспирология слабых” давно уже ператились в способ самооправдания, являющегося, вообще говоря, грехом.

Ещё быстрее провалился национал-социалистический проект Германии, который также был материалистическим и антихристианским. Он пытался обосновывать свою идеологию псевдонаучным способом – прежде всего вольной, человеконенавистнической и примитивной трактовкой тогдашних представлений в области биологии, а также с помощью откровенных суеверий. Но будучи полностью антигуманистическим и военно-экспансионистским, он уже на начальной стадии надорвал силы его носителей и проиграл военное противостояние, унеся в результате жизни десятков миллионов людей – как представителей народов, приговоренных нацизмом к порабощению или уничтожению, так и самих граждан Германии.

Сегодня мы наблюдаем новый секулярный геополитический проект – ультралиберальный. Фактически именно ультралиберальный проект стал неофициальной идеологией Европейского союза. Во главу угла этого проекта ставится оторванная от породившей их христианской этики трактовка прав человека, а также принцип толерантности. Между тем, несмотря на текущее экономическое благополучие в странах-лидерах ЕС, этот проект уже на наших глазах создает серьёзные угрозы для будущего Европы. Мы наблюдаем как признаки наступления нового тоталитаризма (принуждение к абсурдной политкорректности, агрессивная пропаганда половых извращений, ограничения

свободы слова, печати и научной мысли), так и поглощение Европы инородными геополитическими проектами – прежде всего, панисламским.

При этом современные успешные и агрессивные геополитические проекты имеют глубокое религиозное или философское обоснование. Таковы, например, панисламский проект, и неоконфуцианский китайский, и неоконсервативный протестантский панамериканский (хотя и временно замедлившийся из-за провала Республиканской партии США на выборах, но вновь набирающий силу), и неоиндуистский (экспортная версия данного проекта – кришнаизм). Все эти проекты претендуют на геополитическое лидерство или, как минимум, на преобладающее влияние в своих макрорегионах.

Россия обречена подчиниться одному из них, если не заявит миру свой собственный геополитический мегапроект. Этот проект должен органично и логично вытекать из её идентичности. Таким проектом может быть только проект Православного “Третьего Рима”.

Принципы “Третьего Рима”

Государственность России должна базироваться на четырех принципах, “четырёх С” – Свобода, Справедливость, Солидарность, Симфония.

Свобода

Проблема свободы и прав личности имеет источник в православной антропологии. Если бы не было Христианства и Церкви, не было бы и самого понятия свободы человека. Эти понятия вытекают из учения о уникальной, богосозданной человеческой личности, призванной к богоподобию. Православное христианство ставит для каждого гораздо большую задачу, чем просто быть “хорошим человеком”. Оно утверждает, что человек может и должен стать богом по благодати, который сотворчеству с Творцом.

Внехристианское, внеэтическое понимание свободы, характерное для секулярного либерализма, ведет к утрате истинной свободы. Человек, подчиняющийся только собственным животным инстинктам и утративший представления о добре и зле, в действительности становится рабом тех, кто предоставляет ему возможность удовлетворить эти инстинкты. По существу, это форма рабства.

Выступая против псевдолиберального неототалитаризма, следует также признать, что ценности Свободы несовместимы и с тоталитаризмом псевдодемократическим. Режим, при котором личная жизнь и личные свободы полностью регулируются государством, а к участию в религиозных службах и обрядах искусственно принуждают – это не то будущее, к которому мы стремимся. Такое общество, в котором формально-обрядовые требования превалируют над догматическими и этическими, может удовлетворить только желающих единолично властвовать. Кроме того, как показывает практика, в подобных обществах при всём внешнем благочестии скрыто процветают всевозможные пороки, а истинная вера и религиозность – выхолащиваются. Более того, такие режимы потенциально недолговечны, что мы и видим сегодня на Ближнем Востоке.

Ценность Свободы должна признаваться в России – “Третьем Риме” как важнейшая. Это означает, что непременно должны быть сохранены действующий конституционный строй и демократия на всех уровнях, а также все признаваемые современной российской Конституцией права человека и гражданина. Уклоняясь от крайностей тоталитаризма, фундаментализма и ультралиберализма, мы предлагаем всему миру нашу цивилизационную, православную христианскую альтернативу.

Справедливость

Подлинная свобода личности невозможна без справедливого общества и государственного устройства. Справедливость – это важнейшая ценность Христианства, важнейшая тема притч Иисуса Христа о Царствии Божием. Христианское понимание справедливости в корне отличается от примитивных схем уравнивания. Принцип христианской справедливости отрицает как рабство, так и патернализм: “Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (2 Фес. 3:10) – это принцип христианской общины. Христианское понимание

справедливости также предполагает равенство возможностей и поощрение всякого доброго дела, а также нравственную ответственность сильных и богатых за их действия в отношении тех, кто слабее и беднее их. “Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою” (Мк. 9:35). Таким образом, синонимом христианского понятия справедливости можно назвать социальную ответственность.

Несправедливое общество, в котором права его членов не равны, а благосостояние распределено крайне неравномерно — это общество постоянной нестабильности. В нем всегда будут вспыхивать социальные и межнациональные конфликты, а государственный аппарат и бизнес будут объектами нездоровой, деструктивной ненависти. Государство с таким обществом не может развиваться и реализовывать сколь-нибудь серьезные и амбициозные задачи. Постоянно накапливающееся в таких обществах социальное недовольство неизбежно приводит к сворачиванию свобод: сначала с целью защиты власти и элит режим ужесточается, а затем, когда удержание социального недовольства становится невозможным, энергия недовольных используется в качестве оружия при силовом переделе власти. Все эти модели в действии можно наблюдать в некоторых странах Африки и Латинской Америки. Весьма схожий, хотя и с “демократическими” декорациями, сценарий развивался недавно на Украине, когда страна в течение всего президентского срока Виктора Ющенко находилась в состоянии перманентного политического и экономического кризиса.

Принцип справедливости в “Третьем Риме” должен быть реализован как в правовом, так и в экономическом аспекте.

Правовой аспект справедливости — это безусловное равенство всех граждан перед законом и его неукоснительное соблюдение. Оно должно обеспечиваться как повышением эффективности работы государственных учреждений, так и обновленными судами и правоохранительными органами. Борьба с коррупцией в этих институтах должна быть максимально активной.

Экономический аспект справедливости — это равенство возможностей. Необходимо равенство условий для максимальной самореализации. Локомотивом справедливости и модернизации должен стать национальный бизнес: от малого до сверхкрупного. Он должен обеспечить население страны рабочими местами, стабильным доходом и придать национальной экономике должную динамику развития.

В отличие от тех, для кого российский “человеческий материал” — это “помеха модернизации”, мы считаем, что талантливый русский народ, создавший великую культуру и науку, является главным союзником модернизации. Его потенциал огромен. Поэтому для успеха национальной модернизации необходима реализация проекта “невод” — поиска и рекрутизации всех, кто способен мыслить и действовать, в какой части социума и российской территории ни находились бы эти люди. Поэтому национальный бизнес должен обеспечить тотальный поиск “Ломоносовых” на всем географическом и социальном пространстве русского мира. Это напрямую касается реализации принципа справедливости в его аспекте предоставления равных возможностей.

Солидарность

Солидарность также является ценностью, которую принесло в мир христианство. Важнейшая заповедь Иисуса Христа: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Мф. 22:39). Христианство в принципе противостоит учениям, которые отрицают свободу и уникальность каждой человеческой личности, делят общество на касты, “чистую” и “нечистую” кровь, “нации господ” и “нации рабов”, “золотой миллиард” и т. д. Солидарность также, как и свобода и справедливость, вытекает из принципа христианской любви как основы созидания и церковной общины, и всего общества. Естественно, солидарность (единство) неотделима от истины, поскольку всякое единство вне истины является ложным. Одновременно надуманное разделение (разделение ради разделения) является грехом и нарушением Христовой заповеди “да будут все едины” (Ин. 17:21).

Высшей формой солидарности является единство и любовь членов Церкви, объединяющиеся вокруг “вечери любви” — причащающихся Святых Христовых Тайн. Проекцией этой христианской любви на все общество и является призыв к общенациональному единству и солидарности.

Христианству противоречит дух социал-дарвинизма и атомизация общества. Только единая нация, где царит взаимопонимание и взаимопомощь между всеми её членами, способна защитить свои государственность и интересы. Только такая нация способна реализовать исторические задачи, проекты общегосударственного и мирового масштаба. Атомизированное общество неспособно ни к развитию, ни к элементарной самозащите: оно неизбежно проигрывает в конкурентной борьбе с враждебными, но солидарными нациями и общественными группами, даже заметно меньшими по численности. Такая нация не может в итоге удержать за собой государство.

Христианская солидарность – это антитеза не только атомарному, но и тоталитарному обществу, где видимость единства создается путем насилия над личностью. В тоталитарном обществе подменяются цели государственных институтов – правоохранительная система и образование вместо исправления и развития потенциала личности перепрограммированы на её подавление.

Нация России – “Третьего Рима” – должна вновь обрести ощущение единства. Совершенно иными становятся в едином обществе национальная политика и взаимоотношения социальных групп – ибо в солидарном обществе разнообразные объединения людей становятся не источником проблем и конфликтов, а ячейками единого национального организма. Такое общество приобретает колоссальную эффективность и иммунитет против внутренних и внешних враждебных влияний. Именно такое общество становится сильным защитником государственных институтов.

Вопреки многочисленным скептическим заявлениям, потенциал солидарности в современном российском обществе существует – важно направить его в правильное, конструктивное для России русло. Очень большие надежды в этом аспекте подает современная российская молодежь. Подтверждение этого тезиса – быстрое усвоение церковной проповеди как многими молодыми интеллектуалами, так и представителями различных молодежных субкультур, в том числе рок-музыкантами, байкерами и т. д.

Силой, укрепляющей солидарность в российском обществе, должны стать и приходы Русской Православной Церкви. Они могут и должны стать центрами гражданского общества и социального оздоровления, где сильные и богатые помогают слабым и бедным, в первую очередь – “удочкой, а не рыбой”, то есть возможностями и шансами, помогают встать на ноги, проявить инициативу, реализовать себя. Приходам должно быть дело до всего – как до общественной жизни, экологии, экономики, политики, культуры, принесения туда христианских начал, так и до социального самочувствия и реализации в обществе своих членов, ибо максимальная социальная реализация, преодоление маргинальных тенденций – это важная составляющая общественного служения православного христианина.

Примером превращения приходов в центры христианизации гражданского общества является деятельность храма св. Николая на Трёх Горах во главе с руководителем ОВЦО протоиереем Всеволодом (Чаплиным) по организации межнационального диалога и группы по профилактике национальных конфликтов после событий на Манежной площади.

Или деятельность прихода храма всех Московских святых во главе с игуменом Сергием (Рыбко), при котором действуют и рок-клуб, собирающей всю окрестную молодёжь (руководство Северо-Восточного административного округа Москвы отметило заслуги о. Сергия в снижении уровня молодёжной преступности), и военно-спортивный клуб, и служба помощи многодетным семьям и т. д. Приход о. Сергия играет огромную роль в поддержке жизненно важного проекта застройки новых микрорайонов Москвы быстровозводимыми храмами.

Мы считаем, что православные храмы и их приходы должны быть созданы в каждом микрорайоне российских городов, также как образовательные, медицинские, спортивные центры.

Симфония

Симфония светской и духовной власти была важнейшим принципом построения государства во “Втором Риме” – Византии. В современной России этот принцип может быть возрожден на новых основах – без нарушения принципа светскости государства. Важно фундаментальное понимание между

светским и атеистическим государством. Принципы светскости и атеизма государства сознательно подменяются противниками Православия. Атеизм – это идеология, причем, на наш взгляд, тоталитарная. В то время как принцип светского государства никоим образом не означает отказ от принципа церковно-государственной симфонии, а сам этот принцип никак не посягает на права инаковерующих и неверующих.

Схема новой симфонии в общих чертах такова: государственные институты и общество признают роль и значение Русской Православной Церкви в прошлом, настоящем и будущем России и русского мира и определяют Церковь корпорацией публичного права. Церковь, в свою очередь, обеспечивает выполнение ряда социальных, воспитательных, образовательных, геополитических и смысловых функций. Социальными функциями Церкви являются, в частности, радикальное оздоровление нравственной атмосферы в обществе (без чего невозможно борьба с коррупцией), борьба с такими социальными пороками, как алкоголизм и наркомания, поддержка таких ключевых направлений национальной политики, как демография, образование, спасение и укрепление семейных ценностей, обеспечение заботы об одиноких, недееспособных, слабых и больных. Для людей Церкви выполнение этих функций является не “обременением”, а долгом, исполнением Христовых заповедей. Государство, доверяя Церкви выполнение этих ключевых социальных функций, помогает в реализации миссионерских и социальных проектов, на правах партнерства допускает её в систему образования, общенациональную медиасферу, а также в воинские части с целью излечения российской армии от таких пороков, как неуставные отношения и т. п. Священник поможет там, где бессильны психологи и прокуроры.

Мы не хилиасты, и не обещаем рай на Земле. Однако мы убеждены, что в результате масштабного претворения в жизнь миссионерских социальных программ Церкви нравственный и социальный климат в нашем обществе значительно улучшится, причем зримо.

Церковь, являясь, как верят её чада, столпом и утверждением Истины, говорит о смысле жизни каждого человека, человеческого общества и таких его организованных форм, как государство. Православие имеет “особые права” на Россию, ибо благодаря православным миссионерам русские обрели письменный язык, национальное самосознание, государственность, историческую науку и литературу. Ибо крещение Руси привело к появлению единой религии и идентичности у конгломерата восточнославянских племен, которые, собственно, и стали называться русскими, что было закреплено русскими хроникстами, первым из которых был монах Киево-Печерской лавры Нестор, прозванный “летописцем”. Первый национальный манифест единого русского народа написан митрополитом Киевским и всея Руси Иларионом – это знаменитое “Слово о законе и благодати”. Государственные пределы Руси расширялись на Восток вслед за подвигами миссионеров, просвещавших как славянские, так и финно-угорские племена, продолжая формирование таким образом русского народа. В результате деятельности православных миссионеров – сначала киево-печерских, а затем их продолжателей, “птенцов гнезда Сергиева” (преп. Сергия Радонежского и его учеников, а затем – малороссийских крестителей Сибири – Иоанна (Максимовича), Павла Тобольского, Иннокентия Иркутского), и была создана великая держава, занявшая одну шестую часть света.

Именно Церковь спасла само существование русского народа в период феодальной раздробленности и татаро-монгольской оккупации. И нынешняя Россия, с центром в Москве, обязана своим существованием святому Петру, митрополиту Киевскому, Московскому и всея Руси, который перенес в Москву свою кафедру и убедил московского князя Ивана Калиту выступить собирателем русских земель. В дальнейшем Православие обеспечило преемство Московской Руси от Византии. Затем, в XVII веке, Церковь в лице святого Патриарха Ермогена выступила инициатором и организатором национально-освободительной борьбы русского народа. В XX веке именно обращение власти к исконным православным смыслам русской культуры и жизни стало важнейшим фактором Победы в Великой Отечественной войне. И сейчас, после расчленения исторической России в 1991 году, русская Церковь является единственной структурой, сохранившей свою целостность практически на всем пространстве исторической России.

Осмысление и провозглашение смыслов бытия русского народа и Российского государства, смысла его жизни, сейчас так же необходимы, как и в ключевые переломные этапы существования России. В частности, потому, что национальная модернизация России – это самая настоящая битва за её бытие и самостоятельность.

По всем демографическим показателям Россия является не многоконфессиональной, а православной страной с гарантированными правами для национальных и религиозных меньшинств. 82% населения Российской Федерации – это русские (точнее, великороссы), так как в РФ проживает несколько миллионов малороссов (или, говоря современным языком, украинцев). Большая часть других коренных этносов Российской Федерации исповедует Православие.

Приведенные факты также являются весомым аргументом в пользу новой симфонии. Как и в пользу того, что осознание этих вещей является принципиально важным для политического класса и экспертного сообщества России.

В формате симфонии Церковь становится центром духовной, интеллектуальной и культурной жизни общества, не посягая при этом на светскую власть, и осуществляет православную миссию. Церковь в России – “Третьем Риме” должна стать “фабрикой смыслов”, центром их формирования, а также ключевым институтом гражданского общества. Закономерно и правильно, что Церковь высказывает свою позицию по всем актуальным вопросам государственной и общественной жизни. Только общественно активная Церковь может осуществлять миссию. Общественно-политическая активность чад Русской Православной Церкви поощряется в таком значимом документе, как Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, где миряне прямо благословляются отстаивать ценности Православия в общественно-политической сфере при соблюдении двух условий: не выступать от имени всей Церкви и советоваться с её священноначалием. Следует отметить, что опыт конкурирующих религиозно-миссионерских проектов, например, панисламского, показывает, что именно общественно-политическая составляющая становится важнейшим двигателем миссионерской экспансии.

Очень важно отметить, что миссионерская, гражданская и социально-политическая активность православных христиан – как мирян, так и евхаристических общин, логически вытекает из православного богословия и антропологии. Исходя из принятого общецерковного документа “О свободе и достоинстве личности” всё, что происходит не только внутри Церкви, но и вокруг, является зоной нравственной ответственности православного христианина. Внешняя активность православных христиан исходит из Халкидонского догмата, согласно которому Иисус Христос есть и совершенный Бог, и совершенный человек. В Нём – две воли, две природы, две энергии. Таким образом, обожение и духовное делание оказывается неотделимым от социального делания, от христианизации общественных отношений, культуры, экономики, архитектуры, искусства и всех других сфер повседневной человеческой жизни.

Миссионерство как прямая обязанность всех членов Церкви (а не общественно-полезная добровольная нагрузка) определяется в таких общецерковных документах, как Миссионерская концепция Русской Православной Церкви, как постановление Архиерейского совещания Русской Православной Церкви от 2 февраля 2010 г., согласно которым в каждом приходе должны быть введены штатные должности молодежного миссионера, катехизатора и социального работника, который действует на территории расположения прихода. Также при каждом приходе должны быть созданы попечительские советы из местных активных жителей, не обязательно уже воцерковленных – политиков, администраторов, журналистов и бизнесменов.

Тема проповеди Православия более чем актуальна, если мы действительно хотим сделать “номинально православное” большинство граждан России действительно православным. Значит, помимо серьёзных церковно-научных исследований и миссий среди интеллектуалов, в необходимости которых никто не сомневается, нужна и массовая миссия – проповеди на стадионах, улицах и рок-концертах, написание “богословия для “чайников” (так ласково называют людей, которым нужно объяснять “на пальцах”). У нас есть прекрасный пример для подражания – греческие “коливады”. Это подвижники-миссионеры, такие как св. Косьма Этолийский, которые обходили с проповедью деревню за деревней, создавали сотни православных народных школ, чтобы вер-

нуть в Церковь греческий народ, разложенный османской оккупацией. Кстати, “коливады” учили народ как можно чаще причащаться св. Христовых Тайн! Понятно, что, говоря о нашем времени, речь идёт не только о деревнях, но и о наших мегаполисах, где нужно обходить с проповедью каждый микрорайон и ставить там быстровозводимые, “обыденные” (строимые “об один день”, то есть за день) храмы.

Естественно, что подлинно православные интеллектуалы понимают важность массовой миссии, сами помогают ей, не видя в народном православном просвещении (в том числе в православных “комиксах” для детей, выпускаемых Элладской Церковью) никакого вызова высокому богословию и культуре. Вообще противопоставление массовой и элитарной миссии является ложным, ведь речь идёт о разных миссионерских языках и этапах восхождения в веру, богословию и культуру. Кроме того, противники массовой миссии в итоге выступают и против миссии среди интеллектуалов, обвиняя сторонников столь необходимого диалога веры и науки в “гностицизме”.

Если уж разводить конспирологические теории, то миссиофобствующие – а их, к сожалению, немало – объективно помогают недоброжелателям России. Ведь если она не воцерковится, то потеряет в итоге собственную идентичность (немыслимую без активного, деятельного Православия), а значит – суверенитет.

Именно клеветники миссии и миссионеров представляют опасность и для Церкви, и для церковно-государственного партнерства, а в конечном счете – и для России. Мы четко и ясно констатируем – угрозы для Православия исходят откуда угодно, но только не от Священноначалия Русской Церкви и сторонников ее миссионерского возрождения. Историческая ситуация такова, что энергия православных христиан должна быть здесь и сейчас брошена на просвещение наших современников. Любые попытки переориентировать “направление главного удара”, сеять церковные ссоры и разделения, создавать “образ врага” из тех, кто верой и правдой служит Церкви и Отечеству, мы считаем преступными, создающими угрозу того, что уникальный исторический шанс Русской Церкви и России будет потерян.

Мы также обращаем внимание на категорический императив Святейшего Патриарха, озвученный им на Миссионерском съезде 2010 г.: должна быть создана мощная миссионерская инфраструктура Русской Православной Церкви, в каждой епархии должны быть образованы Миссионерские Советы.

Реализация принципа Симфонии откроет для государства возможность построения в России стабильного и морально развитого общества, служащего ему твердой опорой, а для Церкви – весомое подспорье для стабильного развития и миссии.

Как мы уже неоднократно подчеркивали, особые отношения государства и Церкви не являются дискриминационными для представителей других религий. Более того, реалии сегодняшнего дня таковы, что Русская Церковь объективно призвана стать модератором межрелигиозного диалога в стране.

Вместе с тем, вполне возможным и, как мы полагаем, нужным шагом подтверждения принципа симфонии со стороны государства могло бы стать заключение соглашения о социальном партнерстве в формате конкордата – по аналогии с таковым между Италией и Ватиканом. Такое соглашение, не ограничивая ни государство, ни Церковь, не передавая никому из участников соглашения никаких антиконституционных преференций, могло бы стать актом фиксации особого положения Православия в России и символическим актом перехода России к идеологии и концепции “Третьего Рима” – подлинному смыслу своего бытия.

А без перехода к этому смыслу невозможна и реализация актуальных социально-политических, экономических и прочих задач нашей страны.

II. Внутренняя политика “Третьего Рима”

Суверенитет не подлежит ревизии

Модернизация России провозглашена важнейшим государственным приоритетом. В сочетании с курсом на реформирование российской политической системы, установка на модернизацию становится не только экономической,

но и всеобъемлющей – она должна стать также политической и социальной.

Такая постановка вопроса исключает попытки представить модернизационный проект в компрадорской интерпретации, опровергает тех, кто воспринимает её исключительно как “встраивание” России в политическую и экономическую систему США и Европейского союза на правах младшего партнера. Такие прожектёры предлагают полностью отказаться от решений по укреплению вертикали власти в 2000-е годы, с использованием псевдодемократической риторики призывают к искусственным предпочтениям для ультралиберальных партий, предлагают полностью изменить внешнюю политику – с самостоятельной на “дружественную” в их понимании (де-факто – подчиненную) Вашингтону и Брюсселю. Типичным примером подобных рассуждений стал призыв рассмотреть возможность вступления России в НАТО, прозвучавший на прошедшем Мировом политическом форуме. Достаточно очевидно, что при существующем соотношении сил между крупнейшими мировыми игроками такое вступление (пусть даже и на условиях, аналогичных прежним условиям членства Франции) будет означать фактическую утрату суверенитета Российской Федерации, а также полное подчинение её дипломатии и военной политики интересам и задачам лидирующих в НАТО США. В такой конфигурации российской армия будет востребована исключительно в качестве “пушечного мяса” для поддержки военных кампаний Североатлантического альянса.

Технологическая модернизация понимается представителями лагеря компрадоров лишь как заимствование технологических достижений США и Западной Европы с последующим их применением в самой России. Наличие собственного кадрового и научного потенциала России такими экспертами либо вовсе отрицается, либо в лучшем случае расценивается как экспортный товар наподобие нефти и газа. Можно согласиться с тем, что этот потенциал находится в удручающем состоянии и нуждается в скорейшей регенерации. Мы также согласны с тем, что необходимо проводить системную работу по внедрению самых передовых зарубежных технологий и по “импорту мозгов”. Однако мы не настолько наивны, чтобы надеяться на добровольную передачу России стратегических технологий другими сверхдержавами, и мы не готовы поступаться национальными геополитическими интересами России.

Полное встраивание в “западный” (де-факто – панамериканский) геополитический проект, предлагаемое “ультралибералами”, означает не только политическое, но экономическое и гуманитарное подчинение инородному по отношению к России проекту, размывание российской культурно-гуманитарной идентичности. Ни Православие, ни иные традиционные религии, ни светский культурный потенциал России не смогут развиваться в условиях “внешнего управления” и будут обречены на исчезновение. Экспорт, точнее, окончательный исход из России российского научно-технического потенциала без воссоздания его с помощью образовательной системы неизбежно приведет российскую высокотехнологичную и оборонную промышленность, а значит, и Вооруженные силы страны – к окончательному краху.

Важнейшей составляющей компрадорского мышления является неприятие Русской Православной Церкви. Мифы о “клерикальной угрозе”, “опасности сильной Церкви для государства и общества” в действительности аналогичны утверждениям о “вреде” и “опасности” для общества и государства сильных науки, культуры, образования, развитой высокотехнологичной экономики и т. д. Нам не просто “не нужен” такой компрадорский проект. Мы утверждаем, что он является “колониалистским” в отношении России и исключает ее национальную модернизацию. Такова логика грехопадшего мира: с какой стати кто-либо будет помогать становлению России как мирового лидера, а значит – и своего конкурента?

От представителей “ультралиберального” лагеря можно услышать обвинения народа России в недееспособности и невосприимчивости к модернизации. Да, мы констатируем – наш народ испытывает серьёзные социальные проблемы: падение образовательного и нравственного уровня, кризис инициативы и ответственности, демографическое вырождение, являющееся угрозой самому существованию нашей страны. Однако мы связываем эти явления как с последствиями атеизации, так и с фактическим ограблением населения и закрытием социальных лифтов в 90-е годы XX века. Активная миссионерская политика Церкви не просто поднимет народ с колен, но и воспитает в нем творческую инициативу, ибо Церковь исповедует учение о свободе и нрав-

ственной ответственности. Следовательно, претензии ультралибералов к “неспособному народу” – это антимодернизационные претензии. Совместная задача Церкви, общества и государства – вовлечь все живые и активные силы народа в великое дело возрождения нашей страны во всех её областях.

Альтернативой господствующему в общественной дискуссии проекту “ультралиберальной модернизации” предлагается модернизация суверенная (или национальная). В этом проекте модернизация становится не средством свертывания суверенитета России, а напротив – служит ему и обеспечивает его. Более того, лишь такая трактовка модернизации адекватна – ибо только современное во всех отношениях государство способно поддерживать собственный суверенитет. Модернизация должна стать фундаментом независимости государства и развития общества. Процесс национальной модернизации должен стать действительно общенародным. Мы считаем необходимой разработку и реализацию проекта повсеместно системного поиска “кадрового резерва”, талантливых людей во всех регионах России.

Вовлечение большинства народа в процесс национальной модернизации – это альтернатива принципу “номенклатурности”, шаг к качественному оздоровлению правящего политического и экономического классов, к их преобразению в социальный слой, осознающий делом своей жизни служение России, ее интересам и ее народу. Мы вовсе не утверждаем, что лидеры нынешнего политического класса не осознают свою деятельность как такое служение. Мы просто хотим сказать, что иные варианты должны быть невозможны в принципе. Мы хотим сказать, что “пропуск” к принятию решений в политике и экономике и вообще к какому-либо влиянию должны иметь только те, кто “поставил” на Россию.

Суверенитет – то есть подлинная самостоятельность России как государства на международной арене и юрисдикция российского государства на всей его территории – не подлежит никакой ревизии ни в процессе модернизации, ни в каком другом процессе.

Только самостоятельная, современная и сильная Россия может выполнить миссию “Третьего Рима”. Только сильная Россия способна провести свою национальную модернизацию. Это означает, что суверенная модернизация должна стать императивом внутренней и экономической политики России – “Третьего Рима”.

Одновременно мы утверждаем, что, при всей важности института государственности, суверенная модернизация – это не этатистский проект. Как православные христиане, мы считаем свободу богосозданной личности христианской ценностью. Именно Церковь принесла в мир весть о том, что человек – это уникальная личность, созданная по образу Божию и, соответственно, обладающая свободой. Другое дело, что свобода неотделима от нравственной ответственности, и их “развод”, осуществленный теоретиками дехристианизации, привел к появлению феномена “секулярного тоталитаризма”, который набирает все большую силу в Западной Европе: европейские христианские ценности вытесняются из общества на уровень кухни, любое публичное упоминание о них как о норме общественной жизни, именование греха грехом расценивается как проявление “гомофобии” и подлежит уголовному преследованию. Секулярно-тоталитарная идеология привела и к деградации ряда протестантских и англиканских деноминаций, отказавшихся от евангельского нравственного учения, введших т. н. гомосексуальное “священство” и женский “епископат”. Все это вызывает отторжение миллионов традиционных христиан, составляющих “другую Европу”.

Эта “другая Европа” ищет точку опоры. И такой точкой должна стать Россия, как “катехон” – хранитель и утвердитель христианских ценностей, как свободная страна свободных людей, понимающая свободу в исконном христианском смысле, не отделяя ее от нравственной ответственности. Соответственно, сочетание свободы и нравственной ответственности, свободы, основанной на крепкой православной вере, – это фундамент, лучший “строительный материал” для национальной модернизации самой России, ибо осуществить “русский прорыв” могут только свободные творческие люди, которые в то же время не станут применять свои Богом же данные таланты во зло, в разрушение.

Предлагаем определиться с терминами. Модернизация без опоры на православную традицию – это не модернизация, а десуверенизация. Опора иск-

лючительно на православную традицию без национальной модернизации также приведет к десуверенизации, ибо Россия не будет конкурентоспособной и не сохранит свою самостоятельность. Более того – декларирование опоры на православную традицию без модернизации – это в действительности не просто компрадорская концепция. “Интегральный традиционализм”, “архаизация” не имеют к сути Православия никакого отношения, а построения некоторых “традиционалистских” идеологов прямо противоречат Православию. Стабильность ради стабильности, консерватизм ради консерватизма – это пропаганда стагнации, которая также является путем к потере суверенитета России.

В настоящий момент доктрина цивилизационной и геополитической субъектности России, без которой невозможно сохранение суверенитета, сформулирована Святейшим Патриархом Кириллом. Речь идёт о провозглашенной им доктрине “Русского мира” или исторической, Святой Руси. Патриарх указывает, что государства, находящиеся на канонической территории Московского Патриархата, составляют единое целое, единую “духовную территорию”, окормляемую Патриархом Московским. У них не просто общая вера, но и единая Церковь и единая историческая судьба. Действительно, Русская Православная Церковь Московского Патриархата является единственной нерасчлененной структурой на пространных исторической России, и единственной реальной силой, которая сохраняет это пространство от распада на карликовые, враждующие друг с другом и неспособные к развитию государства.

Естественно, ядром “Русского мира” является Российская Федерация. Это не просто крупнейшая страна, но и единственная ядерная держава “Русского мира”. Поскольку Русская Церковь является крупнейшей поместной Церковью православного мира, окормляемый ею “Русский мир” является ядром православной цивилизации. Если она хочет выжить и не оказаться ассимилированной другими цивилизационно-геополитическими проектами, то у других православных стран нет другого выхода, как принять эту данность. Таким образом, консолидация православного мира вокруг России – это условие её выживания и ключевой национальный интерес России.

В свою очередь, Православный мир – это ядро христианской цивилизации, без которого она просто не выживет. Несмотря на численное превосходство католиков и протестантов, во многих странах, где они ранее господствовали, они проиграли политическую битву силам агрессивного секуляризма и вытесняются из общества, из системы образования и воспитания. Поскольку в России, к счастью, режим агрессивного секуляризма не установлен, весь христианский мир смотрит на Россию с надеждой. Эта надежда также позволяет Русской Церкви обратиться к инославным христианам не только с призывом к социально-политической солидарности, но и к преодолению их догматических заблуждений и принятию вселенской истины Православия. Последнее тем более актуально, что протестантское и англиканское сообщества Европы и США фактически капитулировали перед агрессивным секуляризмом, ревизовав нравственные нормы христианства. Поэтому “другая” христианская Европа и “другие” США с надеждой посмотрели бы на Россию, если бы та позиционировала себя как оплот христианских ценностей.

Локомотивы суверенной модернизации

В современном мире субъектами модернизации становятся государства и сверхкрупные транснациональные корпорации. Государства обеспечивают финансирование образования и фундаментальной науки. Транснациональные корпорации с помощью своих научно-исследовательских подразделений обеспечивают создание новых решений, которые, в свою очередь, дают им конкурентные преимущества на мировом рынке. Ни одна крупная транснациональная корпорация, в какой бы области она ни специализировалась, не может поддерживать собственное существование, не вкладывая средств в исследовательскую и инновационную деятельность, так как в противном случае она утратит конкурентные преимущества. Также с крупными корпорациями, способными профинансировать исследования в достаточном объеме, на одном уровне не могут конкурировать средние и малые компании. Однако они обеспечивают социальную стабильность и поставляют для крупных компаний и для государства отдельные модернизационные решения.

Таким образом, становится очевидно, что в России субъектами междуна-

родной экономической конкуренции могут быть только сопоставимые с мировыми лидерами по капитализации и ресурсам крупные высокотехнологичные компании. А само Российское государство должно обеспечивать их конкурентоспособность за счет развитой системы фундаментальной науки и образования. Воплощением этого понимания стали решения Владимира Путина о создании государственных корпораций в инновационных секторах экономики, принятые в 2007 году. Эти решения были усовершенствованы.

Контроль и участие государства в таких крупных объединениях становится стимулирующим фактором, так как оно в принципе позволяет финансировать более масштабные научно-исследовательские проекты, нежели те, которые могут позволить себе конкурирующие компании.

Такие локомотивы суверенной модернизации должны существовать в отраслях машиностроения, оборонно-промышленного комплекса, авиастроения, судостроения и космической промышленности.

Обладая собственным научно-техническим потенциалом, отчасти унаследованным от советского периода, отчасти наработанным вновь, эти отрасли должны стать источниками внутренних сил модернизации России. Эта исключительная роль – роль ядра технологической и промышленной модернизации – дает основания для особой политики в их отношении. Российским высокотехнологичным корпорациям и предприятиям оборонно-промышленного комплекса должны быть предоставлены самые серьезные стимулирующие условия и налоговые льготы.

Социальная ответственность крупного бизнеса

Крупные компании и корпорации в силу самого их положения являются не только экономическими, но и социально-политическими “игроками”. Это обстоятельство ставит вопрос о социальной ответственности крупного бизнеса. Для высокотехнологичных компаний, в том числе компаний оборонно-промышленного комплекса, социальная ответственность в значительной степени состоит в их научной и инновационной деятельности, которая требует серьезных финансовых вложений. Для крупных компаний, занятых в иных отраслях, требуется больший акцент на их социальном служении. Это фундаментальный принцип, придуманный отнюдь не нами. Обратимся к источникам.

История православной России знает примеры успешных крупных экономических проектов, в которых принцип социальной ответственности был успешно реализован. К таковым можно отнести Иосифо-Волоцкий монастырь, бывший не только центром молитвы, но и крупным землевладельцем, а также мощнейшим социальным центром. Можно вспомнить и известного святого XX века преп. Серафима Вырицкого, который до монашества был крупнейшим пушным торговцем Санкт-Петербурга, отправлявшим значительную часть своих доходов на социальные проекты. Мало кому известный факт: другой православный крупный бизнесмен, Иннокентий Серебряков, стоял у истоков развития российского спорта, поддерживал олимпийскую сборную Российской империи.

Дело не только в конкретных примерах – дело в самом принципе ответственности, на который особо обращают внимание отцы Православной Церкви. Так, святитель Игнатий (Брянчанинов) ставит невыплату заслуженной заработной платы работнику, а также незаслуженное притеснение бедных и беззащитных людей, в один ряд с такими тяжелейшими грехами, как умышленное убийство и содомский грех. По мнению святителя, эти грехи относятся к категории “вопиющих об отмщении к небу”, т. е. таких, за которые (в случае, если человек не покается в них) Бог неотвратимо наказывает человека ещё в земной жизни.

Научная и образовательная политика. Наукограды

Второй важнейшей составляющей технологической модернизации призвана стать научная и образовательная политика государства. Она должна базироваться на принципах суверенитета и открытости.

Принцип суверенитета в научной и образовательной политике выражается в поддержке и стимулировании среднего технического и высшего образования, а также фундаментальной науки со стороны государства. Такое стиму-

лирование может осуществляться как непосредственно, с помощью бюджетной политики, так и через создание благоприятных экономических и правовых условий для образовательных и научных организаций.

Принцип суверенитета в научной и образовательной политике выражается и в безусловном сохранении принципа всеобщего бесплатного среднего образования, и максимальной доступности высшего образования. Вслед за Патриархом Кириллом мы констатируем: образование – это не коммерческая сфера, это общенациональная ценность.

В настоящее время наблюдается недооценка значения фундаментальной науки и образования, которые воспринимаются скорее как вспомогательные инструменты для науки прикладной, производящей коммерциализуемые решения. Между тем без развития фундаментальной науки прогресс невозможен. Она должна развиваться вне зависимости от рыночной конъюнктуры.

Такое развитие становится возможным только в случае активной поддержки со стороны государства. Должна быть активизирована всесторонняя поддержка Российской Академии наук, исследовательских университетов и научно-технических высших учебных заведений. С одной стороны, она должна обеспечить адекватную требованиям современности материально-техническую базу исследований, а с другой – достойное материальное вознаграждение для научных сотрудников.

В современной России высшие учебные заведения научно-технического профиля и академические научно-исследовательские институты нуждаются как в дополнительном привлечении студентов и научных сотрудников, так и в защите от внешних деструктивных влияний. Миссию защиты и поддержки науки и образования в России может взять на себя Церковь. Это вполне реализуемый и адекватный союз, учитывая общее неприятие научным сообществом и Церковью как лженауки, так и деятельности по разрушению науки и образования – от рейдерства до контрпродуктивных административных мер.

Существующие предрассудки о противостоянии Церкви и науки, расхожее несправедливое мнение о Церкви как об оплоте консервации всего и вся необходимо разрушить.

Можно привести в качестве примера широко известные факты. Первый научный центр на Руси – это Киево-Печерская лавра, бывшая центром летописания. Нужно отметить колоссальный вклад Русской Церкви в просвещение народов России, начиная с самого русского народа. Именно православные миссионеры создавали азбуки и грамматику языков. Церковь основала в России высшее образование: первыми русскими вузами в современном смысле этого слова были Острожская, Киево-Могилянская и Славяно-греко-латинская академии. Невозможно пройти мимо создания Патриархом Никоном православных интеллектуальных центров в Андреевском и Чудовом монастырях Москвы и в большем масштабе – прерванной попытки создать православный интеллектуальный центр мирового значения в Новоиерусалимском монастыре, где Никон проводил своеобразную политику “импорта мозгов”, приглашая в братию монастыря православных интеллектуалов со всего мира.

Принцип открытости выражается в стимулировании международных образовательных и научных контактов, а также взаимодействия российской фундаментальной науки и международного бизнеса на выгодных России условиях.

Весьма перспективным шагом в этом направлении стала инициатива государства по развитию наукоградов и инноградов, которые позволяют налаживать международные контакты и взаимодействие наука – бизнес на территории России. Самым значимым примером этой политики стал инновационный центр “Сколково”. Инновационные города и наукограды с особым (стимулирующим) экономическим режимом позволяют мобилизовать бизнес, обмениваться опытом с мировыми лидерами в области науки и высоких технологий, а также реализовывать межгосударственные и международные научно-технические проекты.

Крайне важно добиться того, чтобы центр “Сколково” работал в интересах модернизации российской науки, образования и высокотехнологичной промышленности. “Сколково” должно избежать угрозы превращения во второстепенную фабрику доводки решений для транснациональных корпораций. Для этого в создаваемом на базе инновационного города исследовательском

центре должны быть широко представлены российские университеты и ведущие научно-исследовательские институты, а в самом иннограде – российские крупные инновационные компании и компании сектора малого инновационного бизнеса. Следует добиться их вовлечения в важнейшие, а не второстепенные международные проекты, обеспечить их участие на приемлемых позициях в разделении научно-внедренческого труда.

Для решения этой задачи необходимы не только качественные предложения со стороны науки и инновационного бизнеса, но и их цивилизованное лоббирование. Не менее важна и функция защиты научных учреждений и инновационного бизнеса от посягательств с использованием общественно-политических рычагов. Церковь может оказать в этом аспекте самую эффективную поддержку, сочетая миссию в научном сообществе с активным и деятельным вниманием к его нуждам и проблемам. Для налаживания такого конструктивного взаимодействия необходимо создание миссионерских приходов и специальных представительств Патриархии во всех наукоградах, и прежде всего – в иннограде “Сколково”.

Первые шаги к этому уже сделаны. В Федеральном ядерном центре в Сарове взаимодействие Церкви и научного сообщества поднято на очень высокий уровень. Многие священники и православные ученые считают промыслительным развитие Федерального ядерного центра в местах, где подвизался великий русский святой Серафим Саровский. Действующий храм с активным приходом есть и в Новосибирском академгородке. Таким образом, создание такого православного прихода, православного интеллектуального центра в Сколково уже подготовлено этими шагами – осталось только проявить политическую волю.

III. Экономическая и антикоррупционная политика

Национальный бизнес и экономическая безопасность

Развитый национальный бизнес является не только гарантом экономического процветания и модернизации государства, но и оплотом его подлинного суверенитета. В современном мире именно экономические взаимосвязи – в значительной степени определяет политический уклад государства. Поэтому, когда ставится задача политической модернизации страны, вначале или одновременно с этим должна решаться задача модернизации экономической.

Локомотивы модернизации – крупнейшие инновационные и высокотехнологические компании – работают в интересах модернизации на “верхнем этаже” – на уровне крупного бизнеса, и отвечают за проекты общегосударственного и международного масштаба. Но и государство, и крупнейшие инновационные компании должны опираться на развитую систему малого и среднего бизнеса. Более того – только наличие развитого малого и среднего бизнеса исключает возможность для десоверенизации страны через запуск неокOLONИальных моделей развития, а также создаёт средний класс – опору политической стабильности и безопасности государства. Созданный национальным бизнесом средний класс станет естественной преградой как для попыток разрушить основу его экономического процветания, так и для экспансии радикальных и тоталитарных идеологий, разрушающих общество.

Примечательно, что именно средний класс, сформированный малым и средним бизнесом, является наиболее религиозно развитой частью общества в ряде стран Европы – Польше, Италии, Германии и др. Таким образом, для реализации миссии “Третьего Рима” России необходима мощная прослойка этого класса. Средний класс и формирующий его национальный бизнес становятся гарантами социальной и экономической безопасности, а также суверенитета государства.

Между тем, в современной России средняя прослойка является слабой, относительно бедной и уязвимой при неблагоприятной экономической конъюнктуре. Малый и средний бизнес развивается недостаточно интенсивно, он становится жертвой административного произвола и недобросовестной конкуренции. Поэтому национальный бизнес нуждается в поддерживающих и стимулирующих мерах со стороны государства.

Стимулирование национального бизнеса должно происходить по следующим направлениям:

1) Административное дерегулирование

Меры по административному дерегулированию уже проводятся, однако они могут в итоге оказать лишь частичный позитивный эффект. С одной стороны, существующие меры не отменяют возможность административного произвола, с другой – открывают потенциальные возможности для злоупотреблений самого бизнеса. Альтернативой колебанию “закручивание-откручивание гаек” является создание четких “правил игры”. Требуется максимальное упрощение условий, необходимых для запуска нового бизнеса, ликвидация избыточных административных барьеров, а также упорядочение контрольных мероприятий со стороны государства, которые должны быть сконцентрированы на соблюдении четко установленных и объективно выполнимых правил и стандартов, а также проводиться исключительно по установленным правилам. Во всех случаях, когда возможно получение информации дистанционным способом, должны вводиться методы удаленного взаимодействия с контролирующими органами. Таким образом, требует скорейшей реализации проект “электронного правительства” – системы дистанционного взаимодействия граждан и организаций с органами власти. Для бдительных граждан следует пояснить, что “электронное правительство” не имеет никакого отношения к тотальному контролю, всеобщему клеймлению или “числу зверя”. Это такая же техническая система прикладного назначения, как почта, телеграф или телефон.

2) Налоговое и таможенное стимулирование

Необходимо углубление существующих мер по налоговому стимулированию малого и среднего бизнеса. Возможными вариантами может быть дальнейшее снижение налога на прибыль или расширение сферы применения упрощенной системы налогообложения.

3) Кредитное стимулирование

Запуск нового бизнеса и поддержка существующего невозможны без доступа к кредитным ресурсам. Существующие в России условия кредитования малого и среднего бизнеса нельзя признать оптимальными. Увеличение доступности кредитов может осуществляться или применением со стороны государства дополнительных регулирующих мер (применение обязательных правил кредитования предприятий малого и среднего бизнеса или установление предельных параметров стоимости кредита для определенных категорий предприятий), или через задействование ресурсов контролируемых государством коммерческих банков. В этом случае конкуренция будет вынуждать остальных участников банковского рынка снижать стоимость кредита.

Новая антикоррупционная политика

Мы не скажем ничего нового, если отметим, что коррупция является ключевой преградой как на пути модернизации российской экономики, так и на пути повышения эффективности работы государственных органов. Она не позволяет реализовывать инфраструктурные проекты общенационального масштаба, создает угрозы не только для экономической, но и общей безопасности государства. Коррупцированное чиновничество и правоохранительные органы становятся проводниками деятельности криминальных террористических организаций и антигосударственных политических сил. Не менее важно и то, что коррупция морально разлагает общество, создает неравенство граждан перед законом. В морально разложившемся обществе реализация Российской миссии “Третьего Рима” – невыполнимая задача.

Следует честно признать, что значимых успехов в сфере борьбы с коррупцией у российского государства нет. Укорененность коррупционных практик

как в повседневной жизни, так и на всех уровнях экономической деятельности создает впечатление её принципиальной непобедимости или даже органичности для российского социального уклада. В этой обстановке даже заявления высших руководителей страны о необходимости борьбы с коррупцией воспринимаются в обществе скептически и приводят не к запуску антикоррупционной борьбы, а лишь к дополнительным имиджевым потерям. Такая ситуация ставит задачу объективно оценить движущие силы коррупции в России и предложить новые подходы по борьбе с ней.

Чтобы приблизиться к реальному исправлению ситуации, необходимо также честно и беспристрастно проанализировать причины возникновения и широкого распространения коррупционных практик в современной России. Причиной “низовой” коррупции является несовершенство законодательства, его “недружественность” по отношению к гражданам. Что выражается либо в необходимости соблюдения объективно невыполнимых или бессмысленных требований, наложении чрезвычайно жестких повинностей, или в возможности двойного (произвольного) толкования законодательных норм. Немалую роль в провоцировании низкой коррупции играет недофинансирование и неукомплектованность квалифицированными кадрами бюджетных и социальных учреждений, правоохранительных органов на местах. Выполнение своих непосредственных обязанностей сотрудниками таких учреждений объективно весьма затруднено, а вознаграждение за тяжелую работу остается недопустимо низким.

В подобных условиях участие в коррупционных отношениях становится частую единственным способом решения проблем, а иногда и выживания – как для рядовых граждан, так и для сотрудников государственных учреждений.

Коррупция в высших эшелонах власти вызвана сложившейся практикой отношений власти и крупного бизнеса. Крупный бизнес заинтересован в сохранении благоприятных условий для работы. В свою очередь, высокопоставленные чиновники, обладающие решающим влиянием на эти условия, стремятся к налаживанию своей жизни соответственно своему высокому социальному статусу, что официальный доход не позволяет. Если бы такие крупные чиновники не участвовали в коррупционных взаимоотношениях, они оказались бы несопоставимо беднее представителей крупного бизнеса, а вследствие этого их социальный статус оказался бы намного более низким.

Вместе с тем, стремление граждан обеспечить себе нормальные условия существования, представителей бизнеса – комфортные условия для работы, а государственных чиновников – достойный статус и вознаграждение за свой труд, само по себе является совершенно естественным. Задача новой антикоррупционной политики – обеспечить условия, чтобы разумная часть таких потребностей была реализована без задействования коррупционных механизмов.

Низовая коррупция может быть побеждена только радикальной ревизией действующего законодательства, а также увеличением финансирования государственных бюджетных учреждений. Должны быть исклчены нормы, допускающие произвольное толкование. Правила и стандарты, обязательные к соблюдению гражданами и организациями, следует привести в соответствующий современным требованиям вид, при этом они должны быть объективно выполнимы.

Увеличение финансирования государственных и бюджетных учреждений должно проводиться одновременно с переходом на целевую систему бюджетного финансирования. В настоящее время такой переход осуществляется, однако существует риск сокращения финансирования государственных учреждений и учреждений социальной сферы в ходе проведения бюджетной реформы. Между тем повышение эффективности расходования средств позволит уже при текущих объемах финансирования добиться радикального улучшения ситуации.

Коррупция в высших эшелонах власти может быть побеждена в том случае, если задействованные в ней в настоящее время денежные потоки будут выведены “из тени”. Одним из способов такого выведения может быть создание целевых бюджетных фондов, предназначенных для финансирования первоочередных государственных задач или государственных органов, нуждающихся в значительных финансовых затратах.

Одновременно с предложенными мерами необходимо максимальное ужесточение уголовного наказания за преступления, связанные с коррупцион-

ными деяниями – вплоть до пожизненного тюремного заключения при получении взятки или доли от участия в проектах (так называемых “откатов”) в особо крупном размере.

Предлагая варианты практических мер по борьбе с коррупцией, не следует забывать, что сама эта проблема имеет в первую очередь духовно-нравственный характер. Поэтому и борьба с ней не должна ограничиваться только юридическими репрессивными мерами. Можно сколько угодно иронизировать по поводу исправления коррупционеров христианскими методами, однако у общества не так много ресурсов, чтобы их игнорировать. Покаяние в православном понимании означает “изменение ума”. Поэтому роль Церкви в изменении преступной, пораженной грехом общественной психологии огромна. Практически это воплощается через более активную социальную роль Церкви вплоть до создания вокруг каждого православного прихода декоррупцированной сети – социальных островов, освобожденных от коррупции. Эти “острова” должны расширять свою географию. Да, этот путь требует мужества и упорства, но “быть солью земли и светом миру” – обязанность православных христиан.

Фискальные и репрессивные меры не будут эффективны без всеобъемлющего морально-нравственного возрождения общества, которое, в свою очередь, невозможно без активной роли Церкви. На “низовом” уровне это означает, что церковное сообщество, начиная с приходов, ошутит свою ответственность и за эту сторону общественной жизни. На уровне высших эшелонов власти это означает действенную симфонию Церкви и государства, которая не должна ограничиваться включением правящих епископов в номенклатуру, хотя по статусу каждый епископ объективно является ключевой фигурой в большинстве субъектов Федерации. Церковно-общественно-государственные зоны, свободные от коррупции, должны создаваться на максимально высоком уровне. Церковный опыт социальной медицины здесь также должен быть востребован.

IV. Новая внешняя политика

Общие положения. Гуманитарные технологии

Внешняя политика России за прошедшее первое десятилетие XXI века добилась определенных результатов. После периода “великого отступления” 80–90-х годов, когда Россия вернулась почти к границам XVII века, а русские стали самым большим разделенным народом мира (25 миллионов соотечественников оказались за пределами российского государства), Россия стала восприниматься как самостоятельный игрок на международной арене. Она научилась защищать свои базовые политические и экономические интересы. Характерной чертой российской внешней политики последнего времени стал акцент на экономический прагматизм.

Такой акцент был вполне обоснован в период первоначального укрепления государства после смуты 90-х годов и был направлен на решение первоочередных задач на внешнеполитическом направлении. Тем не менее, Россия сталкивалась на пространстве СНГ с существенными затруднениями, вызванными применением её геополитическими конкурентами гуманитарных технологий. Типичным примером может стать “оранжевая революция” и президентство Ющенко в 2005–2010 годах, когда казалось, что Украина становится недружественной России страной если не навсегда, то надолго. “Оранжевая революция” – исключительно гуманитарная технология, которая позволила перехватить власть у прагматичной и обладавшей существенными экономическими и силовыми ресурсами группы бывшего президента Кучмы.

Гуманитарная составляющая дипломатии во внешней политике не менее важна, чем экономическая. Неучет гуманитарной составляющей и невнимание к вопросам, касающимся национальной, культурной, религиозной и цивилизационной идентичности, может приводить к фатальным провалам и вести к нарастанию межгосударственных, межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Только взяв на вооружение гуманитарный инструментарий, российская внешняя политика может перейти на новый, более высокий уровень развития и обеспечить себе сверхвысокую эффективность. Важнейшей составляющей ре-

шения этой задачи должно стать взаимодействие российского государства, общества, неправительственных организаций с Русской Православной Церковью.

Примечательно, что именно участие Русской Православной Церкви и персонально Святейшего Патриарха Кирилла помогло радикально изменить настроения на Украине и состояние российско-украинских отношений. Постоянные пастырские поездки Первоиерарха Русской Церкви на Украину уже стали важнейшим фактором прорыва в российско-украинских отношениях.

Поскольку “Третий Рим” – это глобальный проект удержания мира от зла, то новая гуманитарно-ориентированная политика России становится неотъемлемой составляющей его глобальной миссии.

Внешняя политика России – “Третьего Рима” должна исходить из собственного геополитического проекта православной цивилизации, быть многовекторной и охватывать все возможные направления. Интересы России – повсюду, зоной приоритетных национальных интересов является “постсоветское” пространство. Россия взаимодействует с ключевыми мировыми политическими игроками на равных, политический торг в таких принципиальных вопросах, как русский мир, геополитическая и цивилизационная субъектность нашей страны, неуместен.

Однако диалог с мировыми центрами силы необходим и с точки зрения национальной модернизации, и с точки зрения геополитики – предложения консервативных элит Европы о диалоге с Россией с целью сдерживания “атлантизма” не могут быть отвергнуты. В рамках этого диалога Россия вправе требовать и помощи в собственной технологической модернизации. Более того, логично придать этому диалогу ценностное измерение. Именно сейчас, как никогда, актуальны слова Достоевского о том, что “Россия спасет Европу”, диалог с которой должен происходить и с позиций спасения христианской цивилизации и культуры от “секулярного тоталитаризма”.

Ценностный акцент должен быть привнесен и в отношения с США, где необходимо установить контакты с активными христианскими политическими группами, создавая образ России как великой страны, где возрождается истинная, православная вера, где христианство на подъеме, проект России как страны мировой христианской надежды.

Исходя из этого, России небезразличен вопрос гонений не только на православных, но и на инославных христиан во всем мире.

Консолидация православного мира – ключевой вопрос не только его миссии, но и выживания. Дехристианизация ЕС – это серьезное испытание для православных стран, находящихся в его составе. Отнюдь не благостное положение православных и во многих странах ислама. Более того, православной ойкумене необходима стратегия активного миссионерского, исторического прорыва. Православие – это вселенская Истина, а не этническая религия. Соответственно, оно и должно заявить о себе в мировом масштабе.

Мы считаем, что необходимы формы консолидации мировых православных политических, интеллектуальных, экономических элит. В исламском мире существует международная организация “Исламская конференция” – клуб культурных, политических, экономических, медийных, культурных элит исламского мира. Давно назрел вопрос аналогичной организации “Православная конференция”.

“Русский мир”

Русская Православная Церковь является на сегодняшний день главной объединяющей постсоветское пространство общественной силой. Как показывает практика, официальные межгосударственные объединения и интеграционные институты – СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ – недостаточно эффективны для разворота тенденции к “разбеганию” бывших советских республик и предотвращения кризисов на постсоветском пространстве. В свою очередь, влияние конкурирующих геополитических проектов (прежде всего, панамериканского, панисламского и китайского) подтачивает существовавшие с советского периода общие гуманитарные основы, культурные и экономические связи, переориентируя бывшие советские республики от преимущественного взаимодействия с Москвой к взаимодействию с новыми центрами силы.

Тем не менее, вышеперечисленные институты, при всех их проблемах, не должны быть демонтированы. Это особенно касается Российско-Белорусско-

го союза, который необходимо сохранить, несмотря на нынешнюю кризисную ситуацию. Важнейшей составляющей решения этого вопроса явилась бы ценностная ориентация российской политики. Великий белорусский просветитель Михаил Осипович Коялович называл Белоруссию “Западной Россией”. Соответственно, мы исходим из того, что белорусы и великороссы – это самобытные субэтноты единого русского народа, окормляемые Русской Православной Церковью. Таким образом, мы выступаем за максимально возможную интеграцию России и Белоруссии, максимальную поддержку тех элит, которые понимают важность единства русского мира, а в случае необходимости – возвращение этих элит.

Напомним и слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, суть которых в том, что Божий суд ждет тех, кто попытается разрушить Союз Белоруссии и России, еще в этой, земной жизни.

В отношении Украины мы приветствуем исторические Харьковские соглашения Президентом Д. Медведева и В. Януковича о базировании Черноморского флота России в Севастополе до 2042 года. При этом мы видим опасность в сведении российско-украинских отношений к экономике, в недооценке гуманитарного фактора. Укрепление Черноморского флота является принципиальным условием безопасности России, которая должна добиваться вечного базирования Черноморского флота в его исторической базе в Севастополе. Севастополь, в свою очередь, является важнейшим духовным центром русского мира – местом крещения святого равноапостольного князя Владимира. Мы считаем признание юрисдикции Украины над Севастополем серьезным историческим компромиссом во имя единства Киевской и Московской Руси. Но этот компромисс обязывает российскую дипломатию добиваться признания особого статуса Севастополя в составе Украины как общерусской святыни.

Мы также уверены, что целью российской как государственной, так и общественной политики является поддержка тех, кто выступает за русско-украинское двуязычие. Кроме того, проблема церковных расколов на Украине имеет непосредственное отношение к российско-украинским отношениям. Дело в том, что расколоснический “Киевский патриархат” причастен к вербовкам националистических боевиков к Басаеву и другим террористам.

Необходим институт, способный поддерживать интеграцию на постсоветском пространстве на гуманитарном и общественном уровне. Единственным институтом, имеющим право претендовать на такой статус, является Русская Православная Церковь. Святейший Патриарх Кирилл предложил эффективный и действенный проект “Русского мира” – духовного единства стран и народов, находящийся на канонической территории Московского Патриархата. Этот проект – надэтнический, к нему относят, например, не только славянское Приднестровье, но и Молдавию. Действительно, отрыв Молдавии от русского мира, объединение с Румынией или вступление в ЕС растворит это государство в секулярных брюссельских стандартах, а сохранение в русском мире позволит формировать национальное законодательство в соответствии с базовыми христианскими ценностями.

Консервативная Европа

В настоящее время Европа испытывает кризис единства и идентичности. Европейский Союз, будучи гетерогенным образованием, раздирается борьбой конкурирующих ценностно-политических и религиозно-политических проектов. На пространство ЕС претендуют три ключевых проекта: секулярно-либеральный (приобретающий все более антихристианские черты), христианско-консервативный и панисламский. Идеология секулярно-либерального проекта избрана руководством ЕС и государствами-лидерами евроинтеграции в качестве главенствующей. По всей вероятности, этот выбор был вызван необходимостью вобрать в проект “Единой Европы” различные по религиозной и культурной идентичности государства. Вместе с тем, в настоящее время мы наблюдаем разложение идеологии этого проекта, приводящее Европу к опасным кризисным явлениям, угрожающим независимости составляющих её государств и самому существованию её народов.

Это вырождение вызвано отрывом ценностей свободы и прав человека от их христианских этических корней в идеологии секулярного либерализма. В результате ценности свободы и прав человека превращаются в свои проти-

воположности и вызывают насаждение нового тоталитаризма и ограничение фундаментальных прав и свобод – в частности свободы печати и свободы мысли. Толерантность и мультикультурность превращаются в потакание агрессивным меньшинствам, которые захватывают “командные высоты” в обществе и стремятся к диктату над ним. Отсюда – агрессивная пропаганда половых извращений, запрет на ношение христианской символики в школе и обществе, преследование традиционно мыслящих интеллектуалов и т. п. вещи.

Одновременно с этим, несмотря на агрессию, направленную против христианства, собственно “секулярный мир” не получается. Секулярный либерализм пасует перед радикальным исламом и панисламским проектом. Наблюдается активная исламизация Европы, которая размывает её прежнюю христианскую идентичность. Европа становится похожей на большую Венецию – утопающий город-музей. Она теряет политическую власть, а её народы и религия – вымирают и оставляют место менее развитым в культурном и техническом отношении, но более агрессивным сообществам.

Цивилизационный и демографический крах Европы не в интересах России. Европейский союз является ключевым торговым и экономическим партнером России, кроме того, Россия относит себя к странам европейской идентичности и европейской культуры.

Единственным способом прекратить это медленное движение в пропасть и одновременно с этим вернуть утраченные геополитические позиции является союз России и консервативной Европы. Россия как государство и Русская Православная Церковь не имеют иного выхода, кроме предложения помощи европейским консервативным силам, не заинтересованным в победе секулярно-либерального или панисламского проекта. Важным гуманитарным инструментом для работы на этом направлении должен стать диалог Русской Православной и Римской Католической церквей по борьбе с общим противником – разумеется, с категорическим недопущением попыток поглощения Римом Православия и любых вероучительных компромиссов.

Отмечаем, что о недопустимости вероучительных и догматических компромиссов с инославыми христианами при активном социально-политическом диалоге постоянно говорит священноначалие Русской Православной Церкви, которое мы безусловно поддерживаем. Важной составляющей диалога мы считаем проведение в Москве международного конгресса христианских консервативных сил Европы.

В рамках проекта диалога с консервативной Европой должны быть задействованы не только существующие дипломатические контакты, но и начат серьёзный диалог по линии Церкви и общественных неправительственных организаций. Мы отмечаем, что сложившаяся ситуация в европейском христианском сообществе дает огромный миссионерский шанс для Русской Церкви. Дело в том, что протестантское сообщество фактически раскололось на сторонников традиционного протестантизма и “вырожденцев”, в сообществах которых фактически уничтожено нравственное учение христианства, пиком и характерным признаком чего являются такие уродливые явления, как гомосексуальное и женское священство. Одновременно с этим в протестантском сообществе выкристаллизовывается более многочисленное, но лишенное права голоса в “толерантных” СМИ сообщество противников подобного разложения. К сожалению, большинство из них ничего не знают о Православии, воспринимая его как этническую религию русских, румын и греков. Если же мы расскажем им об истине Православия, то многие и многие последуют за видным протестантским теологом, известным деятелем Всемирного совета церквей Кристианом Фельми, который перешёл в Православие. Прецедент Фельми – это и аргумент в пользу сохранения членства Русской Православной Церкви во Всемирном совете церквей с единственной целью – миссионерской. Всех тех, кто дышит и мыслит, кто сопротивляется духовному разложению, мы обязаны привести к Православию.

Латинская Америка

Новое и “хорошо забытое старое” направление российской дипломатии открывает уникальные возможности для взаимовыгодного сотрудничества в целях модернизации как самой России, так и стран Латинской Америки. Казалось бы, какое отношение к России имеет Латинская Америка? Однако от-

вет на этот вопрос достаточно прост. Во-первых, зона геополитических интересов России как государства, выполняющего миссию “Третьего Рима”, должна распространяться на всю планету. Во-вторых, Латинская Америка – это христианская Америка, где христианские моральные ценности не подверглись такому влиянию секуляризма и внутреннему разложению, как в Евросоюзе. В-третьих, у нас имеется большой опыт взаимодействия с рядом государств Латинской Америки – как унаследованный от СССР, так и приобретенный в первое десятилетие XXI века. У нас есть богатый опыт взаимодействия с государствами Боливарианской альтернативы, прежде всего с Кубой и Венесуэлой. Развивается экономическое взаимодействие с крупнейшим государством Южной Америки – Бразилией. Но все эти государства являются для России не только перспективными экономическими и военно-политическими, но и гуманитарными партнерами.

Немаловажно заметить, что политический пример и опыт кубинской революции (связанные с харизмой и опытом деятельности Фиделя Кастро) очень значимы в мировой “левой” интеллектуальной среде, а также в интеллектуальной элите развивающихся стран. Таким образом, налаживание взаимодействия с Кубой и Венесуэлой неизбежно будет транслировать позитивный сигнал не только для самих этих государств, но и для всего “развивающегося мира” вообще. Россия должна сохранить и сделать ещё более тесным политическое, экономическое и гуманитарное взаимодействие с государствами Латинской Америки.

Латинская Америка с большой надеждой смотрит на Россию. Это связано не только с историей наших взаимоотношений, но и с определенной моральной и духовной близостью. В связи с этим в странах региона возрастает интерес к Православию. Отметим такие явления, как переход в Православие (в юрисдикцию Православной Церкви Америки) Мексиканской Старокатолической Церкви. Русская Православная Церковь начинает идти навстречу этой заинтересованности. Она уже активно действует на латиноамериканском направлении. Можно привести пример открытого в 2008 году в историческом центре Гаваны большого православного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, который стал и важным миссионерским центром, а также обещание Уго Чавеса построить кафедральный собор Русской Зарубежной Церкви в Каракасе.

Продолжение политической, дипломатической и гуманитарной работы по развитию отношений со странами Латинской Америки позволит России стать одним из главных экономических и моральных ориентиров для этих государств.

* * *

Это лишь некоторые, но безусловно важные направления внешнеполитической деятельности Русской Православной Церкви.

Завершая внешнеполитическую часть работы, отметим, что такие важные темы, как исламский мир и китайский проект, требуют отдельного глубокого осмысления и исследования. Мы намерены активно заниматься этими исследованиями. При этом мы будем исходить из следующих фундаментальных принципов: во-первых, продвижение геополитических интересов России как исполнителя катехонической миссии “Третьего Рима” должно происходить по всем направлениям, а во-вторых, интересы “Третьего Рима” как защитника и помощника в миссии Православия распространяются на весь мир.

РУСЛАН ЛЫНЁВ

У КОГО УЧИЛСЯ ГИТЛЕР

Исторический процесс не равномерен. Есть в нём периоды, спокойно занимающие своё законное место в прошлом. А есть такие, актуальность которых активно вторгается в современность. Такова тема Второй Мировой, её причин, предпосылок, виновников. Версий на этот счёт предостаточно. Одной из самых ходовых сегодня становится та, будто зло носило исключительно красный цвет. Будто исходившая из нашей страны угроза большевизма-сталинизма вызвала ответный нацизм-гитлеризм, а в итоге оба тоталитаризма в равной мере несут груз вины перед человечеством. Спасителем же и надеждой мира либералы всех стран представляют Запад с его традициями демократии и уважения гражданских свобод. Ну а родиной, оплотом и носителем этих ценностей принято считать Великобританию и вообще англосаксонский мир.

Задолго до большевизма

Между тем именно этот оплот стал для нацистских идеологов примером колонизации великих пространств и утверждения права представителей “высшей расы” господствовать над расами “низшими”, “падшими”, “слабыми”. А. Гитлер это подчёркивал не раз.

“Я восхищаюсь английским народом, – заявлял он. – В деле колонизации он совершил неслыханное”.

“Наша цель, – провозглашал он 23 мая 1939 года, – расширение пространства на Востоке. И это пространство на Востоке должно стать германской Индией”.

“Только у меня, подобно англичанам, хватит жесткости, чтобы добиться цели”.

Фюреру вторило его окружение: “Всё то, что мы хотим претворить в жизнь, – то, что уже давно существует в Англии”.

Профессор М. Саркисьянц, прочитавший в Гейдельбергском университете курс лекций об английских корнях германского нацизма, написал на их основе книгу (“Британские корни германского фашизма”). В ней он показал, что ещё задолго до большевизма в Германии хватало последователей британского колониализма и расизма. “Нашими наставниками” называл англичан основоположник немецкой колониальной экспансии в Африке К. Петерс, полагавший благом для человечества, что, благодаря англичанам, “не романец или монгол задают тон на земле, а именно германцы, каковыми мы и сами себя ощущаем”.

Разумным и справедливым он считал то, что “многие сотни тысяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей “чужих рас”.

Провозвестники нацизма

Одним из духовных предтеч нацистской идеологии признан английский писатель и историк Томас Карлайль (1795–1881). Нет ни одной основной доктрины нацизма, которой не было бы у Карлайля, – писал журнал *Anglo-German Review* в 1938 году. “Сила – это право”; “Для свободного человека характерен не бунт, а подчинение”, – провозглашал он.

Гармония, по Т. Карлайлю, возможна лишь в том обществе, где “...трудящийся требует от вождей промышленности: “Хозяин, нас нужно записать в полки. Пусть наши общие интересы станут постоянными... Полковники промышленности, надзиратели за работой, распорядитесь теми, кто стал солдатом!”

Позже, в гитлеровском варианте, подобное называлось “привлечением немецкого рабочего на сторону национального дела”.

“Кого небо сделало рабом, – учил Т. Карлайль, – того никакое парламентское голосование не сделает свободным человеком. Ну, а “чёрный” имеет право быть принуждаемым к работе вопреки его природной лени. Худший господин для него лучше, чем вообще никакого господина”.

Что же касается одного из первых народов, ставшего жертвой англосаксонской экспансии – ирландцев, то во время голода 1847 года Т. Карлайль предлагал выкрасить в чёрный цвет два миллиона ирландцев и продавать их в Бразилию.

Предшественником как британских фашистов, так и германских нацистов следует признать также могущественного главу британского кабинета викторианской эпохи Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд), провозглашавшего, что “расовый вопрос – ключ к мировой истории”. “Еврейская расовая замкнутость, – доказывал он, – опровергает учения о равенстве людей”.

“Будучи евреем, – отмечала немецкая исследовательница А. Аренд, – Дизраэли находил совершенно естественным, что в правах англичанина есть нечто лучшее, чем в правах человека”. Можно сказать, замечает в своей книге М. Саркисянц, – что Англия стала Израилем его мечты, а англичане – избранным народом, к которому Б. Дизраэли обращался с таким наставлением: “Вы хорошие стрелки, вы умеете ездить верхом, вы умеете грести. И то несовершенное выделение человеческого мозга, которое называется мыслью, ещё не согнуло вашего стана. Вам некогда читать. Напрочь исключите это занятие... Это проклятое занятие человеческой расы”.

Несколько десятков лет спустя А. Гитлер словно конспектировал эти тезисы: “Какое счастье для правителей, когда люди не думают!.. В противном случае человечество не смогло бы существовать”.

Ну а самым близким – и не только по времени – нацисты считают Х. С. Чемберлена. Его главный труд “Основы XIX века” главная нацистская газета “*Völkischer Beobachter*” позже назвала библией нацистского движения, а книга нацистского идеолога А. Розенберга “Миф XX века” стала не только продолжением, но и переложением чемберленовских “Основ”.

Сочтя Англию уже недостаточно энергичной для несения “бремени белого человека”, Х. С. Чемберлен во время Первой мировой войны перебрался в Германию. Её он счёл более перспективной для дальнейшего расширения господства белой расы. При этом он продолжал утверждать, что обе страны “населяют два германских народа, которые добились больше всех в мире”. Причём немцев он предлагал идеализировать “не в качестве народа-мыслителя, а в качестве народа солдат и торговцев”. Призывая, как и Дизраэли, брать пример с евреев в соблюдении расовой чистоты, Х. С. Чемберлен вместе с тем доказывал: “Уже одно их существование – это грех, преступление против священных законов жизни” и утверждал, что только арийцы духовно и физически превосходят всех остальных людей и поэтому им по праву следует быть властителями мира.

Именно он, английский аристократ и кабинетный учёный, увидел в “маленьком ефрейторе” А. Гитлере “исполнителя своей жизненной миссии и истребителя недочеловеков”.

По словам Р. Гесса, со смертью Х. С. Чемберлена в 1927 году “Германия потеряла одного из величайших своих мыслителей, борца за германское дело, как написано на венке, возложенном от имени Движения”. В последний путь Х. С. Чемберлена провожали гитлеровские штурмовики, одетые в униформу.

Свобода – привилегия господ?

Но названные выше фигуры – это, так сказать, вершины на британском протофашистском ландшафте. А что представлял собой сам ландшафт? Один из пионеров британского фашизма А. К. Честертон был не единственным, кто считал, что “основы фашизма лежат в самой британской национальной традиции”. Самыми последовательными носителями этой традиции были большие и малые британские колониальные чиновники и офицеры, которым принадлежит первенство и в создании первых в новейшей истории концлагерей во время англо-бурской войны, и тайного общества “Потерянный легион”, цель которого заключалась в установлении власти империи над всем “нецивилизованным” миром. Этот прообраз будущих войск СС прославлял Р. Киплинг, писавший, что в легионе могли служить “только люди с сердцами викингов”.

Задолго до индийцев, африканцев, аборигенов Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии в низшую расу были зачислены коренные обитатели Британских островов кельты, покорённые вторгшимися из континентальной Европы англосаксами. Популярный в своё время писатель Ч. Кинсли жаловался на то, что в Ирландии его преследовали толпы человекоподобных шимпанзе. “Будь у них чёрная кожа, – писал он, – было бы легче”. А такой автор, как Дж. Биддоу, утверждал, что “предками ирландцев были негры”.

Р. Нокс требовал исключить из числа европейских народов кельтов и русских, поскольку “кельтская и русская нации, презирающие труд и порядок, стоят на низшей ступени человеческого развития”.

“Свобода – привилегия расы господ”. Этот принцип культивировался не только в элитарных кругах Великобритании, но и в самых низших слоях общества, гордившихся своей принадлежностью к высшей расе по отношению к тем же ирландцам, индусам и т. д. и т. п. “Англичане смотрят вниз с презрением, а вверх с восхищением”, – отмечено в “Английской идеологии”.

При этом, как признавал Дж. Ст. Милль, “мы восстаём против проявления всякой индивидуальности”. Добровольное подчинение нормам “обычно принятого”, подмеченное также А. Герценом, позволяло англичанам обходиться без государственного принуждения. Словесный камуфляж выражений типа “открытое общество”, “свобода личности” и т. д. в этом по сути ничего не менял.

“Интеллект отравил наш народ”

Придя к власти, нацисты многое постарались позаимствовать из английского образования и культуры. Особо ценным в английском опыте, перенесённом в германские “коричневые” школы системы “Napolas”, нацисты считали воспитание “расовой гордости и национальной энергии”. Другим важным её элементом стала переориентация с получения знаний на тренировку тела, а английский язык был провозглашён “актом безжалостного акта воли”. Перестройка носила бурный и безоговорочный характер. Фюрер указывал при этом: “Мне не нужны интеллектуалы. Знание только испортит молодёжь. Но учиться повелевать им придётся непременно”.

В докладе об этих переменах, сделанном в английском Королевском институте международных отношений, отмечалось, что “нацистские учебные заведения во многих отношениях построены по образцу наших английских public schools. Всё их воспитание направлено на то, чтобы привить веру в непобедимость нации”. Докладчик сэр Роуен-Робинсон отметил, что руководители школ “Napolas” – “в высшей степени славные люди”.

Единственное, что поначалу снижало эффективность перестройки воспитания на английский лад, это интеллект воспитуемых. “У нас его так много, что с ним одни трудности, – сетовал Й. Геббельс. – Мы, немцы, слишком много думаем. Интеллект отравил наш народ”.

О чём молчат либералы

Так-то оно так, рассудит читатель, но в конце концов англичане решительно поставили на место и своих, британских нацистов, и германским дали достойный отпор на морях, в небе и на суше. И разве не англичане были нашими союзниками в совместной войне против зла?

Кто же спорит – были. Но и в предвоенной истории, и в ходе той войны было немало такого, о чём западные, а у нас в России прозападные историки, политики, публицисты предпочитают не вспоминать, привычно и настойчиво переводя стрелки исторической вины во всех грехах с Запада на Восток, на Россию. Так, чтобы, придавленные виной за один только пакт Молотова–Риббентропа, мы не смели напоминать Европе и миру ни о позорном мюнхенском сговоре Чемберлена с Гитлером, ни о зловещей тайне полёта Р. Гесса в Англию в мае 1941 года, ни о, скажем так, странной оккупации вермахтом принадлежавших Британии Нормандских островов с 1940 года до окончания войны в 1945 году. Пять лет рядом развевались британский “Юнион Джек” и нацистское знамя со свастикой. Все эти пять лет здесь царила атмосфера, в которой немцы и англичане чувствовали себя так, будто между ними не было и нет войны. По свидетельству американского журналиста Ч. Свифта, побывавшего на островах в 1940 году, побежденные подданные гордой страны вели себя с вежливым почтением, а немцы называли англичан “двоюродными братьями по расе”.

Уровень коллаборационизма и уровень безопасности немецких военных, ходивших безоружными, здесь были, по свидетельствам очевидцев, самыми высокими в Европе. Британская администрация островов действовала как агента гитлеровцев. На островах, например, были введены специальные законы против евреев. Некоторые островитяне принимали участие в издевательствах над заключёнными концлагерей, а в июне 1945-го, когда война была позади, Министерство информации Великобритании заявило, что коллаборационизм на островах “был почти неизбежен”. Или, говоря прямее, оправдан. Никто из нормандских коллаборационистов не был привлечен к ответственности. Более того, 50 самых активных из них были тайно вывезены в Англию и отпущены на свободу, а члены местной администрации даже удостоились почестей.

* * *

От нас всё настойчивее требуют так смотреть в зеркало нашей истории, что-бы мы поняли, из какой бездны вытягивает нас либерализм, в том числе английский, путём демократизации российской жизни и “евроремонта” истории.

Но многие ли на Западе готовы посмотреть в свои собственные зеркала? В них можно увидеть много чего. Так, если взять электронную версию Британской Энциклопедии и отыскать в ней тему фашизма, то обнаружится тьма информации о фашизме итальянском, испанском, сербском, хорватском, русском!.. О британском же – скупая сточка, о том, что его сторонников было порядка 50 тысяч человек. И рефрен всё тот же: надёжным оплотом против скверны был и остаётся исключительно Запад с его демократией.

Между тем, не кто иной, как Ф. Папен, последний германский канцлер накануне прихода к власти А. Гитлера, признавал, что нацистское государство возникло, “пройдя до конца путь демократии”.

На отсутствие непроходимой пропасти между ними указывал и философ К. Хоркхаймер, утверждавший: “Тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник: буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения”.

Аналогичный вывод делал Г. Маркузе: “Превращение либерального государства в тоталитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. Именно либерализм “вынул” из себя тоталитарное государство как своё собственное воплощение на высшей ступени развития”.

Устарело? Кануло в историю? Как знать. Ибо у истории есть свойство – не уходить в прошлое насовсем.

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

ПЕРЕВЁРТЫШ МОРАЛИЗИРУЕТ

Журнал “Наука и жизнь” в 2011 г. опубликовал серию статей публициста Александра Ципко. Они касаются основ нашей идеологии, автор выступает и в роли судьи, и в роли учителя, разъясняя непонятливым, что и как мы должны делать, чтобы догнать “цивилизованные страны”. Если попытаться выделить основную идею, то она, на мой взгляд, сводится к тому, что семьдесят советских лет не просто потерянное время для страны, а период российской истории со знаком минус. И мы, по мнению Ципко, должны это понять, усвоить и преодолеть последствия большевизма. Не преодолеем – отстанем навсегда. И на этом пути “...не надо бояться обвинений в “очернительстве” советской российской истории. Ведь на самом деле на карту поставлена судьба русской нации”.

А. Ципко показывает, какой мы, русские, плохой народ, и подробно это поясняет: у нас “советское самомнение”, “мутное сознание”, нам свойственны “леность ума”, отсутствие привычки к самостоятельному мышлению, мы безынициативны, нам присуще стремление решить все проблемы путем разрушения “до основания” существующего строя, мы “начисто лишены способности к самоорганизации”, негостеприимные (даже жадные), у нас национальная болезнь – распри, мы не можем жить дружно, наиглавнейший русский дефицит – дефицит братства, коллективизма, способности к кооперации усилий на благо своего народа.

Дав набор отрицательных черт русского народа, Ципко, видно, чувствует, что допустил перебор. Слишком много уксуса. Надо добавить патоки: “Русская нелюбовь к коллективному труду, нелюбовь к коммунизму несколько не обедняет его (русский народ. – Н. П.) духовно, не мешает ему быть добрым, веротерпимым, не лишает его природной смелости, мужества и т. д.” Подведя черту и просуммировав качества, которыми наделил нас г. Ципко, получаем образ веротерпимого дуrolома, благодаря таким деятелям, как А. Ципко, прочно обосновавшийся в массовой зарубежной культуре.

ПИРОГОВ Николай Леонидович родился в 1937 г. в Москве. Закончил МИИТ, аспирантуру АОН при ЦК КПСС, АНХ при СМ СССР. Работал начальником строительного главка, 10 лет — в Госплане СССР заместителем начальника отдела, руководил рядом предпринимательских структур.

Доктор экономических наук, профессор. Сфера научных интересов — ресурсосбережение и менеджмент. Автор ряда монографий, многих научных и публицистических статей. В настоящее время — профессор Национального института бизнеса.

Философ подводит нас к неизбежному выводу, что с такими человеческими качествами будущее для нас заблокировано: "... С нашей традиционной российской мечтательностью и нашим русским "авось" в современной цивилизации предельного рационализма и предельной расчетливости нам уже не выжить. Тем, кто живет верой, а не умом, нет места в современном мире". Короче говоря, "совкам" нужно срочно меняться.

Предложение объективно оценить советский период и сложившийся в то время тип советского человека для таких, как Ципко, совершенно неприемлемо. Для них Советская эпоха — черная без всяких оттенков. Отказаться от этой точки зрения для них невозможно. Это вопрос их жизни и смерти как пропагандистов, обслуживающих власть и имеющих за это неплохие дивиденды.

Но они люди умные и не могут не видеть, что же они наворочали. Кое-что приходится признавать. Ципко слегка кается. Признает, что "перестройщики" (а он — не просто перестройщик-перевёртыш, а был помощником А. Яковлева, секретаря ЦК КПСС) не увидели очевидного — слом административно-командной системы может подорвать "... многое из того, на чем держится человеческая цивилизация...", "... что, чем радикальнее перемены, тем больше опасность возвращения в первобытное состояние, в хаос". Это слова Ципко. Ну, а дальше следовало бы с тем же праведным гневом показать итоги собственных деяний.

Ципко пишет: "Мы, разрушители советской системы, обязаны разобраться в причинах самоослепления". Верно! А как насчёт персональной ответственности конкретных лиц?

Ни в одном документе не доводилось увидеть, чтобы перестройщики внятно и честно оценили ущерб от своих действий. Разгром народного хозяйства, превышающий разрушения фашистов во время войны, уничтожение "социалки", разрушение системы массовой бесплатной физкультуры и многое другое, что привело к деградации общества и особенно сильно и беспощадно ударило по молодежи. Кто ответит за фантастический рост наркомании, проституции — явлений, которых в СССР практически не было? А покинувшие Россию более миллиона самых способных ее граждан? А желание 1/3 опрошенных уехать из страны? Это данные годичной давности, самые свежие — 52%.

Еще один блок наших повседневных неприятностей: небывалая коррупция, фантастическое социальное неравенство, диктат чиновничества, продажность правоохранительной системы, "суверенная", т. е. очень ограниченная демократия и т. п.

Всеми этими явлениями переполнена и, скажу прямо, изгажена наша жизнь. Знает ли об этом Ципко? Знает. Ошибки признал. И сделал интересный вывод: мы, перестройщики, ошиблись, а вы, кто требует "радикальной политической модернизации", должны учесть наш негативный опыт и понять, "... что слом с таким трудом достигнутой стабильности может снова обернуться хаосом, приходом в большую политику идеологов ненависти, расизма".

Философ не расширявает, что такое за зверь "радикальная политическая модернизация". Предполагаю, что Ципко серьезно обеспокоен возможностью изменения вектора развития страны, ее сворачивания с дороги либерализма. Для таких, как он, это опасно. Какие же его предложения? А все те же: модернизация сознания, отучиться мыслить по-советски, перестать смотреть на мир советскими глазами...

По мнению Ципко, "... перестройка № 1 должна повлечь за собой перестройку № 2, потому что до сих пор не решена задача, которую мы, "слепые поводыри слепых", не осознали: не создан, не выписан образ реального постсоветского человека". Вот, оказывается, в чем дело. Философ еще не наигрался.

Борцы с "тоталитаризмом" попали в сложное положение. Разгромили "бесчеловечный" режим и за 20 лет нахождения у власти в России не добившись сколько-нибудь заметных успехов практически ни в чем: ни в хозяйственном, ни в культурном строительстве, растеряв преимущества социального государства, каким, без сомнения, был Советский Союз, приобретя пороки капиталистического общества, при этом многократно их увеличив, откровенно паразитируя на хозяйственной и военно-промышленной инфраструктуре, созданной в бывшем СССР, они вынуждены каким-то образом объяснить сложившуюся ситуацию. И они прибегают к фальсификации, мифологии и к откровенной лжи, диапазон которой широк: от примитивного представления,

как хорошо жилось российскому народу до 1917 года при царе-батюшке, до ловкого подтасовывания фактов, выдергивания отдельных событий негативного характера и распространения их на длительный период, а то и на всю советскую эпоху.

Стиль Ципко вести дискуссию удивляет. Как правило, сперва высказывается тезис со ссылкой: “есть мнение”. Чье мнение, не указывается. Только в двух случаях названы фамилии современников – Н. Михалков, когда обсуждался его манифест (тут уж куда деться?), и С. Кара-Мурза. Зато ответы на “мнения” даются с привлечением многих авторитетов и с обширным цитированием.

Фактически Ципко нужен не поиск истины, а возможность навязать свои взгляды. Он пишет, например: “Миф о “русском коммунизме”, об особой русской душе, которую якобы невозможно соблазнить благами мира сего, проистекает уже сегодня не столько от нашего цивилизационного отставания, не от усталости и невежества народных, крестьянских масс, как раньше, сколько от нашей нынешней неспособности решить сложные задачи трансформации советской системы в современное нормальное общество”. И далее: “Миф о “коммунистическом инстинкте русского народа нужен прежде всего сталинистам”.

И, наконец, совершенно неожиданное заключение: “Опасность мифа о “коммунистическом инстинкте” русского народа как раз и состоит в том, что вместо облагораживания души и чувств современного русского человека он их притупляет, замораживает, понижая у людей уровень человечности, способности к состраданию”.

Проблема коллективизма для текущего этапа развития страны особо актуальна. И не потому, что об этом пишет Ципко, тем более что он ее затрагивает с целью доказать, что приписываемый нам коллективизм – миф. Актуальность темы в том, что коллективизм – это столбовой путь развития человечества, и умозаключения Ципко уводят нас в сторону от этого пути.

Не следует также бездумно шарахаться вслед за Ципко, который коллективизм и коммунизм считает синонимами и по ходу изложения запросто заменяет одно понятие другим. Коммунизм в узком понимании этого слова (по отношению к труду) – это безвозмездный труд на благо общества. Ни у русского человека, ни у немца или негра исконного природного коммунизма нет. И нашей, русских, национальной чертой коммунизм не является. Спорить тут не о чем. То, что мы ходили на субботники (трудились безвозмездно на благо общества или конкретного предприятия) и, надо сказать, большинство ходило с удовольствием, совершенно не означает, что стремление трудиться бесплатно “сидит” в наших генах.

Коллективизм – это понятие конкретно-историческое. Конечно, капитализму как общественной формации присущ индивидуализм, а обществу социалистической направленности – коллективизм. Но делать вывод, что индивидуализм – это хорошо, а коллективизм – плохо, нет никаких оснований.

На разных этапах развития и у разных народов, в различных географических условиях бывает востребован преимущественно или коллективизм, или индивидуализм, а чаще – в различных пропорциях и то, и другое. Возьмем для примера понятие “гражданское общество”. Есть разные его определения, но практически в каждом присутствует мысль, что это общество, состоящее из индивидуумов, объединенных на основе подчинения общей цели, что является главным признаком коллективизма.

В дореволюционной России прекрасно уживались и индивидуалистические, и коллективистские начала. Осваивать территории, которые оставили нам в наследство наши предки, могли только крепко организованные коллективы.

Север и Сибирь осваивались именно таким способом. У Ципко же другое мнение: “Если бы русский крестьянин не был предельно рациональным, предельно расчетливым, если бы он был коммунистом “по инстинкту”, то он не выжил бы в своем противостоянии с русским Севером”.

Кроме русского Севера (говоря так, обычно имеют в виду Европейский Север) есть еще бескрайние просторы Сибири и Востока, а там условия посуравей, чем в Европе. И осваивать эти земли должны были люди и предельно рациональные, и предельно расчетливые, кто же с этим спорит, но – и это очевидно всем мало-мальски знакомым с обстановкой в этих регионах – ос-

ваивать их можно только артельно, коллективно. С Севером шутки плохи, отдельному человеку, индивидуалисту там делать нечего.

Сплошь и рядом Ципко противоречит сам себе. Оказывается, русские не только индивидуалисты, они — безынициативны: "...Мы, русские, не подготовлены к какой-либо самоорганизации снизу". (Это мнение приведено им со ссылкой на Г. Успенского). Примеры, доказывающее обратное, можно приводить как из жизни дореволюционной деревни, так и из советской действительности. А есть ли в мире аналоги самоорганизации, которую проявил советский народ при воссоздании производства на предприятиях, эвакуированных с запада во время войны, а также при налаживании быта миллионов приезжих за считанные дни и недели? Даже при жестком централизованном руководстве, какое имело место, без навыков и желания к самоорганизации это сделать было бы невозможно.

А вот еще один эпизод, которым Ципко пытается доказать "идиотизм" наших предков, гены которых, как он намекает, достались нам. Ссылаясь опять на Г. Успенского, который рассказывает, что в некоей деревне в Новгородской губернии кулаки скупали сено у крестьян по 5–10 копеек за пуд, а потом продавали его по 30 копеек и более. Крестьяне бы и сами продали сено в городе за эту цену, но проехать мешало болото, которое тянулось на четверть версты. А засыпать его 26 дворов, из которых состояла деревня, могли бы за два воскресенья. Но крестьяне этого не делали, теряя очевидную выгоду. Чистые идиоты! Никуда не годный народ.

Если бы Ципко чуть-чуть подумал, то увидел бы, что дело в описываемом Г. Успенским случае выглядит, очевидно, по-другому. 5–10 копеек за пуд — это скорее всего летняя цена. Есть ли дорога, нет ли ее, а летом дороже за сено не давали. Могли бы крестьяне подождать до зимы (болото бы замерзло) — продали бы сено по 30 копеек. Но нужны были деньги, и кулаки их ссужали крестьянам. Случай типичный в капиталистическом мире.

Изысканиям Ципко свойственна свободная подмена понятий, выдумывание утверждений, которые неизвестно кто высказал, и блестящее их опровержение. Пишет, например, о лживости мифа о русских как о "народе-коммунисте".

Известно, что это точка зрения славянофилов. Но нужно ли нам 150 лет спустя муссировать эти ветхозаветные сведения? Кто сейчас утверждает это? Назовите фамилии, их аргументацию, с ними и сражайтесь. Но вот беда, сегодня таких нет. Поэтому безбоязненно, не рассчитывая получить сдачи, Ципко насмехается над славянофилами.

Он пишет, что разорения помещичьих усадеб "со всем, что несло на себе печать красоты, камня на камне не оставили ни от славянофильского мифа о "народе-богоносце", ни от народнического мифа о "народе-коммунисте".

Кто ж спорит? Не оставило в головах у тех, кто эти мифы сочинял. Но Ципко сообщает об этом с другой целью — еще раз подчеркнуть не "коммунистический", а "мародерский" характер народа. А как, г-н Ципко, должен был вести себя народ, безграмотный, поротый и унижаемый несколько веков бездельниками, которые за его счет жили и заказывали для себя эту красоту?

Ципко продолжает свою линию, разоблачая уже внуков и правнуков тех русских крестьян-общинников, т. е. советских рабочих и колхозников, которые в 1991–1992 гг. растащили брошенные колхозы и промышленные предприятия. Их "тотальное мародерство" (по словам Ципко) видели все нынешние адепты "русского коммунизма".

Из всех живущих в нашей стране по меньшей мере 2/3 хорошо помнят то время тотального грабежа общенародной собственности, организованного руководством РФ — Б. Ельциным и его командой. Грабили масштабно, присваивая государственное имущество на миллиарды долларов. А то, что видел Ципко — умыкание тракторов и снятие в цехах плиток со стен, по сравнению с воровством начальства — даже не капля в море! Ципко, видимо, считает, что народ должен был проявлять свои "коммунистические качества" (им вымышленные) и в отличие от воря-начальства сохранить свои предприятия. Но ведь к такому поведению, т. е. к разрушению всего советского, народ целенаправленно подготавливался теоретиками во главе с А. Яковлевым. И Ципко в этой компании был не последний человек.

Но и здесь Ципко в очередной раз сознательно искажает действительность. Он видит то, что хочет видеть, и игнорирует все, что не вписывается в его домыслы. А ведь жизнь давала массу примеров сохранения предприятий

в условиях, когда коллективу работников и надеяться – то было не на что. Один из них – градообразующее предприятие в городе Переяславль-Залесский в Ярославской области (120 км от Москвы) – бывший завод по производству кино- и фотопленки, неминуемо приближавшийся к банкротству. Но коллектив сохранил здания в прекрасном состоянии, а это 340 тыс. кв. метров производственных площадей со всеми инженерными коммуникациями. Сейчас на этих площадях наблюдается буквально промышленный бум (Эксперт, № 24, 2011).

Сохранилось, как производственные единицы, множество колхозов, изменив свою юридическую форму. А разве мало примеров сохранения предприятий ВПК, буквально разоряемых безразличием к ним власти? Телевидение, радио, газеты сообщали о таких случаях неоднократно. Ципко, конечно, знает об этом. Но эти примеры не для него, они не подтверждают тезис об отсутствии у нашего народа склонности к коллективному труду.

Анализ Ципко хронологически не поднимается выше событий коллективизации 30-х годов. И это не случайно. Он не может не знать, что в 60-е и 70-е годы уделялось колоссальное внимание и в теории, и на практике разработке проблем социалистического производственного коллектива. Но эти вопросы и способы их решения Ципко не нужны, они не вписываются в его концепцию отрицания положительного отношения граждан России к коллективному труду.

В советское время существовали трудовые коллективы, где удачно сочетались коллективистские начала с индивидуальными интересами. Примеров этому немало. Широко известен был в стране московский автотранспортный комбинат, которым руководил Г. Л. Краузе, ставший впоследствии Почетным гражданином г. Москвы. Чрезвычайно успешные предприятия были в строительстве, сельском хозяйстве, промышленности.

Однако советский коллективизм в целом имел недостаток, во многом сводящий на нет его очевидные преимущества: для индивида нередко появлялась возможность паразитировать за счет коллектива, выполнять работу полегче, получать зарплату побольше. Люди же, настроенные на высокоэффективную работу и имеющие соответствующие этому способности, получая почти равную с лодырями зарплату, теряли активность, пополняли ряды безынициативных работников.

На стадии постиндустриального развития коллективизм востребован как объективная необходимость, как важнейшее условие повышения эффективности труда, углубления принципов демократии и в конечном итоге как гарантия укрепления социального мира в обществе.

В 2009 году Нобелевский комитет присудил премию в области экономики Элинор Остром (США) за разработку проблем коллективного управления ресурсом совместного пользования. Э. Остром предприняла удачную попытку оспорить распространенное среди экономистов мнение о том, что коллективная собственность управляется плохо и поэтому неэффективна. Весьма интересен факт – российские средства массовой информации это событие полностью проигнорировали.

Предприятий с коллективной собственностью работников в мире многие десятки тысяч. Более 10 тысяч их только в США. В 1998 г. Госдумой был принят федеральный закон “Об особенностях правового положения акционерных обществ работников народных предприятий”. В России зарегистрировано таких предприятий около 130, все они успешно работают. Но их функционирование не соответствует либеральному курсу, по которому следует страна. Именно поэтому о них молчат и правительство, и СМИ. Но это уже отдельная серьезная проблема, обсуждать которую следует не скороговоркой (подробнее это тема освещена в моей статье в журнале “Наука и жизнь” за 2007 г., № 4 “От мотивации труда к управлению обществом”).

Многословные рассуждения Ципко, обосновывающие существование мифа о коммунистическом инстинкте русского человека, как уже отмечалось выше, лишены смысла. Говорить нужно о менталитете народа, под которым подразумевается память народа о прошлом, психологические особенности поведения нации, сложившиеся под воздействием географических, экономических, исторических условий.

Российская ментальность не является результатом механического сложения культур Востока и Запада, но имеет и свои черты (самобытные, как бы ни оспаривал их Ципко), сформировавшиеся в условиях, которых другие народы

мира не имели. В нас уживаются прямо противоположные качества. Наш человек может быть лентяем и трудоголиком, нетерпеливым торопыгой и нескупным, экономным и расточительным – всё зависит от ситуации.

Ципко пишет, что “душа и советского, и постсоветского человека остается тайной за семью печатями”. Трудно придумать хоть какое-то обоснование для этого утверждения. Из чего состоит душа – пускай думает Ципко, но факт очевидный – главные характерные черты российского человека остаются неизменными на протяжении веков: фантастическое терпение, жертвенность, самоотверженность, высочайшая приспособляемость. Эти черты сознательно или интуитивно эксплуатировались властями и при царе, и в советскую эпоху, и особенно интенсивно и беспардонно – в новейшее время нашими реформаторами. Ни в одной из стран Запада невозможно представить невыплату зарплат, пенсий, детских пособий в течение многих месяцев. А у нас в 90-е годы это было обычным явлением. При этом протесты людей были или слабые и вялые, или отсутствовали вообще, а из властных и руководящих хозяйственных структур никто за это не пострадал. Мир удивлялся.

Ципко считает, что либеральный курс – это и есть правильный путь, и движение в этом направлении надо ускорить, но “...шоры нашего советского интеллигентского самосознания... не дали нам возможность... подготовиться к новому русскому миру, где во главу угла снова будут поставлены интересы прибыли” (подчеркнуто мной. – Н. П.)

Мысль не оригинальная, но для Ципко, видимо, она является опорой всей выдуманной им конструкции будущего общества. То, что надо работать рентабельно, прибыльно – не дискутируется, это верно всегда и везде. Но что во главе угла предпринимательства не должна быть прибыль, в отличие от Ципко прекрасно понимал еще “махровый” капиталист Г. Форд, о чем и написал почти 100 лет назад в книге “Моя жизнь. Мои достижения”: “Работу на общую пользу ставь выше выгоды. Без прибыли не может держаться ни одно дело. Но доходность должна получиться в результате полезной работы, а не лежать в ее основании”. Г. Форд разъяснял: “Делать дела на основе чистой наживы – предприятие в высшей степени рискованное. Это род азартной игры, протекающей неравномерно и редко выдерживаемой дольше, чем несколько лет. Задача предприятия – производить для потребления, а не для наживы или спекуляции”.

Увы, в нашей повседневной действительности критерием успеха и стремлением и человека, и каждой организации стало-таки получение прибыли. В уставе всех коммерческих предприятий (исключения я не видел) главной и основной целью обозначено получение прибыли. В официальных документах о развитии на перспективу (среднесрочную и долгосрочную) первым пунктом записано получение максимальной прибыли.

Так что “интересы прибыли”, г-н Ципко, уже поставлены во главу угла в нашем капиталистическом обществе. Совет ваш запоздал. Именно интересам получения прибыли, интересам наживы были подчинены действия перестройщиков, пришедших к власти в России. Этими интересами обусловлены и приватизация государственной собственности, и принятие многих законов в пользу самых богатых. Деформация морали, когда значимость человека в обществе и его возможности добиться справедливости целиком зависят от его материальных возможностей – это все свидетельства того, что “интересы прибыли” уже давно правят бал в нашем государстве. Желание как можно больше хапнуть, эффективно реализованное нашей элитой, вынуждает и других стремиться к тому же. По этим правилам стали жить и те люди, профессии которых не совместимы с таким подходом – прокуроры, судьи, врачи, милиция, учителя.

Но, может быть, взгляды Форда устарели? На дворе ведь XXI век. Вот мнение на эту тему современного успешного бизнесмена. Сергей Брин, выходец из России, основатель компании Google и создатель одноименной поисковой системы в интернете, считает, что преуспеть можно, только не думая о деньгах. Причину своего успеха он видит в том, что его “...компания всегда стремилась делать вещи, приносящие как можно больше пользы окружающим людям. Это главный посыл всех разработок – думать в первую очередь о своих пользователях, а не о деньгах, которые мы можем “из них” получить” (“Аргументы и факты”, № 22, 2008).

Создается впечатление, что, призывая во главу угла поставить интересы прибыли, Ципко не очень понимает, о чем пишет. Предполагаю, что он в этом

случае имел в виду эффективность. В далёком 1989 году философ утверждал: “Нам еще три года назад доказывали теоретики социалистической целостности (фамилии теоретиков Ципко, как обычно, не указывает. — Н. П.), что даже убыточный совхоз по своим социальным достоинствам на десять ступеней выше самого эффективного фермерского хозяйства” (Наука и жизнь, № 1, 1989 г., с. 53). Он высмеивал этот тезис, не пытаясь разобраться в сути проблемы, заключающейся в том, что существуют различные критерии сравнения: чисто экономические и социальные. И сопоставлять итоги работы предприятий следует по идентичным показателям (это очень коротко и понятно разъясняет, например, А. А. Зиновьев. См. Распутье. М., 2005 г., с. 233, 234).

Статьи Ципко полны “открытий” и голословных, бездоказательных утверждений. Вот особенно возмутительный пример: “Большевики совершили больше преступлений против человечности, чем национал-социалисты...” Никаких доказательств. Принцип известный — плюнуть первым.

“И марксисты, и национал-социалисты, — заявляет Ципко, — были расистами, ибо они одних людей наделяли всеми возможными достоинствами, а других лишали всех человеческих достоинств”. Здесь явная подмена понятий, а правильное — подтасовка. И Ципко это прекрасно понимает. Он знает, что суть расизма заключается в утверждении о физической и психической неравноценности человеческих рас, что было официальной идеологией фашизма. Марксизм же доказывает прогрессивность пролетариата в силу условий, связанных с его общественным положением. Точно так же обосновывалась особая роль буржуазии в период феодализма. Читайте, г-н Ципко, повнимательней “Манифест коммунистической партии”.

Суть намерений Ципко в том, чтобы от критики марксизма протоптать дорогу к отрицанию всего советского. Практически каждый абзац его статей вызывает отторжение наличием откровенных неприкрытых инсинуаций. Ципко постоянно называет белое черным, а черное — белым. От необходимости возражать по вполне ясным вопросам наступает усталость и отупение.

“...Если Россия хочет быть Россией, ...а не оставаться “совдепией”, ...то она должна научиться мыслить в категориях добра и зла, вернуть себе чувство сострадания к бедам и болям ближнего”. Вся суть перевернута. При социализме как раз и были такие отношения, а сейчас, при капитализме — каждый за себя, и на помощь ближнего рассчитывать не приходится.

“Мы до сих пор не можем понять главного: в самих коммунистических идеалах ничего красивого и возвышенного не было”. И еще: “...непонятно, чем учение Карла Маркса о коммунизме могло привлекать на протяжении более ста лет интеллигенцию...?”

Пояснения и ответы дать несложно. Но еще проще и правильнее отослать читателя к многочисленным работам самого Ципко, написанным до середины 80-х годов, в которых он прославляет марксизм.

Очередная статья начинается с очевидной лжи: “Россию захлестнула волна сталиномании”. Доказательств, как обычно, не приводится. Фраза нужна, видно, для обоснования актуальности темы.

Причина ностальгии по социализму у большинства российского народа (по Ципко — живучесть коммунистических воззрений) вызвана мерзостями повседневной капиталистической действительности, ощущением, что Ельцин и Ко людей попросту обманули. Ципко в принципе с этим согласен. Но, как обычно, его опять тянет немного приврать: “На обыденном уровне до сих пор справедливость связывается с уравнительностью...”. Никакими изысканиями тезис этот, конечно, не подтвержден. Опять та же логика: “Есть мнение”. Справедливость, г-н Ципко, связывают не с уравнительностью, а с равенством всех перед законом, с созданием равных стартовых условий для всех граждан государства, т. е. с тем, что в современной России отсутствует полностью. Зачем же оценивать своих соотечественников, как каких-то недоумков? Но автор упорно гнет свою линию: “Народ, который наивно верит, что можно достичь полного равенства, навсегда преодолеть различия между богатыми и бедными, отказаться от экономических стимулов к труду: денег, собственности и т. д., попросту лишен здравого смысла, а стало быть, и шансов выжить в нынешнем абсолютно практичном, построенном на предельной целесообразности мире”. Давно, видно, Ципко с народом не общался.

Он в очередной раз подчеркивает “противоестественность и большевистской идеологии, и большевистского эксперимента”. На эту тему написаны

многочисленные серьезные работы, в которых, напротив, доказывается закономерность, а не противоестественность пути, избранного народом в 1917 году. Но полемизировать с ними Ципко почему-то не берется. Наши контрреволюционеры (Ципко один из них) последние 20 лет активно вводили в оборот словосочетание “большевистский эксперимент”, называя так советский период. Это неверно с позиций и теории, и практики. Эксперимент ли это, рассудит история через столетия. А практика протестует и сейчас: нельзя “в порядке эксперимента” стать второй сверхдержавой мира.

Ципко не дает покоя наша победа в 1945 и связь ее с понятием “социализм” и с именем И. Сталина. Он силится доказать недоказуемое, что наш народ победил фашистскую Германию не благодаря социалистической системе, а вопреки и ей, и Сталину. Для краткости ответа на ципковские инсинуации сошлюсь на фронтовика, известного философа и социолога А. Зиновьева: “Да, войну вел и одержал победу народ. Но не просто какой-то абстрактный народ, а народ советский. Подчеркиваю: советский! А советский народ – это народ, совершивший в 1917 году величайшую в истории человечества социальную революцию. Народ, ставший первооткрывателем нового пути социальной эволюции, качественно отличного от всего того, что до этого знала мировая история. Народ, построивший коммунистический социальный строй, оказавший влияние на ход всей мировой истории. Народ коммунистически образованный и воспитанный. Народ, возглавлявшийся коммунистической партией и высшим руководством во главе со Сталиным. Это – исторический факт, игнорирование которого означает преднамеренную фальсификацию истории” (Зиновьев А., Распутье. М., 2005, с. 267). И еще: “В годы войны ни у кого в мире (за редким исключением) не было на этот счет никаких сомнений: подавляющее большинство советских людей сражалось за советскую (подчеркиваю – советскую!) Родину” (там же, с. 269). Короче и точнее сказать трудно.

Александр Ципко стал известен широкой публике после публикации в журнале “Наука и жизнь” в 1988–1989 гг. статей под названием “Истоки сталинизма”. Будем объективны – автор провел серьезное исследование актуальной проблемы. Но даже в этих статьях во времена вседозволенности, когда можно было без опаски критиковать любые авторитеты, Ципко весьма уважительно относился к положениям марксизма.

Статьи в том же журнале в 2011 году – это не исследование, а попытка обосновать заранее намеченный результат. Учитывая опытность автора, его умение манипулировать фактами, этот материал представляет реальную опасность для объективного понимания социально-экономических процессов, происходящих в нашей стране. Он работает, без сомнения, во вред России, ее будущему.

ЮРИЙ БЕЛИКОВ

БЕРЕГА ЛЕОНАРДА

К 85-летию Леонарда Дмитриевича Постникова

1. УЛОЧКА РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Эта речка вышла из берегов в 1993-м – накануне расстрела Ельциным российского парламента. На вид она смиренная, правда, с “хрипотцой” в голосе, что отразилось в названии – Ар-хи-пов-ка. В своё время Виктор Астафьев лавливал в ней хариусов. Согласитесь, это всё-таки лучше, чем “Ловля пескарей в Грузии”. Хариусы таятся в её ямках и поныне, и, словно храня родовую память о том непредсказуемом разливе, здесь строят свои плотины бобры. А тогда эта тишайшая, заросшая ивняком да ольшаником речушка буквально взъярилась. Затяжные дожди в верховьях, видимо, сделали своё дело, и, вздымая ранним утречком бражные волны, Архиповка выворачивала с корнем прибрежный подрост, подмывая гостиницу, в которой мы в ту пору расположились, приехав с другом к Леонарду Постникову. Гостиница Чусовской детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва “Огонёк”, где директорствовал Леонард Дмитриевич, была сложена из бетонных плит. Разумеется, никто бы не подумал, что под напором воды эти плиты будут складываться, как карточный домик.

Грохот на нижнем этаже! Мы с другом – вниз. Нет одной стены, а по Архиповке прямоком в Чусовую плывёт величественный крейсер дивана, захваченный восставшей природой.

Поднялись на второй этаж. У друга – день рождения. Я приготовил ему дарственную книгу, которая ещё не подписана. Беру авторучку и, взглядывая, как музыкант в ноты, на трещину, бегущую по стене к потолку, подыскиваю нужные слова. Делаю шаг через порог в смежную комнату, чтобы поздравить именинника, и за мной обрушивается наружная стена!.. Отверстие бушующее пространство будто ожидало этой минуты, когда распахнётся занавес, чтобы мы замерли, ошеломлённые, перед творящейся драмой стихии. Аплодисменты волн. Какой театр сравнится?! Вместе с нами на захватывающее действие

БЕЛИКОВ Юрий Александрович — поэт, прозаик, публицист. Родился в 1958 году в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького. В дальнейшем — собкор “Комсомольской правды”, “Трибуны”, спецкор “Труда”. Автор поэтических книг “Пульс птицы”, “Прости, Леонардо!” и “Не такой”. Составитель книги “Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)”. Лауреат премии Союза журналистов России и всероссийской литературной премии имени Павла Бажова. Живёт в Перми.

взирают Сергей Есенин и Анна Ахматова – два портрета, волей providения сохранившиеся на частично удержавшейся обшивке рухнувшей комнаты. . .

Во владениях Леонарда они – не единственные. Если бы мы заглянули в его тогдашние, стоящие под горой каменные палаты, то помимо фотографий постниковских воспитанников (а среди них 130 мастеров спорта), чемпионов по горным лыжам и саням – СССР, России, олимпийских игр и мира (последних 7), – мы бы с удивлением обнаружили на стенах портреты Виктора Астафьева, Павла Васильева и Николая Рубцова. Ну, казалось бы, при чём тут спорт и. . . поэзия, литература? Примерно такой же вопрос, только более накалённый, даже шипящий, задавали моему герою разного рода партийные ярыжки, когда на шахматное поле детско-юношеской школы Леонард водрузил ладью – бесприютную часовенку, приглянувшуюся ему в деревеньке Мохнутино. На дворе стоял 1986 год.

– Ты зачем кресты-то не убрал?! Дети смотрят! – в ужасе кричали ярыжки. Однако былые зубры власти, видимо, чувствовали в Леонарде ровню, ценили породу.

– Ну, я надеюсь, ты на этом не остановишься, – говорил ему, озирая кресты часовни, первый секретарь Пермского обкома КПСС Борис Коноплёв, в прошлом крестьянский сын. Постников действительно не остановился. Перевёз на левый берег Архиповки из окрестных сёл-деревень Чусовского района, кроме часовни (сейчас она именуется “Музеем похода Ермака”), дом крестьянина-промысловика с подворьем, подлинную торговую лавку, старинную кузницу с кожаными мехами, коими раздувают горн, пожарную каланчу, охотничье становье. . . И не просто перевёз, а наполнил дыханием – колокольным да кузнечным звоном, гоготом гусей, петушиными криками, лошадиным ржанием, треском поленьев в глинобитной печи, прялками-маслобойками-зыбками, самоварами-горшками-часами, строгими фотокарточками крестьянских лиц – от безвестных до узнаваемых, как семьи Есениных и Чапаевых.

Так возник среди леса и гор уральский град Китеж, государство Леонарда Постникова. Государство в государстве. Сперва в государстве коммунистов, а затем – демократов. Если хотите, – улочка русского сопротивления, где давно решён “неразрешённый вопрос”. Достаточно ознакомиться только с одним этим постниковским указом, размещённым у входа в каждый из её домов: “Уважаемые посетители! Мы приветствуем русские песни и классические мелодии. Но, к сожалению, встречаются любители “музыки” с рывающими звуками в грохочущем головодробительном ритме работающей пилорамы. Подобная псевдомузыка на территории нашего этнографического парка недопустима”.

А назрел этот указ сразу после памятного наводнения, когда распоясавшаяся Архиповка разделила прилегающую округу на два берега – левый и правый, хотя и раньше эти берега не могли по определению не существовать, только вот никто оные не числил противоположными. Однако теперь на левом оказался уральский град Китеж, а на правом – горнолыжный спуск и санная трасса. Но хуже всего – граница прошла по сердцу Леонарда. Во-первых, его обвинили в “бездействии во время разгула природной стихии” (как очевидец и участник тех событий, могу засвидетельствовать, что в то воскресное утро, когда речка рушила каменные дома, когда куда-то звонить и ждать помощи было бессмысленно, Леонард Дмитриевич и мы сделали всё, чтобы спасти оставшуюся утварь и укрепить берег). Во-вторых, Постникову предал любимый ученик – главный тренер Иван Иванов, которого Леонард готовил в свои преемники. Оболгал учителя перед вышестоящим начальством, чтобы занять кресло директора школы олимпийского резерва. И начал глушить со своего правого берега колокола левого снарядами тяжёлого рока, запускаемого через динамики, – тем самым “ритмом работающей пилорамы”. Вот тогда-то Леонард окончательно перешёл на левобережье, откуда отвечал правому берегу прицельными очередями песен Татьяны Петровой, Дмитрия Хворостовского и Бориса Штоколова.

2. ЗАПЛЫВ ЧЕРЕЗ МЁРТВУЮ ВОДУ

Постниковы объявились на берегах Архиповки более полувека назад. До той поры Аринина гора, венчавшая эти места шапкой нетронутого леса, а ныне слепающая снежной белизной лыжного спуска, быть может, запечатле-

лась только в следопытской памяти безвестных чувовских мужичков, наведывавшихся в гости к отзывчивой на ласку Арине (отсюда – и Аринина гора), да проходившего в начале прошлого века по шпалам здешней чугунки юного Александра Грина, которого тут ссадили с поезда за безбилетный проезд, да записного таёжника Витьки Астафьева, тогда ещё автора “Васюткина озера”. Постниковы – это он, Леонард Дмитриевич, основатель спортшколы “Огонёк” и парка истории реки Чусовой, его супруга и завуч школы, заслуженный работник физической культуры РСФСР Зоя Михайловна (ныне покойная), их сын Владислав, старший тренер по горным лыжам олимпийской сборной страны (ныне покойный), их дочь Ольга, первая в 80-х годах мастер спорта по саням (теперь – продолжательница дела отца и директор этнографического парка), внук Никита (сын Ольги), чемпион России по фристайлу.

Я когда-то спросил Постникова, как в нём, спортсмене до мозга костей, могло зародиться то, что впоследствии выстроилось в цепочку деревянных чудес уральского града Китежа? И откуда его тяга к изящным искусствам – музыке, живописи и литературе?

– Я – из глубоко крестьянской семьи, – ответил мне Леонард. – Хотя быт этот впитывал в сельской Нердве всего лишь лет до трёх, потому что папа мой быстро пошёл по партийной линии. Но впитанное во младенчестве, видимо, в нужный срок включилось в некую программу. А в отце было действительно что-то уникальное, если в области нашей не нашли ничего лучше, как поставить крестьянского парня директором Пермского театра оперы и балета! Таким образом, отец был одним из первых красных директоров храма Мельпомены. У меня память дырявая, а вот сестра моя рассказывала, как мы жили в центре Перми в доме, где раньше располагалась губернская библиотека, в которой якобы бывал главный пастернаковский герой из “Доктора Живаго”. Так вот, если тот перенесён туда по художественной надобе, то мы в этом доме в начале 30-х годов, представь себе, жили. Нижние пять окон – наши. И сестра вспоминала, как я, приехав в этот дом с бабушкой, посмотрел и сказал: “Бабушка, мне в этом доме не нравится, запрягай лошадь – поехали обратно!”

Вот он и поехал обратно – к улочке русского сопротивления. Но прежде чем Леонард её достиг, многое пришлось пережить, перечувствовать и передумать. Из памяти не выветривается эпизод, как в поисках ждущей укрытища уральской старины мы прибыли с Постниковым в Успенку – деревушку на крутом берегу Чусовой. Сверху был виден островок, поплёскивающий чешуёй пробок из-под одеколona – свидетельство былых рыбацких бдений. Бдений страшноватых, поелику островок этот – отсыревший ломоть огромного каравая, Нижне-Чусовского городка, из коего и отправился Ермак Тимофеевич со товарищи на Сибирь. А каравай съеден великим затоплением времён Камской ГЭС. До сих пор кости предков вымывает. Потомки же сидят, раскинув донки, и “пьют из черепа отца”.

В дорожной колее, среди грив засохшей грязи, наткнулись мы на белый мрамор. Два вывороченных надгробья были брошены кем-то под колёса, чтобы не буксовала машина. Само собой, не “Мерседес”, а, судя по крупному протектору, грузовая. Стало быть, местные. А ежели не местные, выходит, всё позволено? А местным что, наплевать?

Мрамор прочитывался: “Никифор Гашев. Почил в 1910-м” и “Диакон Иоанн Попов, 1911-й год”. На одном из памятников высечено: “Мой холод и мрак могильный согрейте любовью сердца”.

Подтянули мы с Леонардом эти надгробья в кузов нашего грузовика и задумались насчёт “любви сердца”. Донимала жара.

– Сейчас бы молочка холодненького! – выдохнул Постников.

Подошли к ближайшему дому, где у какого-то ржавого, вынырнувшего из-под земли и сочащегося водопроводного змеевика забронзовел боров, уткнув пятак в лужу. Кликнули хозяйку.

– Молочком не угостите?

– Нету молока!

– Тогда водицы...

– Вон водица! – указала хозяйка на змеевик. – Пейте...

Дабы унять досаду, выпили мы с Леонардом две запасённых бутылки родимой, глядя с уральской кручи на жалкий лишай островка, оплетённого мёртвой водой. И вдруг Леонард поднялся во весь свой двухметровый рост и хрипло бросил через плечо:

– Ну, я поплыл!..

И – съехал с неимоверной крутизны, как на саночках. Я – за ним. Гляжу, а он (всё-таки бывший спортсмен-пловец!) кромсает телом тяжёлую, плохо гнущуюся воду. Зачем плывёт?.. Неведомо. Словно тянет его мощный магнит островка. Может, тянет затем, чтобы на всю оставшуюся жизнь закалить этими глухими водами отчаяния, под которыми – чешуйчатое чудо деревянного кремля, неотпетые избы, кузницы-утопленницы, спёртый ужас подводного кладбища?..

Страшно плыть через такую реку. Я бы всех радетелей наших – от депутатов до президента, допрежь их предвыборного соискательства, окунал в эту тёмную купель прозрения, дабы помнили, откуда они родом, и худших бед не натворили!..

А Леонард, достигнув островка, но не выходя из воды, положил седую голову на торчащий из реки камень-одиноц, точно на подушку, и задремал, окружаемый серебром мелкой рыбёшки... .

Потом уже иеромонах отец Савватий, подвижник ближнего монастыря, узнав о великом постниковском заплыве, поведает, что Постников, сам того не зная, повторил подвиг святоборца Тихона Вятского, какового пять веков назад Строгановы, облыжно обвинив в поджоге, сбросили прямёхонько с оной кручи, с коей ныне сверзился Леонард. Тогда, как гласит предание, живой и невредимый Трифон встал на камень, выглянувший из воды, и пристально взирая снизу вверх на своих обидчиков, поплыл на нём, как на лодии... .

Мытые-перемытые косточки русских людей и два найденных мраморных памятника Постников перевёз в свой парк истории реки Чусовой. Подле храма святого Георгия нашли приют сирые надгробья, а взбаламученный прах (помните философа Николая Фёдоров и его главную мысль о собириании праха предков?) тут же, рядом с поруганным мрамором, предал Леонард земле. Жителям канувшего в Лету Нижне-Чусовского городка знак памятный установил.

3. ЛЕОНИД, СОРАТНИК ЛЕОНАРДА

По другую сторону храма – ещё один знак. Прекрасный своей грубостью камень-известняк, перевитый колючей проволокой, специально выкованной и укрупнённой под стать камню. На камне – буквы, выстраивающиеся в стихотворный метр: “Заблудилась душа моя в звёздах. / Закричал я во сне и проснулся. / Поздно жизнь мне менять, но не поздно / Лба холодным трёхперстьем коснуться. / Обратись свои очи к востоку, / Вспомнить восемь стихов от Матфея / И предаться слезам и восторгу, / Перед словом Господним немая”. Ниже значится: “Эти строки были выцарапаны на крышке бетонного стола в штрафном изоляторе пермской политзоны № 36 писателем Львом Тимофеевым”.

Чусовая – река-ловушка. Ермаку она была сопроводительница, Мамину-Сибиряку – красной девицей. А вот братьев Твардовских, бежавших из ссылки, изловили не где-нибудь, а в городе Чусовом. Главный редактор благоденческой газеты “Русский берег”, сподвижник Александра Вампилова, автор щемящих рассказов Борис Черных проходил до этого “стажировку” на берегу всё той же Чусовой, до которой, оказывается, было рукой подать из 36-й политзоны. Оттого и замыслил Постников возвести “Музей писательских судеб”, где в магическом кристалле реки Чусовой отразилась бы текущая истина её истории. Прижизненными экспонатами этого музея стали и Виктор Астафьев, написавший в вахтенном журнале здешнего колбасного завода свой первый рассказ “Гражданский человек”, и отбывавший тут раннюю авантюрную юность поэт Юрий Влодов, запустивший в народ долгоиграющее двустиише “Прошла Зима. Настало Лето. Спасибо Партии за это”, и многие другие крылато-едкие строки, и божедумный литературный критик Валентин Курбатов, будучи старшекласником, подбиравший (как рассказывал Астафьев) чинарики у чусовского железнодорожного переезда, и главный редактор журнала “Москва”, мужественно-нежный прозаик Леонид Бородин, создатель романтической повести “Женщина в море” и провидческой “Царицы смуты”, которую он начал писать в бараке особого режима на берегу всё той же реки.

В минувшем мае, несмотря на мучившие его боли в позвоночнике, он успел пройти по улочке русского сопротивления. Эта улочка совпала с его душою, о чём Леонид Иванович, в противовес увиденному ранее, по дороге, написал в очерке “Пермь в осаде”, вышедшем в девятом номере его журнала за

2011 год. Мало того, что у обоих – Бородина и Постникова – практически совпали имена (в обиходе Леонарда нередко кличут Леонидом), так ещё и дни рождений пришлись на 14 апреля – у того и у другого. Бородин не мог не восхититься: “Для меня этот человек, Леонард Дмитриевич Постников, истинный герой, заслуживающий в несоизмеримо большей степени правительственных наград, что раздаются ныне кому ни попадя... Признаюсь, на какой-то момент мне стало жаль свою жизнь... Показалось: встретиться я с этим человеком в своей молодости, стал бы его верным соратником до гроба, мыкался бы с ним по всяким инстанциям в выбивании санкций и денег, в меру физических сил сам бы возводил избы и храмы, строил бы шлюп с алыми парусами в честь пермского земляка Александра Грина, подтаскивал материалы скульптору к памятнику Ермаку...”

Здесь же, в одном из домиков уральского града Китежа, протекал и наш с Бородиным вечерний разговор – под диктофон, возможно, один из последних в жизни писателя. Бывший узник “Перми-36”, единственный русский на весь барак особого режима, до того как приехать к Леонарду, почти через четверть века после освобождения посетил места своего бывшего узилища, где сегодня создан мемориальный центр истории тоталитаризма. Здесь каждое лето проходит не то фестиваль, не то форум “Пилорама” с участием заезжих рокеров, бардов, сатириков, митьков, забугорных консулов, демократических краснобаев, токующих на фоне надувания пляжных матрасов, барражирующих купальников и плавок, визга плещущихся в речке, подогретых несметным количеством водки и пива. Вот тогда-то Леонид Иванович сокрушённо вздохнул:

– Грустно слышать о том, что наша зона превращается в рок-концерты и смехопредставления на костях!

А по поводу выступления в бывшей политзоне Виктора Шендеровича и прочих кадровых смещистов выдал:

– Даже в кошмарном сне такого не представлял. Как я погляжу, они тут себе турбазу устроили?!

Общение с Бородиным, его бескомпромиссный текст “Пермь в осаде” и реплика, брошенная во время гощения у Постникова насчёт сидельцев политзоны, националистов из республик СССР: “Да они только и мечтали о том, чтобы развалить страну!”, не могли не повлиять на... художественное отношение Леонарда к “Перми-36” и фестивалю-форуму “Пилорама”.

Все экспозиции в “Музее писательских судеб” – дело рук самого Постникова. Однажды он поручил музейную переустановку дипломированным специалистам. Те усердствовали, пытели, развешивали, но пришёл Леонард, глянул – и всё заново переиначил. Сам себе редактор, художник и дизайнер. Но сие не означает, что ежели Постников чего-то в музее разместил, то это намертво. Нет, с течением времени и отзываясь на оное, музей меняется в данном ему пространстве, стиснутом размерами небольшого дощатого домика. Недавно я в этом лишний раз убедился.

“Стена Бородина” дополнялась любопытной авторской композицией основателя этнографического парка. Искусствоведы нарекли бы это инсталляцией: деревянная кисть руки с вытатуированным на ней американским флагом, держащая за сдвоенную зубчатую пилу, которая занесена над контуром... советской Империи. И – строки пермского поэта Александра Зубкова:

*Ночь. Пилорамы вздыбленные звенья,
Крест-накрест расчертившие луну.
Здесь закалялась воля поколенья,
Готового распиливать страну.*

Бородин был одним из немногих, кто не распиливал. Сколько мог, он вынашивал и сберегал Россию в собственном сердце. Пока оно не разорвалось. Очевидно, он об этом знал, потому что несколько раз повторил, имея в виду нашу личную с ним договорённость:

– Успевайте!..

Леонид Иванович, здесь, на чусовской земле, где вам пришлось умирать и выжить, вас помнит улочка русского сопротивления, как помнят вас в разных концах России другие улочки и улицы, одна из которых – пробыёт сей взвешенный час! – будет названа улицей Леонида Бородина. И она непременно пересечётся с улицей Леонарда Постникова.

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ УЛИТКИ

Если небо не подёрнуто облаками и моросью, округа, где затаилась постниковская улочка, напоминает вечерами царскую корону. Внизу, в ложбине, обнесённой лесистыми горами, уже – лёгкий кисель сумерек, а поверху – окружно высвеченные нижайшим солнцем – хвойные зубцы. И тишь. Последний автобус увёз в город всех – правобережных и левобережных, и Леонард остаётся наедине со своими думами и лесом. Так – уже пятьдесят пять лет. Так – каждый вечер. Иногда смолкшее пространство опояшет громяющая поступь поезда, но она только подчеркнёт отворившуюся тишину, которую изредка помешивают серебряной ложечкой невидимые птицы.

О чём думает Леонард? Трудно подслушать думы. Они, как правило, не проговариваются, а если и проговариваются, то – между прочим. Расспросы, тем более – воспалённый зрачок диктофона вспугнут их, как лодочный мотор – тайменя. Думы нельзя подслушать, но их можно подсмотреть. Однажды я увидел быстрый слепок постниковских дум – тяжкая рыбина вдруг выдала “свечу”, задохнувшись сопредельной средой. Пристальный книгочей, многолетний подписчик журналов “Москва” и “Наш современник”, знаток отечественной поэзии, Леонард попытался прочесть вслух одно из стихотворений Юрия Кузнецова. Как бывший спортсмен, он “взял” его только с третьей попытки.

*За бортом плывёт морская карта
И горит Полярная звезда.
Адмирал, горит твоя эскадра!
Крейсер твой уходит навсегда.
Раскачалось Лихо на просторе,
Раскричались чайки на беду.
Русский флаг уходит в сине море
Прямо на Полярную звезду.
На Руси горит морская карта.
На Москве опять переворот.
Адмирал, горит твоя эскадра!
Адмирал и ухом не ведёт.
На груди Андреевского флага
Круто завязался узелок.
Адмирал, горит твоя присяга!
Адмирал берёт под козырёк.
Догорай, гори, моя присяга.
Догорай, гори, моя звезда!
Под крестом Андреевского флага
Честь уходит в море навсегда.*

Доходя до середины стихотворения, голос Леонарда пресекался, заволакивался щиплющей слабиной, и Постникову необходимо было сделать большое усилие, чтобы подняться на ступеньку следующей строчки, однако тут его подждал новый пережлёт волны, и на словах “Адмирал, горит твоя эскадра!” Леонард Дмитриевич уже не мог сдерживать нахлынувших слёз. Мужские слёзы горше женских. Не приведи вам, Господи, подсмотреть, как плачут русские мужики!.. Впрочем, один из героев “Повести для своих” Владимира Крупина по прозвищу Нострадамус заметил: “Вот когда мужчины начнут трезвыми плакать, рыдать, тогда и спасёмся”. Леонард же читал кузнецовское стихотворение абсолютно трезвым.

Ох, и не просто быть государством в государстве! С одной стороны, когда в том государстве, которое располагается за пределами улочки русского сопротивления, наступает время “Ч” и, предположим, требуется предвыборная поддержка в лице заслуженного работника культуры России, лауреата Строгановской премии и почётного гражданина города Чусового Леонарда Дмитриевича Постникова, столпы этого государства едут к нему на поклон. С дарами. С другой стороны, когда основателю этнографического парка необходима помощь граничащего с ним большого соседа, те же самые столпы становятся вёртками, точно ужи, и заслоняются единственно возможной фразой: “Нет денег!” Однажды Леонард даже пошёл к Хафизу (разумеется, речь

не о персидском поэте, а о местном авторитете, без которого в этом городе никогда и ничего не решалось). Увидев Постникова, тот взбледнул:

– Не поверишь, самому на проезд в автобусе не хватает!

Временами архиповскому старцу надоедает быть мальчиком на побегушках, и он, чтобы не взорваться и не послать всех на хутор бабочек ловить, начинает, как мальчик, прикалываться. Встречает незваных гостей в прикиде эдакого великовозрастного Мальчиша-Кибальчиша: в трусах и в замызганной будёновке. Ведёт “экскурсантов” в крестьянский дом, а там уже – семеро по лавкам: Танюша, Катюша с пятилетним Ванюшей да я, Юраша. Вроде бы как семейство. Танюша с Катюшей (а ещё Валюша, а ещё Ириша) приезжают сюда на этюды. Художницы из мастерской пермского живописца Евгения Широкова мигом перевоплощаются, подыгрывая Постникову. Танюша покрывает голову цветастым платком с кистями, берёт в руки музейную гармонь-двухрядку. Катюша качает ребячью зыбку, Ванюша вертит деревянную трещотку, с коими бродили раньше по околоткам сторожа. Я смотрю на “мутноватую четверть”, обманно водружённую посередь хозяйского стола вкуче с подлинной головкой перламутрового лука. Леонард поясняет вошедшим:

– Во-от, здесь-то они и живут! У этой девчушки, – показывает он на Танюшу, – шесть классов образования. А Катя в восьмом классе уже родила, дальше учиться не стала. А этот одуловатенький, – кивает Леонард в мою сторону, – тутошний пастух. Девоч, стало быть, пасёт. . .

Гости принимают всё за чистую монету; а одна из прибывших дам, окидывая цепким, начальствующим взглядом космос русской избы, издаёт суровый вздох:

– Маркетинга вам тут не хватает!

– Мы и слов-то таких не знаем! – усекает глагол Танюша.

Гости довольны, мы – тоже.

После их благополучного исхода, включив запрятанный за сундук магнитофон с кассетой народных песен, мы пускаемся в смешливый пляс. Я – в снятом с кованого гвоздя тулупе из овчины и лисьей шапке-ушанке. Девушки – в шляхах с каймой. Половики сбурованы, пол ходуном ходит. Ловлю себя на мысли, что этот дом давно не знавал веселья. Сколько? Лет семьдесят? Восемьдесят? Он же был брошен хозяевами. Или, точнее, хозяев принудили его бросить. Помните знаменитого “коренника” Павла Васильева? “Он ухом водит, будто слышит, как рядом в горне бьют хозяев”. А излажен дом, судя по всему, ещё в конце позапрошлого столетия. Конечно, и прялки в доме, и светцы для лучины, и берестяные туески, и кадушки, зыбка, прикреплённая к потолку на гнущейся, убаюкивающей палке, коврик с лебедями, тронутые ржавчиной зеркала, чёрно-белые фотокарточки по стенам, – из разных деревень, из разных изб, но все они – оттуда, из далёкого прошлого, их изготовили, к ним прикасались, стирали с них пыль, их любили. . . Я вдруг почти физически ощутил всю неизречённую боль вещей, почувствовал, как они тоскуют по хозяевам.

Но нам-то, городским, отчего так легко в крестьянском доме? Может быть, Россия – та самая улитка из детской зазывалки, когда приговаривали: “Улитка, улитка, высуни рога, дам тебе, улитка, кусочек пирога. . .”? Приговаривали-приговаривали – и приговорили. . . Выползла улитка за кусочком пирога и теперь – ни кусочка, ни домика? Может, наши ряженные предошущения – случайное или неслучайное возвращение улитки к себе домой, совпадение покинутой раковины и блудного тельца?

Как-то Леонард попросил девчонок расписать в крестьянском доме красками глинобитную печь. Они засомневались: мог ли крестьянин средней руки позволить себе подобное “баловство”?

– Я ведь не убогость России хочу показать, а её красоту, – молвил Постников.

В этой как бы ненароком сверкнувшей фразе – главный смысл его этнографического парка. Леонард стремится вызвать из небытия красоту, которая ушла, но из которой уходить не хочется.

Среди многочисленных паломников левого берега Архиповки я встретил одного чудесного странника. Войдя в старинную сельскую лавку, наполненную дореволюционными самоварами и часами, он с каким-то нечаемым наслаждением начал вдыхать её “могильно-золотой” (Иван Бунин) воздух и, когда ему намекнули, что пора, мол, из лавки ретироваться, сомнамбулически отмахнулся:

– Никуда я отсюда не пойду!

И так со всеми гостями-визитёрами государства в государстве. Там, во внешнем государстве, они, быть может, и руки бы друг другу не подали, унося в зобах негодование при встрече, но здесь, в государстве Леонарда, происходит нечто такое, что обращает самолюбие в братство, гордыню в детскость, “мировую известность” – в растворение в космосе русской избы и природы. Пусть не надолго, пусть хотя бы на время пребывания в государстве государства. Но вот уже актёр Зиновий Гердт выводит на стене постниковского кабинета: “Восхищён, изумлён, ничего подобного в смысле воспарения души никогда не встречал!” А поэт Евгений Евтушенко признаётся: “Здесь, на земле Леонарда, я себя чувствую русским!” А прозаик Виктор Астафьев вручает хозяину этих мест собственную книгу с надписью: “Леонарду Постникову – патриоту-чусовлянину от енисейского налима поклон и благодарение за всё то доброе, что он делает для людей и истории нашей разграбленной и исковерканной...” А певица Татьяна Петрова вспоминает: “Когда бываешь у Леонарда Дмитриевича, ощущаешь себя такой сильной!.. И, самое главное, ты чувствуешь себя дома! Дома я!”

Однажды на 136-м километре, где располагается этнографический парк, высадили за безбилетный проезд одного неизвестного. Он вышел, огляделся. Вокруг – сугробы, а из них часовни высятся. Неизвестный постучался в дом, но дверь оказалась незапертой. Человек вошёл в комнату, обставленную старинной на вид купеческой мебелью. Поднялся на второй этаж. Там горел камин. Человек присел у камина и стал греться. Наконец показался хозяин – высокий, седобородый, в художническом берете. “Где я?!” – округлив глаза, спросил его незнакомец.

Единственно возможный ответ возникает сам собой: “На Родине”.

ВЛАДИМИР КРУПИН

ДУША У ВСЕЛЕННОЙ ПРАВОСЛАВНАЯ

*Выступление на конференции общества “Русско-Сербский мост”
в городе Банья Луки (Босния–Герцеговина)*

Евангельская истина – мир во зле лежит – особенно чувствуется в наше время. Уже и зло за зло не считается. Тех, кто любил и любит сербов, ужаснули бомбардировки Белграда, но не менее ужасающим было то, что множество американцев одобряло это убийство. Бомбили Ирак, бомбили Ливию. Вот что стало с Соединёнными Штатами от обезбоженности. Два последних факта. Первый: госсекретарь наблюдает в прямом эфире то, как осуществляется убийство, а в момент его свершения издаёт совершенно обезьяний торжествующий возглас: “*Yay!*” Второй: объявляется, что охрана прав гомосексуалистов является одним из приоритетных направлений деятельности правительства. Сексуальные меньшинства, их омерзительные парады становятся всё более многолюдными и назойливо рекламируются.

Что ж, вспомним точную поговорку: “Кошка скребёт на свой хребёт”. Содомский грех назван по имени города Содом, который Господь уничтожил, как и Гоморру, в день гнева. А Карфаген? За что же призывал разрушить его сенатор Катон? Именно за содомитство. И разрушен был Карфаген. Как и Атлантида потоплена, как и Помпея за то же сотрясена и сожжена. Гомосексуализм и лесбиянство и всякое транссексуальство – это не право жить по своим желаниям, а разврат. Пять процентов этих развратников – больные, их лечить, а девяносто пять – мерзотники, их надо, для их же спасения, проучить.

Но что мы о них? Мы – православные, значит, самые счастливые люди на земле. Почему? Потому что наиболее из всех приняли в свои сердца Сына Божия, Христа. “Посадите меня в темницу, – говорит Василий Великий, – я там буду со Христом. Убейте меня, скажу спасибо убийцам, пойду ко Христу”. Для православных день земной кончины – это день рождения в жизнь вечную. И нас не соблазнить ни деньгами, ни сытостью, нам важно одно: какую судьбу готовим себе в потусторонней жизни?

Славяне получили кличку унтерменшей от кого? Ведь это именно западные правители и католическое священство не хотели давать славянам грамотность, противились трудам святых Кирилла и Мефодия. А что, мы какие-то недочеловеки? Давайте представим мир без русской литературы, без славянской музыки, живописи, архитектуры, без изобретений, и что? Мир потускнеет, оглохнет, обезголосеет, просто поглупеет. Ведь Сорос не просто богат, он ещё и далеко не дурак, его эмиссары ездят по славянским странам, по

всяким интеллектуальным олимпиадам и жадно вербуют победителей ехать на Запад.

Почему же мы талантливее остальных? Потому что наука и культура славянства выращены Православием. Другого ответа нет. Католичество низвело Христа до уровня туфли папы, протестанты думают о комфортности жизни и тоже обезбожились. Одних сект в Америке триста, и все кричат, что спасение только у них.

Кто в мире главный? Неужели Международный валютный фонд? Смешно. Главный в мире Тот, Кто создал мир – Господь Бог. А уже потом идёт земная иерархия. И ближе к Богу те, кто наиболее принял в своё сердце Христа. Это, конечно, Россия и Сербия. И когда нам говорят, что надо встраиваться (интегрироваться) в мировую цивилизацию, то спросим, в какую? В ту, в которой венчают извращенцев, где молятся на евро и доллар? Нет уж, спасибо. Встраивали уже.

Марксом увлеклись да Энгельсом, а они Россию ненавидели, вот и революция. Захотели Конституцию – получили безправие. Захотели выборную, а не наследственную власть – получили море крови. Захотели рынка – получили нищету. Захотели демократию – получили увеличение преступности, наркомании, проституции, безпризорности, коррупции, смертности, уменьшения рождаемости. “Западом наказал нас Господь”, – писал святитель Феофан Затворник как раз в то время, когда Библейское общество протацило в Россию “вульгатовский” перевод Библии, которому святитель очень противился. И добавлял: “Вот и нам приходит срок вступать в открытую полемику с Западом. Латиняне высят гордое око своё. Самообольщённая уверенность не даёт им внимать истине”.

Католики и протестанты ненавидели не просто Россию, а Россию Христа. Ненависть ко Христу – главный двигатель ненависти к России и Сербии. Обезбоженный мир нас всегда ненавидел и будет ненавидеть. И старался, и старается заразить нас своими болезнями: барахольством, бездумностью, безразличием ко всему, кроме своего благополучия. За всем этим стоит скрытая зависть к славянам, для которых высшая ценность – порядочность и жертвенность. И не надо лукавить в поисках других объяснений.

Образ сегодняшнего мира – его предстояние перед Голгофой. Крест Христа посреди, по бокам разбойники. Один кается и спасается, другой упорствует в гордыне и гибнет.

Никакой истории нет, кроме одной – мир или приближается к Христу, или удаляется от Него. И времени нет, как постоянно нет прошлого – оно уже прошло, как нет и будущего – оно ещё не наступило. Но прошлое – урок для поведения в будущем. А в прошлом много радостного для православных и много печального для их врагов. Сказано же: не в силе Бог, а в правде, а за кем правда веков и тысячелетий? За православными. Или снова напоминать о победах в Невской битве, на Чудском озере, на поле Куликовом, под Полтавой, Бородино. А Великая Отечественная? Победы под Москвой, Сталинградом, Прохоровкой, знамя Победы над Берлином? Мы же не только с Гитлером воевали, со всей Европой. С сытой, не знающей, что такое взорванные и разрушенные церкви, убитые и заключённые священники. Мы не коммунистов, ненавидящих русский дух, защищали, нет, свои святыни, главное в которых Православие, Фаворское его сияние. И на Косовом поле мы победили. Да, ибо побеждает сила духа, а она после Косова у сербов только выросла. И то, что эта сила духа никуда не исчезла, показали дни пребывания Пояса Пресвятой Богородицы в Москве. Где ещё люди будут стоять в очереди по четырнадцать-шестнадцать часов на холоде, под дождём и ветром, чтобы только на секунду прикоснуться к великой святыне? Секунда эта наполнит всю остальную жизнь высоким смыслом приобщения души к вечности.

Цивилизация, которая объявляет главной ценностью человека, обречена. От такой цивилизации надо подальше. Если в красном углу Запада не иконы, не лампада, чего от него ждать? Сытой жизнью не спасёшься, только одно – готовишь радость могильным червям. Мы – славяне, такой цивилизацией брезгуем: она даже Бога подтаскивает для оправдания своих действий. Почему славяне поляки горды, надменны, обидчивы? Потому, что стали католиками, вот и ответ. Как и чехи. Как и хорваты.

На ком вина за сегодняшнее состояние мира? Ответ: на иудеях первых веков христианства. Именно они исказили Священное Писание. Как? Искореняя

его Христологическое толкование, создавая так называемый масоретский текст Библии. Особенно искажая сердце Ветхого Завета – Псалтирь. Иудеи не дождались от Христа того, чего ожидали – власти над миром и золотом. А Его учение о спасении души: не готовьте себе ветшающих богатств на земле, собирайте себе богатство нетленное на небесах, иудеям не понравилось. Запугали Понтия Пилата, Христа распяли. Мало того, что распяли, стали уничтожать христиан. Уничтожали, а христианство умножалось. Тогда стали изгонять Христа из Писания. А ведь главное в Ветхом Завете – предсказания о приходе Христа на землю, только в этом его ценность. Уничтожали Книги Маккавеев, слова пророка Исайи, этого евангелиста Ветхого Завета. И калечили Псалтирь. А ведь к моменту прихода Христа в мир уже был готов перевод Семидесяти толковников с древнееврейского на греческий, так называемая Септуагинта. Но не она была взята в основу перевода Писания на латынь, а именно масоретские тексты. Вульгата, так назывался перевод, повторил все намеренные искажения Священного Писания. И добились чего? Разделения Церкви на Восточную и Западную. Пропасть между ними. И в вере и в мировоззрении.

Господь посрамил труды иудеев, когда в 1947 году открылись на берегу Мёртвого моря Кумранские свитки. Их подлинность была неоспоримой. В них всё было так, как в Септуагинте.

Но и это не вразумило гордецов западного мира и их ближневосточных и заокеанских вдохновителей. Невиданное дело современности – внутри государства живут люди, получившие в нём и жизнь, и жильё, и образование и ненавидящие его. Успешно ненавидящие. В сербских школах почти не учат русский язык – язык друзей, а язык убийц – английский – насаждается непрерывно. Шестёрки московского телевидения издеваются над всем святым, экраны полны пошлости, крови, насилия, пропаганды роскоши, презрения к бедности. Русскоязычные писатели, потомки Хама, владея только компьютерами да матерщиной, испражняются на русскую историю и культуру. Российское образование выращивает англоязычных биороботов. Откуда это постоянное лизоблудство перед Западом и языком, который уже никогда не даст миру ни Дикенса, ни Фолкнера?

Сближающий славян язык святых Кирилла и Мефодия – язык общения с Богом. Там, где он сохраняется и появляется, там высока нравственная атмосфера общества, а туда, куда внедряется английский, проникает дух захватничества и превосходства.

Они нас только тогда поймут и оценят, когда Господь их потрянёт. Об этом думал я, взлетая на самолёте над Белградом. До чего же он красив! Но ведь таким же красивым видел его и американский лётчик-убийца. И бомбил. И возвращался на базу и опрыскивался дезодорантом. Они же хотят ещё хорошо пахнуть. Нет, говорить с ними и не о чем и бесполезно. Если они (по Дарвину) произошли от обезьяны, что с них взять? Нас-то Господь сотворил. Дикое дело, дикий Запад нас ещё чему-то учит. Учат политкорректности, а сами бомбят, учат толерантности, а это поощрение грехов. А ведь Господь очень и очень нетолерантен. Да, долготерпелив, да, многомилостив. Но Он же и скажет: “Отойдите от Меня, проклятии, в огонь негасимый”.

Есть “научные” басни о том, что где-то во Вселенной есть ещё люди-человеки, цивилизации. Нет, жизнь есть только на планете Земля. Она – центр Вселенной, ибо сотворена Богом.

Православие очищает ум от корысти. Оно доверчиво, и это очень христианское чувство – доверчивость, но уже столько раз мы страдали от него. Ну нет у нас в мире друзей, кроме православных. Но должны же понять остальные, что, в кого бы и во что бы они ни веровали, Страшный суд неизбежен. А судить всех будет Христос. Вот и всё.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

КОЛЫБЕЛЬ РОССИИ

Почти семьсот лет назад в лесной чаще к северу от Москвы сыновья ростовского боярина Стефан и Варфоломей срубили келью и посвящённую Святой Троице “церквицу малу”. Так было положено начало Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, которая, как и всё великое, началась с малого и неприметного никому дела.

Мог ли оказавшийся случайно рядом современник угадать за плотниками стараниями братьев силуэт будущей славной обители, одной из главных святынь Православного мира!

Страшные, непроходимые леса окружали тогда Москву. Только ветер да дикий зверь оглашали воздух воем, петляя меж тесно стоящих стволов. Но не случайно выбрали ростовские братья место на холме Маковец...

Подобно тому, как Господь и предтеча Его Иоанн в разное время возведены были Духом в пустыню, где постились, претерпевая дьявольские искушения, так, несомненно, и Стефана с Варфоломеем вёл Дух Святой, указав место, где “... древние видяху <...> прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху”.

Не каменистая пустыня Иудейская, но так же малопригодная для жилья лесная чаща стала прибежищем двух пустынников, нарочно искавших безлюдной земли, чтобы в условиях, при которых труднее всего выжить, победить искушения постоянным напряжением всех физических и духовных сил. Но прошло не так уж много времени, и Стефан, не выдержав лишений, оставил брата, удалившись в Москву, в Богоявленский монастырь. Варфоломей же задумался об иноческом постриге, который и принял вскоре с именем Сергей.

“Радонежский чудотворец”, “игумен земли русской” называют основателя Свято-Троицкой Сергиевой лавры, связывая с его именем надежды на заступничество и молитву перед Богом. И не иссякают чудеса, творимые преподобным Сергием. По сей день исцеления и утешение получают припадающие к нему с верой. Но ещё при жизни Сергия его стараниями и молитвой совершилось нечто, что и по сей день касается каждого, живущего в России, независимо от того, к какому племени и какой вере он относит себя. Преподобный Сергей, вдохновитель объединения разрозненных в XIV в. русских земель вокруг Москвы, благословил, поддержал и наставил князя Дмитрия Ивановича перед Куликовским сражением, начавшимся поединком троицкого монаха Александра Пересвета с татарским богатырём Темир-Мурзой. Вместо шлема Пересвет был облатён в куколь схимника. “Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня!” — обратился он к товарищу, пришедшему с ним из Троицкой обители, и выдвинулся навстречу грозному татарину. Они сошлись и, ударив с силой копьями, упали замертво.

Победой русского войска закончилась битва на Куликовом поле. “Народ, привыкший дрожать при одном только имени татарина, — пишет В. О. Ключевский, — встал на поработителей, <...> повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями...”

Минули века... И вновь на переломном этапе истории монастырь оказался в центре событий. Когда в начале XVII в. Лжедмитрий II подошёл к Москве, когда дальнейшее существование русского государства, охваченного смутой, обескровленного врагом и властными притязаниями боярства, вызывало серьёзные сомнения, троицкие монахи и укрывшиеся за крепостными стенами жители окрестных сёл и деревень шестнадцать месяцев противостояли отрядам Сапеги и Лисовского, разоривши к тому времени Переславль и Суздаль, Ярославль и Ростов Великий. Непрекращавшиеся обстрелы и штурмы, подкопы, лазутчики, подсылавшиеся сеять измену, лишение осаждённых воды, голод и эпидемии — что бы ни происходило, что бы ни предпринимали поляки, монастырь стойко держался до тех пор, пока из Нижнего Новгорода не подошла помощь от воеводы Скопина-Шуйского. Хотя, как отмечал троицкий келарь Авраамий Палицын, подробно описавший осаду, защитники крепости “не введуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати”. Но, памятуя о завете преподобного Сергия Пересвету и Ослабе: “Мужайтесь, как храбрые Христовы воины! Приспело время вашей купли!”, — чернецы XVII столетия

*Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,*

*Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.*

(А. К. Толстой “Ночь перед приступом”).

А спустя почти сто лет именно из обители преподобного Сергия сделала первые свои шаги петровская Россия. Дважды укрывали Троицкие стены юного государя от восставших стрельцов. Здесь, в монастыре, вершил затем Пётр суд над сторонниками царевны Софьи, рвавшейся к единоличному управлению страной и предпринявшей неудачную попытку захвата власти. А перед монастырскими воротами — казнь над осуждёнными.

Можно сказать, что здесь, в обители преподобного Сергия, Пётр заложил один из первых камней в основание нового государства. Отсюда, после подавления второго стрелецкого бунта и заточения Софьи в Новодевичий монастырь, вышел он единоличным правителем, сознавая, что отныне только на нём, на его плечах лежит бремя власти и ответственности за страну.

Когда в XX в. разрушались по всей России храмы и монастыри, Свято-Троицкая Сергиева лавра не просто устояла, но приросла со временем красотой и благолепием. Отреставрированным храмам возвращался первоначальный облик, расчищались от позднейших обстроек старинные здания. Не пострадала Троицкая обитель и в годы Великой Отечественной войны.

“Белый как голубь”, — говорит о Троицком монастыре сирийский путешественник XVII в. Павел Алеппский. Точно голубь на кресте, водружённом над Россией — так тесно связана судьба обители с судьбой русского государства, сложившегося при участии преподобного Сергия. И не раз, когда решалась судьба страны, когда отжившее старое готовилось смениться грядущим новым, его обитель оказывалась в самой гуще происходящего, не просто молчаливо взирая, но принимая деятельное участие, влияя на ход событий. И как знать, быть может, исчезнет Лавра — исчезнет и Россия, охраняемая молитвой и предстательством преподобного Сергия, ревнителя о единстве русских земель, о силе и независимости русского народа. Будем же уповать, чтобы этот белоснежный голубь, водружённый над Святой Русью преподобным Сергием, не покинул своего места.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“В БОРЬБЕ НЕРАВНОЙ ДВУХ СЕРДЕЦ”

* * *

Кололись, надирались, отдавались...
А. Вознесенский

Вскоре после революции Ахматову забыли почти на четверть века. Давид Самойлов, поступивший в 1936-м году в легендарный ИФЛИ, писал в 1990-м в предисловии к сборнику её стихотворений:

“Мы, молодые поэты, именовавшие себя “поколением сорокового года” – Кульчицкий, Коган, Слуцкий, Наровчатов, – не числили её в действующей поэзии, а где-то в прошлом, в истории литературы”.

Если не считать короткого “политического” воскрешения её имени в связи с докладом Жданова и постановлением ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” (1946 г.), она вновь вошла в моду лишь в эпоху “оттепели”, во время хрущёвской борьбы с идеологией сталинского социализма и с ожившим во время Отечественной войны по воле Сталина русским православием. Знаменательно, что в эпоху “оттепели” одновременно с Ахматовой была издана и первая в нашей стране книга Марины Цветаевой (1961 г.), в предисловии к которой известный ленинградский блоковед Орлов-Шапиро объявил её не только талантливейшей, но и “антихристианской”, поэтессой. К сожалению, не без оснований. Хотя точнее было бы назвать её “еретичкой”.

Наверное, потому, что хрущёвская ненависть к религии была близка к ленинско-троцкистской, “дети XX съезда” в фундамент “оттепели” заложили идею восстановления “ленинских норм жизни”, на что писатель Олег Васильевич Волков, вернувшийся в конце 50-х годов из ссылки, сказал в разговоре со мной, когда мы сидели в старинном особняке на Кропоткинской, где издавался альманах “Памятники Отечества”: **“Ленинские нормы жизни! Да при нём этих евтушенок безо всякого суда просто к стенке бы поставили... при Сталине хоть судили!”** И, конечно, не случайно, что в конце 50-х годов небольшая компания питерских молодых поэтов (Бродский, Рейн, Бобышев, Найман) были очарованы знакомством с Ахматовой, которая находила в пи-

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2012 г.

терских “шестидесятниках” какое-то сходство с тенями и призраками, окружавшими её в молодости¹.

“В то время она, — как впоследствии писал Анатолий Найман, — интенсивно вспоминала своё начало, возвращалась к обстоятельствам и событиям пятидесятилетней давности, к атмосфере ранней молодости. Дух нашего поэтического поколения, конкретно нашей четвёрки, творческий, жизнерадостный и энергичный, скажу аккуратно и основываясь на несомнительных наблюдениях, напоминал ей об её десятых годах прямыми и непрямыми соответствиями. По некоторым признакам, в частности, по неоднократным сравнениям того, как, например, одевался или вёл себя или реагировал я, с теми или другими друзьями молодости, считаю, что во мне она находила ещё и внешнее сходство с ними. Это подтвердилось, между прочим, через несколько лет, когда Аманда Хэйт, начиная курс лекций о поэзии Ахматовой, выставила перед английскими студентами фотографии людей, так или иначе близких поэтессе, начиная с гумилёвской и кончая моей: ткнув в меня, они запротестовали: “Этот уже был”, — и показали на известного персонажа десятых годов”.

Кто был “известным персонажем десятых годов”, проясняется из воспоминаний Эммы Герштейн: **“Анна Андреевна находила у Толи Наймана сходство с Модильяни”** (стр. 479). Так что, видимо, не случайно Ахматова сделала своим литературным секретарём молодого питерского поэта; наверное, не случайно и то, что нравы “четвёрки” были недалеко от нравов “серебряной” молодёжи 1913 года, если **“невеста Бродского ушла к Бобышеву, а через несколько лет я, после развода Рейна, женился на его жене”** (А. Найман. “Великая душа”. “Октябрь”, 1987 г., № 9). Мода на Ахматову в годы “оттепели” стала хорошим тоном. Помню, как мне, работавшему тогда в журнале “Знамя”, было велено Борисом Леонтьевичем Сучковым, моим прямым начальником, познакомиться с Анной Андреевной, взять у неё стихи и напечатать их в журнале. Что я и сделал. До сих пор помню из этой публикации четверостишие, очаровавшее меня:

*Ворон криком прославил
Этот призрачный мир,
И на розвальнях правил
Великан-кирасир!*

Подражательницы и ученицы Ахматовой в те годы плодились, как грибы: Татьяна Глушкова, Белла Ахмадулина, Светлана Евсеева, Нина Королёва, Светлана Кузнецова, Наталья Бурова из Ташкента... Ирина Семёнова из Орла... А где-то в глухой Вологодской провинции и Людмила Дербина.

Второй раз в истории нашей поэзии Анна Андреевна “научила” женщин, пишущих стихи, “говорить” по-ахматовски. Востребованной в хрущёвскую эпоху почувствовала себя и вдова Мандельштама. **“Она много встречалась с диссидентами, особенно с бывшими зэками, и, естественно, была захвачена всей политической атмосферой “оттепели”** (из воспоминаний Э. Герштейн).

В русской литературе есть несколько ярких описаний шабаша нечистой силы. Самый первый изображён Александром Пушкиным в романе “Евгений Онегин” и называется он — “Сон Татьяны”. Шабаш этот деревенско-патриархальный, и нечисть на нём вся своя, родная: **“Моё! — сказал Евгений грозно”**.

Второй шабаш куда масштабней и принадлежит воображению и перу Михаила Булгакова — это бал Воланда, куда открыты двери самым знатным персонажам из иностранной нечисти.

¹ Почему-то А. А., приблизившая к себе питерских “шестидесятников” (“ахматовских сирот”), к нашим московским относилась с высокомерным пренебрежением: “О Евтушенко и Вознесенском отозвалась неблагоприятно и как о личностях, и как о поэтах” (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2, стр. 470).

“..Я догадалась, Вознесенский, наверное, объявил себя искателем новых форм в искусстве <...>, как Евтушенко — защитник угнетённых. Может быть, и защитник, но не поэт. Эстрадники” (там же. Т. 3, стр. 21). Отзыв Ахматовой о сборнике Ахмадулиной “Струна”: “Полное разочарование. Полный провал. Стихи пахнут хорошим кофе — было бы гораздо лучше, если бы они пахли пивнухой. Стихи плоские, нигде ни единого взлёта, ни во что не веришь, всё выдумки, и мало того: стихи противные...” (там же. Т. 2, стр. 496).

Третий шабаш, написанный не без влияния булгаковского, но почти затмивший его своей изощрённой дьяволиадой – это шабаш “Поэмы без героя”, которая была начата А. А. весной 1940 года и закончена в разгар “оттепели”, в 1962 году.

*Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна — и длится, длится
Петербургская чертовня...
В чёрном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, прятна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...*

Все главные герои-призраки этой поэмы являются персонажами западно-европейской мифологии, все они одновременно слуги “Владыки мрака” в той или иной форме, продавшие ему душу: Фауст, Дон Жуан, Дориан, Казанова, Калиостро, Саломея, Мессалина... Каждая из этих фигур – олицетворение самых изощрённых и модных пороков человечества. Рядом с ними какой-нибудь наш Вий выглядит патриархальным и “непродвинутым” существом, недостойным находиться в их изысканной компании. А сама создательница поэмы естественно видит себя в роли булгаковской Маргариты, намазанной колдовским зельем и летящей на бал к Воланду:

*Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.*

А четвёртый шабаш, может быть самый пошлый и самый шумный, – шабаш “шестидесятников”, научившихся всему демоническому у своих старших “акум”, “демонов”, “лилит” и прочих прототипов петербургского маскарада из Серебряного века. О том, как он проходил в городе Лондоне, в 1964 году мы знаем из воспоминаний поэта Андрея Вознесенского.

Именно он изо всех “шестидесятников” ухитрился одновременно с прославлением Ленина (“Лонжюмо”, “Секвойя Ленина”, “Уберите Ленина с денег...”) отбивать поклоны “сивиллам”, “командорам” и прочим деятелям искусства Серебряного века любой ориентации: коммунистической, педерастической, сионистской, атеистической и т. д.

“Тайные мои Цветаевы”, “невыплаканные Ахматовы”, “Кузмин Михаил – чародей Петербурга”, “Люб мне Маяковский – командор, гневная Цветаева – Медуза, мускусный Кузмин и молодой Заболоцкий – гинеколог музыки”; “Плисецкая – Цветаева балета”, “Ах, Марк Захарович, нарисуйте непобедимо синий завет” (о Шагале), “Лиля Брик на мосту лежит, разутюженная машинами” (это о каких-то парижских рисунках на мостовой). Словом, весь джентльменский набор “серебряновековых” и “революционных” ценностей. Эти достаточно косноязычные, но расчётливо продуманные признания в любви у А. В. совмещались со взятыми напрокат у кого попало – от Маяковского до Емельяна Ярославского – весьма развязными поношениями христианских символов и нравственных понятий: “Чайка – плавки Бога”; “И Христос небес касался лёгкий, как дуга троллейбуса...”; “Нам, как аппендицит, поудалили стыд...”; “Слушая Чайковского мотивы, натягивайте на уши презервативы...”; “Крест на решётке – на жизни крест...” (о монашеской судьбе); “Пазолини вёл на лежбище по Евангелию и Лесбосу...” (пикантность бессмыслицы, видимо, заключена в том, что Пазолини был геем); “Человека создал соблазн” и т. д. Свидетельств мерклого стихотворного хулиганства в книгах А. В. не счесть. **“Деревянное сердце, деревянное ухо” – так сказал об этом вечно несовершеннолетнем богохульнике А. Солженицын. На каждый плевков не ответишь. Одно лишь хочется сказать, что человека создал не “соблазн”, а Господь Бог... И как только не додумались устроители нынешних гей-парадов развернуть перед собой плакат со стихами А. Вознесенского:**

*Не Анна, Дон Жуан, твоя богиня —
На командоре поженись!*

*Влечение через женщину к мужчине —
Дон Жуанизм.
Любил ли Белый Любу Менделееву?
Он Блока в её образе любил!*

Как бы понравились эти стихи М. Кузмину, Г. Иванову, Г. Адамовичу! Знал, что писал, наш плейбой. Очень хотел он быть своим на карнавале персонажей Серебряного века. Чтобы быть похожим на его героев, даже историю с симуляцией самоубийства для себя придумал. Ну как же! Его любимый Маяковский застрелился. Его “гневная Цветаева” — повесилась, его Лиля Брик — отравилась. Надо же быть похожим на них!

“Однажды мне спас жизнь редактор одного толстого журнала, назовём его здесь О... Никто не хотел печатать моё программное произведение. Я понял, что пора кончать... Разбухший утопленник не привлекал меня. Хрип в петле и сопутствующие отравления тоже. Меня, в ту пору молодого поэта, устраивала только дырка в черепе.

Я заклеил два конверта завещания и пошёл к седому теоретику, у которого был немецкий, сладко оттягивающий ладонь пистолет. “Дайте мне его на три часа, — объяснил я убедительно, — меня шантажирует банда. Хочу попугать”. Беззаветно лживые глаза уставились сквозь меня: “Вчера Лёля нашла его и выбросила в пруд. Слетайте в Тбилиси. Там за триста рэ можно купить”.

Два дня я занимал деньги. Наутро перед отлётом мне вдруг позволили от О. “Старик, нам нужно поднять подписку. У тебя есть сенсация?” Сенсация у меня была. В редакции попросили убрать только одну строку. У меня за спиной стояла вечность. Я спокойно отказался <...> Напечатали” (А. В. “Ров”. М., С-Пб., 1987, стр. 347).

Максим Горький стрелялся всерьёз. Выжил. Владимир Маяковский, болеющий манией самоубийства, всё-таки не вынес нагрузок жизни и выстрелил себе в сердце. Марина Цветаева, в 17 лет написавшая прощальное письмо сестре, через тридцать лет всё-таки не избежала рокового искушения, жившего в её душе. Молодой поэт Всеволод Князев, главный герой “Поэмы без героя”, не в силах вынести мук ревности, застрелился на пороге дома своей возлюбленной.

Но никто из них не рассказал о том, как он готовился свести счёты с жизнью. Один лишь наш “шестидесятник”, внук Серебряного века, якобы ученик Маяковского, а на самом деле его комический эпигоныш, рассказал всё подробно, даже не понимая, насколько жалким и смешным симулянтом он выглядит в своём откровении, о том, что, “мол, не напечатали, так я решил, да вот пистолета под рукой не было, в Тбилиси надо лететь, да денег не хватает на пистолет...” Словом, “юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться”*...

Люди, знающие литературную жизнь 60–70-х годов, без труда поймут, что главный редактор “О” толстого журнала — это Сергей Наровчатов, что “седой теоретик”, пославший А. В. в Тбилиси, — это Александр Мажиров и что произведение, которое Сергей Наровчатов вначале отказался напечатать в “Новом мире” — это эпатажная, развязная болтовня о “прорабах духа”, о международных тусовках всяческих “хиппи”, о страстях переделкинской либеральной знати, о встречах с гениями (Пикассо, Аллен Гинсберг, М. Шагал и т. д.)... Автор настолько самовлюблён, что не понимает даже, как смешна и ничтожна история его несостоявшегося самоубийства. Как она кощунственно пародийна по сравнению с судьбами его же любимых кумиров Серебряного века. Как суетливо крутится он под ногами у действительно трагических и подлинных фигур русской поэзии. Как он жалок, желая встроиться в их ряд со своей благополучной советско-переделкинской судьбой. Смешнее и ничтожнее его выглядит разве что другая переделкинская “шестидесятница”, которая, решившись расчитаться с советским двадцатым веком за судьбу Ман-

* В обезбоженные эпохи, как правило, резко возрастает эпидемия самоубийств. В отличие от фарсовой истории о “самоубийстве” Вознесенского, многих детей “оттепели” и “перестройки” всерьёз поразила эта инфекция Серебряного века. Вспомним Геннадия Шпаликова, Илью Габая, Вадима Делоне, Юрия Карабчиевского, Анатолия Якобсона, Леона Тоома, Нину Бенуа, Вячеслава Кондратьева, Юлию Друнину, Бориса Рыжего, Нику Турбину, Александра Башлачева и многих других. Да и Высоцкий, по существу, почти довёл себя до самоубийства.

дельштама и Цветаевой, не нашла ничего лучшего, как напроситься на обед к какому-то ортодоксальному, не либеральному критику и заявить хозяевам застолья: **“За Мандельштама и Марину я отогреюсь и поем!”**

Но вернусь к сцене четвёртого (после пушкинского, булгаковского и ахматовского) шабаша нечистой силы, возникшего под пером Вознесенского и опубликованного в результате его шантажа в конце концов в “Новом мире”. Шабаш происходил в Лондоне, в 1964-м году на элитарном вечере памяти Эллиота в некоем Альберт-холле. Под пером А. В. шабаш выглядел так:

“Обожали, переполняли, ломились, аплодировали, освистывали, балдели, рыдали, пестрели, молились, раздевались, швырялись, мяукали, кайфовали, кололись, надирались, отдавались, затихали, благоухали. Смердели, лорнировали, блевали, шокировались, не секли, не фурыкали, не волокли, не контачили, не врубались, трубили, кускусничали, акулевали, клялись, грозили, оборжали, вышвыривали, не дышали, стонали, революционизировались, скандировали: “Ом, ом, оом, ооммм...” Овации расшатывали Альберт-холл”; “...съехались вожди демократической волны поэзии. Прилетел Ален Гинсберг со своей вольницей. С нечёсаной чёрной гривой и бородой по битническому стилю тех лет <...> уличный лексикон был эпатажем буржуа <это была волна против войны во Вьетнаме>. Он боготворил Маяковского”.

Итак, этот шабаш, по Вознесенскому, был революционным (ещё бы — где Ален Гинсберг, там и революция). Но такого рода шабаша местного значения в те времена “шестидесятники” устраивали где угодно. Вот описание одного из них, сделанное Нинель Воронель (переводчицей “Баллады Редингской тюрьмы” одного из любимцев Серебряного века Оскара Уайльда), проходившего в квартире известного московского диссидента Юлия Даниэля и его жены Ларисы Богораз, участницы похода на Красную площадь в августе 1968 года в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию.

“Дом его заполнили толпы какого-то проходящего мимо народа — собеседников, собутыльников, сексотов, соглядатаев и переменных подружек. Временами начинка его запущенных комнат, обклеенных этикетками выпитых бутылок спиртного, напоминала мне видения из картин Иеронима Босха. Нетрезвые существа обоего пола кучно валялись на полу, свисали со столов и диванов, сплетались в гирлянды. Стайки поэтов и поэтесс игриво проплывали из дверей в окна, совокуплялись по пути то друг с другом, то с хозяином, то с кем-нибудь из гостей. И всем им, без разбора, Юлик читал свои крамольные повести, опубликованные за границей”...

Картина одна и та же — в Лондоне Ален Гинсберг со своей вольницей, в Москве Юлик Даниэль с Ларисой Богораз. Кругом революционеры. Одни митингуют против войны во Вьетнаме, другие против танков в Праге, читают стихи, “совокупляются” — словом, “шестидесятники”... И в такую тусовку попала Анна Андреевна, приехав в Лондон получать оксфордскую мантию!

А. Вознесенский в своих “Прорабах духа” приводит текст афиши:

“В Альберт-холле участвуют все битники мира: Л. Ферлингетти... П. Неруда... А. Ахматова... А. Вознесенский”... Так что наша Анна Андреевна, может быть, не случайно на старости лет попала в число “всех битников мира”. Ахматовский профиль, выложенный из мозаики бывшим её любовником Борисом Анрепом, поразил воображение А. Вознесенского:

“На мозаичном полу в овальных медальонах расположены лики века — Эйнштейн, Чарли Чаплин, Черчилль. В центре, как на озере или огромном блюдище, парят и полувозлежат нимфы. Нимфа слова имеет стройность, чёлку, профиль и осиную талию молодой Ахматовой. Когда я подошёл, на щеке Ахматовой стояли огромные ботинки. Я извинился, сказал, что хочу прочесть надпись, попросил подвинуться. Ботинки пожали плечами и наступили на Эйнштейна”.

... Помню, в середине 90-х годов прошлого века я был в Багдаде. Ирак жил цветущей жизнью, университетские студенты сыграли для нашей писательской делегации “Горе от ума” Грибоедова, потом нас повели, если не ошибаюсь, в главную библиотеку Багдада. Перед входом в неё был выложен из камней портрет Буша, по приказу которого была начата первая война американцев против Ирака с громадными жертвами от бомбёжек среди мирного населения... Перед входом в библиотеку иракские студенты с хмурой сосре-

доточенностью вытирали свои ботинки о лицо главного палача иракского народа, американского президента-варвара. А что касается получения Ахматовой во время лондонского шаша почётной оксфордской мантии, то Георгий Васильевич Свиридов в своих записных книжках так отозвался об этой церемонии:

“Кажется, что именно она была тесно связана с масонством. Круг людей, особенно Англии – центр масонства. (Ротшильд остаётся королём мира несмотря ни на каких нумомиллионеров.) Все знакомые: Анреп, сэр Исая Берлин, Рандольф Черчилль, вопящий во дворе так называемого “Фонтанного дома”, культ дома, культ нищеты (аристократической), культ якобы Духа, большие знания, постоянное стремление к тайне. <...> Сама её премия в захолустной академии, как видно, устроена масонской ложей, что характерно для Италии... Анреп – также художник, мозаичист. Это, конечно, вовсе не художник. Наполнитель, наноситель знаков в библиотеке на полу. Мощнейшая организация, страшная”...

В отличие от Георгия Свиридова А. Вознесенский назвал сотрудника английского посольства “сэра Исая Берлина” **“одним из самых образованных и блестящих умов Европы”**. Но кто сегодня помнит, в чём заключались его “ум, блеск и образованность”? Кто сегодня помнит, кто такой Ален Гинсберг?

Не стоит забывать и о том, что своё 80-летие Михаил Горбачёв справлял именно в Альберт-холле (это к разговору о масонстве).

... Наверное, в дни, когда она получала в компании всех “битников мира” оксфордскую мантию, Ахматова чувствовала себя словно бы по мановению машины времени перенесённой из 1913 года в лондонский шаш, в альберт-холльскую Вальпургиеву ночь – с той лишь разницей, что вместо поэтов-педерастов Всеволода Князева и Михаила Кузмина рядом с нею вертелись, “колелись и надирались” Ален Гинсберг и Андрей Вознесенский.

* * *

От одной из самых талантливых учениц Ахматовой, возросших в эпоху “оттепели”, Ирины Семёновой, живущей по сей день в Орле, я получил недавно в подарок книгу её избранных стихотворений с несколько претенциозным названием “Русская камена”. Я полистал её и даже подумал: иные стихотворения вполне были достойны того, чтобы под ними стояло имя Ахматовой. Нет нужды приводить их целиком, порой достаточно первой строчки: “Ты одержим навязчивым недугом”; “Какую странность видишь ты во мне”; “Блажен лишённый песенного дара”; “К другим иди! Мне одиноко, что ж”; “А я всю жизнь притягивала чем-то”; “Зачем тебе мои измены”; “Я книг своих не помню, я – другая”... Одно всё-таки процитирую целиком:

*Издания золотые
И мраморный пьедестал?
За эти стихи простые
Весь мир на меня восстал!*

*А я лишь свечой горела
Пред Богом в родном краю,
Где Муза окрест смотрела
И пела мне песнь свою.*

Ахматовские выверенные рассудком скупые чувства, ахматовская каллиграфическая точность рисунка душевных движений, выраженных через движения физические, то же болезненное, но осторожное тяготение к тёмному миру и бегство от его тьмы к свету, те же убедительные попытки пророчеств, то же ощущение вины за греховные замыслы – и трогательные порывы оправдать или отомолить свою вину, та же гордыня от сознания своей причастности к царству русской поэзии, та же постоянная дочерняя надежда на покровительство Музы.

Есть у Семёновой поэма “Северные фрагменты” о жизни в молодые годы в Ленинграде, естественно, с ахматовским эпиграфом: **“Там, где плещет Нева о ступени, – это пропуск в бессмертие твой”**. Есть в поэме и прямое признание в любви к Ахматовой:

*Увы! Безделицу такую
Я звать поэмой не рискую,
Обрывков тьма, размазан план
И сплошь ахматовский туман.
Хотя, пожалуй, сходства мало!
Но до безумия, бывало,
Я вам скажу, в те времена
Её стихом потрясена.
Но свой восторг превозмогая,
Я не Ахматова — другая!
Хоть благотворна мне досель
Её творений колыбель.*

Живя в Ленинграде, Семёнова не только сочиняла стихи под присмотром музы поэзии Камены, но и отдавала дань музе танца Терпсихоре (как Глебова-Судейкина) и вращалась в кругу молодых художников. Так что увлечение ахматовской “стилистикой” для неё было неизбежным. И чего удивляться тому, что её стихи того времени, как и стихи Дербиной, изобилуют джентльменским набором Серебряного века: “Коломбина”, “Арлекин”, “Пьеро”, “Колизей”, “Алигьери”, “Аполлон”, “Петрарка” и т. д.

Я уже хотел закрыть книгу с мыслью о том, что познакомился с очередной жертвой ахматовского колдовства, но обнаружил ещё одну поэму — “Детство Матроны”, посвящённую знаменитой русской святой XX века. Посмотрел, когда была написана поэма — 2010–2011 годы, начал читать и, дочитав до последней страницы — ахнул: поэма была подлинным бунтом против Серебряного века, разрывом с его мировоззрением и прощанием с кумиром молодости — Анной Ахматовой. Вот последняя глава поэмы, в которой сказано, в сущности, многое из того, о чём я думал сам в последнее время.

*Над сетью чёрных петербургских рек
Нет-нет и дунет ветер вольтерьянский,
Чтоб, разночинный и полудворянский,
К концу столетья тускло вспыхнул век
Серебряный и антихристианский.
Навстречу злу, плывущему извне,
Разбудит он язычества химеры,
Чтоб в православной издревле стране
Кромешной стать молитвой сатане,
Смешав с духами жгучий запах серы.
Он будет жить унылою мечтой,
Свобод абстрактных требуя жеманно,
Ущербный внук гармонии святой,
Век повторит он в слове “золотой”,
Как будто Бога божья обезьяна.
Став на колени, вновь полезет он
Лобзать скупой Европы мостовые,
Патриотизм поцарствовал в России,
Когда побитым пал Наполеон,
Да времена-то, батюшка, иные!
Что православье? Разум протестует!
В России всё наскучило — пора
В Италию, в Париж, в “Гранд-Опера”,
Где вечно ложа пятая пустует*.*

*В Париж, где море чувственных утех,
Где в модный шёлк одеты будуары,
“Сезонов русских” слава и успех,
Где стали вмиг привычными для всех
Шансон, модерн и новые бульвары.
Европа любит русских парвеню:*

* “Но сердце знает, сердце знает, что ложа пятая пуста” (А. Ахматова).

*И платят больше, и сорят нелепо,
Лишь к судному годящимися дню
Условными сафическими “ню”
В твореньях Модильяни и Анрепа*.*

*Так, лепеча неведомо о чём,
Торцы Европы рабски подметая,
Творцов стиха сплотившаяся стая
В Россию революцию с вождём
Звала, как яркий праздник ожидая.
Как от её хмелела новизны!
Как ощущала шум её вселенский!
А зря! Глазные впадины темны
У революций — вряд ли им видны
Дворянский Блок иль Клюев деревенский.
Европа в пёстром вихре кутерьмы
Иных Руси настряпала гостинцев:
Марксизмом тяжким полные умы,
Учеников безбожных для тюрьмы
И маузеры новых якобинцев.*

Так что оговорка: “Я не Ахматова – другая!” – возникла у Ирины Семёновой не случайно. И пришлось мне перечитать книгу более внимательно, чтобы понять истоки этого бунта против эгоцентрического мира молодой Анны Андреевны, у которой от её безбытности, бездомности, бессемейственности, культивируемых Серебряным веком, были ослаблены чувства, связанные со словами “родство”, “родное”, “родня”, “природное”...

Ахматова много размышляла и писала о Пушкине, но интерес её был своеобразен: Пушкин, читающий Парни и Апулея, Пушкин, перекладывающий на русский язык инородные сюжеты в “Сказку о золотом петушке” и трагедию о Дон Жуане, Пушкин “Египетских ночей”...

Ей, видимо, был чужд Пушкин, излагавший во множестве своих писем мысли о семейной жизни, о детях, о воспитании чувств.

“Моё семейство умножается, растёт, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку на свете скучно” (из письма П. Нащокину, 1836 г.).

А вот своеобразное “священное писание” семейной жизни из письма П. Плетнёву (1831 г.):

“Жизнь всё ещё богата; мы встретим ещё новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жёны наши – старые хрычовки, и детки будут славные, молодые, весёлые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо”.

Конечно, эта часть пушкинского мира была совершенно чужда Серебряному веку, без усталости твердившему о “гибельных наслаждениях”... Вот почему я стал внимательно вчитываться в стихи Семёновой, в которых светилось и трепетало это “родное”: “грустное, нежным огнём залитое, небо глядит на жнивье. Родина! Горе моё золотое! Мглистое детство моё”; “О Родина! Что я спою, коль чувство к тебе обнищает? Заблудшую душу мою Родным очагом освящает”; “Теперь всё чаще говорит о вечном, себя не помня, бабушка моя”. В её стихах появляется “свалка наполеоновских знамён”, “знамён вермахта”, в её стихах и в поэме “Командор”, посвящённой Сталину, возникает лик Европы, которая, по словам Пушкина, по отношению к России всегда была **“столь же невежественна, сколь и неблагодарна”**.

Ахматова не хотела знать такого Пушкина, и её ученица, в молодости верная Анна Андреевна, спасая свою “заблудшую душу”, отшатнулась от своего кумира.

(Окончание следует)

* Б. Анреп, поклонник стихов Ахматовой и её любовник, сбежавший в 1918 г. в Англию и выложивший из цветного мрамора фигуру нимфы поэзии с профилем Ахматовой при входе в зал известного в Лондоне Альберт-холла. Модильяни – итальянский художник, рисовавший обнажённую Ахматову во время её пребывания в Париже в 1910 году.

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РУССКОГО ДУХА

К 200-летию А. И. Герцена

“Истина лучезарна...”

А. И. Герцен

Духовное пробуждение русского человека – волнующий нас и по сей день мотив мемуаров Александра Ивановича Герцена (1812–1870). “Былое и думы” – главная книга его жизни – росла на протяжении 16-ти лет как снежный ком, став в итоге художественно-философским воплощением *длительности* – истории души человеческой, исцелившейся от немоты и *мыслелобязни*. Это не историческая монография, а “отражение уходящего прошедшего”, феноменологически точная фиксация *“несокрушимых событий памяти”*¹, причем не только индивидуальной памяти лица, но и коллективной памяти рода, поколения, нации, в чем и состоит для нас духовная ценность герценовской “исповеди”. Художнический дар автора сразу же получил признание со стороны его выдающихся современников. Литературным шедевром Герцена восхищались И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. Гюго, Ф. Ницше. Так, например, Тургенев говорил о Герцене П. В. Анненкову: “В характеристике людей, с которыми он сталкивается, у него нет соперников. Когда он чисто “сочиняет”, чувствуется, при всем блеске формы, постоянная напряженность. Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело”². Добавим к этому: животворящим началом герценовской языковой пластики была мысль. Герцен – непревзойденный мастер в изображении подвижной, ищущей мысли. А “Былое и думы” – “в мыслях схваченная эпоха”³, то есть подлинная философия своего времени, – остается все еще недочитанной и недопонятой книгой⁴. Обилие великолепных зарисовок проходных, фоновых персонажей, с которыми действительно сталкивался Герцен в описываемое “грозное время” – революционное в Европе и предреволюционное в России, – не затмевает очевидного: Герцена как художника и философа интересовали, прежде всего, *люди мысли*, пневматики. Личность, мыслящая и страдающая индивидуальность – вот **“действительная монада общества”**, полагал он⁵, и, значит, вместе с тем – онтологически полноценная *для-себя-сущая единица* космической и исторической жизни. Художественное описание некоторого множества духовно активных монад (*духов, гениев*, по терминологии Г. В. Лейбница⁶) и позволило Герцену воссоздать духовную жизнь эпохи в ее основных тенденциях и проявлениях. С этой точки зрения “Былое и думы” – *монадология* в образах. Изображенные в книге “люди сомнения и отрица-

ния⁷, тоскующие гении русской и западной мысли (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, И. В. Киреевский, Г. В. Ф. Гегель, П. Ж. Прудон, Р. Оуэн, Т. Карлейль и др.) – это особые “точки зрения на мир” и вместе с тем выразители вполне определенных типов самосознания, своеобразие которых раскрывается в полной мере лишь для тех, кто посвящен в “тайну гегелевской философии”⁸.

Намекая на глубинный смысловой слой своей исповеди, Герцен писал в предисловии к ее полному изданию: “Может, я один слышу, как под этими строками бьются души... Может, но оттого книга эта мне не меньше дорога. Она долго заменяла мне и людей, и утраченное”⁹. Это признание автора-духовидца¹⁰ свидетельствует о том, что перед нами – нечто большее, чем “художественная автобиография”. Очень может быть, продолжал Герцен, что “в этих едва обозначенных очерках схоронено так много только для одного меня; может, я гораздо больше читаю, чем написано; сказанное будит во мне сны, служит иероглифом, к которому у меня есть ключ”¹¹. Итак, “Былое и думы” – зашифрованное послание Герцена своим будущим читателям, ключ к которому следует найти в его же работах. Говоря о “схоластическом языке” немецкой философии, Герцен отмечал в своих мемуарах, что это – “язык для верных, и никто из оглашенных его не понимал; к нему надобно было иметь ключ, как к шифрованным письмам. Ключом этот теперь не тайна...”¹² “Сам Герцен обнаружил упомянутый ключ (ключевой термин) в гегелевской “Феноменологии духа”¹³. Он штудировал книгу Гегеля в 1839–1840 гг., а в 1842–1843 гг. уже сформулировал свое понимание тайны “Гегелева учения” в серии статей о дилетантах, или профанах, как он говорил, в науке. В 1844 году Герцен писал об этой тайне, лишенной ее “обветшалого мистико-каббалистического наряда”, – *огне негации* – в “Письмах об изучении природы”. Позднее, уже в “Былом и думах” утверждал, что человек, не переживший “Феноменологии духа”, не полон, не современен¹⁴. Ее автор помог Герцену диагностировать “людей мысли” в России 1830–1840-х годов – этих “чудаков”, оригинальных выразителей вполне определенного умонастроения, названного Гегелем “несчастливым сознанием”¹⁵.

Последнее было рассмотрено Гегелем как разновидность *вождедующего самосознания* в связи со стоицизмом и скептицизмом и истолковано как выражение менталитета христианина, преодолевающего в себе психологию раба. Любое самосознание есть обнаружение вождедующей самости, для которой хотя и “сохранен весь простор чувственного мира”, но которая возвращается в себя из этого чуждого ей мира как “негативного” для нее¹⁶. При всей своей рабской привязанности к внешнему миру вождедующее самосознание не считает его чем-то истинным, бракует его как “гнусный” и уходит из него в себя в поисках спасительного, *абсолютного знания*. Оно таким образом фиксирует себя в состоянии *распадения* и не может преодолеть собственной раздвоенности. Чувственный мир его влечет и в то же время вызывает отвращение как онтологически неполноценная действительность, которая в принципе не может удовлетворить мыслящее “Я”. Вождедующее самосознание, по Гегелю, имеет дело с “двойным предметом”: во-первых, с чем-то *живым*, то есть с другим лицом, с персонификацией иного самосознания; во-вторых, с собственной вождедующей самостью. “Рефлектированное в себя бытие” другой личности имеет для вождедующего субъекта “характер негативного”, поскольку та не признает его, отталкивает, противопоставляет его натиску, не подчиняется ему, рискуя потерять в этой борьбе за свободу свою жизнь. Конфликт субъектов, утверждающих себя лишь в качестве вождедующих индивидов, неизбежен и заканчивается тем, что один из них становится рабом другого, признавая его господство и обменивая свою свободу на жизнь: рабство основано на “первом абсолютном страхе”¹⁷ – страхе смерти.

Стоическое самосознание, согласно Гегелю, “негативно к отношению господства и рабства” и постоянно уклоняется от действия, уходя в “простую существенность мысли”. Стоическое самосознание формируется “только в эпоху всеобщего страха и рабства”. В николаевской России оно было представлено П. Я. Чаадаевым. Будучи “не доведенной до конца негацией” мира, стоическое самосознание являло собой незавершенный **нигилизм**. Так, чаадаевское отрицание России в ее исторически конкретном образе не было распространено на западную цивилизацию. В этом плане Герцен в своем *нигилизме* был более последователен: пройдя через ряд отрицаний (России,

Запада, мировой истории в целом как абсурдной, безумной вакханалии), он оказался один на один с “внутренней пустотой” и испытал беспредельность отчаяния. Следы герценовского стоицизма были обнаружены в его произведениях гегельянцем-почвенником Н. Н. Страховым¹⁸. Что касается его скептицизма (Страхов говорил о пессимизме Герцена), то он был, говоря языком гегелевской “Феноменологии”, выражением “сознающей себя негации”, “потерянного самосознания” (*verlorenes Selbstbewußtsein*), которое не в силах овладеть “движущимся хаосом” собственных представлений. “Эта движущаяся негативность имеет дело только с единичным и возится со случайным, — писал Гегель. — Это сознание, следовательно, есть бессознательный бред, ... случайное, спутанное и запутывающее сознание”, которое “впадает в не-существенность и блуждает в ней”¹⁹. Герценовская теория роковой случайности, определяющей судьбы лиц и народов, представляла собой развернутое обоснование скептического умонастроения как свободного от иллюзий бесстрашия перед истиной. Но Герцен не остановился на этом. В своих поисках спасительного знания он вышел на тот уровень духовного развития, который обнаруживается в *болезненном* феномене “несчастливого сознания”, включавшего в себя элементы стоицизма и скептицизма, но не сводимого к ним. Читаем об этом у Гегеля, как читал некогда Герцен: “... Стоическая самостоятельность чистого мышления проходит через скептицизм и находит свою истину в несчастном сознании”²⁰.

Несчастное, раздвоенное внутри себя сознание — это “двойное сознание”, то есть сознание, имеющее в себе “другое сознание”, с которым оно не может достигнуть единства и примирения; это — два взора, устремленные друг на друга, два голоса, перебивающие друг друга, иначе говоря, явная шизофрения в действии. Вот почему человек, развившийся до стадии несчастного сознания, живущий по законам “усиленного сознания”, склонен проецировать свой собственный опыт “поврежденности” на всех окружающих и даже — на человечество в целом. Человеческое безумие, говорил Герцен, подобно слепоте крота, — “это не болезнь, а *особенность, признак*”. Человеку разумному, homo sapiens, он противопоставлял человека безумного — homo insanus, — человека, с поразительной изобретательностью меняющего ideas fixes и **пункты помешательства** и постоянно пребывающего верным безумию. Видимо, именно в опыте, совершаемом несчастным сознанием, следует искать основу устойчивого интереса “поврежденного” индивида к психиатрии. Что касается самого Герцена, то его специфическая заинтересованность в изучении “психических эпидемий” проявилась в таких шедеврах прозы, как “Доктор Крупов” и “С того берега”. В “Былом и думах” Герцен прямо говорит о своей “психической болезни”, вызванной переживаниями в связи с очередным “падением” (эпизод с горничной Катериной в марте 1843 года)²¹. Далее, его исповедь о семейной драме выливается в “рассказ из психической патологии”²². Феноменологический метод Гегеля использовался им при описании *отклонений* в коллективной психике поколения. Повествуя об эпохе николаевского царствования, Герцен писал: “Что не погубло, вышло большое, сумасшедшее... Вместе с жгучим самолюбием прививалась какая-то обескураженность, сознание бессилия, усталость перед работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имея двадцати лет от роду. Они все были заражены страстью самонаблюдения, самоисследования, самообвинения, они тщательно поверяли свои психические явления и любили бесконечные исповеди и рассказы о нервных событиях своей жизни”²³. Еще один шаг, и Герцен совершает свое *главное открытие*²⁴: выявляет иррационально-патологический характер мирового исторического процесса, проявляющийся в феноменах коллективного безумия, массовых психозов, а также — в шизофренических попытках “людей мысли” придать этому процессу видимость целесообразности. Это открытие “всемирного хронического сумасшествия”²⁵ стало возможным благодаря усвоенной Герценом феноменологии несчастного сознания, в свете которой он истолковал свой личный опыт духовного развития.

Для уяснения истоков герценовской феноменологии вслушаемся в духовные пульсации его текста, которые, как думалось автору, слышал он один.

“Когда священник начал мне давать уроки, — вспоминал Герцен, — он был удивлен не только общим знанием Евангелия, но тем, что я приводил тексты буквально. “Но Господь Бог, — говорил он, — раскрыв ум, не раскрыл еще

сердца”. И мой теолог, пожимая плечами, удивлялся моей “двойственностью”...”²⁶. Любовь к Евангелию Герцен сохранил с детства на всю свою жизнь²⁷ и вместе с этой любовью – благоговение перед новозаветным образом Христа²⁸, которое омрачалось его неприятием “исторического христианства” и презрением к преклонившейся перед кесарем официальной церкви, “где изуверство, развитое страхом, шло рядом с обманом, где все было ограничено, поддельно, условно и жало душу своей узостью”²⁹. Похоже, что упомянутый священник был изумлен феноменом *разорванного сознания* подростка. Неискоренимая **внецерковная религиозность**³⁰ уживалась в нем с “религией иного рода”, которая позднее стала ассоциироваться в его мышлении с сен-симонизмом. В Московском университете Герцен, по словам П. В. Анненкова, “носился на первых порах со своим Сен-Симоном как с Кораном”³¹. Сравнение, прямо скажем, неудачное: **двойственность** Герцена никоим образом не связана с исламом. Сен-симонизм был воспринят им как “новая вера” – *религия жизни*, которая шла на смену христианской *религии смерти*. В проповедях сенсимонистов – этих “предтеч социализма” – он выделял два особо привлекательных для него пункта: во-первых, “освобождение женщины, призвание ее на общий труд, отдавание ее судеб в ее руки, союз с нею как с ровным” и, во-вторых, *реабилитация плоти*, оправдание чувственности³². “Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно остался в существенном”, – не без гордости за себя и свой квазирелигиозный выбор отмечал Герцен³³. Заметим, кстати, что выбрал он тогда проклятие, а не благословение, вопреки библейскому предостережению, и, приобщиив свою экзальтированную супругу, набожную Натали, к так называемой “религии жизни”, невольно обрек ее на раннюю смерть, а себя на “душевную драму”, едва не закончившуюся преступлением и безумием. В этих мучительных испытаниях ему, как он само сознавал, не хватало стойкости Иова: усвоенная им в детстве вера была поколеблена. *Стоицизм* оказался для него неприемлемым, поскольку ограничивал свободу личности сферой мышления и предлагал ей довольствоваться мудростью *недеяния*. Герцен стал *скептиком*, активным *нигилистом-полуверком*, заняв позицию, вызывавшую восхищение у Фридриха Ницше³⁴. В гегелевской “Феноменологии” Герцен нашел описание известных ему ступеней духовного развития личности, освобождающейся от комплекса раба – от благоговения перед господином, смешанного со страхом смерти и беспокойством относительно собственного благополучия. Эти ступени – стоицизм и скептицизм – были быстро им пройдены. Задержка же, останков в движении его мыслящего духа произошла на ступени “несчастливого сознания”, выше которой Герцен в самом деле не смог подняться. *Опыт несчастного сознания*, представленный в “Былом и думах”, можно, на мой взгляд, рассматривать как герценовскую версию феноменологии русского духа (= гения). Все *мыслящие* русские люди, независимо от того, остаются ли они в России или бегут из нее, несчастны. Все они являют такое самосознание, которое, говоря на языке Гегеля, утратило “счастье быть в субстанции”, то есть выпало из тотальности духовно-нравственной жизни своего народа. Поэтому, уточняя, можно сказать: перед нами феноменология *падшего духа* в форме несчастного, потерянного сознания.

Обратим внимание на то, что в учении Сен-Симона Герцен усматривал отнюдь не экономическую теорию и не идеологическую концепцию (в отличие, к примеру, от Ф. Энгельса³⁵). Его завораживал мистический дух доктрины, дух спасительного для человечества знания – *гносиса*. “Для нас сенсимонизм был откровением...”, – признавался он³⁶. Владеющий даром различения духов легко опознает этот еретический элемент сен-симонизма, ставший краеугольным камнем русского социализма благодаря Герцену. Созданная им утопия оказалась более жизнеспособной, чем ленинская идеологическая версия социализма, именно в силу своего религиозного подтекста. “Все люди равны”, – говорит Христос. “Любите друг друга, помогайте друг другу” – вот необъятное основание, на котором зиждется христианство, – разъяснял Герцен своему младшему другу Огареву в августе 1833 года. – Но люди не поняли его. Его первая фаза была мистическая (католицизм)... Вторая фаза – переход от мистицизма к философии (Лютер). Нынче начинается третья, *истинная, человеческая, фаланстерство* (может быть, сен-симонизм???)”³⁷. Таким образом, сердцевину социализма Герцен видел в христианской этике не искаженного церковными толкованиями Евангелия.

Годом ранее двадцатилетний Герцен уже обратился в “новую веру”, прочитав работу Евгения Родригеса “Религия сен-симонизма” и материалы, связанные с судебным преследованием группы парижских сен-симонистов, проповедовавших “новое христианство”³⁸. Таким образом, “религия иного рода”, захватившая его в 1830-е годы, проявилась в виде **антицерковного христианского социализма**. В сен-симонизме Герцен увидел восстановление того духа отрицания “мира сего”, который был присущ первоначальному христианству, фальсифицированному церковной теологией. Наибольшее отвращение в этой фальсификации у Герцена вызывала идея богоугодности всякой власти. В сознание *русского мальчика*, самостоятельно открывшего для себя Евангелие, вошел образ Христа, которого мир возненавидел за проповедь *абсолютной свободы* и внехрамового служения “духу Истины”. Таким духовным радикализмом веет со страниц Евангелия от Иоанна, где Спаситель наиболее выпукло представлен в качестве принципиального противника стяжательства и гедонизма³⁹, в образе экстремиста и антигосударственника, взбунтовавшегося против “князя мира сего” и “отца лжи” – борющегося с Богом духа, искушавшего Сына Божьего в пустыне. Четвертое Евангелие подпитывало скептицизм христианских гностиков, отвергавших мир со всеми его социальными условностями как творение злого Демидурга. Именно к этому тексту, созданному Иоанном, “евангелистом-поэтом”, в разные периоды жизни обращался Герцен⁴⁰.

В дневниковых записях 1840-х годов мы находим свидетельство устойчивого интереса Герцена к гностицизму⁴¹, сформировавшегося на почве его личного мистическо-эротического опыта и связанного с эмоциональным неприятием “гноусной действительности”⁴². Сен-симонизм помог ему концептуализировать этот юношеский манихейско-гностический опыт и на некоторое время обрести иллюзию исцеления от мучившей его *двойственности*. Основная структура “двойного сознания”⁴³ обнаруживалась в духовной жизни Герцена и в других формах, в частности, в его **колебаниях между Христом и Люцифером**. Размышляя в “Былом и думах” о байроновском Люцифере, Герцен словно говорил о самом себе: “Этот печальный ангел тьмы, на его лбу тускло мерцает звезда горькой думы, полного внутреннего распада, концы которого не сведешь”⁴⁴. Подобно Люциферу – противнику “всесильного тирана” Иеговы⁴⁵ и олицетворению *несчастливого сознания* – “милый Герцен” с болью осознавал, что существует в *модусе падения*. Его **стихийное люциферианство** явственно проступает в письмах к невесте Н. А. Захарьиной и друзьям в 1830-е годы, на что обратил внимание В. В. Зеньковский⁴⁶. “Да, все теории о человечестве – вздор, – утверждал Герцен в письме к Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову 22 сентября 1836 года. – Человечество есть падший ангел: откровение нам высказало это, а мы хотели сами собою дойти до формулы бытия его и дошли до нелепости (эклетицизм). Все понимавшие верили в потерянный рай – Вико, Паскаль... И что нам осталось? Два течения противоположные, которые губят, отравляют нас своей борьбой: *эгоизм*, это – тяготение, это мрак, контрактивность, прямое наследие Люцифера, и *любовь*, это – свет, расширение, прямое наследие Бога. Одно влечет к уничтожению всего, кроме “я”, к материи; другое – палингенезия, начавшаяся с прощения Люцифера. Дант очень много видел, представляя все пороки тяготеющими к Люциферу в центр земли...”⁴⁷ В своем юношеском поиске “потерянного рая” (= счастья) Герцен вполне осознанно следовал той путеводной нити, которую обнаружил в сформулированной Иоанном Богословом концепции любви, при этом **комплекс Люцифера** (не ангела, согласно байроновской версии, а “повелителя духов”⁴⁸) омрачал его самосознание до тех пор, пока он не пришел к отрицанию бытия Божия и скрытой целесообразности мировой жизни, потрясенный гибелью своих детей, изменой и смертью 35-летней жены, а также – триумфальным шествием зла в мировой истории, совершавшимся на его глазах. Не случайно уже в 1853 году Герцен перечитывал в Лондоне стихотворение Владимира Печерина – доцента Московского университета, бежавшего в Европу из “проклятой страны” всеобщего рабства и молчания. Стихотворение называлось “Торжество смерти”. Этот **мотив всевластия госпожи Смерти**, хорошо знакомый ему по гегелевской “Феноменологии духа”, стал основным и в его творчестве. “Преподобный отец” Печерин, спрятавшийся от абсурда русской жизни в католицизм, писал Герцену после прочтения его книги “О развитии революционных идей в России” (1851): “У вас вырвалась фраза, счастливая или несчастная⁴⁹, как хотите: вы говорите, что “фаланстер не что иное,

как преобразованная казарма, и коммунизм может быть только видоизменение николаевского самовластья”. Я вообще вижу какой-то меланхолический отблеск на вас и ваших московских друзьях. Вы даже сами сознаетесь, что вы все Онегины, то есть что вы и ваши – в отрицании, в сомнении, в отчаянии. Можно ли переродить общество на таких основаниях?” Владимир Печерин был прав. **“Контрактивность” Герцена и его единомышленников была практическим выражением принципа негации и в этом смысле действительно актуализировала “наследие Люцифера”**, уже принятое ранее Гегелем в “Феноменологии духа”.

“Юношество, время первой любви, неведения жизни располагает к романтизму, – вспоминал Герцен, – романтизм благотворен в это время: он очищает, облагораживает душу, выжигает из нее животность и грубые желания. . . ”⁵⁰ Романтизм в данном случае – разновидность люциферианства, выражающегося в осознании себя падшим человеком-светоносцем, низвергнутым с высоты *первой любви* в мрак повседневной человеческой жизни. В цикле статей “Дилетантизм в науке” Герцен охотно использовал терминологию “Феноменологии духа” для описания уже пережитой им романтической стадии духовного самоопределения. При этом, как верно заметил Д. И. Чижевский⁵¹, он следовал не столько заимствованным логическим схемам, сколько духу философского учения Гегеля. А дух этот – дух “бесконечной негативности” – можно назвать люциферианским⁵².

“Основа романтизма – спиритуализм, трансцендентность. Дух и материя для него не в гармоническом развитии, а в борьбе, в диссонансе, – утверждал Герцен, вскрывая коренной дуализм хорошо известного ему умонастроения. – Природа – ложь, не истинное; все естественное отринуто. Духовная субстанция человека “краснела оттого, что тело бросает тень”. Жизнь, постигнув себя двойственностью, стала мучиться от внутреннего раздора и искала примирения в отречении одного из начал”⁵³. Мучившая романтика *двойственность*, по наблюдению Герцена, проявлялась, прежде всего, в отношении к обоготворяемой им женщине, от которой он ждал ангельской, “слепой покорности” узницы и которую он же втягивал в “буйный разврат”. При этом проповедь “воздержанности от наслаждений” и демонстративное “попрание плоти” сочетались с “беспредельным своеволием” и необузданным бушеванием страстей. В образах Рафаэлевых мадонн Герцен усматривал *апофеоз девственно-женской формы*: “но его мадонны не супранатуральные, отвлеченные существа – это преобразованные девы”⁵⁴. Такою же преобразованною девой представлялась юному Герцену-романтику его Беатриче – Наташа Захарьина. “Теперь нравственное начало моей жизни будет любовь к тебе, – писал он ей из Вятки 12 февраля 1836 года. – Так слетала к Данту его Беатриче из рая в виде ангела”⁵⁵. Нужно признать, что и десятилетием позже Натали, в полном соответствии с логикой древней гностической ереси, воспринималась им как воплощение вечно-женственной ипостаси Абсолюта, *Величавой Вечной Жены* (используем символ Александра Блока). Измены ей Герцен остро переживал как позорившие его в собственных глазах люциферианские падения. Исповедальные главы герценовских мемуаров полны лирических припоминаний, освящающих духовно-эротический опыт “первой любви”⁵⁶, пронизаны пафосом покаяния, отчаяния и скорби. Тургенев, под впечатлением этой пятой (рукописной) части “Былого и дум”, писал М. Е. Салтыкову-Щедрину: “Все это написано слезами, кровью: это горит и жжет. . . Так писать умел он один из русских”⁵⁷.

В итоге книга Герцена стала эпохальным выражением феноменологии мыслящего русского духа – *гения*, не продвинувшегося далее ступени разорванного, “несчастливого сознания”⁵⁸, которое с предельной конкретностью было изображено Гегелем. Герцен познакомился с текстом “Феноменологии духа” в 1839 году. Чтение стало для него своего рода инициацией – посвящением в “тайну времени”. Он был ошеломлен открывшимся ему в ходе чтения Гегеля *смыслом эпохи*: дух первоначального (аутентичного – евангельского) христианства оказался практически полностью вытесненным из мира; вместо него орудовало **“демоническое начало истории”** – “дух Земли” (*Erdgeist* – гегелевский *мировой дух*), требующий от человечества массовых жертвоприношений, повергающий в коллективное безумие народы и сводящий с ума *людей мысли*⁵⁹. Вместо “небесного сияющего духа всеобщности знания и действия” в несчастное сознание, по мысли Гегеля, “вселился дух Земли”:

*Черту оно отдалось
И обречено на погибель*⁶⁰.

Несчастное сознание как феноменальное обнаружение “духа Земли”, “земной энергии заблуждения” (используем выражение Льва Толстого) демонично и как таковое обращено к миру мертвых, пронизано “абсолютным страхом”, страхом смерти. Это сознание, для которого даже “Бог мертв”, поэтому оно есть переживание беспредельной пустоты и скорби. Оно также заключает в себе “момент своей сознающей себя гибели” — заката, падения и катастрофы⁶¹. Вместе с тем несчастное сознание — это всегда *припоминание* о потерянном рае (сознание утраты), *ностальгия*, страстное желание вернуться туда, куда возврата нет. У Гегеля такое сознание “являет себя как помешательство”. В сочетании с тоской по утраченному раю оно демонстрирует “неистовство безумного самознания”⁶². Упрекая Гегеля в непоследовательности и боязни выводов из собственных посылок, Герцен попробовал договорить за него. Из этих попыток и возникли лучшие его вещи в жанре художественной психопатологии: “Доктор Крупов”. “С того берега”, “Былое и думы”⁶³. Изображенные им (вслед за Гегелем) типы самосознания — стоицизм, скептицизм и *несчастное сознание* — представляли собой известные экзистенциальные позиции относительно правящего в мире безжалостного “бога истории”. Сам автор, очевидно, склонялся в своей “раскрытой, движущейся исповеди” к апологии несчастного сознания нигилистов-полуверков, бунтарей-люциферянцев, решившихся на противодействие этому всемогущему “богу истории” и обреченных на блистательное поражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцен А. И. Соч. в 9 томах. Т. 5. М., 1956. С. 265, 388, 534.

² Тургенев И. С. Собр. соч. в 12 т. Т. 12. Письма 1831–1883. М., 1958. С. 433. Диссонансом в хоре хвалебных отзывов о прозе Герцена прозвучал призыв В. В. Розанова “отречься от Герцена, и прежде всего не уважать в нем *литератора* (отвратительный тон)” (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 334).

³ *В мыслях схваченная эпоха* — герценовский перевод гегелевской дефиниции философии из предисловия к “Основам философии права” (1821), которая была использована в “Письмах об изучении природы”. Излагая учение Аристотеля о душе, Герцен вспоминал слова великого метафизика о мышлении, имеющем предметом самого себя, как “верхе блаженства и радости в жизни” (Герцен А. И. Т. 2. М., 1955. С. 194). Опыт такого мышления был и у самого Герцена.

⁴ Даже философы высокого класса не обнаружили в работах Герцена каких-либо философских достижений. Так, например, Н. О. Лосский утверждал, что “этот человек не создал ничего оригинального в философии”, и смотрел на него преимущественно лишь как на идеолога утопического социализма (Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 62–65). Следует отдать должное проницательности В. И. Ленина, поставившего 100 лет назад Герцена на один уровень с “величайшими мыслителями своего времени” — Г. Гегелем и К. Марксом, хотя ленинская искусственная привязка Герцена к диалектическому и историческому материализму и тогда воспринималась как недоразумение. Явно упрощал философскую позицию Герцена и Д. И. Чижевский, сводя ее к вульгарному материализму (Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 219–240.). Справедливо возражая против зачисления Герцена в материалисты, С. А. Левицкий сделал не менее грубую ошибку, назвав Герцена “первым у нас апостолом философского позитивизма” (Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. В двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 88) и таким образом повторив один из основных тезисов работы С. Н. Булгакова “Душевная драма Герцена” (Булгаков С. Н. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1993. С. 98). В действительности Герцен, преодолевая крайности спиритуализма и материализма, прокладывал свой собственный путь в философии, который можно отнести к категории упомянутых им “пропавших путей мысли” — в плане их труднодоступности для современников и, как мы видим, для потомков.

⁵ Герцен А. И. Соч. в 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 355. *Монада* — динамичная единица мирового бытия, “зеркало вселенной”, средоточие божественно-космической жизни в ее неповторимо индивидуальном проявлении.

- ⁶ “Монадология” Г. В. Лейбница заинтересовала Герцена в период освоения историко-философских концепций Г. Гегеля и Л. Фейербаха.
- ⁷ Герцен А. И. Т. 5. С. 492.
- ⁸ К. Маркс называл книгу Г. Гегеля “Феноменология духа” (1807) “местом рождения и тайной гегелевской философии” (Marx K., Engels F. *Über Geschichte der Philosophie*. Leipzig, 1983. S. 512). Эту тайну до Маркса разгадали русские. М. А. Бакунин приступил к изучению гегелевской философии в 1836 г. (вместе с Н. В. Станкевичем), то есть на год раньше Маркса, и уже в 1838 г. опубликовал в “Современнике” первую в России статью о Гегеле (“Гимназические речи Гегеля”). В 1839–1840 гг. им же были написаны две статьи “О философии”, в одной из которых Бакунин проанализировал гегелевскую “Феноменологию”. Первые работы Маркса о философии Гегеля были написаны позднее – в 1843–1844 гг.
- ⁹ Герцен А. И. Т. 4. М., 1956. С. 9–10.
- ¹⁰ В вятской ссылке Герцен под влиянием масона-эзотерика А. Л. Витберга (Карла Магнуса) занялся изучением Э. Сведенборга, подробнейшим образом описавшего свое общение с духами, которые “являются человеку в полном образе своем, то есть, в человеческом; и не только духи из духовного мира, но даже и дух другого человека, покуда он еще в теле” (Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. М., 1993. С. 363). Осенью 1836 г. Герцен в письме к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру просил московских друзей достать для него “Сведенборговы духовидения” (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. С. 339). Именно в вятский период своей жизни он научился **видеть “дух другого человека”** и воссоздавать его в словесных образах.
- ¹¹ Герцен А. И. Т. 4. С. 9.
- ¹² Герцен А. И. Т. 5. С. 16.
- ¹³ Д. И. Чижевский ошибочно утверждал, что “Герцен – первый русский гегельянец, достаточно оценивший “Феноменологию духа”...” (Чижевский Д. И. Гегель в России. С. 221). Первым, судя по публикациям, был все-таки М. А. Бакунин.
- ¹⁴ Герцен А. И. Т. 5. С. 19–20.
- ¹⁵ В книге Жана Валья “Несчастное сознание в философии Гегеля” (1929) оно истолковано как “состояние разорванной души”, не видящей, “откуда может прийти счастье”, чувствующей себя отвергнутой Богом, немощной и ничтожной, не находящей себе места в мире; это “нигилистическое сознание, которое разрушает само себя” (Валья Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля. СПб., 2006. С. 52, 53, 93). В “Феноменологии духа”, по мнению французского философа, показано “стремление темных монад к Богу, который их создал, и такое беспокойство монад уже является несчастным сознанием” (с. 173). Собственно несчастье, которое несет в себе это сознание, состоит в знании Бога как “абсолютной негативности”. Такой Бог не защитит и не поможет. Он только карает, наказывает – как “огонь пожирающий”. В 1930-е годы внимание к феномену “несчастливого сознания” привлек также и Александр Кожев, читавший лекции о гегелевской “Феноменологии духа” в Высшей школе практических исследований.
- ¹⁶ Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. Nach dem Texte der Originalausgabe. Berlin, 1975. S. 134, 135.
- ¹⁷ Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. S. 150.
- ¹⁸ Страхов Н. Н. Литературная критика. М, 1984. С. 368–377.
- ¹⁹ Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. S. 157.
- ²⁰ Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. S. 346.
- ²¹ Категория “падение” не вполне осознанно использовалась участниками кружка Н. В. Станкевича, в частности, еще одним несчастным московским гегельянцем – В. Г. Белинским. В гегелевской “Феноменологии” за этой категорией маячил миф об “отпадении перворожденного сына Света” – Люцифера (Hegel G. W. F. *Phänomenologie des Geistes*. S. 346). На этот миф Гегель обратил внимание, штудировав тексты Якоба Беме. В них “поврежденный и изгнанный Люцифер” представлен в качестве воплощения “скорбной огневой воли” (Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990. С. 360, 217), то есть средоточия того самого *огня негации*, который зажег юного Герцена, превратив его в “пламенного революционера”-люциферианца. Именно в этой своей ипостаси Герцен был увековечен большевиками, почитателями Люцифера-“поджигателя”. “Человек, назначенный жечь, давший место в своей груди огню разрушения, будет все жечь”, – говорил о себе Герцен (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. С. 340).
- ²² Герцен А. И. Т. 5. С. 499.

- ²³ Там же. С. 606.
- ²⁴ Н. Н. Страхов сводил “главное открытие” Герцена к “мысли о падении Запада” и его “духовном вымирании” (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 383), преуменьшая таким образом впечатляющий масштаб герценовской постмодернистской историософии.
- ²⁵ Герцен А. И. Т. I. М., 1955. С. 375 (подробнее об этом см.: Водолагин А. В. Психопатология всемирной истории. — В кн.: Космос и мировая история. М, 2002; Водолагин А. В. Хитрость неразумия. А. Л. Чижевский о психических эпидемиях в социальной истории человечества. // Литературная Россия, 2007, № 28.
- ²⁶ Герцен А. И. Т. 4. С. 54.
- ²⁷ “Евангелие должно взойти в жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство”, — полагал Герцен в 1844 году (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. Лемке М. К. Т. III. 1842–1845 гг. Пг., 1915. С. 319).
- ²⁸ Герой герценовской повести “Легенда” поклялся “сделать из души своей храм Христу” (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. Петроград. 1919. С. 244). Интересно, что эпиграфом к повести было выбрано рассуждение Августина Блаженного о двух родах любви, образующих общество: “любви к себе, доведенной до презрения к Богу” и “любви к себе, доведенной до презрения к самому себе” (Антология мировой философии. В четырех томах. Т. I. Ч. 2. М., 1969. С. 602).
- ²⁹ Там же. С. 323.
- ³⁰ В кругах русских интеллектуалов Серебряного века утвердилось ошибочное мнение о безрелигиозности (индифферентизме) или даже атеизме Герцена. Так думали, например, Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков.
- ³¹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М, 1983. С. 210–211.
- ³² Герцен А. И. Т. 4. С. 164, 165. “В будущую эпоху нет брака, — записал Герцен в дневнике в 1843 году, — жена освободится от рабства, да и что за слово “жена”?” (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. III. С. 119).
- ³³ Герцен А. И. Т. 4. С. 165.
- ³⁴ Феноменологический анализ нигилизма как психического состояния и умонастроения Герцен предпринял задолго до Ницше и раньше И. С. Тургенева. Оснований для сближения воззрений Герцена и Ницше достаточно. Одно из них — не совсем обычное — было предложено самим Ницше: в состоянии умопомрачения он вспомнил о дочери Герцена, с которой был знаком. В ней “живет ее отец, и им тоже был я!” — воскликнул обезумевший философ (Ницше Ф. Письма. М., 2007. С. 363).
- ³⁵ У Сен-Симона, по словам Ф. Энгельса, “мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших экономистов” (Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1985. С. 42).
- ³⁶ Герцен А. И. Т. 4. С. 166.
- ³⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 126.
- ³⁸ Малиа М. Александр Герцен и русский социализм. 1812–1855. М., 2010. С. 161, 163.
- ³⁹ Таким же Христа воспринял позднее создатель аналогичной ереси — Лев Толстой.
- ⁴⁰ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. С. 155, 167.
- ⁴¹ “Явление гностических школ чрезвычайно важно, — отмечал Герцен в 1844 году, — здесь все фазы древнего миросозерцания сделали опыт соединиться с философией новой религии. ... Гностицизм некоторым образом привился к греческой церкви, оттого она непрерывно занимается теодицеей, а западная церковь — жизнью” (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. III. С. 329–330). Герцен восхищался гениальной личностью гностика Маркиона, которого, между прочим, упоминает и Н. А. Бердяев, анализируя миросозерцание В. Г. Белинского — единомышленника Герцена (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 35). Маркион Синопский из Понта — выдающийся христианский гностик, защитник первоначального, внецерковного христианства — противопоставил благого Бога Евангелия злому богу Ветхого завета Демиургу и сотворенному им миру вещей (Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 107–154). Об интересе Гегеля к взглядам Маркиона говорил Жан Валь (Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля. С. 44).
- ⁴² Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. III. С. 88.

- ⁴³ “Двойное сознание” (*gedoppelten Bewußtsein*) – термин, использованный Г. Гегелем в “Феноменологии духа” для описания интересующей нас ступени духовного развития личности.
- ⁴⁴ Герцен А. И. Т. 5. С. 378. Тираническая природа злого бога-демиурга персонифицировалась для Герцена (как и для его друга Михаила Бакунина) в образе императора Николая I.
- ⁴⁵ Байрон Д. Г. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4. М., 1981. С. 337. Байрон возобновил традицию “облагораживания Каина”, у истоков которой стояли члены одной из древних гностических сект – *каиниты*. В России эту линию продолжил восхищавший Герцена и Белинского М. Ю. Лермонтов. Согласно Маркиону, миссия Христа состояла в спасении из ада Каина и других противников Иеговы.
- ⁴⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. В двух томах. Т. I. Париж, 1989. С. 287–288.
- ⁴⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. 325.
- ⁴⁸ Байрон Д. Г. Т. 4. С. 335. М. Малиа говорит о печати красоты Люцифера на лице Герцена (Малиа М. Александр Герцен и русский социализм. С. 252).
- ⁴⁹ Конечно же, “несчастливая фраза” и за ней – “несчастное сознание”.
- ⁵⁰ Герцен А. И. Т. 2. С. 38.
- ⁵¹ Чижевский Д. И. Гегель в России. С. 237.
- ⁵² Водолагин А. В. Философия беспощадного отрицания. // Развитие личности. 2009, № 2. С. 54–68.
- ⁵³ Герцен А. И. Т. 3. С. 32. *Отречение* (*Entsagung*) – одно из ключевых понятий в мышлении “московских гегельянцев” 1840-х годов (Водолагин А. В. Центральная фигура в истории русского самосознания. // Наш современник. 2011, № 10. С. 241–247).
- ⁵⁴ Герцен А. И. Т. 2. С. 36
- ⁵⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. С. 225.
- ⁵⁶ Любовь Герцена к Натали была “первой” по своей экзистенциальной значимости (а не в “хронологическом” смысле). Известна памятная надпись “Милой сестрице...”, сделанная 14-летним Сашей Герценым в знак любви к девятилетней Наташе Захарьиной (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. Петроград, 1919). В дневнике 1843 г. Герцен записал: “Моя любовь к Natalie – моя святая святых, высшее, существеннейшее отношение в моей частной жизни” (Герцен А. И. Т. III. С. 92).
- ⁵⁷ Тургенев И. С. Т. 12. С. 487. Между прочим, вопреки расхожей схеме он причислял Герцена к “славянофилам”. Вклад Тургенева в разработку феноменологии русского духа не менее значителен, чем герценовский.
- ⁵⁸ Плебейская зависть В. В. Розанова к “миллионеру Герцену” помешала ему понять, что тот не был “счастлив в себе”, не знал “тоски по иностранному”, да и к Прудону относился вовсе не как к “знатному иностранцу” (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 144, 121).
- ⁵⁹ Завидовавший литературному успеху “богача Герцена” Розанов заимствовал у него этот гностический мотив: “...В истории и даже в мире, в сложении его, в корнях его лежит и всему присуща злая, безобразная воля: Каин, Дьявол, Люцифер” (Розанов В. В. Уединенное. С. 335).
- ⁶⁰ Hegel G. W. F. *Phanomenologie des Geistes*. S. 262.
- ⁶¹ Hegel G. W. F. *Phanomenologie des Geistes*. S. 271.
- ⁶² Hegel G. W. F. *Phanomenologie des Geistes*. S. 271.
- ⁶³ В “Былом и думах” Герцен, между прочим, говорит о своем интересе к анализу “уродливых форм русской жизни”.

СЕРГЕЙ СУББОТИН

“МОЯ КОРОЛЕВНА — РУСЬ!..”

К 125-летию со дня рождения Александра Ширяевца

Талантливый и самобытный русский поэт Александр Васильевич Абрамов (литературное имя — Александр Ширяевец; 1887–1924) вошёл в историю отечественной литературы прежде всего как “баюн Жигулей и Волги” (так назвал его в одном из своих писем Сергей Есенин). И это неудивительно: ведь впечатления детства и ранней юности, что прошли на волжских берегах, ярко отразились в стихах поэта.

Его родное село Ширяево (в честь которого он и взял свой псевдоним) расположено у великой русской реки, в одном из самых живописных мест. Село стоит при входе в расширяющееся устье Ширяевского оврага (буерака), который тянется по территории Самарской Луки. Если идти вдоль него, то можно увидеть каменные стены и скалы, сосновые и березовые леса, поляны и родники. По обеим его сторонам к Волге спускаются две горы. С их вершин открывается широкая панорама Волги, и хорошо просматривается долина “междугорья”. Вот как писал впоследствии сам поэт, вспоминая родные места:

*В междугорья залегло —
В Жигулях моё село.*

*Рядом — Волга... Плещет, льнёт,
Про бывалое поёт...*

.....
*А кругом простор такой —
Глянешь, станешь сам не свой!*

*Всё б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!**

И в этом, да и во многих других стихотворениях Ширяевца не случайно звучат ностальгические ноты. Ведь большинство произведений поэта было создано им вдали от родных мест, в Туркестанском крае, куда он был вынужден переехать ещё в ранней юности и где прожил большую часть своей недолгой жизни.

* Стихи Ширяевца приводятся здесь по его книге “Песни волжского соловья: Избранное” (Тольятти: Духовное наследие, 2007; сост. и вступ. ст. Е. Г. Койновой, подгот. текстов Е. Г. Койновой и С. И. Субботина), а также по публикациям автора этих строк в альманахе “День поэзии-1986” (М., 1986) и журналах “Наше наследие” (1988, № 3) и “Наш современник” (2007, № 4).

С 1905 по 1922 годы (с перерывом в один год) он работал телеграфистом в разных городах Туркестана — от Ташкента до Бухары:

“... я ведь служу теперь в почтово-телеграфном ведомстве, — писал он из Чарджуя в Москву 27 ноября 1914 г. одному из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка писателей из народа Г. Д. Дееву-Хомяковскому. — От деревни я отстал, служил одно время чернорабочим в Самаре на бумагокрасильной фабрике, потом писцом, а потом уже влез в чиновный мир. Одно меня утешает — я один из тех мелких чинуш, имя коим легион и которые ещё более бесправны, чем крестьяне и рабочие... Мыслить я должен не так, как мне нравится, а так, как предписывают разные циркуляры и отношения... Ничего не поделаешь: жрать захочешь, так не только чиновником сделаешься, а и хуже... <...> Живется мне несладко, ведь у нас начальников тьма-тьмушая, и каждый может тебя в бараний рог согнуть...”

Ну, пока будет об этом. Скажу одно: я с гордостью думаю, что я сын народа, и тянет меня в деревню; тот же мир, в который затолкнула меня судьба, противен мне и омерзителен. Только и отвожу душу песней”*

И в самом деле, с 1908 года Ширияевец регулярно печатается в туркестанских газетах и журналах. В 1911 году он со своими друзьями-стихотворцами Л. Порошиным и П. Поршаковым выпускает в Ташкенте коллективный сборник “Стихи”. Разделы этого сборника, автором которых был Ширияевец, именовались — “Ранние сумерки” и “Песни”. Большинство вошедших в них стихотворений поэта ещё несёт на себе явную печать подражательности. И всё же в некоторых из них, возросших на почве фольклора, Ширияевец пробует хотя и неокрепший, но свой собственный голос:

*Ой, стелется метелица, заносит все пути,
Ни конным не проехати, ни пешим не пройти!
Всё носится, бахвалится: “Уж я ль да не сильна!
Посиживай-ка в горенке у мерзлого окна!”*

В 1911–1912 годах его стихи появляются уже и в столичной печати, в частности, на страницах петербургского еженедельника “Народный журнал”. Редактор этого издания Е. К. Замысловская так отозвалась о даровании Ширияевца в самом первом письме к нему (конец января — начало февраля 1913 г.): “Ваши стихи с благодарностью приняты. Прошу присылать еще. По-моему, у вас большие способности...”*

А в 1913 году появляются первые произведения поэта на сюжеты из русской истории. Его “Смерть князя Михаила Скопина-Шуйского” стоит привести здесь целиком — ведь это стихотворение, исполненное неподдельной творческой энергии (хотя и не без шероховатостей), еще не включалось в книги Ширияевца ни разу (возможно, по причине явной переключки с балладой А. К. Толстого).

*Случилось то деянье в старинные года.
Ах, знал ли князь Михайло, что ждёт его беда,*

*Не в схватке ждет с врагами — на званом на пире...
Ты знал ли, светлый витязь, что шёл ты не к добру?*

*...Справляет пир крестинный стар Воротынский князь...
Пьяны, хмельны бояре... И молвят так, хвалясь:*

*“Не я ли славен силой?!” — “Не я ль златой казной?!”
“Кто сравнится с моею дородною женой?!”*

*Один лишь князь Михайло беседы не ведёт,
Не пьет он вин и браги, а только сладкий мёд...*

*Цит. по: Субботин С. “Я сын крестьянской полевой Руси...” (Об Александре Ширияевце) // Советская литература. 1990. № 4. С. 12.

*Да, видно, бес лукавый толкнул его сказать:
“Не стыдно ль по-пустому, бояре, толковать!”*

*А кто вам Русь избавил от ворогов лихих? —
Спросите деток малых и старцев вы седых,*

*Спросите-ка, бояре, и всяк ответит вам:
То сделал я! Потомкам я имя передам...”*

*Смутились гости, слыша зазорные слова,
И не одна хмельная взбесилась голова.*

*Исполняя лютой злобы, кладут отраву в мёд,
И князь-Михайле чару с тем медом подаёт*

*Скуратова Малюты, в отца лихая, дочь:
“Пей, князюшка! До мёда ведь больно ты охоч!”*

*Ой, князь Михайло Скопин, почто ты выпивал
Ту чару с лютым зельем!*

А выпивши, упал...

*И кинулися други, сажали на коня...
Везли домой...*

И начал хиреть с того он дня...

И отдал Богу душу...

*Да слава-то растёт, —
О витязе, о светлом, Русь помнит и поёт...*

(“Туркестанские ведомости”, 17 (30) марта 1913 г.)

На 1913–1914 годы приходится интенсивное эпистолярное общение молодого поэта с Е. К. Замысловской, которая не только регулярно сообщает ему о событиях столичной литературной жизни, но и рассказывает о нём своим знакомым по писательскому цеху. Тогда же (благодаря Замысловской) начинается переписка Ширяевца с Николаем Ключевым, заметно повлиявшим на формирование его творческой личности: “...его <Ключева> советы — настоящий клад для меня”, — признаётся Ширяевец в одном из писем.

В свою очередь Ключев рекомендует Ширяевцу посылать свои сочинения в “Ежемесячный журнал”, редактором-издателем которого был В. С. Миролубов, по праву слывший пестуном писателей “из низов”. Именно в этом журнале и появляются в 1914–1916 годах лучшие стихи и песни поэта того времени.

Среди них — стихотворение “Бурлак”, еще при жизни Ширяевца получившее широкую известность (оно неоднократно перепечатывалось и было положено на музыку):

*Уплыву, как только вспенится
Волга — матушка-река!
У бродяг душа не пленница,
Не дрожит у кошелька!*

*Любо петь мне песни смелые,
Что поёт по Волге голь,
Двинуть вёсла в гребни белые!
— Эх, зазноба, не неволь!*

*Уноси быстрей, кормилица,
Наши барки и плоты!
Глядь, и ветер принасилится, —
Будет меньше маеты...*

*Не меня ль краса румяная
Манит с берега рукой?..
Да мила мне воля пьяная!
Обручился я с рекой!*

Стихи Ширяевца в “Ежемесячном журнале” обратили на себя внимание юного Сергея Есенина, чьи стихотворные опыты еще только-только начинали тогда появляться на страницах московских журналов. 21 января 1915 года он пошлет Ширяевцу эмоциональное письмо, положившее начало многолетней переписке поэтов и их тесной дружбе. Именно эти письма Есенина в Туркестан, опубликованные в начале 1960-х годов в собрании его сочинений, а затем многократно перепечатывавшиеся, сыграли важную роль в том, что имя Ширяевца и в наши дни не поросло “травой забвения”.

В мае 1915 г. поэт едет в отпуск в родное Ширяево, а затем – через Москву – в Петроград, где встречается с журналистами, писателями, издателями... Один из туркестанских друзей поэта позднее вспоминал:

“Осенью <точнее, летом. – С. С.> 1915 г. вернулся, после долгого сравнительно скитания, весёлый, бодрый и уверенный в себе, как потом никогда. Посетил московских и петербургских писателей. Виделся с Бальмонтом, Горьким, Буниным, Мережковским, Гиппиус и др. и в особенности был очарован Сергеем Городецким. Привез книги с автографами писателей и бережно хранил их всю жизнь. Городецкий подарил ему свой старый английский френч, и он его берёт до 1920 г., когда в голодную пору променял на хлеб. Гиппиус подарила ветку сирени, и он хранил её как реликвию. Сильно горевал, что не добился свидания со своим любимым поэтом А. Блоком. Также грустил, что не повидал Орешина, Клюева и др. <...> С этой поездки он ожил и стал неузнаваем. Песни начал петь бодрые; Волга с курганами снилась ему во сне. “Надо учиться и учиться, работать над собой”, – и бросался за самообразованием... “Вон, смотри, какие поэты пришли: Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Бальмонт, Блок: где нашему брату, сераку, за ними угнаться. Их природа одарила талантом, а судьба, или рок, создала благоприятные условия для всестороннего развития. Детям нищеты материальной всё дается с бою”, – и он гордо указывал на развитие такого же бедняка, как и он, Максима Горького”*.

Не найдя себе издателя в Петрограде, Ширяевец вскоре после возвращения из поездки выпустил в Ташкенте свой первый авторский сборник “Богатырь” (1915), куда вошли стихи, навеянные шедшей тогда войной. Но и после этого поэт не расстался с давней мечтой – издать книгу, в которой были бы представлены его лучшие произведения, напечатанные в столичных журналах. Этот сборник – “Запевка” – вышел в свет тоже в Ташкенте осенью 1916 года тиражом всего 240 экземпляров: “. . . вот всё, что мог я выпустить на собственные деньги”, – сетовал поэт в одном из писем.

Ширяевец разослал книгу и в редакции газет и журналов, и своим корреспондентам. Сборник получил одобрительные отзывы в прессе. Об одном из его разделов рецензент столичного “Журнала журналов” (1916, № 45) писал так: “. . . в “Волжских песнях” Ширяевец своеобразен, свеж и неожидан. Тут свои слова, свои образы и музыка <...>. Правда, эти образы рассыпаны не щедро, суров и прост язык волжских песен, но есть не видимая, а осязаемая образность в напряжении стиха, в его непосредственной, неподдельной “ядренности”. В этой рецензии было немало критических замечаний о языке и стиле некоторых стихотворений Ширяевца, но завершалась она фразой, в которой автор “Запевки” был назван “несомненно большим поэтом”.

В откликах друзей тоже не обошлось без критики. Николай Клюев отметил, что “издана “Запевка” безобразно” и что “так издаваться нельзя – это страшно вредит стихам”, но продолжил: “Мы в Петрограде читали и пели твои стихи братски – четыре поэта-крестьянина: Серёженька <Есенин>, Пимен Карпов, Алеша Ганин и я. Нам всем понемножку нравится в тебе воля и Волга – что-то лихое и прекрасное в тебе”.

Отзыв иной тональности пришел Ширяевцу от Владислава Ходасевича, кому тоже была послана “Запевка”:

* Ш п а к П. П. Воспоминание о поэте Александре Васильевиче Ширяевце // Книга для чтения по истории новейшей русской литературы / Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет / Сост., снабдил примеч. и введ. статьями В. Львов-Рогачевский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1925. С. 166–167.

“Мне не совсем по душе весь основной лад Ваших стихов, — как и стихов Клычкова, Есенина, Клюева: стихи “писателей из народа”. <...> И в Ваших стихах, и у других, упомянутых мною поэтов, — песня народная как-то подчищена, вылощена. Всё в ней новенькое, с иголки, всё пестро и цветисто, как на картинках Билибина. Это — те “шёлковые лапотки”, в которых ходил кто-то из былинных героев, — Чурило Пленкович, кажется. А народ не в шёлковых ходит, это Вы знаете лучше меня. <...> У Вас есть дарование, глаз, напев в стихах. Пишите то, в чём Вы действительно сейчас живёте, — а не воспоминания какие-то. Да по правде сказать — и народа-то такого, каков он у Вас в стихах, скоро не будет. <...> У России, у русского народа такое прекрасное будущее, что ему (будущему) служить да служить. А старое — Бог с ним. В нём тоже много было прекрасного — да ведь его не вернуть”.

7 января 1917 года Ширяевец написал своему оппоненту полный достоинства ответ:

“Скажу кое-что в свою защиту. Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он так и дорог нам, что его скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурило в шёлковых лапотках с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурило, в американских щиблетах, с Карлом Марксом или “Летописью” в руках, захлёбывающийся от открывающихся там истин?.. Ей-богу, прежний мне милее!.. <...> Да и как не уйти в старину от теперешней неразберихи, ото всех этих истерических воплей, называемых торжественно “лозунгами”... Пусть уж о прелестях современности пишет Брюсов, а я поищу Жар-Птицу, пойду к тургеневским усадьбам, несмотря на то, что в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем... <...> не люблю я современности окаянной, уничтожившей сказку, а без сказки какое житье на свете? Очень ценны мысли Ваши, и согласен я с ними, но пока потопчусь на старом месте <...> О современном, о будущем, пусть поют более сильные голоса, мой слаб для этого...” (цит. по: Ходасевич В. Некрополь. Paris, 1976, с. 220–221).

Тем не менее, вскоре, вдохновленный революционными событиями февраля 1917 года в центральной России, Ширяевец возвысил-таки свой голос, радуясь ветрам перемен, повеявшим над многострадальной родиной:

*Русь, вставай! Довольно муки!
Нет ни тюрем, ни оков!
Слышишь радостные звуки
Вечевых колоколов?*

*Вьется пурпурное знамя,
Песнь свободы как прибор.
— Распротись с больными снами,
Светлый путь перед тобой!*

Это стихотворение станет составной частью стихотворного цикла поэта “Зори-заряницы” (1917), опубликованного в сборнике “Красный звон” (названном, кстати, по словам одного из произведений этого цикла). Книга эта вышла в Петрограде (уже в феврале 1918 года) с предисловием известного критика Иванова-Разумника и получила поистине всероссийскую известность. Кроме ширяевецкого цикла, в нее вошли также стихи Николая Клюева, Сергея Есенина и Петра Орешина.

Тогда Ширяевец был полон надежд на грядущее обновление жизни родины. 31 марта 1917 года он пишет своему другу Павлу Поршакову;

“...не могу опомниться от событий этого месяца... Не во сне ли всё это снится? — Чудеса! Много выкриков, “лозунгов” и прочего, кое от чего начинается тошнить, но я жду, что скажет не фабричная, считающаяся только с Карлом Марксом Русь, а Русь деревенская, земледельческая, и заранее отдаю ей мои симпатии, ибо только в ней живая сила...”*

*Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1985. Т. XXVI. Fasc. 3/4. P. 434 (публ. Мишеля Никё).

Но события продолжают развиваться, и летом 1917 года к Ширяевцу приходит ощущение, что Россия — на узловом распутье времен... И всё же он не теряет надежды, что родина обретёт верный путь:

*За Русью-молодицей
Бегут два паренька:
— Ну, что же, озорница,
Кому твоя рука?*

*— Не я ли ражий, бравый,
С червонцами мошна, —
Пойдём со мной направо,
Ей, будешь, что княжна!*

*— Не слушайся буржуя!
Уж я ль не по душе?
Налево! Докажу я —
Быть счастью в шалаше!*

*...Несутся вперегонку,
За белы руки хватъ...
Она смеётся звонко:
— Ой, не пора ль отстать!*

*Скажу я вам без гнева:
Я путь без вас найду!
Ни вправо и ни влево
Я с вами не пойду!*

Однако смута, в октябре того же года охватившая (уже в который раз!) всю Россию, рождает трагические ноты в стихах поэта:

*Давно-давно на подвиг славный
Богатыри не мчатся вскачь,
И горше плача Ярославны
Твой заглушённый тихий плач...*

*Не злым врагом, не в поле ратном
Твой щит старинный дерзко смят, —
В краю родном, ножом булатным
Сыны любимые разят!*

*Как зверь, метнувшийся из чащи,
Бегут они, и дик их зов,
И отдают рукой дрожащей —
Дары отважных Ермаков...*

*Да что дары: твой крест нательный
Они заложат под галдёж!
И плачешь ты в тоске смертельной,
И клича Мининского ждёшь...*

*— Ужель не будет светлой яви,
Ужель последний час настал?..
— Избави, Господи, избави!
Спаси, Угодник, как спасал!*

Впрочем, становление новой власти в Ташкенте — главном городе тогдашнего Туркестанского края, где жил Ширяевец, — прошло гораздо спокойнее, чем в центре или на юге России, в Поволжье или в Сибири...

И вскоре поэт начинает регулярное сотрудничество в туркестанской советской печати. С января 1918 года он публикует на страницах газеты “Свободный Туркестан” не только стихи, но и рассказы, фельетоны, статьи, и в их числе — статью “Три витязя (О поэтах из народа)”, посвященную собратьям по духу в русской поэзии: Николаю Клюеву, Сергею Есенину и Сергею Клычкову. 13 июня 1918 года первый номер газеты “Советский Туркестан” сообщает об избрании Ширяевца членом одной из комиссий Ташкентского профессионального союза журналистов. Тогда же он становится слушателем Туркестанского народного университета, открывшегося в Ташкенте, и печатается в университетской периодике — газетах “Народный университет” и “Просвещение” и журнале “Вестник Туркестанского народного университета”.

Еще в 1914–1915 годах в письмах старших товарищей по литературному цеху, обращенных к молодому поэту (и написанных независимо друг от друга), прозвучали схожие напутствия: “Пиши своё — телеграфное, или домашнее, или бухарское” (Николай Клюев); “Пишите только своё, живое, то, что в Вашем сердце и вокруг Вас — хотя Чарджуй” (Иван Бунин). Эти советы, очевидно, не прошли для Ширяевца бесследно — в своем послереволюционном творчестве он, наконец, берется и за восточную тему. Его ориентальные стихи составили книгу “Край солнца и чимбета (Туркестанские мотивы)”, выпущенную в 1919 году издательством “Туркцентропечать”.

В одном из этих стихотворений поэт признаётся:

*Не любил этот край я, уснувший царевой
От заклятий неведомых, губящих сил;
Уносился я к Волге певучей и гневной,
С Жигулями родными во сне говорил...*

*А теперь стало жаль мне сожжённых, пустынных,
Ожидających чуда бескрайних полей,
Бледных рук в потускневших браслетах старинных,
Шелестящих о чем-то в полусне тополей...*

И всё же родина-Русь продолжает оставаться главной темой произведений Ширяевца. Мотивы русских сказок легли в основу его пьесы “Об Иване Крестьянском сыне, Ненаглядной Красоте и Кощее Бессмертном”, выпущенной отдельным изданием той же “Туркцентропечатью” (1919) с посвящением Сергею Есенину. Пьеса в целом пришлась по душе корифею этого жанра — Алексею Ремизову, завершившему свой отзыв о ней словами:

“...конец — освобождение Ненаглядной Красы и смерть Кощея — полн настоящей театральной игры. В театре народной комедии сказка должна занять место...” (в его кн. “Крашенные рыла”, Берлин, 1922, с. 104).

Оставив в 1919 году опостылевшую ему чиновничью службу, Ширяевец стал работать в одной из ташкентских библиотек-читален. Именно в эти годы он обретает свой неповторимый поэтический голос. Осень 1920 — зима 1921 годов оказались для поэта необычайно продуктивными. В это время из-под его пера практически каждый день выходит по одному или даже по несколько стихотворений (большинству их, к сожалению, не было суждено увидеть свет при жизни автора). В основном — это произведения жанра стихотворной миниатюры, несомненным мастером которой становится Ширяевец.

Тематически они весьма разнообразны. Это, например, самохарактеристика горделиво-иронического оттенка:

*— Ничегохыньки не смыслю в Брамах!
— Швец я песен, в гусельки игрец!
Одним словом, Александр Васильевич Абрамов
(Ширяевец).*

Или — в том же духе:

*Сурьезных тем я не касаюсь — ну их! —
Глаза на лоб полезут! То ли дело:
“Любовь” — “кровь”, Солнце, Волга...
В поцелуях*

*Жизнь притче стрел без Ницше пролетела.
И невдомёк мне: хорошо аль худо?
Наук не помню. Дуньку не забуду!*

А вот пейзажная зарисовка:

*Заревого багреца
Сказка-быль огнистая!
Солнца-молодца — гребца
Кудри золотистые!*

Или шутивное стихотворение эротической окраски:

*— Ночь, засвети-ка звездинки-хрусталинки,
Месяц-всезнайку поставь на виду!
— Девоньки! Бабоньки! Дуй к сеновальнику!
Станем отыскивать нашу звезду!*

Восхищает творческая свобода, с которой поэт обращается теперь с самыми разными стихотворными формами — от классических до верлибра (“Нерифмованные пустилки”):

*Смотреть на Солнце и думать о Кресте над могилкой!
Видеть звёзды и не чувствовать Бога!
Получать цветы и знать, что тебя никто не любит!
Дышать розами и стыннуть Северным полюсом!
В шуме аплодисментов знать, что ты одинок!
Смеяться и слышать в душе плакучую иву! —
Чёрт возьми! А в общем всё — пустилки!*

Целый ряд миниатюр Ширяевец посвящает любимым художникам — как мастерам старшего поколения (“Васнецов и Нестеров, Суриков и Рерих, — // Богатырский слёт! // — Им не надо каменных, огненных Америк, // Мил им русский лёд...”), так и современникам. Вот стихотворение “Художнику А. Н. Волкову”, адресованное другу поэта по Ташкенту:

*В твоих картинах солнце заплясало,
В них Туркестан звенит огнями красок!
Быть может, солнце их нарисовало,
Быть может, это чары древних сказок!..*

*Цвета — зеленый, жёлтый, синий, алый
Вливаются поюще рекою!
— Да, ясно, ясно: солнце рисовало!
Но знаю: ты водил его рукою!..*

(Написанное 13 января 1921 года, это стихотворение в 1990-е годы было переведено на итальянский язык слависткой Кристиной Манфреди*).

И всё же главной темой творчества Ширяевца по-прежнему остаётся Русь. Он с вызовом заявляет:

*Напев жалейки грустно-хлипкий,
Ключи подземные криниц
Не променяю я на скрипки
И на шампанское столиц!*

*Я иноземные огарки
Не стану нюхать-смаковать!*

*Manfredi C. Aleksandr Volkov: Cenni biografici // Volkov A. Motivi Uzbecchi a cura di Giampiero Bellingieri, Cristina Manfredi, Gianroberto Scarcia. [Venezia]: Poligrafo, 1998. P. 16.

*На что Венеции мне арки! —
Пойду с жалейкой полевать!*

*И, с песней странствуя по весям,
Я миг заветный улучу
И запалю до поднебесья
Родную Русскую свечу!*

Искренность этих чувств несомненна — они действительно выстраданы всей жизнью поэта. И когда его родное Поволжье постигает великое несчастье — грандиозный по своим масштабам голод весны-лета 1921 года, — Ширяевец откликается на это событие всем своим существом. У него рождается сочинение подлинно трагедийного звучания — поэма “Голодная Русь” (1921–1922). При жизни автора это произведение печаталось лишь фрагментарно, а затем оказалось среди т. н. “пропущенной литературы”, много десятилетий утаиваемой властью имущими — сначала от современников, а затем и от следующих поколений читателей. Полностью “Голодная Русь” была опубликована автором этих строк почти через 70 лет после ее создания — в апреле 1990 года (“Советская литература”, 1990, № 4).

С ее страниц встают перед нами сыны и дочери крестьянской России, попавшие в тяжкую беду. В одном из писем августа 1921 года, написанном, когда работа над поэмой уже началась, Ширяевец называет себя так же, как и своих героев: “Я сын крестьянской полевой Руси...”. Обжигающей скорбью просто пышут некоторые места поэмы:

*Солнце
На красной лошади,
Как пьяный опричник,
Скачет,
Знойной плеткой хлещет
По Русской Земле...*

*— Господи!
Чудотворцы!
Ведь и люди, и суглинок плачут,
Ведь скоро звёзды сорвутся от смертного клича!
Помолитесь о Русской Земле!*

*...Солнце на красной лошади
С жутким скачет криком,
Хвалится пьяной силой...
— Полевую Русь-горемыку
Господи,
Помилуй,
Помилуй!*

Поднимаясь временами до обличительного пафоса с саркастическим оттенком:

*На плакатах нарисованы смачно
Светлого будущего люди свободные,
.....
На плакатах — полное счастье!
Дымятся удивительно красивые фабрики,
Выбрасывают “брату-крестьянину”
Молотилки, плуги, косы,
И много,
Много добра
Повезут паровозы
Пахарю-мужику...*

*А здесь — за напастью напасти!
Вчера,
Голодом затравлена,
С откоса,
Как зяблика,
Ребенка родного бросила мать в реку, —
Высохли груди.
— Веселитесь, светлого будущего свободные люди! —*

поэт вновь и вновь возвращается к народной трагедии. В финале произведения разворачивается поистине апокалипсическая картина:

*Весенний рассвет,
Улыбнувшись в пруде,
Над Русской равниной
Брежит победно.
— Люди едят людей,
Скрежет,
Звериный скрежет,
Вой людоедный.*

Весенний рассвет.

.....

*— Христиане,
Говели, причащались когда-то,
Бухались перед Спасом,
А теперь, только ночь,*

*Брат
Караулит — брата,
Мать —
Дочь,
Внук — деда, —*

*Поймать,
Заарканить,
Пообедать
Человечьим мясом.*

*По листве тоскуют чащи.
У кладбищенских ворот
Труп обглоданный, смердящий
Вешний ветер ловит в рот.*

Немногим из современников поэта довелось прочесть “Голодную Русь” целиком... Но даже те из них, кто не читал эту вещь, а воспринимал её лишь на слух, под свежим впечатлением отмечали:

“Были заслушаны стихи Ширяевца из его новой книги “Голодная Русь”. Стихи написаны с чувством, ярко и производят на слушателей сильное впечатление”^{*}.

Столь же заметным явлением стала и другая поэма Ширяевца, написанная в то же время, — “Мужикослов”.

Это своего рода череда видений, посетивших поэта во время одной из бессонных ночей. Перед ним как бы развёртываются некоторые эпизоды не легкой многовековой истории “мужицкой Руси” — истории праотцев, дедов, отцов...

Поэма строится на контрасте: отображается талантливость русского народа и одновременно — беспросветная убогость его существования. В прошлом

^{*} КиМ. Вечер Лито // Коммуна. Самара, 1922. 3 июня.

“чумазой” Руси было мало хорошего: “Всласть поели немного вы ситного, / Пиво ячное, мед протекли мимо ртов...”. Однако именно они — “лапотники, пахотники, чернокостные-смерды” — показывали чудеса храбрости в военных сражениях: “А кто с альпийских лысин / Свистнул / На весь мир? / — Вы!” Именно они — “печальники, кабальники, безвестники, смерды” — благодаря своей одаренности “песенных Жар-птиц метнули по свету”...

Особенная боль — за безвестных русских крестьянок, “мамынек, баушек, Арин Родионовен, зацапанных баррами-блуднями для соромной забавушки”. Обращаясь к ним, поэт сострадает:

*Радости видано много ли?
Не вы ли
Поили
Песнями, сказами ярыми
Пушкиных, Корсаковых, Гоголей!
А самим — оплеухи, пинки,
Синяки
Да могилки неизвестные, убогие!*

Он сострадает мужикам: ведь все они — ему “сродники”. Но при этом ему неведомы пути, которые могут привести к изменению их жизни в лучшую сторону:

*— Крест ли, меч ли возьму — не знаю,
Помолюсь кому — невдомёк!*

Вот почему возникает желание мстить: “Глубже Волги тоска холопья! / Рассчитаюсь, отцы, за вас!” События октября 1917 года восприняты поэтом как “холопский рассвет” для тех, что весь век ходили в “шобонах”.

Однако правда жизни, всегда остро ощущавшаяся Ширяевцем, не позволила ему покривить душой и перейти к воспеванию революции. В советский период главным недостатком “Мужикослова” считалось то, что “руководящая сила революции образно <...> в поэме не осмыслена, и в этом, бесспорно, сказалась ограниченность мировоззрения поэта” (В. Красильников). Иной была точка зрения многих читателей. “Мужикослов” стал одним из самых любимых произведений Сергея Есенина, который знал поэму наизусть и часто читал вслух. Он прочёл ее, рыдая, и в день похорон Ширяевца...

“Мужикослов” был издан в Москве, куда Ширяевец переехал из Туркестана лишь во второй половине 1922 г., потеряв тогда же горячо любимую им мать. Книга вышла в 1923 г. с посвящением: “Памяти матери моей Марии Ермолаевны”.

Прохождение “Мужикослова” в печать не обошлось без препон идеологического характера, о чем говорится в письме Ширяевца Павлу Поршакову: “С “Мужикословом” вышла история. Он был уже набран, я проверил корректуру, но не разрешило Главлито (цензура) — “сплошная мистика” — подлинное выражение запретителя. На днях узнал, что при вторичном просмотре — разрешён”*

Это было одно из первых, но далеко не последнее препятствие на пути поэта к читателю в столице Советской России. В архивном фонде Государственного издательства РСФСР, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), нами обнаружено несколько отрицательных откликов на сборники стихов Ширяевца, предложенные им Госиздату (ниже цитируются без отсылки).

Два его сборника (“Красный звон” и “Ванька Ключник”) были отрецензированы в один и тот же день (8 мая 1923 г.) одним и тем же лицом, подписавшимся “В. Мужик” (кто скрывался за этим псевдонимом, не установлено).

По поводу первого из сборников рецензент, в частности, писал в духе тогдашних идеологических установок:

“...красного здесь ничего нет. <...> А есть неизжитые автором религиозные предрассудки и грубые суеверия. <...> “Зазвонили колокольни звоном

*McVay G. Ten Letters of A. V. Shiryaevevs (1923–1924) // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1988. Vol. XXI. P. 161 (письмо от 1 апреля 1923 г.).

красным”. Что значит? Неужели у нас сейчас колокольни звонят красным звоном? Конечно, нет. Ибо само слово “колокольня” белое.

Дальше: “Мать-земле поклонюсь, / Мать-земле помолюсь”. Теперь самый отсталый мужик перестал молиться земле, а вы, автор, еще молитесь.

<...> Кроме того, вся книжка неграмотна. “Гармония”. Гармошка или гармоника, что вам скажет каждый деревенский парень. И много других таких слов <...>

Книга “Красный звон” религиозна, суеверна, технически художественно слаба и совершенно без той идеологии, которой требует момент”.

Свой второй отклик (на сборник Ширяевца “Ванька Ключник” с подзаголовком “Песни. — Стихи”) рецензент начал так:

“В настоящее время все песни и стихи должны быть яркие. Никак не должны содержать в себе каких-либо предрассудков и всяких неясных сторон.

Песни и стихи Ширяевца от начала и до конца переполнены старыми традициями. <...> Даже имеются такие выражения: “Хороши сады-то Божьи”. Конечно, такая книжка ничего не даст нового. <...>

В этих стихах-песнях нет того, что бы воспитывало, учило, показывало и закаляло. Коль настоящая книжка не имеет этих элементов, то, конечно, она бесполезна для настоящего времени, для трудового крестьянства”.

И на той, и на другой рецензии стоят одинаковые резолюции разных редакторов: “Согласен. Считаю нужным вернуть”.

Не прошла редакционно-издательский барьер и третья рукопись Ширяевца — сборник стихотворений “Самогуды”. Но всё же один из сборников, предложенных Ширяевцем для издания, — “Раздолье” — получил-таки (хотя и с оговорками) положительную оценку рецензента. На этот раз им оказался известный прозаик (и одновременно штатный сотрудник Госиздата) Иван Касаткин, который дал во многом справедливую, хотя и несколько одностороннюю, характеристику творчества поэта:

“Среди народных поэтов всех оттенков Ширяевец стоит особняком. У него есть своё лицо. Вся его поэзия упирается в русскую народную песню и в ее корни. Ширяевец национален и народен. Это его недостаток и достоинство. Утверждается, что нельзя, немислимо подражать народному творчеству (песне, сказке, былине) — неминуемо впадешь в художественную ложь и в дешёвую подделку. Но, читая песни Ширяевца, этой лжи и подделки почти не чувствуешь. Он широк и певуч, как сама народная песня. Об одном жалеешь, что Ширяевец тянет эту народную песню уже года и года и никак не хочет подойти к ней с попыткой некоего преломления её в сторону инаких индивидуальных построений. Это у него есть лишь в стихах типа частушек. Словом, Ширяевец чрезмерно верен народной песне, слишком постоянен, неизменен и одинаков. Его книжку издать надо, так как до сих пор на рынке Ширяевца неприметно. Но, ввиду отяжеляющей одинаковости его мотивов, пожалуй, не мешало бы из представленного отобрать наилучшее, что должен сделать в своих интересах сам автор”.

Редакционно-издательская работа над “Раздольем” растянулась надолго, и книга вышла в свет только в феврале 1924 года, всего за три месяца до безвременной кончины автора.

Всё это время Ширяевец, живший исключительно литературным трудом, что называется, перебивался с хлеба на квас. И ему пришлось, “смирив себя”, пойти на регулярное сотрудничество с официальной печатью. В основном это были газеты (в частности, “Рабочая газета”) и тонкие еженедельники, двухнедельники и ежемесячники, которые тогда стали издаваться в Москве (“Работница”, “Крестьянка”, “Красноармеец”, “Новая деревня” и др.). В первый из них поэт отдает поэму “Работница”, во второй — стихотворение “Крестьянка”, в третий — стихотворение “Красноармеец”, и все эти сочинения печатаются. И все они по сути своей — не что иное, как вызванные нуждой “стихи на случай”, из тех, о которых некий одесский стихоплёт когда-то выразился так: “Вы просите песен? Их есть у меня!”

Однако в своем главном Ширяевец остаётся (как справедливо сказал о нём И. Касаткин) “постоянен и неизменен”.

В феврале 1924 г. он заканчивает поэму “Палач”, написанную в форме сказа, традиционного для русского фольклора. В основу ее динамично развивающегося сюжета положено событие из жизни Москвы XVI—XVII веков. В поэме нет конкретных исторических героев, но Ширяевцу мастерски удалось пе-

редать в ней дух русской старины, когда “не напрасно жили-своеволили”. Героиня поэмы – жена царского палача, который отрубил голову её любовнику, атаману разбойничьей ватаги, казвившей немало бояр, дьяков и купцов. После гибели возлюбленного жена бросает своего мужа-палача и становится предводителем ватаги, мстя за любимого.

Вызывает восхищение энергичная ритмическая инструментовка поэмы. Вот один из примеров:

*Заходили Русью слухи
Перемётчивые,
Из конца в конец метнутся, —
Послушайте-ка:*

*— Объявился-разгулялся атаман удал,
Беспорточникам — утеха, богачам — беда!*

*А еще беда спесивой знати показной,
Скольких в петлю проводили с песней озорной:*

*— Поболтайся, повиси,
Пузо-брюхо растряси!*

*Будет боровом гулять
Да поганить Землю-мать!*

Ширяевец успел не раз выступить с чтением “Палача” публично. Произведение пришлось слушателям по душе. Даже в скупой газетной информации прозвучала его положительная оценка: “Тов. Ширяевец прочитал поэму “Палач”, написанную старо-русским языком. <...> Поэма произвела хорошее впечатление” (“Известия ЦИК СССР и ВЦИК”, 1924, 12 февраля).

Это признание было очень значимым для поэта – не случайно в одном из своих последних писем он обронил: “Палача” многие хвалят”. По словам самого Ширяевца (в изложении С. Фомина), Сергей Есенин воспринял “Палача” как “большую, удачную вещь” (“Красная нива”, 1926, № 22, с. 21). Ныне не без оснований выдвигается предположение (А. Марченко), что именно эта ширяевецкая поэма (вкюпе с “Мужикословом”) подсказала Есенину как замысел его “Песни о великом походе”, так и характер воплощения этой “Песни...” в слове.

Ранняя смерть Ширяевца (он ушел из жизни 37-летним 15 мая 1924 г.) всколыхнула всю литературную общественность. Создаётся комиссия по литературному наследию поэта, куда входят его друзья-сопесенники Есенин, Клычков и Орешин, а также литературный критик В. Львов-Рогачевский, высоко ценивший творчество Ширяевца. Было объявлено о намерении издать полноценный посмертный сборник его произведений (он выйдет в Москве под названием “Волжские песни” в 1928 году).

К сожалению, с тех пор Ширяевец переиздавался очень редко и в основном у себя на родине – в Куйбышеве (еще в советские времена) и в Тольятти (б. Ставрополе-Самарском, уже в наши дни). Отдельного же столичного издания его творческого наследия любители русской поэзии так до сих пор и не дождались.

Между тем сам поэт был неколебимо уверен, что его время обязательно придёт. Еще из Туркестана он писал (10 февраля 1921 г.) в одном из писем:

“Рвуть на Русь, к Волге, живу, дышу только Песней! Пятнадцать лет как я оторван от Родины, но я Её не забыл, думаю, что и она обо мне когда-нибудь вспомнит”.

Память о поэте все эти годы была жива... Невозможно сомневаться, что она будет жить и дальше и обязательно найдёт своё воплощение в новых книгах Ширяевца – этого певца Родины-Руси – уже в наше время.

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ПОСТРОИТЬ СВОЙ КОРАБЛЬ

Держу перед собой новую книгу Юрию Леонова “На краю Мещёры”, которая даже своим названием притягивает. Ранее приходилось читать включённые в неё рассказы в периодике, в том числе и в “Нашем современнике”, но теперь, собранные вместе, они создали неожиданный объём, новую книгу.

Сорок лет Леонов создавал её, собирал по главам параллельно с другими своими работами с тех пор, как поселился на берегу Оки под Рязанью. На всё лето он отправлялся туда на жительство, ещё не понимая, что новое пристанище станет на долгие годы основным местом на Земле, где его душа найдёт необходимый писателю приют. Ибо она не может бесконечно перемещаться по неоглядным просторам Родины, как бы хороши и завораживающе прекрасны они ни были! А до этого, родившись в довоенном Свердловске, он вместе с отцом Николаем Семёновичем, специалистом-маслоделом, немало помотался по стране: Кавказ, Сибирь, Урал, Европейский Север. В Кирове, учась в школе, Юрий Леонов опубликовал в областной газете своё первое стихотворение, и вскоре вновь оказался в Свердловске. Здесь окончил Уральский госуниверситет и напечатал первый рассказ. После окончания университета романтика тех лет забросила его с дипломом журналиста на Сахалин, где в 1961 году вышел первый сборник рассказов с весьма удачным для этого острова названием: “Письма идут месяц”; правда, в нынешнее время правильнее бы название звучало, наверное, так: “Письма идут полгода”. Пока вышла книга, Леонов оказался в Москве на Высших сценарных курсах. Диплом об окончании их не давал никаких привилегий, так что пришлось сызнова искать нишу в жизни. В Ашхабаде пытался поднять профессиональный уровень туркменского кинематографа, в Амурске по комсомольской путёвке строил целлюлозно-картонный комбинат, в Хабаровске работал на Дальневосточной студии кинохроники, объехав всю восточную окраину России от бухты Лаврентия на Чукотке до китайской границы. Все эти мотания по стране не проходили даром, а помогали накопить жизненные впечатления.

После женитьбы Леонов переехал в Москву и стал работать в “толстом” журнале. В издательстве “Современник” в 1982 году вышла первая книга в столице “Люди как люди”, основу которой составила повесть “Нескладуха” о судьбе “маленького” человека, зажатого суровой жизненной необходимостью. В столице пора бы угомониться, но и в ней он не позволил себе домоседство. Очень скоро зачестил под Рязань, стал сезонным жителем, или, как говорят местные, дачником. Почему именно под Рязань? Да потому, что

оттуда родом жена с тещей и тесть оттуда же, который за рюмкой всякий раз басовито поддакивал жене, что, мол, таких привольных мест поискать да поискать. Все они перебрались в Москву в годы нэпа, и, видимо, со временем начала донимать ностальгия. Сошлись на том, что решили снимать в родном селе дачу на лето. Снарядили Юрия совместно с тещей на разведку в есенинские места, а когда они однажды по весне добрались до села Костино, то и вовсе удачно получилось: купили у дальней родственницы старый домишко. С него всё и началось.

Позже Леонов с сыном построил собственный дом, и быстро стал своим среди сельчан, хотя те и приглядывались поначалу к дачнику. Ведь люди судят о других людях по их делам, а они у него были таковы, что любое маломальски заметное событие в сельской жизни не оставалось без его внимания и участия. Сперва его не понимали: чего, мол, приезжий суётся не в свои дела, а потом привыкли к тому, что без Николаича не обходится ни одно маломальски заметное событие. Никто, конечно, не знал, что потом почти все они ложились на бумагу: ведь так устроен писатель — не может быть равнодушным, имея на всё свой взгляд, и не замалчивает его внутри себя. Как он сказал в недавнем интервью: "... Хочется высказаться в противовес той черноте, которую плодит не только телевидение, напомнить землякам, что есть среди нас ещё немало тех, кому не всё равно, куда мы идём, вернее, куда нас тащат..." И метафорично добавил: "Современный русский писатель в своём большинстве напоминает мне человека, который строит корабль в пустыне, в надежде, что сюда придёт большая вода... Сижу в своем загородном доме, куда судьба забросила сорок лет назад, — смолю последние швы в обшивке корабля. Могу лишь надеяться, что он во благо сослужит службу людям. Но поплывёт ли — бог весть. Однако работу не оставляю, как тысячи собратьев по перу — литературных корабелов. Целая армада, готовая послужить Отчизне, ждёт приливной волны. Где она, за каким горизонтом?"

И вот его новый "корабль" сошёл с писательских стапелей и отправился в рейс по России, разнося весть о костинских людях, в которых угадывается большинство россиян, узнаются их житейские истории.

Книга Юрия Леонова "На краю Мещёры" стала своеобразным признанием в любви к древнему, оваянному легендами краю, к чарующей многоцветными красками природе срединной России, к доброте ускользающих традиций прошлого, к несломленным испытаниями жителям рязанской окраины.

Многолик взгляд писателя на жизнь современного села. Не сложилась у него задумка дать новую жизнь запущенной усадьбе некогда прославленного "короля картошки" Н. Я. Никитинского — сгорел в процессе реставрации "барский дом". И хоть не виноват был писатель в такой потере, но появляется полная горечи глава-новелла "Покаяние". Многие из новелл рождены раздумьями о сельских неурядицах.

Галерея портретов сельских жителей выстроена разноплановая: от образов бесшабашного мастеровитого Серёги и дотошного библиотекаря Аллы Григорьевны Смагиной, каждый год "пишущей" историю села, собирая в альбомы газетные вырезки, до многомудрого сельского "философа" Андреева и непонятной для молодежи бабы Насти с её неистребимой потребностью найти рукам хоть какую-то работёнку.

По крупяцам собирая сведения по истории села, рассказал писатель и о странно звучащей в здешних местах "Киргизской дороге". Оказывается, жили здесь киргизские "гастарбайтеры", но не теперешние, а довоенные, строившие железнодорожную линию от станции Дивово через мещерские леса на Владимир. Строителей присылали отовсюду, в том числе и из Средней Азии. Каждый с лошадью, повозкой, семьей. Но отработали они только сезон. А потом пришел приказ законсервировать стройку. "Осталась на память о степняках мощённая щебнем дорога, — пишет автор. — Лет десять назад там, где упёрлась она в Оку, построили водонапорную станцию. И дорога из никуда превратилась в наезженный тракт, словно так и задумано было в тридцатые годы". И с красной строки делает вывод-пожелание: "Если бы все народы, покидая временную обитель, оставляли после себя такую добрую память!"

Лишь в конце книги писатель уходит от мирской суеты в целительный храм природы:

“...Денёк и в самом деле был как подарок. Дробились блики в золотистом, спадающем с дуба ковре дикого хмеля. На самой вершине цепенели, сгорая в закатных лучах, едва поредевшие листья. Ещё выше, кружась, ловили остатки солнечного света деревенские голуби. И перья облаков струились через весь небосвод пламенеющей рекой времени” (“Поздняя ежевика”).

Если бы автор не определял эти истории как реальные, то они вполне могли бы быть рассказами, но Леонову не нужна такая “обезличка”. Ему важно рассказать именно о своих, костинских, потому что нельзя о них говорить, как о придуманных писательской фантазией. О ком-то другом он может написать рассказ, но о людях, ставших земляками, — нет. Только голая правда! Но правда эта, ограниченная писательским мастерством, тем более завораживает, создавая у читателя ощущения сопричастности, ощущения соавторства, когда кажется, что это именно он, читатель, рассказывает всему миру о тамошних жителях. Во всём дотошный, въедливый, напоминающий внешностью мешёрского лесовика, Юрий Леонов по страницам, как по полочкам, раскладывает увиденную сельскую жизнь и находит в этом радость, будто заранее зная, что именно она и нужна такая: не броская, не плакатная, а живая, сразу узнаваемая, потому что редко кто даже из городских жителей не бывает в сельской местности, не прикасается к ней, хотя бы и на дачах. Только не каждый дачник, всё бросив, помчится в областной город, к редактору официальной газеты со статьёй, в которой доказывает необходимость сохранения больницы в соседнем селе Пощупове и недопустимости лишения здравницы целого околотка. Повлияла ли его просьба, понята ли была областными чиновниками — другой вопрос, но ведь слово-то было сказано! В этом и заключается суть неравнодушного человека, которого Господь наградил умением толково излагать мысль на бумаге, умением довести до соответствующих властных лиц заботы жителей отдельно взятого села, отдельного человека.

Чем же всё-таки притягивает проза Леонова? Задал сам себе этот вопрос, а ответ-то знаю заранее: душевностью, искренностью, да такой, что каждое слово в его простеньких на вид новеллах получается исповедальным, а все вместе они составляют роман-откровение. Часто вспоминается один из его прежних рассказов, не вошедших в эту книгу, но не оставивший равнодушным, ибо вполне мог быть одной из глав этого романа. Называется он “Глоток горькой воды”. Рассказ этот, похожий на воспоминание, таковым по сути и является, ибо он о раннем, военном детстве писателя, о той его странице, когда ему, мальчишке, пришлось испытать тяготы эвакуации... Из Баку пароход доставил группу эвакуированных на другой берег Каспия, в туркменский Красноводск, где прибывших людей оставили на произвол судьбы: практически без крова над головой, пищи. Единственное, чего хватало в Красноводске, это дешёвой вяленой рыбы. С каким удовольствием накинудись на неё беженцы и как же горько поплатились, забыв, что после солёной рыбы захочется пить. А вода в том городе под палящим солнцем — проблема из проблем. И это слабо сказано. Вот как поведал автор о тех ощущениях, запомнившихся ему на всю жизнь: “К концу первого часа блужданий по каменистым безлюдным улицам солнце стало нашим врагом. Зависнув почти в зените, оно слепило глаза, проникая до самого нутра, в котором, казалось, спеклись вместе все печёнки-селезёнки. Белёдые глинобитные дувалы дышали жаром, узкие бойницы окон, закрытые ставнями, шурились насторожённо и недоверчиво. И за всем этим плавались в мареве раскаленные громады скал”. Да, пить хотелось неимоверно. Родители просили воды в жилищах хотя бы для ребёнка, но везде им отказывали, и лишь одна местная женщина не пожалела стакан мутной и горькой от соли воды, оторвав её от десятка приёмных детей, чьи жаждущие рты ждали с нетерпением, когда она вернётся с дальнего источника. Он же, сделав глоток, поделился с родителями. И тот спасительный глоток Леонов запомнил на всю жизнь и не мог не написать рассказ-воспоминание о своём красноводском приключении, да с таким искренним проникновением в душу мальчишки военной поры, с таким теперешним трепетным отношением к обыкновенной воде, о ценности которой мы обычно не задумываемся, что впоследствии этот рассказ принёс её автору звание лауреата Международного литературного конкурса имени Андрея Платонова.

Юрий Леонов во всём такой: с виду незаметный, тихий, но если уж что-то задумает — его не остановить. И то, о чём он ещё недавно мечтал, срав-

нивая своё литературное дело со строящимся кораблём, когда спешил “засмолить” последние швы в корпусе и сам себе задавал вопрос: “Но поплывёт ли – Бог весть?!” в надежде, что он всё-таки поплывёт, послужит на благо людям, – сбылось! Если вспомнить российскую историю, именно в этих окских местах, в селе Дединове, был построен первый русский боевой фрегат с гордым названием “Орёл”. Именно он положил начало регулярному военноморскому флоту, надолго определив морскую роль России в истории не только Европы, но и всего мира. И именно из этой приокской провинции вышло множество прекрасных людей. Среди них и Юрий Леонов, которого теперь вполне можно причислить к рязанцам, встречающий ныне свой юбилей на капитанском мостике литературного корабля, построенного собственным радением и уверенно выведенного в плавание.

*Юрию Николаевичу Леонову исполняется 80 лет!
От всей души поздравляем нашего давнего автора,
в 80-е годы работавшего в “Нашем современнике”, с юбилеем!
Редакция*